

Министерство образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет

Е.В. ВОЛКОВ

**КОЛЧАКОВСКИЕ ОФИЦЕРЫ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Челябинск
Издательство ЮУрГУ
2001

ББК ТЗ(2)612–4

Е.В. Волков. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: Монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 336 с.

Монография посвящена одному из аспектов истории Белого движения в России. Автор на значительном фактическом материале предпринял попытку выявить источники комплектования, реконструировать систему подготовки кадров, определить характерные черты идеологии офицерского корпуса колчаковских армий, показать службу и деятельность командного состава на фронте, в тылу, а также материальное положение и быт офицерства.

Книга адресована научным работникам, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется отечественной историей.

Отпечатано с авторских оригиналов.

Табл. – 17, список лит. – 55 назв.

Одобрено советом факультета гуманитарного образования

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор А.П. Абрамовский
доктор исторических наук, профессор В.С. Кобзов

*Посвящаю моим близким,
ныне живущим и ушедшим.*

Белая борьба нуждается в летописи, а не в идеализации; в верном самопознании, а не в создании легенды; в удостоверении, а не в искажении.

(И.А.Ильин)

От автора

Выбор темы исторического исследования, как показывает практика, во многом определяется случаем. О себе такого сказать не могу. Вспоминая свои последние школьные годы, ловлю себя на мысли, что всегда мечтал стать профессиональным военным, этаким бравым офицером в позолоченных погонах с мужественным лицом и настоящим боевым опытом за плечами. Остались в памяти и слова со школьного стенда «Есть такая профессия — защищать Родину», и особый пиетет к офицерам — вчерашним выпускникам, заглядывавшим в школу к своим учителям. Но судьба распорядилась так, что вместо военного училища моей alma mater стал исторический факультет Челябинского государственного университета, о чем нисколько не жалею.

Проходя срочную службу в начале 80-х годов в Закавказье, где пришлось увидеть много хорошего и в то же время плохого в армейской жизни, я воочию мог наблюдать своих командиров. Светлый и мужественный образ советского офицера, о котором так много писала и говорила официальная пропаганда, как-то сразу поблек в моих глазах. Реальность оказалась совсем другой. Среди наших командиров были и «настоящие мужики», способные на самостоятельные реше-

ния, не боявшиеся взять на себя ответственность, готовые идти за своих солдат «и в огонь, и в воду», но встречались и просто карьеристы, лентяи, пьяницы, то есть люди, хотя и носившие офицерские погоны, но совершенно случайные в армии.

Образ офицера дореволюционной Русской армии начал приобретать тогда, в середине 80-х годов, в начавшуюся «осень советского тоталитаризма», даже более привлекательные черты, нежели командиров современной Советской Армии. Белое офицерство, сражавшееся против большевиков, к тому времени также было в некоторой степени «реабилитировано» художественными фильмами «Адьютант его превосходительства», «Дни Турбиных» и другими картинами. Белогвардейцы в офицерских погонах оставались врагами, но в большинстве своем искренне заблуждавшимися, не понявшими сути нового советского, «самого передового» строя.

С приходом гласности и массовым потоком публикаций о «белых пятнах» отечественной истории русских офицеров, а особенно тех, кто воевал за белое дело, возвели на пьедестал. Конечно, без мифотворчества здесь не обошлось. Героев и антигероев просто поменяли местами, следуя конъюнктуре времени. Однако история так не пишется, она не должна быть служанкой чьих-либо интересов — государственных, корпоративных, личных и т.д. Среди офицеров всегда, в любые времена, встречались люди, по-разному относившиеся к своей службе, к своему долгу независимо от того, какой власти они присягали.

Мой интерес к исследованию офицерского корпуса колчаковских войск, видимо, был обусловлен несколькими причинами. В начале 90-х годов, когда я приступил к изучению этой проблемы, опубликованных работ по истории белого движения в отечественной историографии насчитывалось буквально единицы, чего нельзя сказать о сегодняшнем дне. Во-вторых, проживая на Южном Урале, который стал в 1918–1919 годы одним из эпицентров Гражданской войны, зная местную географию, топонимику, этнические особенности населения, мне представлялось, что данное обстоятельство в какой-то степени

поможет «вжиться» в то время, прояснить некоторые непонятные на первый взгляд вещи. И, наконец, встреча с родственниками генерала Михаила Васильевича Ханжина, служившего в период Смуты у адмирала А.В.Колчака, рассеяла все сомнения и окончательно определила мой выбор. Эти старые, воспитанные в лучших дворянских традициях люди первые тридцать лет своей жизни провели в эмиграции, в Китае, и вернулись в 50-е годы в советскую страну уже зрелыми личностями, не забывшими ни родной язык, ни свою культуру. У них была возможность выехать из Китая, где к власти пришли коммунисты, и в Австралию, и в США, но они предпочли возвращение на родину. Сын генерала Юрий Михайлович Ханжин и его супруга Евгения Александровна, также дочь бывшего колчаковского офицера, любезно предоставили в мое распоряжение свой домашний архив, содержащий, главным образом, письма и фотографии, связанные с жизнью и деятельностью Михаила Васильевича. Никогда не забуду то погружение в мир прошлого, которое ощутил, рассматривая старые фотографии, читая письма, рукопись воспоминаний дочери генерала. Даже в государственных архивах, где в основном приходится иметь дело с официальными документами, такое испытываешь редко. Результатом этой встречи, после которой еще был проведен значительный исследовательский поиск, стала монография, посвященная жизни и деятельности М.В.Ханжина¹. Работая над книгой, я столкнулся с массой материалов о белых офицерах, сослуживцах генерала, мимо которых не мог пройти.

Дальнейшие обсуждения проблем и перспектив данной темы с коллегами из цеха историков подтолкнули меня к более целенаправленной и детальной ее разработке. Итогом моих изысканий и явилась эта книга. Значительную помощь в работе мне оказали А.П.Абрамовский, А.И.Конюченко, И.В.Нарский, (Челябинский государственный университет), В.С.Кобзов (Челябинский юридический институт МВД), С.И.Константинов (Екатеринбургский артиллерий-

---

¹ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В.Ханжина. – Екатеринбург, 1999.

ский институт), И.В.Сибиряков (Южно-Уральский государственный университет). Своими замечаниями и пожеланиями они способствовали пересмотру и корректировке некоторых аспектов работы, что сделало ее более объективной, с научной точки зрения. Особую благодарность стоит выразить супруге Светлане, которая всегда была рядом и поддерживала меня даже в самые критические моменты работы.

И последнее, о чем необходимо сказать. Конечно, мой труд не безупречен, он представляет собой лишь попытку реконструкции истории офицерского корпуса колчаковских войск. Если данная тема получит дальнейшее продолжение в работах других исследователей, я буду только рад этому, сознавая, что вызвал интерес к дальнейшему научному поиску.

Введение

В истории Российской цивилизации не раз наступали периоды, которые называли «смутными временами». Среди них выделяются и эпоха междоусобной борьбы за власть в течение нескольких десятилетий после расцвета Киевской Руси, и кризис Московского царства в начале XVII века, и Гражданская война, положившая начало советскому государству, и события первой половины 90-х годов XX века, от которых ведет свой отсчет современная Российская Федерация. После таких смутных времен, как правило, наступал новый этап в развитии нашей страны. Поэтому изучение переломных эпох видится очень важным для понимания исторического пути Российской цивилизации, ее особенностей, и прогнозирования будущего.

История Белого движения — это, прежде всего, история офицерского корпуса Русской армии, вступившего в борьбу с советской властью. Именно офицерство являлось тем ядром, вокруг которого спланивались все силы в лагере белых, а на противоположной стороне таким центром стала партия большевиков. Данная работа рассматривает офицерский корпус вооруженных сил адмирала А.В.Колчака, одного из основных отрядов Белого движения, действовавшего на востоке страны. Создание подобных исследований по командному составу других белых армий позволит реконструировать целостную картину по этой проблеме.

Для того, чтобы охарактеризовать офицерский корпус колчаковских войск, мы решили исследовать процесс его формирования, социальный, национальный состав, численность офицеров, их идеологию, деятельность на фронте и в тылу, материальное положение и особенности армейского быта.

Хронологические рамки книги охватывают период с 1918 по 1920 год. Именно тогда были сформированы и действовали на востоке страны значительные по своей численности белые армии.

Территориальные рамки исследования ограничены теми регионами, где установилась власть адмирала А.В.Колчака, то есть Урал, Сибирь и Дальний Восток, а также Приволжье, на небольшой период захваченное белыми в ходе их наступления. Эти районы страны включали тогда Пермскую, Вятскую, Самарскую, Симбирскую, Уфимскую, Оренбургскую, Тобольскую, Енисейскую, Томскую, Иркутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую, Якутскую, Сахалинскую губернии, а также Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Площадь этого значительного региона составляла 13 771 450 кв. верст¹, или 15 671 910 кв. километров. К 1914 году здесь проживало 34 368 800 человек². При этом необходимо учитывать, что такие губернии как Вятская, Самарская, Симбирская, только частично и непродолжительный период времени находились под властью Омского правительства.

Методологической основой исследования послужили теоретические взгляды на исторический процесс как многофакторное явление, который исключает его объяснение в рамках монокаузального подхода. И в этом смысле для исторической теории характерен методологический плюрализм. Подобные идеи разрабатывались в свое время как зарубежными, так и отечественными учеными. В книге предпринята попытка, с одной стороны рассмотреть деятельность людей в офицерских погонах, а с другой, проанализировать их взгляды, самосознание. Реконструируя прошлое, мы опирались на принципы дополнительности, диалектики, конкретно-исторического подхода к изучаемым явлениям. Первый из них допускает существование различных концепций, так или иначе отражающих различные стороны истории общества, их взаимную дополняемость. Второй принцип предполагает анализ явлений прошлого в их развитии, то есть в контексте их возникновения, становления, эволюции. Конкретно-исторический подход требует от исследователя максимального учета

¹ Большая энциклопедия. Под ред. С.Н.Южакова. – СПб., 1904. – Т.16. – Прилож. С.452–453.

² Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – С.18–22.

всех факторов общественной жизни, в той или иной степени повлиявших на изучаемый объект.

* * *

Обзор работ, в которых отражены различные аспекты темы нашей книги, предполагает рассмотрение четырех течений в историографии Белого движения в России: эмигрантского, советского, западного и постсоветского. Прежде эти направления были разделены на изолированные и конфронтрующие зоны, но сегодня можно говорить о единой историографии Белого движения³. На наш взгляд, необходимо первоначально рассмотреть особенности каждого из этих течений.

Первые работы российской эмиграции о Гражданской войне стали появляться практически в последние ее годы, когда она еще не закончилась. Основной чертой литературы русского зарубежья являлось то, что она, главным образом, создавалась непосредственными участниками событий. Труды, созданные по этой тематике в российской эмиграции можно подразделить на три категории: мемуарная литература, мемуарно-исследовательские работы и собственно исследования. С одной стороны, это имело положительный момент, так как авторы много видели, сами пережили и прочувствовали события той эпохи, могли их передать в своих сочинениях. Но в то же время в таких работах присутствовало много субъективных оценок и выводов. Кроме того, политизированность большинства работ эмигрантской историографии мешала авторам реконструировать реальную картину процессов, происходивших в годы Гражданской войны. По своим политическим взглядам и пристрастиям эмигрантские авторы, по существу, разделились на два течения. Первые в целом положительно оценивали деятельность правительств белых генералов, с их установкой на военную диктатуру и тактикой «непредрешенства». Другие сожа-

³ См. подроб.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М., 1998 ; Тормозов В.Т. Белое движение в Гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998) // Автореф. дисс. докт. ист. наук. – М., 1998.

всех факторов общественной жизни, в той или иной степени повлиявших на изучаемый объект.

* * *

Обзор работ, в которых отражены различные аспекты темы нашей книги, предполагает рассмотрение четырех течений в историографии Белого движения в России: эмигрантского, советского, западного и постсоветского. Прежде эти направления были разделены на изолированные и конфронтирующие зоны, но сегодня можно говорить о единой историографии Белого движения³. На наш взгляд, необходимо первоначально рассмотреть особенности каждого из этих течений.

Первые работы российской эмиграции о Гражданской войне стали появляться практически в последние ее годы, когда она еще не закончилась. Основной чертой литературы русского зарубежья являлось то, что она, главным образом, создавалась непосредственными участниками событий. Труды, созданные по этой тематике в российской эмиграции можно подразделить на три категории: мемуарная литература, мемуарно-исследовательские работы и собственно исследования. С одной стороны, это имело положительный момент, так как авторы много видели, сами пережили и прочувствовали события той эпохи, могли их передать в своих сочинениях. Но в то же время в таких работах присутствовало много субъективных оценок и выводов. Кроме того, политизированность большинства работ эмигрантской историографии мешала авторам реконструировать реальную картину процессов, происходивших в годы Гражданской войны. По своим политическим взглядам и пристрастиям эмигрантские авторы, по существу, разделились на два течения. Первые в целом положительно оценивали деятельность правительств белых генералов, с их установкой на военную диктатуру и тактикой «непредрешенства». Другие сожа-

³ См. подроб.: Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М., 1998 ; Тормозов В.Т. Белое движение в Гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998) // Автореф. дисс. докт. ист. наук. – М., 1998.

лели, что не был реализован вариант «демократической контрреволюции», и критически относились к военным антибольшевистским режимам, считая их реакционными.

Еще одной особенностью литературы русского зарубежья является присущий многим трудам описательный характер, без углубленного обобщения и анализа исторических фактов. Но все же эмигрантские авторы много сделали для реконструкции целостной картины создания, развития и гибели Белого движения, их подход к данной проблеме оказался более взвешенным и объективным, чем, скажем, в советской историографии.

В советской исторической науке Белое движение не стало самостоятельным объектом исследования в силу политической конъюнктуры. Схема, которой следовали советские авторы, писавшие о Гражданской войне, выглядела следующим образом:

- инициатор Гражданской войны — международный империализм, развязавший интервенцию против Советской республики и поддерживавший антибольшевистские правительства;
- белые режимы прошли эволюцию от мелкобуржуазной демократии к буржуазно-помещичьей контрреволюции под монархическими лозунгами;
- крах Белого движения наступил, так как трудящиеся массы не поддержали его.

Такой, заранее заданный монистический подход к событиям того времени, конечно, не способствовал их объективному освещению. Хотя советская историография насчитывает наибольшее количество работ по периоду Гражданской войны (свыше 15 тысяч), большинство их страдает односторонностью в раскрытии реалий тех лет. Наиболее полно исследовалась деятельность РКП(б), боевые действия Красной Армии, но не лагерь противников большевиков. И в то же время советскими историками был накоплен большой фактический материал.

Западная зарубежная историография долгое время имела совсем небольшое количество специальных работ по истории Белого

движения. Первые исследования по этому вопросу появляются в 30-е годы XX века. Вообще, западные историки значительный период времени (вплоть до 60-х годов) не уделяли должного внимания событиям Гражданской войны, так как не считали ее поворотным пунктом в истории России. Если рассматривался этот период, то, главным образом, изучались внешнеполитические аспекты Гражданской войны, интервенция, ее последствия. Ситуация стала меняться во второй половине XX века, когда вышло в свет немалое количество монографий, статей, диссертаций о белом движении в России. Преимущественно авторами таких исследований являлись американские, английские и немецкие историки. По данной проблеме в западной исторической науке образовалось, в сущности, два направления. Первое — консервативное, сторонники которого оправдывают интервенцию и считают белых участниками демократического и национального сопротивления. Представители другого течения, так называемые «объективисты», отмечают ряд крупных просчетов, допущенных руководителями Белого движения, подчеркивая, что победа большевиков во многом оказалась закономерной.

Среди зарубежных работ по истории Белого движения, имеющих обобщающий характер, можно назвать исследования американских историков Д.Стюарта, Д.Даси и последнюю монографию немецкого ученого Н.Катцера⁴. О контрреволюции на востоке России писали С.Берк, К.Смит (США), Н.Г.О.Перейра (Канада), Д. Смэл (Великобритания). Они рассматривали технологию колчаковского переворота, политику Омского правительства в различных областях, а также

---

⁴ Stewart G. The White Armies of Russia. — New York, 1933; Dacy D. The White Russian Movement: A Study of the Failure of Counter-Revolution, 1917–1920. — Ph.D. — Austin, 1972; Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland: Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. — Köln — Weimar — Wien, 1999.

феномен атамандины⁵. Отдельные аспекты истории Белого движения анализировались западными историками и в обобщающих работах о Гражданской войне в России⁶.

Если ранее зарубежная историография, опираясь на эмигрантские и советские источники, изучая антибольшевистский лагерь, главным образом, рассматривала факторы военно-политического, социально-экономического характера, то в настоящее время уделяется больше внимания истории повседневности, проблеме альтернатив в Гражданской войне. Западные исследователи пришли к выводу: опыт российской истории не доказывает обреченность контрреволюции, а тем более и контрреволюционных сил в любом другом месте⁷.

В современной российской историографии Белое движение стало самостоятельным объектом изучения. С начала 90-х годов XX века по этой тематике появилось значительное количество работ. С 1995 года регулярно проводится Всероссийская конференция в Кемерово, посвященная истории «Белой» Сибири⁸. Издаются научно-популярные альманахи и журналы, ориентированные на публикации по истории Белого движения⁹. Современное состояние исследований в данном направлении отличается плюрализмом методологических подходов.

Для темы нашей работы представляют интерес исследования, характеризующие офицерский корпус Русской армии до Граждан-

⁵ Berk S. The Coup d'Etat of Admiral Kolchak: The Counterrevolution in Siberia and Eastern Russia, 1917–1918. – Ph.D. – Columbia University, 1971; Smith C. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East, 1920–1922. – Seattle, 1975; Он же. The Ungernovschina: How and Why. // *IbfgO*. – 1980. – №28. – С.590–595; Он же. Atamanschina in the Russian Far East. // *RH*. – 1979. – №6. – С.57–67; Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. – М., 1996; Smele J. Civil War in Siberia. The AntiBolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918–1920. – Cambridge, 1996.

⁶ Chamberlin W. The Russian Revolution, 1917–1921. – Bd.12. – New York, 1935; Footman D. Civil War in Russia. – London, 1961; Mawdsley E. The Russian Civil War. – Boston, 1987; Lincoln W. Red Victory. A History of the Russian Civil War. – New York, 1989.

⁷ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Указ. соч. – С.139.

⁸ См. подроб.: История «Белой» Сибири. Тез. науч. конф. – Кемерово, 1995, 1997, 1999, 2001. – Вып. 14.

⁹ Русское прошлое. – Л – СПб., 1991–1996. – №17; Военная быль (Москва). – 1993–1998. – №110; Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). – 1994–2000. – №18; Белая гвардия (Москва). – 1997–2000. – №14.

ской войны. Известный советский историк П.А.Зайончковский в одной из монографий проанализировал состояние офицерского корпуса Русской армии на рубеже XIX–XX веков. Он показал процесс чинопроизводства офицеров, их количественный, национальный, сословный, возрастной состав, материальное и семейное положение, основы идеологии людей в офицерских погонах. При этом были отмечены тенденции роста бюрократии в военной среде и старения командного состава¹⁰.

В другой своей работе, где дана характеристика российского офицерства перед Первой мировой войной, П.А.Зайончковский на основе исследованных им формулярных списков и ряда других источников пришел к следующим выводам. Удельный вес дворян среди офицеров постепенно сокращался, уступая место выходцам из других слоев общества, прежде всего из лиц податных сословий. Наличие земельной собственности даже у генералитета и гвардейских офицеров было явлением не частым. За несколько лет после русско-японской войны наблюдались увеличение количества офицеров с высшим военным образованием, занимавших высокие посты, и некоторое омоложение командного состава. Однако эти положительные тенденции развивались медленно. Престиж профессии офицера в обществе тогда был невысок. На это, по мнению П.А.Зайончковского, влияли главным образом два обстоятельства. Во-первых, жалование офицеров значительно уступало материальному обеспечению гражданских чиновников соответствующего класса по «Табели о рангах». Во-вторых, военные не участвовали в управлении государством и были отстранены от власти¹¹.

Эмигрантский историк А.А.Керсновский в своем многотомном труде, посвященном истории Русской армии, также рассматривал состояние офицерского корпуса, уделяя большое внимание духовным факторам, влиявшим на его боеспособность. Он положительно оцени-

¹⁰ Зайончковский П.А. Самодержавие и Русская армия на рубеже XIX–XX столетий. – М., 1973. – С.168–248.

¹¹ Зайончковский П.А. Офицерский корпус Русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. – 1981. – № 4. – С.21–29.

вал преобразования в армии после неудачной русско-японской войны, отводя главную роль в их осуществлении молодым офицерам, которые, в отличие от большинства старших начальников, не упали духом. «В 1905 году гимназии и университеты были очагами революции, — писал А.А.Керсновский, — в 1917 году стали очагами контрреволюции. За этот промежуток они дали армии много тысяч доблестных офицеров»¹². Однако, русское офицерство, по его мнению, не составляло сплоченной касты, в отличие, скажем, от командного состава германских войск. Главную причину этого А.А.Керсновский видел в разнородной подготовке офицерского корпуса. Первая мировая война качественно изменила состав командиров, что способствовало расколу между офицерами и нижними чинами. Причем кадровое офицерство сохранило доверие солдат, но большая часть тех, кто получил офицерские погоны в военное время, не сумели «надлежащим образом себя поставить» и потеряли всякий авторитет в глазах подчиненных¹³.

Другой эмигрантский автор, один из лидеров Белого движения на юге России генерал А.И.Деникин в своих мемуарно-исследовательских работах дал характеристику командному составу армии в дореволюционный период и во время российской Смуты, подчеркивая его патриотизм в борьбе за Отечество. При этом он отмечал непродуманную политику как старой, так и новой власти по отношению к офицерству¹⁴.

Современный исследователь С.В.Волков предпринял попытку показать историю русского офицерского корпуса со времени создания регулярной армии Петром Первым до Февральской революции. Он рассмотрел такие вопросы, как статус офицера в российском обществе в различные периоды, система чиновпроизводства, подготовка командных кадров, прохождение службы, социальный облик, благосостояние и быт, идеология и мораль командного состава Русской ар-

¹² Керсновский А.А. История Русской армии. — М., 1994. — Т.3. — С.150, 152.

¹³ Керсновский А.А. История Русской армии. — М., 1994. — Т.4. — С.252–253.

¹⁴ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. — Париж-Берлин, 1921–1926. — Т.1–5; Он же. Путь русского офицера. — Нью-Йорк, 1953. — С.278, 279.

мии¹⁵. В целом, на наш взгляд, автору удалось справиться с поставленной задачей.

Численность и состав офицерского корпуса накануне Гражданской войны исследовались в работах В.В.Чернавина, А.А.Буравченкова, Л.Г.Бескровного, которые сделали вывод о значительном количественном увеличении и качественных изменениях в среде командного состава¹⁶.

Роль офицерства в формировании и развитии Белого движения рассматривалась в ряде работ отечественных и эмигрантских авторов. Так, П.Н.Милоков утверждал, что Белое движение вышло непосредственно из рядов армии, где главную роль играли офицеры. Одну из причин его поражения известный историк и политик видел в усилении реакционных элементов в руководстве антибольшевистских сил¹⁷. Другой эмигрантский автор Н.Н.Львов считал, что Белое движение возникло как борьба за армию и оформилось в Быховской тюрьме в окружении генерала Л.Г.Корнилова. Главную причину гибели этого течения он, в отличие от П.Н.Милокова, связывал с отсутствием настоящей диктатуры в лагере противников советской власти¹⁸. Военный теоретик, эмигрант, генерал Н.Н.Головин в своем капитальном труде о российской контрреволюции отмечал, что установление власти А.В.Колчака на востоке страны означало окончательную победу здесь белого течения и превращения Восточного фронта в белый фронт. Это предполагало передачу в руки офицеров всех вопросов управления, не только военных, но и государственных, от успешного решения которых зависело пополнение армий гражданским населением¹⁹. Участие монархически настроенных офицеров в государственном перевороте 18 ноября 1918 года, их политические

¹⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М., 1993.

¹⁶ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе старорусской армии к концу ее существования. // Военный сборник. (Белград).—1924. — №5; Буравченков А.А. Офицерский корпус Русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция. XX век. — М., 1985; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. — М., 1986.

¹⁷ Милоков П.Н. Россия на переломе. — Париж, 1927. — Т.2. — С.36.

¹⁸ Львов Н.Н. Белое движение. — Белград, 1924. — С.510.

¹⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. — Паоло-Альто, 1937. — Ч.4. Кн.9. — С.95.

взгляды рассмотрены в монографии Г.З.Иоффе, посвященной внутренней и внешней политике Верховного правителя и его Совета министров²⁰. Современный исследователь В.Ж.Цветков, анализируя состав белых армий в период их возникновения, пришел к выводу, что их ядром в Сибири стали подпольные офицерские организации Томска, Омска, Иркутска, Красноярска, Владивостока²¹.

Мотивы участников Белого движения, толкнувшие их на борьбу с большевизмом, также стали предметом анализа для отдельных современных историков. В своей небольшой работе о российской интеллигенции в переломную эпоху революционных перемен С.В.Волков отмечает, что абсолютное большинство сознательных и добровольных сторонников белого дела составили люди, лично никак не связанные с интересами собственнических отношений²². Практически то же самое утверждает В.Г.Медведев в своей диссертации о Белом движении в Среднем Поволжье²³.

Численность офицерского корпуса, воевавшего против Красной Армии, анализировалась в трудах А.А.Зайцова, Г.Х.Эйхе, А.Г.Кавтарадзе, С.В.Волкова, которые пришли к выводу, что большинство командного состава дореволюционной Русской армии оказалось в рядах противников советской власти²⁴. При этом Г.Х.Эйхе считал: в войсках А.В.Колчака числилось около 17 тысяч офицеров, кадровые (производства до 1915 года) составляли менее 1 тысячи, остальные — офицеры военного времени. Дивизиями и корпусами не командовал ни один из генералов старой армии, за исключением

²⁰ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. — М., 1983. — С.122–171

²¹ Цветков В.Ж. Белое движение в России. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2000. — № 7. С.58.

²² Волков С.В. На углях великого пожара. — М., 1990. — С.56.

²³ Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918–1919 гг. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Самара, 1995.

²⁴ Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. — Париж, 1934; Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. — М., 1966; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. — М., 1988; Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус Русской армии: опыт самопознания. Российский военный сборник. — М., 2000. — Вып.17.

М.К.Дитерихса и М.В.Ханжина²⁵. Армейская документация белых того периода противоречит данному утверждению.

И.И.Лившиц полагает, что в Красной Армии служило кадровых офицеров в два раза больше, чем в лагере ее противников. Этим, по его мнению, и объясняются крупные военные успехи большевиков в период Гражданской войны²⁶. Однако с таким утверждением, не подкрепленным документально, трудно согласиться.

По вопросу о социальном составе белых офицеров советская историография, опираясь на марксистскую теорию классовой борьбы, утверждала, что значительная их часть являлась выходцами из привилегированных слоев общества, защищавшими интересы помещиков и буржуазии. Они формировали свои армии по классовому признаку, не призывая в них, прежде всего, рабочих²⁷. Однако документы того времени не подтверждают данный тезис. К началу Гражданской войны офицерство представляло собой пестрый социальный конгломерат представителей из различных слоев населения, преимущественно из мещан, дворянства, казачества, крестьянства. Так, по подсчетам А.Г.Кавтарадзе, который анализировал послужные списки офицеров, участников 1-го Кубанского похода, из 2350 лиц командного состава потомственных дворян было 21 %, выходцев из семей офицеров невысокого звания и личных дворян — 39 %, остальные происходили из мещан, крестьян, казаков²⁸. В Русской армии А.В.Колчака служили и представители пролетариата, даже имелись отдельные соединения, сформированные исключительно из рабочих Урала, которые считались наиболее боеспособными.

Подготовка командных кадров для колчаковских войск стала предметом рассмотрения в очерке А.Еленевского, где показана деятельность военных училищ и учебно-инструкторских школ²⁹. Однако

²⁵ Эйхо Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. — М., 1960. — С.291.

²⁶ Лившиц И.И. О роли кадровых офицеров в Гражданской войне // Вопросы истории. — 1993. — № 6. — С.189.

²⁷ Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. — М., 1968. — С.288.

²⁸ Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. — С.35, 37, 227–330.

²⁹ Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль (Париж). — 1963–1964. — №61–65.

линия развития военного образования не получила в нем полного освещения.

Отношение российской интеллигенции к белому движению исследовал С.А. Федюкин. Он пришел к выводу, что одной из причин поражения антибольшевистских сил стала пассивность широких слоев интеллигенции, не поддержавших белые режимы³⁰.

Попытки анализа особенностей идеологии белого офицерства предпринимались как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Впервые, пожалуй, этот вопрос, уже будучи в эмиграции, поднял русский мыслитель И.А.Ильин, подчеркивая духовный и патристический характер «белой идеи»³¹. Он был в центре внимания и отдельных западных исследователей. Так, например, П.Кенез в одной из своих работ заметил, что разрыв между мнением образованной общественности и мышлением офицеров был в Российской империи гораздо большим, чем в других европейских странах. По мнению этого американского историка, основу взглядов белого офицерства составляли национализм, антисемитизм, неприятие либеральных и социалистических идей³². С данным утверждением, на наш взгляд, трудно согласиться.

Среди отечественных ученых, изучавших эту проблему, необходимо отметить В.Д.Зимину, которая подчеркивала двойственный характер официальной идеологии Белого движения, как набора либеральных и консервативных лозунгов, в чем и проявилась ее слабость³³. Противоположный тезис отстаивают в совместной работе В.В.Рыбников и В.П.Слободин, утверждающие, что белые имели вполне положительную идеологию, которая позволила поднять массы

³⁰ Федюкин С.А. Интеллигенция и Белое движение // Советская культура: 70 лет развития. – М., 1987.

³¹ Ильин И.А. Белая идея // Белое дело. – Берлин, 1926. Т. 1. Он же. О сопротивлении злу силою // Соч. в двух томах. – М., 1993. – Т. 1.

³² Кенез П. Идеология Белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. – М., 1994. – С. 97–99.

³³ Зимина В.Д. Белое движение времен Гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). – 1996. – № 1; Она же. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. – Волгоград, 1997. – С. 191–272.

населения на борьбу с советской властью³⁴. С.В.Устинкин в своей монографии по истории Белого движения попытался проанализировать этику и психологию офицеров, сражавшихся с Красной Армией. На его взгляд, истоки нравственного кодекса офицерства надо вести от рыцарства с его культом верности присяге. Он также подчеркивал изначальную раздвоенность моральных представлений офицеров. В данной работе содержится и характеристика пропагандистской работы в белых армиях, методов ее проведения³⁵.

Представляют интерес в данном аспекте работы И.В.Михайлова и А.С.Кручинина, рассматривающие основные черты самосознания белого офицерства, его идеалы и как они отражались в их повседневной деятельности³⁶.

Значительную часть командного состава колчаковских войск представляли офицеры различных казачьих войск, и прежде всего Оренбургского, Уральского, Сибирского и Забайкальского. Поэтому анализ роли и позиции казачества в антибольшевистском лагере очень важен для характеристики офицерского корпуса. Этот вопрос нашел отражение в трудах эмигрантских, отечественных и отдельных западных авторов³⁷.

³⁴ Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. – М., 1993. – С. 82.

³⁵ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. – Н.Новгород, 1995. – С. 208–250, 352.

³⁶ Михайлов И.В. Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997; Кручинин А.С. Генерал А.Я. Слащев–Крымский и самосознание добровольческого офицерства // Белое движение на юге России: неизвестные страницы и новые оценки. – М., 1997.

³⁷ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. – Шанхай, 1937; Он же. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. – Берлин, 1927. – Т. 2; Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. – Харбин, 1937; Масянов Л. Гибель Уральского казачьего войска. – НьюЙорк, 1963; Попов Ф. Дутовщина. – Куйбышев, 1937; Лисовский Н.К. Разгром Дутовщины на Южном Урале 1917–1919. – М., 1964; Машин М.Д. Оренбургское и Уральское казачество в годы Гражданской войны. – Саратов, 1984; Ермолин А.П. Революция и казачество. – М., 1982; Футорнянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. – Оренбург, 1998; Чирухин Н.А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале. 1917/1918. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1992; Мамонов В.Ф. Гибель русской Вандеи: казачество востока России в революции и Гражданской войне. – Челябинск–Екатеринбург, 1994; Войнов В.М. Оренбургское казачье войско в революции и Гражданской войне // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. – Челябинск, 1994; Шудяков В.А. Социально-политические процессы в Сибирском казачьем войске, 1917–1918 // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Томск, 1994; История казачества Азиатской России. – Екатеринбург, 1995. – Т. 3;

Значительное количество работ по данному вопросу опубликовано об Оренбургском казачьем войске. Историк В.С.Кобзов предпринял попытку исследовать историю развития офицерского корпуса Оренбургского казачьего войска с конца XVIII до начала XX века. В центре его внимания находился процесс складывания иерархической лестницы чинов в казачьих войсках, их эволюция, а также условия формирования командного состава воинских частей оренбургского казачества. Был сделан вывод о том, что за годы Первой мировой войны офицерский корпус Оренбургского казачьего войска понес значительные потери и стал во многом пополняться за счет выпускников ускоренных курсов школы прапорщиков, подавляющее большинство которых после октября 1917 года выступили против новой большевистской власти³⁸.

Состояние офицерского корпуса Оренбургского казачьего войска в первые месяцы Гражданской войны исследовал В.М.Войнов. Он подчеркивал тот факт, что монархические настроения не пользовались особой популярностью среди казачьих офицеров. В то же время, именно они стали инициаторами борьбы с советской властью, считая ее противозаконной. При этом автор отмечает неустойчивость офицерства в первых боях с отрядами красной гвардии³⁹.

И.Ф.Плотников предпринял попытку рассмотреть характер взаимоотношений между атаманом оренбургского казачества и адмиралом А.В.Колчаком, используя сохранившиеся письма А.И.Дутова к Верховному правителю, датированные февралем, мартом, апрелем и октябрем 1919 года. Он сделал вывод о взаимной личной симпатии, сходстве целей и тесном сотрудничестве адресатов,

---

Katzer N. Die weisse Bewegung in Russland. – Köln-Weimar-Wein, 1999. – S.257–274; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск, 1999 и др.

³⁸ Кобзов В.С. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. – Челябинск, 1994. – С.533.

³⁹ Войнов В.М. Судьба офицерского корпуса в решениях 2-го чрезвычайного Круга Оренбургского казачьего войска (январь–февраль 1918г.) // И.И.Неплюев и Южно-Уральский край. Мат. науч. конф. – Челябинск, 1993. – С.114–117.

что явилось одной из причин стабилизации и временных успехов Белого движения на востоке страны⁴⁰.

Боевые действия, в которых принимали непосредственное участие колчаковские офицеры, достаточно полно отражены в советской отечественной историографии⁴¹. Однако общим недостатком работ является взгляд на военные операции лишь с одной стороны, с точки зрения победителей. Поэтому многие важные аспекты стратегии и тактики белых остались в тени. Исключением в этом плане, пожалуй, является работа Г.Х.Эйхе об Уфимской наступательной операции колчаковцев, созданная, главным образом, на основе архивных материалов. Но в своих выводах автор, соблюдая установившуюся в советской историографии традицию, главную роль в разгроме белых войск отводит РКП(б) во главе с В.И.Лениным⁴². Сравнительно недавно стали публиковаться исследования, посвященные истории отдельных белых армий на востоке страны, в которых имеется характеристика их командного состава⁴³.

Наиболее близкой к теме нашего исследования является статья В.М.Войнова об офицерском корпусе белых армий на востоке страны. Он рассмотрел численность командного состава, политические взгляды его представителей, причины падения боеспособности антибольшевистских сил⁴⁴. Однако многие вопросы, поставленные В.М.Войновым, находились лишь в стадии начальной разработки и требовали своего дальнейшего изучения.

⁴⁰ Плотноков И.Ф. К характеру взаимоотношений атамана А.И.Дутова и Верховного правителя России А.В.Колчака // И.И.Неплюев и Южно-Уральский край. Мат. науч. конф. – Челябинск, 1993. – С.58.

⁴¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990. Т.12; Гражданская война, 1918–1921. – М., 1928–1930. – Т.23; Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. – М., 1939; Санчук П. Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. – 1930. – № 11; Шведов И.С. Разгром 5й армии // Сб. тр. военно-научного общества при Военной Академии. – М., 1922. Кн.3; Смирнов А. Златоустовская операция // Война и революция. – 1933. – № 6; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. – М., 1957 и др.

⁴² Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. – М., 1960.

⁴³ Дерябин А. Большие армии в Гражданской войне в России. – М., 1994; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства // Сибирь в период Гражданской войны. – Кемерово, 1995.

⁴⁴ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны // Отечественная история. – 1994. – № 6.

Особо стоит сказать о монографии С.И.Константинова, представляющей собой первое комплексное исследование вооруженных формирований антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в период Гражданской войны. В ней рассматриваются и отдельные аспекты темы нашей диссертации. Автор анализирует подготовку командных кадров для войск А.В.Колчака, чинопроизводство офицерского корпуса и его роль в строительстве вооруженных сил. Говоря о причинах военных неудач белых, автор отмечает недостаток командного состава в колчаковских армиях, его низкий профессиональный уровень и отсутствие боевого опыта у молодых офицеров, которым нередко приходилось занимать высокие посты. Антагонизм кадровых офицеров и офицеров военного времени, их различные политические взгляды, идеалы, а также отсутствие доверия и понимания между командными кадрами и солдатами — все эти факторы влияли на боеспособность войск⁴⁵. Однако широта поставленных задач не позволила С.И.Константинову рассмотреть многие аспекты истории создания и развития офицерского корпуса вооруженных сил А.В.Колчака.

В последнее время появился ряд биографических работ о колчаковских офицерах⁴⁶. Но не всем авторам, пишущим в жанре исторической биографии, удалось удержаться в границах объективности⁴⁷. В ряде исследований такого плана участники Белого движения рисуются аскетическими «героями без страха и упрека», что искажает реальное представление о них как о людях, со своими страстями, пережи-

⁴⁵ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. — Екатеринбург, 1997. — С.176–193.

⁴⁶ Войнов В.М. Генерал Капель // Волга (Саратов).—1991. — №4; Заика Л.М.Бобринев В.А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. —1990. — №10; 1991. — №3; Апрельков А.В., Попов Л.А. Казачий генерал А.В.Зуев: из истории Ледового похода Сибирской белой армии // Вестник Челябинского университета. — Серия I. История. — 1994. — № 1; Худобородов А.Л. Иван Григорьевич Акулинин в эмиграции // Двенадцатые Бирюковские чтения. Тез. науч. конф. — Челябинск, 1996; Баканов В.П. Горькое золото погон. — Магнитогорск, 1997; Шульдяков В.А. Вожди белоказаков Сибирского войска // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). — 1999. — № 6; Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В.Ханжина. — Екатеринбург, 1999 и др.

⁴⁷ Войнов В.М. Жизнь и смерть атамана Дутова // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 1993. — №3; Апрельков А.В., Попов Л.А. Судьба казачьего полковника Г.В.Енборисова // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь. — Челябинск, 1997.

ваниями, недостатками. Подобная тенденция в отечественной историографии, прежде всего, связана с тем, что многие годы в нашей стране, в силу политической конъюнктуры, герои Гражданской войны олицетворялись лишь с борцами за советскую власть, а материалы о судьбах участников Белого движения находились под строжайшим запретом.

Наибольший интерес у исследователей вызвала личность адмирала А.В.Колчака. Одна из первых научных работ об этом человеке вышла в Белграде из-под пера русского эмигрантского историка С.П.Мельгунова. Книга подчеркивала мужество и в то же время трагизм деятельности А.В.Колчака в условиях Гражданской войны. Автор указывал на слабость колчаковской диктатуры, являвшейся таковой лишь по названию⁴⁸. Через довольно большой период времени выходит монография П.Флеминга в Великобритании, в которой утверждалось, что Верховный правитель был не тираном и жестоким диктатором, каким его рисовала советская историография, а патриотом и человеком высоких идеалов⁴⁹. Интерес к этому историческому персонажу не ослабевает до сих пор, о чем свидетельствует значительное количество публикаций и работ⁵⁰.

Позитивным явлением в отечественной историографии Белого движения можно считать выход в свет нескольких биографических справочников⁵¹. Однако отдельные из них содержат много неточностей и ошибок. Вызывает, например, недоумение, когда в одном из таких изданий к деятелям Белого движения отнесены лидер левых эсеров М.А.Спиридонова, патриарх Тихон, вожди басмачей, военные

⁴⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. – Белград, 1930–1931. – Ч.13. Т.12.

⁴⁹ Fleming P. The Fate of Admiral Kolchak. – London, 1963.

⁵⁰ Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. – 1991. – №1; Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб., 1993; Плотиников И.Ф. А.В.Колчак. Жизнь и деятельность. – Ростов н/Д, 1998; Трухан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. – 1999. – № 6; Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. – М., 2000. – Кн.12. и др.

⁵¹ История Белой Сибири в лицах. – СПб., 1996; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. – М., 1997; Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции. Энци. справочник. – СПб., 1998; Он же. Бела гвардия. Энци. справочник. – СПб., 1999.

руководители сил интервентов, а также ряд других лиц, которых трудно причислить к сторонникам белого дела⁵².

Таким образом, обзор литературы по истории Белого движения на востоке страны свидетельствует о недостаточной изученности офицерского корпуса вооруженных сил адмирала А.В.Колчака, отсутствии комплексного исследования по этой проблеме.

* * *

В работе для раскрытия темы нашего исследования использовано большое количество источников, разнообразных по содержанию. Наиболее значительную их часть составляют материалы 32 фондов четырех архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) и Объединенного архива Челябинской области (ОГАЧО). Наиболее высокий информационный потенциал оказался у фондов Штаба Верховного Главнокомандующего колчаковских армий, Военного министерства Омского правительства, Управлений Западной (3-й) и Отдельной Оренбургской армий, Иркутского военного училища (Ф.39499, Ф.39597, Ф.39624, Ф.39625, Ф.40128 в РГВА), у коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов (Ф.5881 в ГА РФ), а также Штаба Оренбургского военного округа (Ф.1912 в ГАОО). Зачастую многие источники тесно связаны между собой. Тем не менее, их можно разделить на несколько групп.

Прежде всего, это законодательные акты. К ним относятся указы и законы царского правительства в военной области, на которые ориентировалось в своей деятельности командование белых войск, воинские уставы и штаты, правила чиновпроизводства и награждения, а также постановления колчаковского Совета министров и Совета Народных комиссаров, решения ЦК РКП(б) и ряда других партий

---

⁵² Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции. Энци. справочник. – СПб., 1998.

России того периода.⁵³ Подобные материалы следует рассматривать как отражение политики тех или иных сил, противостоящих друг другу в Гражданской войне. Необходимо отметить, что не всегда подобные документы, под влиянием политической конъюнктуры, реально отражали действительность.

Вторая группа материалов представляет собой отчетную документацию делопроизводственного комплекса источников. Среди них выделяются приказы по армиям, служебные записки и рапорты, оперативная фронтовая переписка между штабами и соединениями, частями; протоколы, списки, анкеты и т.д. Они дают информацию о службе офицеров, об армейских проблемах военного и бытового плана, о состоянии войск, тыловых структур. По отдельным документам можно выявить стратегические планы колчаковских генералов.

К другого рода источникам этой группы материалов примыкают послужные списки офицеров, аттестации, краткие записки о службе, а также списки генералов, полковников, подполковников по старшинству, опубликованные накануне Первой мировой войны⁵⁴. Представляют интерес документы об офицерах, окончивших академию Генерального штаба⁵⁵. Достаточно информативны и анкеты юнкеров военных училищ, готовивших командные кадры для колчаковских войск⁵⁶. Эти материалы позволяют определить количество, возраст, вероисповедание, социальное происхождение, семейное положение, образование, служебную карьеру генералов и штаб-офицеров

⁵³ Свод военных постановлений 1869 г. с изменениями по 5 января 1916 г. – Пг., 1916. – Кн. 7; Положение о полковом управлении войск в военное время. – СПб., 1914; Важнейшие законы и распоряжения военного времени. – Пг., 1915. – Т. 1; Устав внутренней службы, утвержденный 23 марта 1910 г. с изменениями по 1 марта 1916 г. – Пг., 1916; Устав гарнизонной службы, утвержденный 16 мая 1900 г. с изменениями по 15 апреля 1916 г. – Пг., 1916; Устав дисциплинарный, с изменениями по 1 октября 1917 г.; ГА РФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 69; Оп. 6, Д. 154; Оп. 14, Д. 115; Государственный паспорт адмирала Колчака 18 ноября 1918 г. Сб. док. – Париж, 1919; Последние дни колчаковщины. Сб. док. – М.–Л., 1929 и др.

⁵⁴ Список подполковникам по старшинству, составлен по 15 мая 1913 г. – СПб., 1913. – Ч. 1–3; Список полковникам по старшинству на 1 марта 1914 г. – СПб., 1914. – Т. 1–2; Список генералам по старшинству, составлен по 15 апреля 1914 г. – Пг., 1914 и др.

⁵⁵ Список Генерального штаба. Исправлено по 3 января 1917 г. – Пг., 1917.

⁵⁶ РГВА. Ф. 40128. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–167.

Русской армии, многие из которых впоследствии оказались в лагере белых.

Не менее значимы и протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В.Колчака, где содержатся его личные оценки событий Гражданской войны, их участников⁵⁷. Видимо, сознавая неизбежность скорой казни, бывший Верховный правитель, отвечая на вопросы следственной комиссии, пытался объективно оценить свои взгляды и действия в условиях российской Смуты. О позиции казачества в период Гражданской войны можно, в какой-то степени, судить, проанализировав протоколы заседаний войсковых Кругов, их решения⁵⁸.

Следующий вид используемых нами материалов включает периодическую печать тех лет, а также пропагандистскую литературу (листовки и брошюры). Газеты, выходившие на территории, подконтрольной Омскому правительству, можно разделить на военные и общественно-политические. Первые существовали в условиях более жесткой цензуры⁵⁹. Вторые имели как проправительственную, так и оппозиционную ориентацию⁶⁰. Подобные источники содержат приказы по армиям, статьи агитационного характера, сводки с фронта. В них можно почерпнуть факты о служебной карьере отдельных офицеров, составить представление об официальном «образе врага», об особенностях идеологии Белого движения, выяснить проблемы и основные черты армейского быта.

Другой тип источников – это материалы личного происхождения, то есть воспоминания участников Гражданской войны, преимуще-

⁵⁷ Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака // Арестант пятой камеры. – М., 1990.

⁵⁸ Протоколы заседаний 3-го очередного войскового Круга области войска Оренбургского. – Троицк, 1919.

⁵⁹ Русская армия (Омск). – 1919. – февраль–сентябрь; Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего (Омск). – 1919. – июнь–сентябрь; Сибирский стрелок (изд. штаба Западной армии). – 1919. – январь–июнь; Каппелевцы (Омск). – 1919. – 12 окт. и др.

⁶⁰ Правительственный вестник (Омск). – 1919. – февраль–ноябрь; Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – май; Русский Восток (Чита). 1919. – март и др.

щественно колчаковских офицеров, а также письма частных лиц⁶¹. Они, как правило, отличаются эмоциональными, субъективными оценками тех или иных явлений. Поэтому требуют более критического подхода, по сравнению с иными видами источников. Например, так часто используемый исследователями Белого движения дневник барона генерала А.П.Будберга отличается иронией и скептицизмом в отношении действительности⁶². Хотя в дневнике дано много оценок внутренним проблемам антибольшевистского лагеря, не со всеми из них можно согласиться. Достаточно информативны мемуары генералов К.В.Сахарова и П.П.Петрова, которые рисуют широкую картину Гражданской войны на востоке страны, действия антибольшевистских сил⁶³. Однако и здесь, особенно в воспоминаниях К.В.Сахарова, мы видим порой эмоциональные суждения по тому или иному вопросу, совершенно далекие от объективности. Примером создания автором из своей личности идеального образа героя белого дела могут служить воспоминания казачьего офицера Г.В.Енборисова⁶⁴. Мемуары Р.Гайды, чеха, занимавшего высокие посты в армии А.В.Колчака, также содержат ряд явно субъективных оценок и ошибок фактического характера. Хотя в отдельных случаях автору нельзя отказать в проницательности. На его взгляд, главной причиной военных поражений колчаковцев явилось неэффективное руководство армиями Ставкой

⁶¹Болдырев В.Г. Директория. Интервенты. Колчак. – Новоиколаевск, 1925; Перхуров А.П. Исповедь приговоренного. – Рыбинск, 1990; Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. – Донденонг, 1988; Кислицын В.А. В огне Гражданской войны: Мемуары. – Харбин, 1936; Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. – Б.м., 1938; Дневник П.В.Вологодского // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. – М., 1997; Голпер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига, 1920; Молчанов В.М. Борьба на востоке России и в Сибири // Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №17, 18, 19, 20; Щепишин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8; Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.8; Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Т.2; Письма Н.А.Петрова матери А.Н.Петровой (лето 1918г.–осень 1920г.) // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург). – 1997. – № 3 и др.

⁶² Будберг А. Дневник // Архив русской революции. – М., 1992. – Кн.7. Т.13–14; Кн.8. Т.15.

⁶³ Сахаров В.К. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. – Рига, 1930.

⁶⁴ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. – Шанхай, 1932.

Верховного Главнокомандующего, где было мало опытных офицеров⁶⁵.

Значительное количество воспоминаний участников Белого движения представляют собой рукописи, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. В свое время они были собраны сотрудниками Русского заграничного исторического архива в Праге, а затем, в 1946 году, их передали в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне ГА РФ). Это уникальный массив информации по истории Белого движения и российской эмиграции, который еще ждет своих исследователей и издателей.

Для темы нашей диссертации представляют интерес воспоминания генерала М.А.Иностранцева, профессора академии Генерального штаба, служившего в Ставке А.В.Колчака. Он рассматривает многие вопросы военного строительства антибольшевистских сил, дает оценку подготовки командных кадров, анализирует причины военных неудач белогвардейцев, подчеркивает рост бюрократии среди управленческих структур колчаковских войск⁶⁶.

Генерал С.А.Щепихин, автор нескольких работ мемуарного характера, рассказывает о борьбе уральского казачества против советской власти, о том, как осуществлялась подготовка крупного наступления белых на Волгу ранней весной 1919 года, почему не удалось воспользоваться результатами успешной для колчаковцев Уфимской операции, анализ которой стал составной частью одной из его работ. С.А.Щепихин дает и яркие портретные характеристики высокопоставленных офицеров, с которыми ему пришлось служить и общаться⁶⁷.

Воспоминания колчаковского офицера А.А.Кирилова повествуют о Сибирском Ледяном походе. В них прослеживается явно нега-

⁶⁵ Gaida R. Moje Paměti. – Вро, 1996. – S.196–197, 204–205.

⁶⁶ Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.8.

⁶⁷ Щепихин С.А. Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом; Сибирь при Колчаке; Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака; Конец Белого движения в Сибири (рукописи) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.6,7,8,10.

тивное отношение к чехам как к союзникам, превозносится деятельность и роль молодого генерала А.Н.Пепеляева в вооруженной борьбе против большевиков⁶⁸.

Другой мемуарист, генерал П.Ф.Рябиков, наоборот, довольно критически оценивает А.Н.Пепеляева, считая его «типичной фигурой, не лишенной авантюризма». В рукописных материалах П.Ф.Рябикова можно найти сведения о деятельности и структуре колчаковской контрразведки, а также о событиях Сибирского Ледяного похода⁶⁹.

Представляет интерес и дневник неизвестного офицера Волжского конно-егерского дивизиона войсковой группы генерала В.О.Каппеля. Он характеризует действия тех командиров, придерживавшихся взглядов, близких к идеологии эсеров, меньшевиков, которые в условиях военных поражений армий А.В.Колчака, покидали их вместе со своими подчиненными целыми подразделениями, а порой и частями⁷⁰.

Уникальную информацию, на наш взгляд, содержит и дневник С.Н.Войцеховского, занимавшего высокие должности в иерархии белых войск на востоке страны. В нем, главным образом, речь идет о событиях мая 1918 года, когда чехословацкие legionеры во главе с автором дневника ликвидировали советскую власть в Челябинске⁷¹. Повествование С.Н.Войцеховского дает представление о роли офицеров чехословацкого корпуса в челябинском инциденте, оказавшихся заложниками конфликтной ситуации между большевиками и их подчиненными. Дневник позволяет увидеть на основе мыслей, идеалов его автора, чем жил в годы Гражданской войны один из офицеров, впоследствии сделавший блестящую карьеру в войсках А.В.Колчака.

Таким образом, имеющиеся источники, как опубликованные, так и не изданные, позволяют, на наш взгляд, при использовании метода

⁶⁸ Кирилов А.А. Ледяной поход генерала Каппеля по Сибири. Мемуары участника похода (рукопись) // ГА РФ. Ф.5793. Оп.1. Д.68.

⁶⁹ Рябиков П.Ф. У адмирала Колчака; Ледяной поход армий Восточного фронта зимой 1919–1920 года (рукопись) // ГА РФ. Ф.5793. Оп.1. Д.15.

⁷⁰ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804.

⁷¹ Там же. Д.772.

сравнительного анализа и привлечении результатов трудов исследователей по периоду Гражданской войны, реконструировать достаточно полную и объективную картину процесса создания и развития офицерского корпуса колчаковских войск.

Структура книги обусловлена поставленными задачами и внутренней ее логикой. Она включает введение, две части, состоящие из шести глав, заключение, а также приложения (в том числе биографические данные о 134 колчаковских офицерах).

Часть первая

Офицерский корпус: особенности формирования, состав, идеология

Глава первая

Источники комплектования офицерского корпуса и его состав

18 ноября 1918 года начался новый этап в истории Белого движения. В этот день к власти на Урале и в Сибири пришел адмирал А.В.Колчак, которого провозгласили Верховным правителем России с диктаторскими полномочиями. Таким образом, на востоке страны произошло окончательное оформление Белого движения как военно-политического течения.

«Рождение диктатуры в контрреволюционном лагере на востоке России, — как отмечал эмигрантский военный теоретик Н.Н.Головин, — являлось непосредственным следствием того же социального процесса, который привел в противоположном лагере к укреплению диктатуры Ленина... Этот процесс представляет собой явление объективного порядка и вытекает из социологического свойства войны вызывать потребность в очень сильной и централизованной власти»¹.

Буквально в первые дни своего правления А.В.Колчак заявил, что главную и первоначальную цель он видит в создании единой и боеспособной армии для того, чтобы одержать победу над большевизмом². Основой любой армии являются офицеры, а в белом движении они стали той силой, которая объединяла и сплачивала вокруг себя противников советской власти. Поэтому в деле созда-

¹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. — Паоло-Альто, 1937. — Кн. 9. Ч.4. — С.91.

² Государственный переворот адмирала Колчака 18 ноября 1918 г. Сб. док. — Париж, 1919. — С.11–12.

ния вооруженных сил А.В.Колчака, несомненно, важная роль отводилась офицерству. От того, каким будет командный состав, насколько эффективно он сможет управлять своими подчиненными и выполнять боевые задачи, зависело многое, даже судьба Белого движения в целом.

Среди источников пополнения офицерского состава можно выделить несколько. Первоначально люди в офицерских погонах становились участниками Гражданской войны добровольно, и таких оказалось немало. Добровольцы, как правило, являлись самым сознательным и боевым элементом вооруженных формирований. Характеризуя офицерский состав колчаковских войск, необходимо учитывать, что значительная часть его служила ранее в соединениях армии Временного Сибирского правительства и Народной армии Комуча. Первая насчитывала до 10 тысяч, а вторая около 5 тысяч лиц командного состава³. Подавляющая масса этих офицеров были добровольцами. При относительно невеликой численности войск ни комучевцы, ни сибиряки не испытывали такой нехватки офицеров как Русская армия А.В. Колчака, которая многократно возросла за счет призывов.

Офицеры-добровольцы приезжали с разных концов страны. Так, с юга в качестве посланцев от Добровольческой армии, прибыли в Сибирь ряд офицеров. Среди них выделялись Д.А.Лебедев и В.В.Голицын, занимавшие впоследствии высокие командные посты. С июля 1919 года у А.И.Деникина в Таганроге начал формироваться отдельный Сибирский офицерский батальон под руководством генерала Г.П.Гаттенбергера. В нем преимущественно состояли добровольцы-уроженцы Сибири. Батальон предполагали отправить во Владивосток на пароходе «Херсон». Но военные неудачи белых на востоке, а затем на юге не дали возможности реализовать этот план⁴.

³ Волков С.В. На углях великого пожара. – М., 1990. – С.59; Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Самара, 1995. – С.11, 13.

⁴ Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №18. – С.38–39.

С Верхней Волги тоже прибыли некоторые офицеры-участники неудавшегося антибольшевистского восстания в Ярославле, Рыбинске, Муроме. К числу его руководителей принадлежали А.П.Перхуров и Н.П.Сахаров, командовавшие затем крупными воинскими соединениями колчаковских войск. Офицеры, организаторы антисоветского восстания на Ижевском и Воткинском заводах (Г.Н.Юрьев, Д.И.Федичкин и др.), также после тяжелых боев с частями Красной Армии вынуждены были отступить и присоединиться к вооруженным формированиям белого адмирала.

Вот еще один пример. Полковник К.В.Сахаров откликнулся на призыв генерала Л.Г.Корнилова и решил из Саратова, где проживала его семья, пробираться на Дон. Но добрался он только до Астрахани, где был задержан большевиками. После своего освобождения Сахаров выезжает в Уфу и вскоре попадает на службу к Верховному правителю⁵.

Кроме того, с фронта во главе со своими офицерами отправлялись в родные края целые казачьи подразделения. Оренбургский атаман А.И.Дутов еще в конце 1917 года, когда не получил желаемой массовой поддержки в станицах, отдал секретное предписание командирам казачьих частей, находившихся на фронте, «принять все меры к тому, чтобы казаки прибыли каким угодно порядком в свои округа»⁶. В итоге, в феврале 1918 года с передовых позиций вернулась 19-я Особая Оренбургская казачья сотня. Все попытки советских властей разоружить ее бойцов по дороге не увенчались успехом⁷. Таким же образом действовали и некоторые другие казачьи части и подразделения.

Однако не всем им удавалось в полном составе и с вооружением достичь пределов войсковой территории. Например, 1-му Оренбургскому казачьему артиллерийскому дивизиону во главе с войсковым старшиной В.С.Пискуновым пришлось с боями пройти

⁵ Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №17. – С.17–18.

⁶ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск, 1999. – С.312.

⁷ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. – Шанхай, 1932. – С.34.

с Юго-Западного фронта через Астрахань к родным станицам. Но, узнав, что Оренбург находится в руках красных, офицеры дивизиона отпустили своих подчиненных с оружием по домам, а артиллерийские орудия и всю документацию сдали военному командованию Уральского казачьего войска⁸.

Возвращавшиеся с фронта части Оренбургского казачьего войска в большинстве своем оказались распропагандированы большевистскими агитаторами. Поэтому было принято решение временно их личный состав распустить, оставив в полной боевой готовности штабы с офицерами для последующих формирований⁹.

Прибывали офицеры-добровольцы и из-за границы. По этому поводу военный агент в Париже генерал граф А.А.Игнатъев (впоследствии перешел на службу советскому государству) уведомлял Верховного правителя о своей готовности сформировать из офицеров и солдат, находившихся во Франции, добровольческий отряд для отправки в Сибирь или к А.И.Деникину¹⁰.

23 августа 1919 года группа из 300 офицеров и 90 нижних чинов во главе с полковником Рытовым отправилась на пароходе из Марселя во Владивосток. Путь продлился более 40 дней. Не все из прибывших попали в Омск, часть военнослужащих из этой группы осталась у атамана Г.М.Семенова. В Великобритании желавшие поехать к А.В.Колчаку проходили четырехмесячные курсы в лагере Нью-Маркет близ Кембриджа. Летом 1919 года здесь обучалось около 500 офицеров. Вскоре часть из них отправили в Сибирь, причем разными маршрутами. Первая группа (около 100 человек) отбыла на Владивосток. Вторая (не менее 40 офицеров) на ледоколе «Соловей Будимович» через северный порт Диксон и устье р.Оби. Здесь к ним присоединилось еще около 100 офицеров из Архангельска. Впоследствии они все вместе прибыли в Томск¹¹.

⁸ ГАОО Ф.1912. Оп.2. Д.95. Л.13–18об.

⁹ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. – Указ.соч. – С.315.

¹⁰ Неизвестное письмо известного генерала // Отечественные архивы. – 1992. – №1. – С.108.

¹¹ Бушин А.Ю. Из Западной Европы в Сибирь: пополнение офицерскими кадрами армий адмирала А.В.Колчака // История Белой Сибири. Тез. конф. – Кемерово, 1999. – С.34–35.

Однако для проведения затяжной и широкомасштабной Гражданской войны, которая разворачивалась на территории бывшей Российской империи, были необходимы многочисленные армии, укомплектованные командным составом. Создать вооруженные силы только за счет добровольцев не представлялось возможным. Поэтому и красные, и белые приступили к массовым мобилизациям мужского населения. При этом добровольчество как способ комплектования войск сохранилось до конца войны.

Необходимо отметить, что офицеров старой армии, в отличие от нижних чинов, не разделяли на мобилизованных и добровольцев, их всех обязали служить той или иной власти, если позволял возраст и здоровье. Красные и белые, как только занимали города, в первую очередь издавали приказы о регистрации офицеров, которая фактически означала призыв на военную службу. У адмирала А.В.Колчака регистрации подлежали все лица командного состава до 43-х лет, не уволенные в отставку. Отсрочки отменялись, справки по болезни подлежали переосвидетельствованию в специальных медицинских комиссиях¹². Одна из таких комиссий при штабе Оренбургского военного округа в мае 1919 года работала в Троицке¹³. Имелись они и в других городах, находившихся в тылу белых войск.

Помимо этого, колчаковской Ставкой и министерством иностранных дел прорабатывался вопрос о призыве всех российских офицеров, находившихся за границей. В связи с этим шла переписка с военными агентами в Великобритании, Франции, США, Италии, Германии. Однако значительная часть офицеров предпочитала оставаться за рубежом и не возвращаться на беспокойную родину. Так, согласно шифровке военного агента из Соединенных Штатов, к ноябрю 1918 года там находилось 109 российских офицеров. В феврале следующего года их уже было зарегистрировано только 82 человека, и лишь 9 из них планировали отправиться к А.В.Колчаку.

¹² РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.152; ГАОО Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.215.

¹³ ГАОО Ф.1912. Оп.2. Д.32. Л.33.

Остальные либо находились в отставке, на лечении, либо просто стремились уклониться от участия в Гражданской войне. Но тем не менее в августе 1919 года в Россию уехало 49 офицеров, семеро из них направились к А.И.Деникину, другие — на восток страны ¹⁴.

Большинство офицеров, на наш взгляд, поступили на службу в колчаковские армии именно по мобилизации. Сознательно, в качестве добровольцев, сражалось с большевиками в начальный период Гражданской войны гораздо меньше офицеров. И они делали свой выбор в силу различных обстоятельств.

Каковы же были мотивы поступления на службу к белым? Что заставило их включиться в борьбу с большевиками? По мнению одного из «контрреволюционеров», допрошенного в ВЧК, этих людей можно разделить на несколько групп. Во-первых, убежденные противники советской власти, ставившие своей целью уничтожение большевизма. Они составляли 2–3 % от общего числа белогвардейцев. Вторая группа — лица, которые связывали со свержением Советов свои личные выгоды, прежде всего материальные (2–5 %). Третья группа — обиженные на новую власть, питавшие к ней злобу и чувство мести, их также насчитывалось не более 2–5 %. Четвертая группа — люди, страхующие себя на случай перемены власти, участвовавшие в борьбе формально, «для галочки» (5–15 %). Пятая группа, самая многочисленная, это сражавшиеся ради «куска хлеба», из-за жалования, чтобы прокормить себя и семью (72–89 %). И еще одна категория, таких было меньшинство, люди тщеславные, желавшие всегда играть первые роли и быть на виду, независимо от своих идейных убеждений ¹⁵.

Помимо этого отдельные исследователи отмечают и ряд других причин, которые заставили офицерство вступить в борьбу с большевиками. Ю.А.Поляков считает, что не последнюю роль сыграла их враждебность, даже ненависть, к разнузданно себя веду-

¹⁴ РГВА Ф.39499. Оп.1. Д.189. Л.28.

¹⁵ Красная книга ВЧК. — М., 1990. — Т.2. — С.396–399.

щим солдатам и к властям, допустившим такое¹⁶. Д.А.Волкогонов подчеркивал личную трагедию каждого офицера в данной ситуации. «Люди, фактически поставленные вне закона, обреченные лишь на тот подневольный труд, на который укажут комиссары, не имели другого, достойного человека выхода, кроме как оказать ожесточенное сопротивление процессу лишения их общечеловеческих прав и свобод»¹⁷.

О справедливости данного мнения говорит следующий факт. Выходцами из станицы Чернореченской Оренбургского казачьего войска являлись 20 офицеров, имевших звания от прапорщика до генерал-майора. Шесть из них накануне Гражданской войны находились в отставке по возрасту. Когда эту станицу и прилегающие к ней казачьи поселки заняли части Красной Армии, ни одного офицера дома не оказалось¹⁸. Они не хотели рисковать своей жизнью в условиях утверждения на казачьей территории новых порядков. Это свидетельствует о том, что трудно было офицерам, даже пожилым, находившимся в отставке, в тот период остаться в стороне от событий Гражданской войны. Время заставляло их делать выбор: либо примкнуть к тому или иному лагерю, либо скрываться от любой власти, чтобы не участвовать в борьбе против соотечественников.

В этом отношении показательна судьба генерала М.В.Ханжина, который до июля 1918 года не принимал участия в боевых действиях на стороне белых или красных. Он вместе со своей семьей, после увольнения со службы, попытался переждать трудные времена сначала в провинциальном городе Троицке Оренбургской губернии, а затем в одной из казачьих станиц. Однако вскоре Гражданская война и его вовлекла в свою орбиту. Генерал откликнулся на призыв Временного Сибирского правительства и возглавил 3-й Уральский армейский корпус. Впоследствии в вой-

¹⁶ Поляков Ю.А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. — 1990. — №2. — С.109.

¹⁷ Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. — М., 1994. — Кн.1. — С.362.

¹⁸ ГАОО Ф.1912. Оп.1. Д.29. Л.73.

сках А.В.Колчака он командовал Западной армией, а позже стал военным министром Омского правительства¹⁹.

Современные исследователи С.В.Волков, В.Г.Медведев в своих работах подчеркивают, что коренные причины борьбы у подавляющего большинства участников борьбы лежали не в сфере классового интереса, связанного с отношениями собственности²⁰.

По мнению А.Г.Кавтарадзе судьбы офицеров в тот период во многом зависели от дислокации армии накануне и во время Первой мировой войны. Там находились их квартиры, семьи, к которым они уезжали после увольнения со службы²¹.

В этом плане характерным является случай с подполковником В.О.Каппелем. Он, недавно вернувшийся с фронта, в мае 1918 года проживал с семьей в Перми. Затем по предложению советских властей выехал к новому месту службы в Самару, где вскоре оказался в центре бурных событий. После освобождения города от большевиков он встал во главе одного из отрядов формировавшейся Народной армии Комуча²².

Массовым источником пополнения офицерских кадров, прежде всего младшего звена, стала в колчаковских войсках уральская и сибирская молодежь, как правило, с минимальным образовательным цензом. Определенную роль в этом плане играл приплытый элемент, то есть беженцы и переселенцы из центральных и западных районов России. Всего же на начало 1918 года в стране насчитывалось около 10 млн. беженцев, высленцев, военнопленных²³. Историки отмечают две больших миграционных волны интеллигенции в восточные регионы России в период Гражданской войны. Первая, наиболее активные и непримиримые противники больше-

¹⁹ Подроб. см.: Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. – Екатеринбург, 1999.

²⁰ Волков С.В. На углях великого пожара. – М., 1990. – С.56; Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918–1919 гг. // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Самара, 1995. – С.13.

²¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М., 1988. – С.48–49.

²² Каминский В.В. Служил ли В.О.Каппель в Красной Армии? // История Белой Сибири. Тез. конф. – Кемерово, 2001. – С.134–138; Пестров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. – Рига, 1930. – С. 244–246.

²³ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. – М., 1986. – С.100.

виков, среди которых было много военных, прошла в 1918 году. Так, например, в Вятку прибыло тогда до 800 офицеров, предполагавших здесь дожидаться падения большевистской диктатуры²⁴. Именно эти люди стали основным ядром офицерства Народной армии Комуца и вооруженных формирований Временного Сибирского правительства, а затем они влились в войска А.В.Колчака. Вторая волна — это преимущественно беженцы с Поволжья и Урала, в основном студенты, преподаватели, врачи. Они оказались более пассивными, и немногие из них желали носить офицерские погоны и участвовать в боевых действиях против соотечественников²⁵.

Наиболее распространенным способом пополнения младшего командного состава являлись мобилизации мужчин с минимальным уровнем образования, чтобы определить их в военно-учебные заведения с целью получения офицерского чина. Такие мобилизации преимущественно проводились централизованно, по постановлению Омского правительства. Иногда их объявляли командующие армиями, главные начальники военных округов и казачьи атаманы, а позже это право предоставили даже командирам корпусов и войсковых групп. Первоначально для производства в офицеры призывались лица с образованием не ниже среднего. Однако вместо запланированных 30–40 тысяч новобранцев этой категории в армию в начале 1919 года поступило только 10–12 тысяч человек. Главной причиной явилось то, что многие не хотели участвовать в Гражданской войне, тем более в качестве офицеров, поэтому скрывали свой образовательный уровень, чтобы избежать мобилизации. Учителям сделать это было сложнее и, таким образом, значительная их часть призывного возраста стала служить в колчаковских войсках. В Челябинске, например, в марте 1919 года оказались

---

²⁴ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны // Отечественная история. — 1994. — №6. — С.52.

²⁵ Соскин В.Л., Красильников С.А. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917–1920) // Интеллигенция и революция. XX век. — М., 1985. — С.221.

призванными 38 учителей городских и уездных учебных заведений²⁶.

В ситуации, когда многие скрывали свое образование, чтобы не стать призывниками, военный министр Омского правительства генерал Н.А.Степанов предложил снизить образовательный ценз до 4-х классов среднего учебного заведения или призывать лиц без образования, занимавшихся умственным трудом. Возраст новобранцев определялся от 18 до 35 лет²⁷. Такую мобилизацию провели в марте 1919 года.

По прошествии нескольких месяцев, в сентябре, объявили всеобщий призыв мужского населения от 18 до 43 лет, имевших за плечами не менее 4-х классов среднего учебного заведения или имущественный ценз от 50-ти десятин земли, недвижимую собственность общей стоимостью не меньше 50 тысяч рублей или минимальный капитал от 10 тысяч рублей²⁸. В данном случае ставка уже делалась не только на образованные слои общества, но и на собственников, землевладельцев, предпринимателей.

Как правило, вместе с гражданскими лицами на службу призывались и бывшие солдаты, унтер-офицеры (в том числе и кондукторы флота) и специалисты, в которых нуждалась армия. Некоторые из них впоследствии могли стать также офицерами. Для вернувшихся из плена, воевавших на фронтах мировой войны, предусматривалась отсрочка от призыва на три месяца²⁹.

Если говорить о количестве мобилизаций с целью пополнения и солдатского, и офицерского состава, то, например, в районе Западной (впоследствии 3-ей) армии белых с февраля по ноябрь 1919 года нами зафиксировано 30 призывов мужского населения от новобранцев до различного рода специалистов. В районе Южной

²⁶ ОГАЧО. Ф.1542. Оп.1. Д.88. Л.3—4.

²⁷ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл.— М., 1966.— С.144.

²⁸ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.623.

²⁹ Там же. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.140.

колчаковской армии в мае-августе 1919 года прошло только 4 мобилизации³⁰.

От призыва освобождались священнослужители, высокопоставленные чиновники правительственных учреждений, служащие государственных казначейств, банков, телеграфа и зернохранилищ, инженеры и рабочие предприятий, работавших на армию, железнодорожники, чины городской и уездной милиции, брандмейстеры и штатные пожарные, «инородцы», а также иностранцы, не состоявшие в российском подданстве³¹. Первоначально даже не призывали всех беженцев и переселенцев, а только тех, кто прибыл на Урал и в Сибирь до 1 января 1915 года. Впоследствии от этого пришлось отказаться.

Необходимо также заметить, что мобилизации, проводимые командованием регулярных войск, не распространялись на казаков, проживавших на землях своего войска. Этим вопросом занимались войсковые атаманы. Например, организованный в мае 1919 года, по приказу командующего Западной армией, призыв новобранцев, охвативший многие районы Южного Урала, не распространялся на казачье население Орского, Кустанайского и Верхнеуральского уездов³². Такое положение, конечно, уменьшало возможности отдельных командующих быстро и полностью укомплектовать свои войска.

Военными властями предусматривались и меры наказания тех лиц, которые не выполняли указы о мобилизации. Так, в феврале 1919 года, согласно приказу одного из колчаковских генералов, за уклонение от призыва, а также за укрывательство мобилизуемых, виновные привлекались к военно-полевому суду. Агитаторам, выступавшим против службы в Белой армии, грозила смертная казнь или каторжные работы. Ответственные за мобилизацию военные начальники, не исполнившие приказ, несли служебную

---

³⁰ См. Приложение 1.

³¹ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.41,140,384,533; Д.144. Л.86.

³² Там же. Д.135. Л.384.

ответственность, то есть лишались чина и препровождались в арестантские отделения ³³.

Позднее, в июне 1919 года, когда положение колчаковцев на фронте ухудшилось, меры наказания приобрели не только личный, но и коллективный характер. Теперь по указанию Ставки ответственность за неявку мобилизованных уже ложилась на городские и сельские общества. За каждого не явившегося призывника население уплачивало штраф в 1000 рублей и должно было выставить на службу двух мужчин более старших возрастов ³⁴.

Подобные действия сыграли свою роль: недостатка в новобранцах, судя по количеству личного состава в армиях А.В.Колчака (до 400 тысяч человек весной 1919 года), не было. Однако они показали себя ненадежным в боевом отношении элементом, так как в большинстве своем являлись крестьянами, не желавшими воевать ни за белых, ни за красных. Когда после периода добровольчества наступил этап массовых мобилизаций, это способствовало падению боеспособности в войсках белогвардейцев. Сознательные антибольшевистские силы растворялись в крестьянской массе. О такой тенденции в вооруженных формированиях белых тогда говорил и В.И.Ленин в своих публичных выступлениях ³⁵.

Генерал А.П.Будберг, занимавший одно время пост военного министра, также отмечал в своем дневнике: «Эти малые, бессистемные призывы ничего, кроме вреда, не принесли и силы армии не прибавили; голодное население не особенно против них реагировало, так как поступление в войска давало одежду и кормежку... Они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было...при отходе местные мобилизо-

³³ РГВА. Ф.39502. Оп 1. Д.3. Л.60; Сибирский стрелок (Челябинск). – 1919. – 3 февр.

³⁴ Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. – Челябинск, 1962. – С.199–200.

³⁵ Ленин В.И. О современном положении и ближайшие задачи советской власти // Полн. собр. соч. – Т.39. – С.34–35.

ванные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение»³⁶.

Следует отметить, что подобная проблема после введения всеобщей воинской повинности существовала и в Красной Армии. Здесь она решалась с помощью широкой просоветской пропаганды и путем ужесточения наказаний за уклонение от службы. Новоиспеченные красноармейцы сразу же попадали под полный политический контроль со стороны армейских и партийных структур³⁷. Белые такой разветвленной системы политического надзора не имели.

Еще одной отрицательной стороной мобилизаций была территориальная система комплектования войск на Урале и в Сибири. Как отмечал один из генералов, служивший в Ставке А.В.Колчака, когда начались поражения, многие мобилизованные солдаты и даже некоторые младшие командиры стали разбегаться по домам. Стойко держались лишь те, кто сражался вдали от родных мест³⁸.

Другим источником пополнения офицерского корпуса являлись юнкера, не успевшие по различным причинам окончить свои военно-учебные заведения. Зачастую их производили в офицеры за боевые отличия. Например, подобным образом стали прапорщиками юнкера Н.Алпатов и М.Караваев, служившие в 24-м Саткинском полку Западной армии. Они поступили в школу прапорщиков летом 1917 года. Первый из них учился в Казани, а второй — в Гатчине. Но из-за начавшейся Гражданской войны им не удалось тогда завершить свое обучение³⁹.

Порой, чтобы ликвидировать нехватку офицеров, колчаковские генералы производили юнкеров в первый офицерский чин без всяких оснований (к ним относились, прежде всего, боевые отличия и продолжительность службы в строю рядовым бойцом). К

³⁶ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. — М., 1992. — Кн. 7. Т. 14. — С. 252.

³⁷ Подроб. см.: Рожков А. Ю. Политический контроль в Красной Армии (1918–1924) // Политический сыск в России: история и современность. — СПб., 1997. — С. 298–309.

³⁸ Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. — Париж, 1985. — С. 81.

³⁹ РГВА Ф. 39624. Оп. 1. Д. 227. Л. 116.

примеру, так поступил в июне 1919 года генерал А.Н.Пепеляев, который приказал всех юнкеров своего корпуса, находившихся в боевых частях, представить к чину прапорщика⁴⁰.

В октябре 1918 года, еще до установления власти А.В.Колчака, командир 3-го Уральского армейского корпуса вооруженных сил Директории генерал М.В.Ханжин подал рапорт на имя Главнокомандующего. Он касался юнкеров, служивших рядовыми бойцами в различных частях. Для того, чтобы юнкера получили первый офицерский чин и тем самым увеличили численность так необходимого младшего командного состава армии, Ханжин предлагал организовать для них специальные школы с двухмесячным курсом обучения. Такие школы могли быть организованы в корпусах исключительно для своих военнослужащих, либо в армии для всех корпусов⁴¹. Видимо, ответом на этот рапорт стало открытие уже в колчаковских войсках школ прапорщиков.

Любая Гражданская война отличается многочисленными переходами ее участников из одного лагеря в другой. Поэтому офицеры, которые так поступали, и у красных, и у белых не являлись редкостью. В Челябинске, например, в мае 1918 года, когда город с помощью чехов перешел под контроль антибольшевистских сил, из 120 офицеров, служивших в красногвардейских частях, 112 перешло к белогвардейцам⁴². То же самое произошло в Самаре, которую освободили от большевиков. Несколько десятков офицеров из штаба Поволжского военного округа, подчиненного советскому командованию, вступили в ряды формировавшейся Народной армии Комуча. Среди них были подполковники Н.А.Галкин, П.П.Петров, В.О.Каппель и Ф.Е.Махин, занимавшие впоследствии высокие командные посты в вооруженных силах белых на востоке страны⁴³.

⁴⁰ Войнов В.М. Указ. соч.— С.58.

⁴¹ РГВА Ф.39499. Оп.1. Д.190. Л.10.

⁴² Войнов В.М. Указ. соч.— С.53.

⁴³ Петров П.П. Указ. соч.— С.244—245; Записки полковника В.Вырыпасова // Первоходники (Лос-Анджелес).— 1974.— №19.— С.36.

В июле 1919 года на участке фронта 3-й колчаковской армии к белым перешли 12 офицеров во главе с полковником Котоминым, ранее служившие у большевиков. Десять из них были восстановлены в своих прежних званиях и правах, а Котомина даже назначили начальником дивизии⁴⁴.

Таким образом, все перечисленные выше и охарактеризованные источники позволили сформировать офицерский корпус Русской армии адмирала А.В.Колчака.

По своим чинам командный состав белых войск, как и в старой армии, подразделялся на генералов, штаб- и обер-офицеров. Чинопроизводство офицеров осуществлялось двумя способами: за отличие и за выслугу лет в предыдущем чине. В годы Первой мировой войны, по причине многочисленных потерь и значительного увеличения армии, повышение офицеров в чинах шло очень быстро, в основном первым способом. Немало офицеров, начавших войну капитанами и ротмистрами, к 1917 году были произведены в генералы. Младшие офицеры в военный период также росли очень быстро: для производства прапорщиков в подпоручики и далее в поручики установили срок в 8 месяцев. Однако лица, окончившие ускоренный курс военных училищ и школ прапорщиков, не могли производиться в штаб-офицеры (это право имели только те, кто окончил военные училища подпоручиками — не позже осени 1914 года). Тем не менее, многие офицеры, получившие погоны прапорщика в 1914–1915 годах, через пару лет являлись уже поручиками и штабс-капитанами, командовали ротами и даже батальонами⁴⁵.

Чинопроизводство колчаковских офицеров, как и в других белых армиях, основывалось на Своде военных постановлений 1869 года и на приказах по военному ведомству, отданных с началом Первой мировой войны. Помимо этого, в стенах колчаковского

⁴⁴ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.49; Сахаров К.В. Белая Сибирь.— Мюнхен, 1923.— С.122, 161–162.

⁴⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус.— М., 1993.— С.83.

военного министерства разработали «Правила о производстве в чины и о награждении генералов, штаб- и обер-офицеров, военных врачей и чиновников». Согласно им, все воинские звания, полученные от различных правительств, существовавших до установления власти Верховного правителя, должны быть представлены ему на утверждение. Преимуществ на ускоренное производство в офицеры за участие в тайных антибольшевистских организациях не устанавливалось. Офицеры, ранее принимавшие активное участие в борьбе с советской властью, могли быть представлены за боевые отличия к наградам. Приказ по военному ведомству, изданный при Временном правительстве, о принятии вновь на службу офицеров, уволенных из армии за свои политические убеждения, отменялся⁴⁶.

Первоначально командование Русской армии А.В.Колчака все права на производство в офицерские чины сосредоточило наверху. Если даже в мировую войну командующие фронтами могли за боевые отличия жаловать чином прапорщика, то Верховный правитель в январе 1919 года внес изменения в такое положение вещей и приказал, «ввиду малочисленности войск», все дела по производству офицеров отправлять на утверждение в Главный штаб в Омск⁴⁷. Но впоследствии, в мае 1919 года А.В.Колчак предоставил командующим армиями и отдельными корпусами право производить в обер-офицеры на театре военных действий до капитана включительно. Позднее, несколько месяцев спустя, право жаловать офицерскими чинами, до полковника включительно, было дано главнокомандующему Восточным фронтом. Причем не только за боевые отличия, но и за выслугу лет⁴⁸.

Такие меры обуславливались нехваткой командиров в действующей армии. Они уменьшали различного рода бюрократические проволочки в получении офицерского чина.

⁴⁶ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. – Екатеринбург, 1997. – С.182.

⁴⁷ Сибирский стрелок (Челябинск). – 1919. – 30 янв.

⁴⁸ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.15об.–16; Ф.39483. Оп.1. Д.57. Л.45; Ф.40028. Оп.1. Д.5. Л.17.

Порядок назначения на командные должности был следующим. Прибывший в часть офицер первоначально допускался к временному исполнению своих обязанностей. С завершением испытательного срока, по ходатайству начальства в штаб Верховного Главнокомандующего с запиской о службе и аттестацией, данный командир утверждался в должности. Исключение делалось лишь для офицеров Генерального штаба, которых назначали на должность без испытательного срока ⁴⁹.

В годы Гражданской войны в белых армиях, и войска А.В. Колчака здесь не являлись исключением, происходил достаточно быстрый рост офицеров в чинах. Многие тогда имели возможность сделать военную карьеру за относительно короткое время. Об этом наглядно свидетельствует служебный рост нескольких колчаковских генералов. В 1917 году они были подполковниками или полковниками, а к концу 1919 – началу 1920 года имели уже чин генерал-лейтенанта, то есть за 2–3 года сумели пройти несколько ступеней офицерской иерархии. К таким людям относились В.О.Каптель, В.В.Голицын, А.И.Дутов, В.М.Молчанов, С.Н.Войцеховский, В.С.Толстов, К.В.Сахаров и несколько других генералов.

На уровне среднего и младшего командного состава также наблюдалась подобная тенденция. Она диктовалась, прежде всего, нехваткой офицеров в частях, так как поручики порой командовали батальонами, а прапорщики — ротами. Большую роль играло и личное мужество офицера, его способность руководить подчиненными, особенно во время боя. Немалое значение в повышении чина имели и субъективные факторы: личные связи, отношение начальства к тому или иному офицеру, его политические взгляды. Подчеркивая именно эту сторону, один из эмигрантских авторов писал: «Оптовое производство в генералы..., фабрикация полковников — носили характер несерьезного бутафорского акта» ⁵⁰.

⁴⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.340об.

⁵⁰ Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства. — Нови Сад, 1923. — С.15.

По вопросу о количестве офицеров, участвовавших в Гражданской войне на той или иной стороне, в исторической литературе господствует точка зрения, что к белому движению их примкнуло гораздо больше, чем к большевикам. Различаются лишь взгляды исследователей о соотношении количества офицеров, служивших у красных и белых.

Наиболее распространенным ранее являлось утверждение, что около 75 тысяч офицеров вступило в ряды вооруженных сил Республики Советов. Это составило примерно 30 % от общего количества офицерского корпуса по состоянию на 1917 год. 100 тысяч офицеров сражались в белых армиях (около 40 %). Остальные не принимали участия в Гражданской войне (30 %) ⁵¹.

Несколько иного мнения придерживался эмигрантский военный историк А.А.Зайцов. По его подсчетам на 1 мая 1917 года в Русской армии находилось 202 200 офицеров. В РККА, по данным советского командования, к 15 августа 1920 года мобилизовали 48 409 бывших офицеров, то есть не более 1/4 части от их общего количества. Остальные офицеры воевали на стороне белых, и незначительное их число не приняло участие в боевых действиях ⁵².

На наш взгляд, подсчеты современного исследователя С.В.Волкова ближе к истине. Он считает, что к началу Гражданской войны в Русской армии и на флоте имелось 276 тысяч офицеров, из которых участвовало в белом движении 170 тысяч человек (около 62 %), 50–55 тысяч (около 20 %) служило в РККА (без учета перешедших туда из плена), 15 тысяч (5–6 %) несли службу в вооруженных формированиях новообразованных национальных государств и свыше 30 тысяч (немногим более 10 %) не участвовало в

⁵¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920. – М., 1988. – С.177; Федюкин С.А. Интеллигенция и Белое движение // Советская культура: 70 лет развития. – М., 1987. – С.109.

⁵² Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. – Париж, 1934. – С.182–184.

Гражданской войне. Причем значительное количество офицеров из последней группы стали жертвами красного террора⁵³.

Для того, чтобы убедиться в верности данных выводов необходимо установить, насколько это возможно, наиболее точное число офицеров в России накануне Гражданской войны, чтобы, исходя из этих данных, определить их соотношение в различных противоборствующих лагерях. Согласно переписи Русской армии к 25 октября 1917 года на фронтах и в ближайшем тылу состояло (в том числе находилось в отпуске) 157 884 офицера⁵⁴.

К этому количеству следует прибавить 13–14 тысяч офицеров, попавших в плен за годы мировой войны⁵⁵. И, таким образом, общее число офицеров, находившихся на фронте и в плену, составит около 172 тысяч. Но оставались еще военные округа, на которые делилась территория страны, и флот, где также несли службу офицеры. Л.Г.Бескровный указывает, что к 1917 году всего в армии было налицо 247 440 офицеров⁵⁶. Близки к этому числу и данные Л.М.Спирина, который считает: осенью 1917 года Русская армия имела около 240 тысяч лиц командного состава. Логика его подсчета такова: к 1914 году офицерский корпус насчитывал до 80 тысяч человек, военно-учебные заведения дополнительно подготовили 220 тысяч новых офицеров (130 тысяч выпускников школ прапорщиков и 90 тысяч из военных училищ), при этом потери командного состава во время мировой войны достигли 60 тысяч офицеров⁵⁷. А.Г. Кавтарадзе в своей работе также говорит о 250-тысячном офицерском корпусе Русской армии накануне Февральской революции⁵⁸.

⁵³ Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус Русской армии: опыт самопознания. Российский военный сборник. – М., 2000. – Вып. 17. – С.522, 526, 529–530.

⁵⁴ Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись Русской армии 25 октября 1917 г. // История СССР. – 1964. – №2. – С.90–91.

⁵⁵ Зайцев А.А. Указ. соч. – С.183; Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С.357.

⁵⁶ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. – М., 1986. – С.45.

⁵⁷ Спирин Л.М. В.И.Ленин и создание советских военных кадров // Военно-исторический журнал. – 1965. – №4. – С.11.

⁵⁸ Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. – С.278.

Следует заметить, что число морских офицеров в России, по сравнению с армейскими, было незначительным. На начало 1917 года, по данным морского ведомства, всего на Балтийском и Черноморском флотах, а также во флотилиях Сибирской, Северного Ледовитого океана, Каспийской и Амурской служило 6089 офицеров (из них 173 адмирала и генерала). Кроме этого, 367 морских офицеров находились со своими частями на сухопутном фронте⁵⁹. Поскольку военно-морские силы России в период войны не проводили широкомасштабных операций и основные события разворачивались на сухопутном театре военных действий, то и отсутствовала необходимость значительного увеличения численности матросов, а также их командиров.

Таким образом, скорее всего, количество офицеров армии и флота составляло 250–260 тысяч, может быть немногим более. Поэтому с доводами С.В.Волкова в целом можно согласиться.

Далее необходимо отметить, что большевики, как указано выше, до августа 1920 года мобилизовали 48 409 лиц командного состава Русской армии⁶⁰. Имелись также и добровольцы. Л.М.Спирин определяет количество таких офицеров в 8 тысяч человек⁶¹. С.В.Волков считает эту цифру мифической, не подтвержденной документально, тем более, что большинство офицеров-добровольцев поступили на советскую службу до Брестского мира, а затем многие из них ушли с нее. Более реальным представляется количество в 2–3 тысячи лиц командного состава, служивших в РККА по собственной воле⁶². Итак, если к этому числу добровольцев и мобилизованных прибавить 12 тысяч белых офицеров, которые в период Гражданской войны перешли на сторону большевиков (главным образом, попав в плен)⁶³, то можно считать, что не

⁵⁹ Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. – М., 1971. – С.24.

⁶⁰ Гражданская война 1918–1921. – М., 1928. – Т.2. – С.95.

⁶¹ Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. – М., 1968. – С.348.

⁶² Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие... – С.529.

⁶³ Константинов С.И. Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). – 1996. – №1. – С.25.

более 64 тысяч бывших офицеров служило в вооруженных силах Советской республики. Цифра в 75 тысяч, а порой заявляют, что даже 80 тысяч офицеров встали в ряды Красной Армии, представляется нам слишком завышенной.

Документы Ставки А.В.Колчака свидетельствуют о том, что к 1 июля 1919 года в ее распоряжении находилось немногим более 30 тысяч офицеров. К концу года их численность предполагалось довести до 39 625 человек⁶⁴. Если даже учесть работу военно-учебных заведений, готовивших офицерские кадры для колчаковских войск, то, по мнению Г.Х.Эйхе, за годы Гражданской войны всего до 6 тысяч человек на востоке страны получили офицерские погоны, главным образом после окончания военных училищ, курсов, школ⁶⁵. Основной же контингент командного состава был представлен офицерами, добровольно или по призыву вступившими в армии А.В.Колчака, их насчитывалось 24–28 тысяч человек.

Таким образом, если на Урале и в Сибири против большевиков сражалось чуть более 30 тысяч офицеров, то на юге у генерала А.И.Деникина их служило значительно больше. Об этом писали бывшие колчаковские офицеры, непосредственные участники тех событий, знавшие проблемы военного строительства не понаслышке⁶⁶. Многие исследования о Гражданской войне также подчеркивают данный факт. Г.Х.Эйхе утверждал, что на юге общая численность офицерского состава достигала 43–45 тысяч человек⁶⁷. Л.М.Спирин считал: в распоряжении А.И.Деникина находилось 2/3 всех генералов, полковников и подполковников старой армии⁶⁸. Согласно последним изысканиям С.В.Волкова на Юге России в белом движении участвовало до 115 тысяч офицеров⁶⁹. Здесь даже

⁶⁴ РГВА Ф. 39499. Оп. 1. Д. 64. Л. 7–8об.

⁶⁵ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл ...– С. 4.

⁶⁶ Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 6об.; Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ Ф. 5960. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.

⁶⁷ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл ...– С. 4.

⁶⁸ Спирин Л.М. Указ. соч.– С. 290–291.

⁶⁹ Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие ...– С. 528.

имелись отдельные офицерские части, каких никогда не существовало у А.В.Колчака. Один из первых советских историков Гражданской войны А.И.Анишев полагал, что первоначально в колчаковских войсках даже в роли рядовых стрелков выступали офицеры⁷⁰. Но с этим трудно согласиться.

Помимо вооруженных сил А.В.Колчака и А.И.Деникина, на северо-западе России действовала армия генерала Н.Н.Юденича, на севере — войска генерала Е.К. Миллера и ряд относительно немногочисленных вооруженных формирований в других районах страны. Все эти соединения также имели, хотя и сравнительно небольшой, контингент командиров. Около 7 тысяч офицеров являлись участниками антисоветского подполья⁷¹. Всего, таким образом, около 20 тысяч человек в офицерских погонах сражались против большевиков, помимо востока и юга, в других регионах страны⁷².

В вооруженных силах Советской республики бывших офицеров служило значительно меньше. Так, документы штаба 5-й армии красных показывают: весной-летом 1919 года в составе входивших в нее трех дивизий насчитывалось всего 288 бывших офицеров⁷³. Если учесть, что численность советских дивизий колебалась от 12 до 8 тысяч человек, то есть армия в среднем имела около 30 тысяч бойцов⁷⁴, то основная масса командиров была представлена отнюдь не бывшими офицерами. Они в данном случае составляли менее 1/3 командного состава 5-й армии. Большинство из них, судя по отчету штаба 26-й стрелковой дивизии, являлись в недавнем прошлом прапорщиками, закончившими во время мировой войны школы или ускоренные курсы при военных училищах. В основном это молодые люди до 30 лет, не обремененные семьями.

⁷⁰ Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны. — Л., 1925. — С. 225.

⁷¹ Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие ... — С. 528.

⁷² Устишкин С.В. Трагедия белой гвардии. — Н.Новгород, 1995. — С. 63.

⁷³ Подсчитано по: РГВА Ф. 185. Оп. 3. Д. 1956. Л. 16, 17, 23–46, 115–126, 335–338.

⁷⁴ Эйхе Г.Х. Тактические поучения Гражданской войны. — М., 1931. — С. 9.

Лица высшего офицерского состава среди них встречались крайне редко⁷⁵.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в белых армиях воевало около 165 тысяч офицеров, то есть около 60 % от всего командного состава русской армии. На стороне красных их сражалось не более 64 тысяч человек (23 %). Остальные либо служили в национальных армиях новых государств, либо по разным причинам не приняли участия в Гражданской войне. При этом многие из них погибли, даже не успев сделать свой выбор. Только в январе – феврале 1918 года, когда еще не существовало Белого движения в общенациональном масштабе, около 8 тысяч офицеров оказались заложниками красного террора, и были расстреляны⁷⁶. Часть офицеров стала жертвами различного рода эпидемий, которые приобрели широкое распространение в тот период.

Большое количество офицеров, пополнивших армии противников в Гражданской войне, обусловлено, прежде всего, тем, что они являлись профессиональными военными, и оказались востребованы и той, и другой стороной. Кроме того, их выбор был достаточно ограничен. Они попали в такую ситуацию, когда возможность занять позицию нейтралитета практически отсутствовала.

Судьбы многих офицеров, решивших остаться в стороне, не сражаться с соотечественниками, а затем погибших от рук либо красных, либо белых или крестьянских повстанцев наглядно говорит об этом. Характерным в данном аспекте является случай с полковником К.И.Рябцевым, бывшим начальником Московского военного округа при Временном правительстве. После прихода к власти большевиков он три недели провел в Таганской тюрьме, но, благодаря хлопотам жены, его освободили. Затем он отправился с семьей на Украину. В Харькове ему удалось устроиться на работу

⁷⁵ РГВА Ф. 185. Оп. 3. Д. 1956. Л. 16, 17, 23–46.

⁷⁶ Петров П.Г. История России. Диалектика соотношения белого и красного террора и террора интервентов в годы Гражданской войны в России. – М., 1999. – С. 13.

сотрудником местной газеты. Когда части А.И.Деникина вошли в город, Рябцева арестовала контрразведка. Его обвинили в том, что ранее, занимая высокий военный пост, он активно действовал против корниловского выступления, а впоследствии «сдал Москву большевикам». В итоге Рябцев из застенков деникинской контрразведки не вышел и был убит охранником «при попытке к бегству»⁷⁷.

Относительно безопасно могли себя чувствовать офицеры, оказавшиеся по тем или иным причинам (плен, командировка, отпуск и т.д.) за пределами России, расколотой Смутой.

Офицерский корпус белых не был однородным. Прежде всего, его представители делились на кадровый состав (производства до 1915 года включительно) и офицеров военного времени, получивших свои погоны, как правило, после краткосрочных военных курсов. В ходе мировой войны потери российского офицерства оказались очень велики. За первый военный год выбыл из строя едва ли не весь кадровый офицерский состав. К концу войны во многих пехотных полках служили 1–2 кадровых офицера. Поэтому от довоенного офицерского корпуса Русской армии (кроме кавалерии и артиллерии) мало что осталось⁷⁸.

Исследователи, признавая, что большинство колчаковских офицеров получили погоны в годы войны, по-разному определяют количество кадровых военных. По мнению Г.Х.Эйхе, их насчитывалось около 1 тысячи, И.И.Лившиц называет цифру в 10 тысяч человек⁷⁹. Таким образом, на 30 тысяч колчаковских офицеров в первом случае приходилось лишь чуть более 3 % кадровых военных, во втором — 33,3 %.

Отчетная документация по отдельным белогвардейским полкам за 1919 год рисует несколько иную картину. В среднем в воинской части служило 3 кадровых (6 %) и 47 (94 %) офицеров воен-

⁷⁷ Журавская И.Л. Полковник К.И. Рябцев. Страницы биографии // Отечественная история. – 1998. – №4. – С. 66–74.

⁷⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус ... – С.91.

⁷⁹ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл... – С.148–149; Лившиц И.И. О роли кадровых офицеров в Гражданской войне // Вопросы истории. – 1993. – №6. – С.189.

ного времени⁸⁰. Казачьи части, бедные на офицерский состав, уступали другим формированиям и в кадровых военных специалистах. Кроме того, необходимо отметить, что Ставка, армейские и дивизионные штабы, военно-учебные заведения имели большее количество кадровых военных, нежели боевые части. И там их процент был гораздо выше. Таким образом, если учесть, что мы оперировали сведениями только о нескольких полках, то данное положение позволяет сделать вывод: в 30-тысячном офицерском корпусе колчаковских войск насчитывалось от 1000 до 1800 кадровых военных, то есть примерно 3–6 % от общей численности офицеров. Поэтому, на наш взгляд, точка зрения Г.Х.Эйхе по этому вопросу более реалистична.

Элитой российского офицерства являлись выпускники Николаевской академии, причисленные к Генеральному штабу. По нашим подсчетам, на январь 1917 года офицеров с таким статусом насчитывалось 1524 человека⁸¹. К середине июля 1919 года на территории Советской республики было зарегистрировано 538 генштабистов. Большинство из них (505 человек) служило у большевиков⁸². Например, в 5-й армии красных в 1920 году числился 21 командир, окончивший академию Генерального штаба и 7 человек — академию РККА⁸³. Вряд ли можно согласиться с А.А.Зайцовым, который определяет количество офицеров Генерального штаба, служивших у красных в 283 человека⁸⁴. Документы советского командования этому противоречат.

Остальные генштабисты либо сражались на стороне белых, либо не участвовали в Гражданской войне. На востоке страны в армиях А.В.Колчака, по мнению профессора академии генерала М.А.Иностранцева, чувствовался большой недостаток офицеров Генерального штаба. На фронте многие должности в управленче-

⁸⁰ См. Приложение 2.

⁸¹ Подсчитано по: Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 г.— Пг., 1917.

⁸² РГВА Ф.185. Оп.3. Д.1190. Л.163–179 об.

⁸³ Там же. Д.1191. Л.331–337.

⁸⁴ Зайцов А.А. Указ.соч.— С.186.

ских структурах занимали молодые, не имевшие достаточного опыта офицеры с минимальным военным образованием⁸⁵.

В колчаковских войсках в феврале 1919 года служило не менее 113 офицеров Генерального штаба, окончивших академию до Первой мировой войны⁸⁶. Среди них были генералы М.К.Дитерихс, Д.А.Лебедев, Н.А.Степанов, В.О.Каппель, С.Н.Войцеховский, К.В.Сахаров, П.П.Петров, А.И.Андогский, Г.А.Белов, И.Г.Акулинин, Б.П.Богословский, С.А.Щепихин, Н.Т.Сукин, С.Н.Вагин, В.И.Оберюхтин, Е.Э.Трегубов, В.Д.Косьмин, И.В.Тонких, Г.Ф.Одноглазков, А.Ф.Матковский, И.И.Смелов, В.И.Сурин, Ф.А.Пучков, А.И.Медведев, С.Н.Розанов, Д.В.Филатьев, П.Ф.Рябиков, А.Г.Георгиевский, полковники Ф.Е.Махин, Г.И.Петрановский-Белаш, подполковник К.Г.Язвин, и еще целый ряд офицеров, занимавших, как правило, высокие командные посты. Также следует учесть тот факт, что некоторые выпускники академии, окончившие ее по 2-му разряду не причислялись к Генеральному штабу. Например, к таким офицерам относились казачьи генералы А.И.Дутов и М.Г.Серов, несколько других военных.

Помимо этого, часть офицеров, поступивших в академию Генерального штаба в годы мировой войны, обучалась на ускоренных курсах 1-й, 2-й и 3-й очереди (всего 613 человек). Из них служили в рядах колчаковских войск и были причислены к статусу генштабистов 178 офицеров (апрель 1919 года)⁸⁷. Эти военные, как правило, имели менее высокие чины в отличие от тех, кто окончил академию до войны. Немногие из них получили генеральские погоны.

Младший класс ускоренного курса 4-й очереди академии Генерального штаба, находившейся тогда в Томске, окончили к маю 1919 года 152 офицера⁸⁸. После чего их откомандировали в свои

⁸⁵ Иностранцев М.А. Указ. соч. Л.38.

⁸⁶ РГВА. Ф.33892. Оп.1. Д.61. Л.1-2об.

⁸⁷ Там же. Л.3об.-6об.; Д.57. Л.61.

⁸⁸ Там же. Д.43. Л.

части. Эти военные не причислялись к Генеральному штабу, так как для этого им необходимо было закончить старший класс академии. Дальнейшие военные поражения белых помешали этому.

Относительно небольшое количество генштабистов у белых на Урале и в Сибири, видимо, связано с тем, что значительная их часть накануне Гражданской войны, скорее всего, находилась либо на фронтах, расположенных преимущественно на западе страны, либо в столице, где они служили в многочисленных военных управленческих структурах.

Кроме того, среди офицеров с высшим военным образованием у А.В.Колчака служили и лица, окончившие другие академии. Так, командующий Западной армией генерал М.В.Ханжин являлся выпускником Михайловской артиллерийской академии, председатель общего корпусного суда Сибирской армии генерал Н.Д.Калин в свое время окончил Александровскую военно-юридическую академию, директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса генерал Н.А.Пузанов — Николаевскую инженерную академию.

Кадровых военных, а тем более с высшим образованием, в армиях А.В.Колчака имелось, конечно, немного. Основная масса командного состава была представлена офицерами военного времени, среди которых преобладала молодежь. Анкеты юнкеров, поступивших в октябре 1918 года в Иркутское военное училище и в следующем году пополнивших колчаковские войска, дают представление об этой категории офицеров. В основном это были молодые люди от 17-ти до 24-х лет, в большинстве своем жители Сибири, в меньшей степени Урала. Многие из них считали себя православными христианами: 157 из 179 юнкеров. Значительным среди них оказался процент иудеев, в отличие от представителей других религий. В социальном плане учащиеся Иркутского военного училища являлись преимущественно выходцами из дворян и помещан, в меньшей степени — из крестьян, казачества и духовенства. Среди юнкеров дворянского происхождения значился даже князь

М.И.Волконский, не успевший завершить свою учебу в Стокгольмской сельскохозяйственной академии⁸⁶.

Основная масса будущих офицеров имела неоконченное среднее образование. Другие поступили в училище либо с первых курсов институтов и университетов, либо после окончания средних учебных заведений. Из общего числа юнкеров состояли в браке лишь 11 человек (6 %) ⁸⁷.

Офицерский корпус белых армий также подразделялся на тех, кто вступил в противоборство с большевиками в самый начальный период Гражданской войны, так называемые «первопоходники», и тех, кто включился в борьбу позднее. К первым относились такие люди, как генералы А.И.Дутов, С.Н.Войцеховский, Р.Гайда, А.Н.Пепеляев, В.М.Молчанов, И.Г.Акулинин, Н.П.Сахаров, А.П.Перхуров, полковники В.Г.Попов и Н.Г.Сорочинский, войсковой старшина А.Донецков и др. Офицеров, относившихся ко второй группе, видимо, было больше. К ней, например, принадлежали генералы М.В.Ханжин, В.В.Голицын, Д.В.Филатьев, полковник А.Г.Ефимов, поручик М.К.Ермохин и много других военных. Больших разногласий, отчужденности, вражды в отношениях между офицерами этих групп не проявлялось. В данном случае все зависело от личных качеств того или иного человека, от его умения командовать и выполнять приказы.

Социальный состав офицерства претерпел достаточно сильные изменения в годы мировой и гражданской войн. По данным на 1912 год большинство всех офицеров Российской империи имели дворянский титул (53,6 %), второе место занимали выходцы из крестьян и мещан (25,7 %), далее шли почетные граждане (13,6 %), духовенство (3,6 %) и купечество (3,5 %) ⁸⁸. Таким образом, в офицерском корпусе были представлены почти все слои общества. Затем, в военные годы, доля выходцев из низших сословий среди

⁸⁶ РГВА Ф.40128. Оп.1. Д.22. Л.17.

⁸⁷ См. Приложение 3.

⁸⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус ... - С.352.

офицеров постоянно увеличивалась, а количество дворян сокращалось. Этому способствовали многочисленные потери командного состава, значительное увеличение численности войск, которым требовалось большое количество офицеров. Поэтому получили широкое распространение ускоренные офицерские курсы, куда принимались лица практически без всякого имущественного ценза, требовался лишь определенный образовательный уровень. В связи с этим даже среди колчаковских генералов выходцев из дворян было незначительное количество.

Сведения о национальном составе офицерского корпуса практически отсутствуют, так как понятия «национальность» в дореволюционной России не существовало, и поэтому оно не отражено в документах. Определить национальность того или иного офицера можно было в какой-то мере по его вероисповеданию, которое обязательно указывалась в армейской документации. Накануне Первой мировой войны 89 % офицеров считали себя православными, к ним относились, главным образом, русские, украинцы, белорусы. Затем следовали католики — 5,5 %, в основном поляки, литовцы и латыши. Далее — протестанты (2,8 %), преимущественно немцы и менее 1 % среди офицеров составляли армяно-григориане, мусульмане и прочие (кавказцы, татары и другие)⁸⁹.

Особенность Урало-Сибирского региона, где проживало значительное количество тюркоязычного населения, и на территории которого сформировалось несколько колчаковских армий, на наш взгляд, не особенно отразилась на национальном составе белого офицерского корпуса. Подавляющее большинство командного состава считали себя православными и относились к «великороссам» или «малороссам». Процент мусульман среди офицеров был сравнительно невелик. Даже в отдельной 10-й башкирской дивизии начальником являлся генерал Г.А.Савич-Заблоцкий, протестант по

---

⁸⁹ Волков С.В. Русский офицерский корпус ... — С.354.

вероисповеданию⁹⁰. В его распоряжении находились в основном русские офицеры. Другой пример: 16-м Мусульманским полком, состоявшим в основном из татар Уфимской губернии, командовал русский подполковник Курушкин⁹¹.

Однако изменения в национальном составе офицерства, хотя и небольшие, все-таки произошли. Февральская революция отменила национальные ограничения для получения офицерского чина. В первую очередь это касалось евреев, которые могли в царской России стать офицерами, лишь поменяв веру. Исключение только делалось для евреев-караимов, имевших право поступать в военно-учебные заведения⁹². Таким образом, после революционных событий 1917 года офицерскую службу стали нести иудеи, о чем свидетельствуют анкетные данные юнкеров Иркутского военного училища, готовившего командные кадры для колчаковских войск⁹³.

Среди мусульман в вооруженных формированиях белых на востоке страны в качестве командиров также выдвинулись отдельные личности. С.Г.Терегулов, отличившийся еще в годы мировой войны и получивший пять орденов, командовал несколькими башкирскими подразделениями. М.Л.Муртазин возглавлял сначала эскадрон, затем полк, а впоследствии башкирскую кавалерийскую бригаду. Однако эти офицеры, как показали дальнейшие события, не отличались надежностью: вскоре вместе со своими подчиненными они перешли на сторону советской власти. Причем Муртазин это сделал дважды, то есть после того, как он с бойцами снова вернулся к А.В.Колчаку, несколько месяцев спустя, летом 1919 года, когда началось отступление белых, башкирский командир со своей бригадой вновь вступил в ряды Красной Армии⁹⁴.

⁹⁰ ГАОО Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.148; Список генералам по старшинству, составлен по 15апреля 1914 г. – Пг., 1914. – С.774.

⁹¹ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.196. Л.1–2.

⁹² Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры. – М., 1995. – С.16–17.

⁹³ См. Приложение 4.

⁹⁴ Исхаков С.М. Мусульманская психология и европейская политика // Революция и человек: социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.54; Башкортостан. Крат. энциклопедия. – Уфа, 1996. – С.416.

Заметными фигурами среди колчаковских офицеров являлись выходцы из Латвии. Отдельные латышские батальоны, а затем полки в составе Русской армии сформировали еще в 1915 году. Вскоре их реорганизовали в латышскую стрелковую дивизию. Как известно, большинство латышских стрелков участвовало в Гражданской войне на стороне большевиков, но часть из них примкнула к противоположному лагерю. Из офицеров—латышей, занимавших довольно высокие командные должности, можно назвать полковника К.И.Гопшера, участника Ярославского восстания, служившего в Ставке у генерала В.Г.Болдырева, а затем в войсках А.В.Колчака возглавлявшего дивизию в 11-м Яицком корпусе. Он стал одним из первых, кто поделился своими впечатлениями о Гражданской войне, издав книгу своих воспоминаний уже в 1920 году⁹⁵.

Уроженцем Латвии являлся и генерал Р.Бангерский, командовавший у белых 12-й Уральской стрелковой дивизией, а затем Уфимской группой войск. За боевые заслуги в боях с частями Красной Армии его наградили орденом Святого Георгия 4-й степени⁹⁶.

Таким образом, офицерский корпус колчаковских армий был достаточно многонационален, но с большим преобладанием лиц православной веры, то есть, в основном русских, украинцев и белорусов.

Итак, можно подвести некоторые итоги. Офицерский состав колчаковских войск, как и других белых армий, имел следующие источники формирования. Прежде всего, он комплектовался за счет офицеров дореволюционной Русской армии, добровольно или по призыву вступивших в ряды антибольшевистских сил. При этом необходимо учитывать, что значительная их часть ранее уже сражалась против советской власти в Народной армии Комуча и в войсках Временного Сибирского правительства, затем объединен-

⁹⁵ Кисис Р. Латышские стрелки в период Гражданской войны. – Рига, 1951. – С. 75.; Колпакиди А. Белые латышские стрелки // Родина. – 1996. – № 1. – С. 77–78; См.: Гопшер К.И. Четыре катастрофы. Воспоминания. – Рига, 1920.

⁹⁶ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.140. Л.31; Клавинг В.В. Белая гвардия. – СПб., 1999. – С.231.

ных под властью Директории. Большинство офицеров вступило в Белую армию, будучи мобилизованными правительствами, объявившими войну большевизму. Некоторые лица командного состава перешли на сторону А.В.Колчака в период Гражданской войны уже из рядов Красной Армии. При этом необходимо сказать, что офицеров официально не подразделяли на добровольцев и мобилизованных. Все они обязаны были служить, если позволял возраст и здоровье. Никаких льгот для добровольцев, которые предполагались для такой категории лиц из нижних чинов, им не полагалось.

Юнкера училищ и школ прапорщиков, не успевшие в силу различных причин завершить свою учебу, также, после окончания ускоренных курсов, а, зачастую, просто послужив какое-то время рядовыми бойцами, получали первый офицерский чин. Отличившиеся в боях унтер-офицеры и получившие минимальное военное образование тоже могли рассчитывать на звание прапорщика.

Массовым источником пополнения младшего командного состава армий А.В.Колчака явилась молодежь призывного возраста, имевшая образовательный ценз от 4-х классов среднего учебного заведения. Прежде всего, это были жители Урала и Сибири, но значительное место среди них занимали также беженцы и переселенцы с Поволжья и центральных районов России.

Мотивы поступления на службу в Белую армию были совершенно различны: от идеологических до материальных. Однако, видимо, небольшая часть офицеров сражалась против советской власти по политическим убеждениям, которые, впрочем, в период начавшихся военных поражений белых могли претерпеть значительную эволюцию.

Правила чинопроизводства офицеров в колчаковских войсках, с формальной точки зрения, практически мало чем отличались от действовавших в Русской армии дореволюционного периода. Даже некоторые нововведения, принятые при Временном

правительстве, были отменены Омской властью, что, конечно, характеризует и отношение последней к политике А.Ф.Керенского и его министров. В этот период большое значение в получении следующего чина приобретает не выслуга лет, а отличия по службе, как в любое военное время. Но в условиях Гражданской войны, когда власть не всегда способна контролировать действия своих представителей, немаловажным фактором для служебного роста становятся личные связи и материальные интересы. Быстрая военная карьера являлась общей тенденцией того времени.

Численность офицеров армий А.В.Колчака достигала немногим более 30 тысяч человек. Всего в рядах Белого движения в годы Гражданской войны сражалось до 165 тысяч офицеров. В Красной Армии их служило не более 64 тысяч. Остальные представители офицерского корпуса не принимали участия в боевых действиях. Необходимо заметить, что значительная их часть погибла в результате, прежде всего, красного террора и различного рода эпидемий. Участие подавляющего большинства офицеров в Гражданской войне, главным образом, связано с той ситуацией, сложившейся в России, когда решение остаться в стороне практически исключалось. В этом случае они и их семьи, скорее всего, могли стать жертвами охватившего страну террора, причем со стороны различных политических сил.

Белый офицерский корпус не отличался однородностью. Он состоял из кадровых командиров и офицеров военного времени. Первые были меньшинство, в армиях А.В.Колчака — не более 1800 человек. Среди них выделялись офицеры с высшим военным образованием, окончившие в свое время различные академии и занимавшие, как правило, высокие командные посты. Значительная их часть являлась офицерами Генерального штаба, всего около 300 человек. Подавляющее большинство офицеров не относилось к кадровым военным. Как правило, они получили командные должности после краткосрочных курсов в школах и училищах в годы Первой мировой и Гражданской войн.

В социальном плане среди колчаковских офицеров были представители практически всех слоев российского общества того времени. Выходцев из дворян насчитывалось совсем немного. С этнической точки зрения офицерский корпус армий А.В.Колчака отличался многонациональностью, но преобладали русские, украинцы, белорусы. Среди офицеров других национальностей выделялись немцы, латыши, башкиры.

Завершая обзор вышеизложенных вопросов, необходимо отметить, что значительное влияние на состав и уровень профессионализма офицеров оказывала подготовка командных кадров.

Глава вторая

Подготовка командных кадров

Русская армия А.В.Колчака, в отличие от существовавших до нее на востоке страны Народной армии Комуча и войск Временного Сибирского правительства, в связи с увеличением ее численности, испытывала острую нехватку офицеров. Значительное количество командных кадров позволило Самарскому Комучу создавать даже отдельные офицерские подразделения. Сорокатысячная Сибирская армия летом 1918 года имела в своем составе до 7–8 тысяч офицеров и также не испытывала недостатка в этом плане¹.

В то же время, например, колчаковская Московская группа армий к октябрю 1919 года насчитывала лишь 4515 офицеров (в том числе 20 генералов), вместо 9518 положенных по штату. Если учесть, что в соединениях с их тыловыми структурами числилось 93 259 нижних чинов (из них 1/3 часть нестроевых)², то на одного командира приходилось 20 солдат и унтер-офицеров.

Казачьи части имели еще меньшее число офицеров. Так, в марте 1919 года на 3 912 штыков и сабель 2-го Оренбургского казачьего корпуса в армии А.И.Дутова приходилось всего 129 командиров³, что составляло 3 % от общего количества военнослужащих. Таким образом, здесь один офицер в среднем командовал 30 бойцами.

Некомплект командного состава в Русской армии А.В.Колчака,

¹ Соскин В.Л., Красильников С.А. Об особенностях борьбы за интеллигенцию в восточных районах страны (1917–1920) // Интеллигенция и революция. XX век. – М., 1985. – С.222; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства // Сибирь в период Гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С.77–80.

² Подсчитано по: РГВА. Ф.39624. Оп.1.Д.193. Л.27–40.

³ РГВА. Ф.39606. Оп.1.Д.25.Л.26.

по данным ее штаба, достигал в июле 1919 года 10 тысяч человек, из них более 8,5 тысяч обер-офицеров, то есть начальников младшего и среднего звена⁴.

Для решения этой проблемы действовали военные училища, создавались при армиях и округах инструкторские школы и военно-училищные курсы. По вопросам обучения все эти учреждения подчинялись управлению военно-учебных заведений при Ставке Верховного Главнокомандующего, а в плане службы и дисциплины — командующим армий и главным начальникам военных округов.

Как готовить офицеров? Чему больше в процессе их обучения уделять внимания — военной теории или же полевой тактике и физической закалке? Решение этой дилеммы представлялось по-разному среди колчаковских генералов. Профессор академии Генерального штаба М.А.Иностранцев и начальник управления военно-учебных заведений генерал Г.С.Осипов являлись сторонниками усиленной теоретической подготовки, так как на фронте в штабах служило много молодых и неопытных командиров, что в будущем могло привести к катастрофическим последствиям для армии.

Другого мнения придерживались военный министр Н.А.Степанов, начальник штаба Верховного Главнокомандующего Д.А.Лебедев, генерал для поручений при Верховном правителе К.В.Сахаров. Они считали, что в настоящий момент в большей степени необходимы не штабные, а строевые офицеры. Поэтому нужно в их обучении делать акцент на практические занятия, на спорт, по примеру британских офицерских школ. Такие меры позволят создать сильный духом и с хорошими навыками офицерский корпус⁵.

В итоге возобладала последняя точка зрения, и главное внимание в учебном процессе с будущими офицерами стали уделять занятиям по тактике, топографии, стрельбе и т.п. Была создана сеть учеб-

⁴ Там же. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.13об.—14.

⁵ Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.8. Л.41–42, 130.

но-инструкторских школ по подготовке командиров младшего звена, а также унтер-офицеров.

Система военного обучения для создания боеспособных командных кадров, в целом, функционировала в нескольких направлениях:

- учеба на получение офицерского чина;
- повышение квалификации командиров по той или иной военной специальности;
- получение высшего военного образования.

На Урале и в Сибири до Гражданской войны имелось два военных училища: Оренбургское казачье, открытое в 1867 году, и Иркутское пехотное, учрежденное в 1872 году. Первоначально эти учебные заведения и стали основными центрами по подготовке офицерских кадров для антибольшевистских сил.

Оренбургское казачье военное училище, возглавляемое генералом К.М.Слесаревым, в октябре 1917 года насчитывало 150 юнкеров, а в сентябре 1918 года, когда власть в крае принадлежала войсковому атаману А.И.Дутову, более 300 учащихся. Училище готовило командиров для кавалерийских, пехотных, инженерных и артиллерийских частей казачьих войск. Курс обучения длился один год в виде лекций, репетиций и практических занятий. Юнкера изучали уставы, артиллерийское дело, фортификацию и ряд других военных дисциплин. Занимались строевой подготовкой, стрелковым делом, фехтованием, верховой ездой, гимнастикой, плаванием, ковкой лошадей и даже музыкой и пением⁶.

Это учебное заведение имело свой музей с большой коллекцией холодного оружия, библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов. В училищной церкви хранились ценные боевые трофеи — знамена, отбитые в боях с киргиз-кайсаками, кокандцами и хивинцами⁷.

⁶ РГВА. Ф.40327. Оп.1. Д.37. Л.3,11; Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль. (Париж).— 1963.— № 61.— С.30.

⁷ Волков Е.В. Военно-учебные заведения на Южном Урале в период революционной Смуты // Оренбургское казачье войско. Поиски. Находки. Открытия.— Челябинск, 1999.— С.96.

Поступить в данное учебное заведение могли юноши со средним образованием, юнкера других военных училищ и школ прапорщиков, не завершившие свою учебу. К училищу, согласно приказу по Оренбургскому военному округу, по желанию прикомандировывались и прапорщики, имевшие образовательный ценз на поступление. В период учебы они, как юнкера, обязаны были посещать занятия. Им полагалось денежное содержание и другие виды довольствия, но не предоставлялось места для проживания в корпусах училища⁸.

Юнкерам, завершившим учебу по первому разряду, то есть на «отлично» и «хорошо», полагался чин подпоручика, корнета или хорунжего, в зависимости от рода войск, с годом старшинства. Если выпускник имел второй разряд, то ему присваивалось такое же звание, но без старшинства. Лица, окончившие училище по третьему разряду, становились унтер-офицерами с правом через определенный срок получить чин подпоручика⁹.

Периодически в стенах училища собирался дисциплинарный комитет, состоявший из лиц администрации и командного состава, который выносил решения о наказаниях или поощрениях юнкеров, в зависимости от их поведения и учебы. Так, 21 октября 1918 года дисциплинарный комитет в составе начальника училища генерала Слесарева, инспектора классов полковника Пичугина, священника Вишневского и ряда офицеров обсуждал несколько вопросов о проступках учащихся. В частности, рассматривалось дело юнкера Каширина, двоюродного брата известных казачьих краскомов. Он несколько месяцев назад, находясь в красногвардейском отряде, занимался реквизицией лошадей в одной из станиц, подвергая аресту тех, кто отказывался выполнить требования большевиков. Оправдывая себя, Каширин утверждал, что был призван красными насильно, под угрозой. Однако такие слова не повлияли на мнение членов дисциплинарного комитета, принявших решение исключить Каширина из учи-

⁸ РГВА. Ф.40327. Оп.1. Д.45. Л.12.

⁹ Там же. Ф.39597. Оп.1. Д.99. Л.7.

лица и передать его в распоряжение военно-следственной комиссии¹⁰.

В декабре 1918 года подразделения юнкеров, верные А.И.Дутову, принимали активное участие в ликвидации попытки главы башкирского правительства А.-З.Валидова и нескольких казачьих офицеров — сторонников Самарского Комуча — выступить против войскового атамана и новой власти адмирала А.В.Колчака¹¹.

Незадолго до взятия Оренбурга красными в начале 1919 года училище эвакуировали в Иркутск, где его разместили в казармах артиллерийского дивизиона на Первушиной горе.

По причине нехватки офицеров на фронте в мае 1919 года вышел приказ по военному ведомству с резолюцией А.В.Колчака: определить в училищах и на курсах по подготовке командного состава четырехмесячный срок обучения. К началу сентября Оренбургское военное училище по сокращенной программе должны были окончить 320 юнкеров. Для сравнения: Иркутское военное училище предполагало выпустить 230, а Томские военно-училищные курсы — 500 офицеров¹². Но в действительности этот план не выполнялся, так как в июле 1919 года в стенах Оренбургского военного училища обучалось только 100, в Иркутском — 140, на Томских курсах — 317 юнкеров. Всего же к этому времени Оренбургское училище выпустило 285, а Иркутское — 217 офицеров для колчаковских войск¹³.

В начале декабря 1919 года объявили новый набор учащихся, в результате в сотню зачислили 100, в эскадрон — 70, в артиллерийскую батарею — 100, в пехотную роту — 80 и в инженерный взвод — 50 юнкеров, то есть всего 400 человек¹⁴.

Когда в Иркутске вспыхнуло восстание, руководимое эсеро-меньшевистским Политцентром, сотня юнкеров-оренбуржцев под

¹⁰ Там же. Ф.39477. Оп.1. Д.14. Л.4–5.

¹¹ Волков Е.В. Юнкера Оренбурга в годы Гражданской войны // Интеллигенция России в истории XX века. Тез. конф. — Екатеринбург, 1998. — С.168.

¹² РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.99. Л.9.

¹³ Там же. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.13об.—14.

¹⁴ Еленевский А. Указ. соч. — С.32.

командованием есаула Баженова охраняла гостиницу «Модерн», где тогда разместилось колчаковское правительство. Затем они участвовали в боях с повстанцами за Иркутск. После падения власти адмирала А.В.Колчака Оренбургское и Иркутское училища из города эвакуировать не удалось, многие юнкера и лица командного состава оказались под арестом.

Помимо этих учебных заведений в апреле 1919 года создали Томские военно-училищные курсы. Здесь образовательный ценз был ниже, и принимались лица, имевшие 4 класса среднего учебного заведения, в то время как в училища в период Гражданской войны допускались молодые люди, окончившие 6 классов. Однако впоследствии на военно-училищных курсах требования для поступления изменились в сторону повышения образовательного ценза, как в училищах¹⁵.

Руководил курсами сначала полковник Антонович, затем его сменил полковник Мясоедов. Курс обучения, разработанный, главным образом, по программе Чугуевского военного училища, длился три месяца. Каждый учебный день предполагал три часа лекций и пять часов строевых и тактических занятий. Юнкерский состав делился на 4 роты. В первую и вторую, как правило, входили студенты Томского технологического института. Третья рота состояла из выпускников кадетских корпусов. Призывная молодежь с образовательным цензом не ниже 6 классов среднего учебного заведения зачислялась в четвертую роту¹⁶.

По окончании учебы юнкера, успешно сдавшие экзамены (то есть по первому разряду), в отличие от выпускников училищ, которым давали уже второй офицерский чин, получали погоны прапорщиков с правом по истечении трех месяцев производства в подпоручики. Завершившие курсы по второму разряду, также становились прапорщиками, но могли рассчитывать на получение следующего офицерского чина лишь через шесть месяцев. Затем условия получения офицерского звания для этих лиц изменили. Они производились

¹⁵ РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.99. Л.7.

¹⁶ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж). – 1963. – №63. – С.38.

только в подпрапорщики с правом стать офицером после успешного окончания инструкторской школы¹⁷.

В июле 1919 года курсы выпустили первых офицеров. Тогда на них числилось 317 учащихся¹⁸. Второй выпуск не состоялся, так как в конце года началась эвакуация учебного заведения в связи с приближением к городу частей Красной Армии. В условиях Сибирского ледяного похода Томские военно-училищные курсы фактически прекратили свое существование, а юнкера оказались разбросанными по различным воинским частям.

Для обеспечения батарей офицерами в Омске в июне 1919 года открыли артиллерийское училище. Затем, в сентябре, его эвакуировали во Владивосток. В училище обучалось 240 человек, среди которых были юнкера, не окончившие свои учебные заведения в силу объективных обстоятельств, выпускники кадетских корпусов, добровольцы из фронтовых частей. Начальником назначили полковника Герцо-Виноградского, бывшего батарейного командира Константиновского артиллерийского училища (Петроград). На вооружении у юнкеров имелось восемь 75-мм. французских пушек, стволы которых рассверлили под снаряды наиболее распространенного типа, и три орудия отечественного производства¹⁹.

Курс обучения предполагал два года, но затем, в связи с неустойчивым положением на фронте и нехваткой офицеров, его сократили до 8 месяцев. Юнкера-артиллеристы в ноябре 1919 года приняли активное участие в подавлении восстания во Владивостоке, организованного левыми силами против власти А.В.Колчака. После окончания учебы, уже в начале 1920 года, выпускников училища произвели в подпоручики и зачислили в резерв чинов штаба Владивостокской крепости²⁰.

В ведении Омска находилось и военно-морское училище, созданное стараниями адмирала А.В.Колчака в конце 1918 года во Вла-

¹⁷ РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.99. Л.7.

¹⁸ Там же. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.13об.-14.

¹⁹ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).— 1963.— №63.— С.39.

²⁰ Там же.

дивостоке (начальник — капитан 1 ранга Китицын). Первоначально рота гардемаринов насчитывала 129 человек. В апреле 1919 года объявили прием на младший курс училища. Практические занятия гардемарины проходили на судах Дальневосточной флотилии. Они даже ходили в длительные плавания на север. Гардемарины привлекали и для подавления вылазок красных партизан в Приморье. Так, их десант в бухте Находки весной 1919 года позволил удачно для белых завершить операцию по разгрому партизанских отрядов²¹.

Кроме перечисленных выше военных училищ создавались подобные учебные заведения в войсках отдельных казачьих атаманов, о которых в Омске могли первое время даже не знать. К примеру, в октябре 1918 года при Хабаровском кадетском корпусе учредили военное училище имени атамана И.М.Калмыкова. Первым его начальником стал директор корпуса генерал М.П.Никонов, а впоследствии полковник Н.Ц.Грудзинский. Училище считалось кавалерийским. Первый прием юнкеров составил 22 человека, второй — 80 учащихся. Помимо этого, при училище организовали артиллерийские курсы (60 юнкеров) под руководством полковника Грабского. Только в августе 1919 года, после инспекционной поездки в училище генерала Д.Л.Хорвата, оно получило официальный статус. Юнкера училища принимали активное участие в обороне российских рубежей от посягательств со стороны Китая²².

Читинское военное училище имени атамана Г.М.Семенова было основано в ноябре 1918 года как школа для подготовки унтер-офицеров всех родов войск. С апреля 1919 года ее реорганизовали в училище. Начальником назначили полковника Лихачева, которого затем сменил генерал Тирбах. Это учебное заведение имело пехотную, пулеметную, инженерную роты, кавалерийскую сотню и артиллерийские батареи, состоявшие из юнкеров. Всего за 23 месяца существо-

²¹ Еленевский А. Указ. соч. // *Военная быль* (Париж). — 1964. — №65. — С.30–32.

²² Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. — Сан-Франциско, 1978. — С.83; Еленевский А. Указ. соч. // *Военная быль* (Париж). — 1963. — №61. — С.34.

вания училища офицерские погоны прапорщиков и подпоручиков получили 597 человек²³.

По вопросам дисциплины в училище царили строгие порядки. Вот только один пример. Накануне нового 1919 года юнкерский патруль во главе с поручиком Кузнецовым, будучи в наряде, зашел обогреться в здание общественного собрания Читы. Здесь оказался помощник забайкальского атамана генерал Скипетров. Узнав о присутствии юнкеров, он вышел, поздоровался, и приказал накрыть для них стол с новогодними угощениями. Молодые люди не отказались от такого приятного подарка. Но когда о поведении патруля стало известно в училище, то поручика Кузнецова, ожидавшего вскоре производства в штабс-капитаны, разжаловали в рядовые и направили на службу в особую Маньчжурскую дивизию²⁴.

Юнкеров-семеновцев неоднократно привлекали для ведения боевых операций против красных партизан, а в июле 1919 года они приняли активное участие в подавлении выступлений в 1-й Забайкальской казачьей дивизии (начальник — генерал Мациевский), где в отдельных частях возобладали настроения перейти на сторону советской власти. Расстрелы зачинщиков и успешные действия юнкеров вместе с частями, преданными атаману Г.М.Семенову, против бунтовщиков, успокоили забайкальских казаков. Впоследствии юнкерам поручили охрану золотого запаса Г.М.Семенова, вывезенного из Читы на бронепоезде к станции Даурия. После расформирования училища в октябре 1920 года оставшихся юнкеров зачислили в конный дивизион личного конвоя забайкальского атамана²⁵.

Офицерский корпус белых пополнялся также и за счет выпускников школ прапорщиков, получивших широкое распространение еще в годы Первой мировой войны. Как правило, в такие школы зачисляли либо юнкеров, не завершивших свое обучение, либо вольно-

²³ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).—1963.— №62.— С.27,34.

²⁴ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль. — 1963.— №62.— С.29.

²⁵ Там же. — С.30,32—33,34.

определяющихся, то есть лиц, имевших достаточный образовательный ценз и желавших стать офицерами.

Подобная школа, например, имелась в Западной армии. Ее открыли по ходатайству командующего армией генерала М.В.Ханжина. Она просуществовала до мая 1919 года²⁶. По приказу командующего Сибирской армией генерала Р.Гайды создали Пермскую школу подготовки прапорщиков с трехмесячным курсом обучения²⁷. В августе 1918 года сформировали школу прапорщиков и в Уральске. Руководил ею сначала полковник Исаев, затем полковник Донсков. Юнкера школы приняли активное участие не только в боевых действиях уральских казаков против Красной Армии, но и в утверждении власти нового атамана генерала В.С.Толстова. Большая их часть вместе со своим начальником полковником Донсковым погибла в боях с советскими частями²⁸.

В конце мая 1919 года в войсках А.В.Колчака стали закрывать школы прапорщиков и ротных командиров. На их основе решили создать сеть учебно-инструкторских школ для подготовки младшего командного и унтер-офицерского состава. В качестве образца использовали школу на о.Русском близ Владивостока. Ее создали еще в декабре 1918 года по примеру учебных заведений существовавших в британской армии и на средства, выделенные главой английской военной миссии в Сибири генералом А.Ноксом. Поэтому она, в обиходе между офицерами, так и называлась «школа Нокса».

Это военно-учебное заведение являлось самым многочисленным по количеству лиц, обучавшихся в нем. Офицерский батальон до 500, два унтер-офицерских батальона около 1000 юнкеров²⁹. Основной контингент учащихся составляла призывная молодежь с образованием не ниже 4-х классов среднего учебного заведения, прошедшая

²⁶ Волков Е.В. Подготовка военных специалистов и офицерских кадров в вооруженных формированиях белых на Урале // Исторические чтения. – Челябинск, 1998. – Вып.4. – С.48.

²⁷ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. – Екатеринбург, 1997. – С.180.

²⁸ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж). – 1963. – №61. – С.29.

²⁹ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж). – 1963. – №64. – С.29.

солдатскую подготовку, выпускники кадетских корпусов, а также отличившиеся в боях унтер-офицеры, даже без достаточного уровня образования. С этой целью каждый армейский корпус и кадровая бригада командировали определенное количество своих военнослужащих в школу³⁰.

Первоначально курс обучения определили в 4 месяца. Впоследствии этот срок сокращался. Юнкера изучали ряд военных дисциплин, автомобильное дело, а также «родиноведение», основы богослужения, усиленно занимались гимнастикой, фехтованием. Большая часть времени уделялась практическим занятиям³¹.

Обучение будущих офицеров, конечно, отличалось от занятий в унтер-офицерских батальонах. Предполагалось, что, выйдя из школы, они получат звание портупей-юнкера с правом производства через 2–4 месяца в чин подпоручика. Главное, чем они должны были овладеть в стенах школы — это командовать взводом в любых ситуациях, стать «отчетливым инструктором и воспитателем солдата», приобрести качества, необходимые начальнику³².

Режим дня юнкеров в офицерских и унтер-офицерских батальонах выглядел примерно одинаково. Занятия предполагали шестидневную учебную неделю. Подъем — в 6 часов утра. Затем — утренний туалет, зарядка и завтрак. Учеба начиналась в 8.00 часов и продолжалась до 12.30, когда юнкера обедали и, в течение некоторого времени, отдыхали. В 14.30 занятия возобновлялись и продолжались до вечера с получасовым перерывом «на чай». Время ужина наступало в 19.30. После этого у юнкеров, находившихся не в наряде, имелось свободное время до 22 часов, то есть до команды «отбой»³³.

Сначала начальником школы на о.Русском назначали полковника Горского, кадрового офицера 10-го Сибирского стрелкового полка. Однако вскоре его сменил генерал К.В.Сахаров. По мнению командира роты юнкеров К.Хартлинга, новый начальник поставил обучение в

³⁰ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.136. Л.28.

³¹ См. Приложение 4; РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.179. Л.153об.–154.

³² РГВА.Ф.39597. Оп.1. Д.99. Л.8.

³³ Там же. Д.146. Л.100б.–11,130б.–14.

школе на должную высоту. «Энергия Сахарова, — пишет он в своих воспоминаниях, — была неиссякаемой: он появлялся повсюду, замечал недочеты, бранил за промахи и хвалил, где видел желание работать. С иголки одетый, постоянно подтянутый, он личным примером влиял на других». У юнкеров отсутствовало время для забав. Все было расписано по минутам. Много внимания уделялось гимнастике и спортивным играм. В школе работали британские офицеры в качестве инструкторов по спорту и полевым занятиям. Юнкера имели добротное английское обмундирование. Об интенсивности их обучения и больших физических нагрузках говорит тот факт, что крепкие канадские армейские ботинки с железными набойками после четырехмесячного бега по сопкам о. Русского начинали изнашиваться³⁴.

Строгая дисциплина культивировалась, но аресты юнкеров не практиковались. Наибольшим наказанием являлось отчисление и отправка провинившихся во Владивосток, в распоряжение воинского начальника.

Первый выпуск состоялся в середине февраля 1919 года, а в марте генерал Сахаров, получив новое назначение в Ставку, уехал в Омск. Новым начальником школы стал генерал Плешков.

Летом 1919 года юнкера дважды участвовали в боях с партизанами в Приморье с целью прорвать кольцо окружения, в котором оказались части генерала В.И.Волкова. В начале следующего года в школе, под влиянием антиколчаковской пропаганды, произошли волнения. Большинство юнкеров разбежалось, военно-учебное заведение перестало существовать³⁵.

В конце мая 1919 года в Челябинске при штабе Западной армии открыли подобную учебно-инструкторскую школу. Возглавил ее полковник М.И.Москаленко. По замыслу командования, после нескольких месяцев обучения школу предполагали развернуть в егерскую бригаду, поэтому юнкеров называли «егерями». В июле в школе из предполагаемых 1500 учащихся насчитывалось только 659 юнкеров.

³⁴ ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.521. Л.1–2.

³⁵ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж). — 1963. — №64. — С.29.

Такая же ситуация складывалась в тот период и в других учебно-инструкторских школах. Например, во Владивостокской (на о. Русском) обучалось 125 человек, в Екатеринбургской и Иркутской по 710 учащихся³⁶. Таким образом, школы испытывали недостаток в юнкерах. Поэтому военное командование вынуждено было снижать образовательный ценз для поступающих и сокращать курс учебы с 4-х до 2-х месяцев.

События, происходившие на фронте, не позволили Челябинской инструкторской школе нормально функционировать и завершить учебный процесс. Юнкера в июле 1919 года приняли участие в Челябинской операции. Они находились в составе войсковой группы генерала С.Н.Войцеховского севернее города и пытались замкнуть кольцо окружения частей 5-й армии М.Н.Тухачевского. 29 июля около 400 юнкеров во главе с полковником М.И.Москаленко бросили в бой у д.Муслимово для поддержки ижевцев генерала В.М.Молчанова. Местность оказалось открытой, поэтому их атака захлебнулась, юнкера потеряли до половины своего личного состава³⁷. Оставшиеся в живых, по приказу командующего Западной армией генерала К.В.Сахарова, как отличившиеся в боях, получили досрочные офицерские и унтер-офицерские звания и были распределены в воинские части³⁸.

Еще ранее, в конце июня 1919 года, при штабе Западной армии в Сатке создали 2-ю учебно-инструкторскую школу во главе с полковником Круковским. Она состояла из трех батальонов, среди которых один являлся офицерским. Однако уже в следующем месяце школу реорганизовали в егерскую бригаду и отправили на фронт³⁹.

Затем в Миассе, при штабе армии, вновь сформировали 2-ю учебно-инструкторскую школу, также трехбатальонного состава. На-

³⁶ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.13об.-14.

³⁷ Еленевский А. Указ. соч. - С.30.

³⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.92.

³⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.405об., 406, 546; Там же. Д.138. Л.174.

чальником ее стал полковник Э.Я.Рютель. К октябрю 1919 года в школе обучались 43 обер-офицера и 627 нижних чинов⁴⁰.

Екатеринбургская учебно-инструкторская школа находилась в ведении штаба Сибирской армии. Возглавлял ее полковник Ярцев. Юнкера обеспечивались английским обмундированием. С оставлением Екатеринбурга они приняли активное участие в боевых действиях в составе так называемого «Северного отряда». Считались наиболее боеспособной частью. Затем, по пути в Омск, состоялся первый выпуск в чине портупей-юнкеров. После чего школу эвакуировали в Томск, где был осуществлен новый прием, и с октября 1919 года начались занятия⁴¹.

Сохранились уникальные, на наш взгляд, письма юнкера Николая Петрова матери, которые дают представление об учебе и жизни учащихся этой школы. Сам автор этих писем до революции жил в Омске в семье офицера, учился в кадетском корпусе. В 1917 году ему исполнилось 16 лет. Когда началась Гражданская война, он принял активное участие в борьбе с большевиками, вероятно, в отряде казачьего офицера И.Н.Красьяльников. Получил ранение, лежал в госпитале в Канске. Затем, после отпуска, в сентябре 1919 года Н.Петров стал юнкером Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, эвакуированной к тому времени в Томск.

Как можно заключить из его писем, школа располагалась не в самом городе, а в дачном поселке неподалеку. Распорядок дня юнкеров Н.Петров описывает следующим образом. «Встаем мы ровно в 6 часов, чтобы ни одна живая душа не лежала на нарах. До половины восьмого каждый делает что хочет, то есть умывается или кипятит чай, так как больше делать нечего. В 7.30 проверка, после которой в 8 часов идем на занятия, где занимаемся пока маршировкой и перестроениями, так как до винтовок еще далеко. В 12 часов идем на обед и отдыхаем до трех часов. С трех часов занимаемся пока строем, но потом будут классы, то есть изучение уставов до 6 часов вечера — в

⁴⁰ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.193. Л.34об.-36.

⁴¹ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).— 1963.— №64.— С.27–28.

это время ужинаем. В восемь вечера — проверка и в десять вечера ложимся спать. Причем сон тоже обязателен, так как для того, чтобы остаться сидеть ночью, надо просить особого разрешения»⁴².

Далее Николай Петров отмечал, что с ним вместе учились «старички», то есть фронтовики старших возрастов. Он, как человек любознательный, жаловался на скуку в свободное время, так как в школе нельзя было найти ни одной книги, за исключением служебных. И в то же время в письмах юнкера из Томска звучат оптимистические нотки. Его настроение в это время сильно отличалось от того, когда он лежал в Канском госпитале, где постоянно мог видеть перед собой покалеченных жертв Гражданской войны. Тогда Петров писал: «Да, дорогая мама, много мне пришлось пережить в свои семнадцать, почти, лет. Ни в каком другом веке, я думаю, кроме двадцатого, мальчишки не переживали столько»⁴³.

По прошествии нескольких месяцев, будучи юнкером, он настроен уже совсем по-другому: «А армия у нас, дорогая мама, великолепная. Я радуюсь, что скоро буду иметь возможность вступить в неё, чтобы быть одним из маленьких рычагов, которые двигают эту всю махину»⁴⁴.

В декабре в Томске вспыхнуло восстание в частях гарнизона и в соединениях 1-й армии генерала А.Н.Пепеляева. Вскоре власть в городе захватили большевики. Занятия в учебно-инструкторской школе прекратились.

Через несколько дней в Томск без боя вошли войска 5-й армии красных, в которую мобилизовали значительную часть юнкеров школы. В их числе оказался и Николай Петров. Такие перемены дались ему совсем не просто. Письма этого периода свидетельствуют о духовном надломе, о кризисе, произошедшем в его внутреннем мире. «Сколько я пережил в эту неделю душой, один бог знает. От прежнего Коли остались одни обломки, будет верным, если я скажу, что меня

⁴² Письма Н.А.Петрова матери А.Н.Петровой (лето1918—осень 1920) // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург).— 1997.— №3.— С.92.

⁴³ Письма Н.А.Петрова ...— С.89, 93.

⁴⁴ Там же.— С.94.

нет, осталось только мое тело. Знающие меня, встречая после всего произошедшего, не узнают. Да и я сам не узнаю себя», — писал домой бывший юнкер⁴⁵.

Впоследствии Н.Петров даже командовал взводом, а затем стал помощником командира роты в одном из полков 27-й стрелковой дивизии Красной Армии. Погиб он на польском фронте осенью 1920 года.

Другая часть юнкеров Екатеринбургской учебно-инструкторской школы отступила вместе с разрозненными соединениями белых войск дальше на восток страны. Официально школу расформировали в Чите⁴⁶.

Иркутская учебно-инструкторская школа включала 3 стрелковых роты юнкеров и учебную пулеметную команду. Начальником являлся полковник Пархомов. Школа размещалась в здании военного училища и позднее стала частью его. Зимой 1919/20 года юнкера вместе со своими командирами участвовали в боях с повстанцами, защищая колчаковское правительство, находившееся к тому моменту в Иркутске. Но вскоре восставшие захватили власть в городе и военно-учебные заведения, располагавшиеся здесь, прекратили свою деятельность⁴⁷.

Учебно-инструкторские школы, о которых говорилось выше, готовили офицерские и унтер-офицерские кадры для пехотных соединений. Но в Русской армии А.В.Колчака не хватало командиров и в конных частях. Оренбургское военное училище, готовившее их, не могло в короткий срок решить такую задачу. По этой причине в Западной армии, по приказу ее командующего генерала К.В.Сахарова, в конце июня 1919 года в Челябинске открыли учебно-инструкторскую кавалерийскую школу. Для подготовки офицеров в школе сформировали эскадрон и сотню (всего 314 человек по штату), а для унтер-офицеров — конно-саперную и пулемётную учебные команды (281

⁴⁵ Письма Н.А. Петрова ...— С.95.

⁴⁶ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).— 1963.— №64.— С.28.

⁴⁷ Там же.— С.30.

человек по штату). Для получения офицерского чина принимались лица с образовательным цензом не ниже 4-х классов среднего учебного заведения, прошедшие курс молодого солдата, а также отличившиеся на службе унтер-офицеры. Для производства в унтер-офицерское звание принимали бойцов, командированных из кавалерийских частей, по 6 человек с эскадрона.

Обучение длилось 2 месяца и состояло в основном из практических занятий. Главными учебными дисциплинами являлись полевая тактика, топография, краткие сведения об артиллерии, конно-саперное дело, пеший и конный строй, обучение действию оружием, уставы, иппология, хозяйство в эскадроне. Учащиеся офицерского отделения, завершившие учебу на «отлично» и «успешно» через 2–4 месяца службы получали чин корнета или хорунжего (в казачьих частях). При этом каждый выпускник, показавший отличные знания получал выходное пособие в 500 рублей. Неуспевающие юнкера откомандировывались в свои части, где несли службу унтер-офицерами или рядовыми⁴⁸.

Сначала это учебное заведение возглавлял полковник Титов, позднее — ротмистр Н.В.Бартенев. Кавалерийская школа находилась в составе Западной (впоследствии 3-ей) армии до сентября 1919 года, когда ее эвакуировали в Омск, а затем в Красноярск. В период отступления белых на восток многие учащиеся школы попали в конвой генерала В.О.Каппеля, так как его прежняя охрана практически вся погибла при мощном взрыве, осуществленном подпольщиками на станции Ачинск. Уже после падения власти А.В.Колчака в Сибири, школа оказалась в Чите. Здесь юнкеров произвели в корнеты. Они вскоре приняли участие в боях на Дальнем Востоке, а кавалерийская школа прекратила свое существование⁴⁹.

Еще одним направлением в системе военного обучения колчаковских офицеров являлось повышение их квалификации как военных специалистов. Прежде всего, эту задачу выполняли офицерские

⁴⁸ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.514,515,516–518,643 ; Д.136. Л.65–70.

⁴⁹ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).– 1963.– №64.– С.31.

школы ротных командиров, созданные еще при Директории. Здесь обучались младшие офицеры пехотных частей. Все обучавшиеся делились на два отделения. В первом осуществлялась подготовка командиров рот и начальников пулеметных команд в течение 2 месяцев. От каждого полка на это отделение школы командировалось по три человека. Офицеры изучали тактику, топографию, основы военной администрации, инженерное и артиллерийское дело, службу связи, уставы, пулеметное и стрелковое дело. По окончании курса проводились экзамены. Офицеры, сдавшие их на «успешно», отсылались в свои части и при наличии вакансий назначались командирами рот или пулеметных команд. Второе отделение представляло собой повторительный курс для слабых в отношении военной подготовки офицеров или лиц, перешедших в войска А.В.Колчака из Красной Армии. Сюда каждая отдельная часть командировала по одному военнослужащему. Административно-преподавательский состав школы по штату насчитывал 26 офицеров⁵⁰.

В апреле 1919 года подобную школу при штабе Западной армии окончило 42 человека: 23 прапорщика, 14 подпоручиков и 5 поручиков⁵¹. Кроме того, курсы ротных командиров продолжительностью от 2-х до 4-х недель решили открыть и при корпусах. Так, в феврале 1919 года начались занятия на курсах в 3-м Уральском корпусе Западной армии, где обучалось не более 10 офицеров⁵².

Помимо этого, действовали повторительные курсы для офицеров артиллерии, созданные в каждом отдельном корпусе еще по приказу Главнокомандующего вооруженных сил Директории генерала В.Г.Болдырева. Такие курсы при 3-м Уральском армейском корпусе работали в Екатеринбурге. Затем они остались и в Западной армии. На курсах в разное время обучалось не более 30 офицеров-артиллеристов⁵³. Имелись подобные курсы не только при армиях, но и в тыловых округах, например, в Кургане при кадровом артиллерий-

⁵⁰ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.117об.-120.

⁵¹ Там же. Д.137. Л.282.

⁵² Там же. Д.219. Л.134-135об.; Д.137. Л.8,282.

⁵³ Там же. Ф.39512. Оп.1. Д.59. Л.147; Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.16,333.

ском дивизионе 1-го Волжского корпуса. После полуторамесячного обучения офицеры держали экзамен. Командированный из Омска в апреле 1919 года для работы в экзаменационной комиссии генерал Ильинский дал высокую оценку уровню знаний выпускников⁵⁴.

В Западной армии также действовала школа подготовки полковых и дивизионных начальников службы связи, где в течение 2–3 месяцев обучалось до 40 офицеров. При школе состояла полевая телефонная команда, в которой служили и учились до 60 солдат в течение 3–4 месяцев. Однако в октябре 1919 года в школе числилось лишь 7 обер-офицеров, остальные ее учащиеся являлись нижними чинами⁵⁵.

При штабе Оренбургской казачьей армии существовали шестинедельные пулемётные курсы. На них командировались от каждого пластунского полка по одному офицеру и восемь казаков, от каждого стрелкового дивизиона и конного полка — по одному офицеру и четыре казака⁵⁶.

Армейская отчетная документация того времени свидетельствует, что в Троицке в апреле 1919 года имелась авто-броневая школа. В Кургане шли занятия в авиационной школе, а в Петропавловске функционировали школа военных шоферов и учебный автотранспортный дивизион⁵⁷. На Дальнем Востоке, в Спасске, под руководством полковника Старипавлова действовала еще одна авиационная школа, рассчитанная на 80 летчиков. Ее учащиеся нередко привлекались для борьбы с красными партизанами⁵⁸. Во многих подобных учебных заведениях наряду с нижними чинами обучалось и определенное количество офицеров.

В декабре 1918 года в Омском военном округе, на базе повторительных курсов для командиров инженерных и железнодорожных

⁵⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 139. Л. 199.

⁵⁵ Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 27–29; Д. 193. Л. 38 об.–39.

⁵⁶ Там же. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 9. Л. 23.

⁵⁷ Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 196. Л. 92.

⁵⁸ Андрушкевич Н.А. Последние Россия // Белое дело.— Берлин, 1928.— Т. 4.— С. 135; РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 331. Л. 26 об.

войск, существовавших в Народной армии Комуча, открыли офицерскую инженерную школу⁵⁹.

С целью увеличения качества подготовки командиров, отправлявшихся на фронт и для лиц, добровольно перешедших в колчаковские войска из Красной Армии, действовали офицерские повторительные курсы. После ликвидации школ ротных командиров, в структуру которых они входили, эти курсы существовали самостоятельно. В казачьей армии атамана А.И.Дутова они действовали недолго, всего один месяц, с октября по ноябрь 1918 года⁶⁰. Видимо, с этой задачей справлялось Оренбургское военное училище.

В течение более длительного периода такие курсы существовали в Западной армии. Сначала они находились в Кургане при управлении военного округа. Затем их перевели в Челябинск, в распоряжение штаба армии и в дальнейшем их местонахождение зависело от того, где располагались штабные службы. Обучение проходило в течение месяца. Основные предметы: полевая тактика, сведения об артиллерии, основы топографии, обучение действию оружием, строевая подготовка, уставы, гимнастика и «втягивание в бег». Практические занятия преобладали над теоретическими. Курсы посещали только обер-офицеры, то есть начальники младшего и среднего звена. Лица, не выдержавшие итоговых экзаменов, подлежали разжалованию в портупей-юнкера или отправлялись на фронт рядовыми⁶¹.

На территории, находившейся под контролем Омского правительства, оказалась бывшая Николаевская академия Генерального штаба. Основанная еще в 1832 году, она давала своим выпускникам высшее военное образование. Когда началась Первая мировая война, занятия в академии прекратились, а ее личный состав занял штабные и строевые должности в армии. В 1916 году академия возобновила свою работу, сократив курс обучения с 2 лет до 8 месяцев. Первый выпуск офицеров (240 человек), обучавшихся по ускоренной про-

⁵⁹ Константинов С.И. Указ.соч. – С.180.

⁶⁰ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.9 Л.41.

⁶¹ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.113 ; Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.399 ; Д.136. Л.33,36 ; Д.137. Л.340.

грамме, состоялся в январе 1917 года. В марте 1918 года советское правительство эвакуировало академию из Петрограда в Екатеринбург, где ее разместили в здании епархиального училища. Таким образом, кадры Академии, ее слушатели и значительная материальная база оказались на Урале.

Начальником академии являлся генерал А.И.Андогский. Часть личного состава, находившегося в его подчинении, использовалась в качестве военных специалистов в вооруженных формированиях Советской республики. На младший курс в академию командировали слушателей из красногвардейских подразделений, значительную часть которых составляли полуграмотные люди. По рекомендации Предреввоенсовета Л.Д.Троцкого, тех, кто не справлялся с учебной программой академии, отчисляли и отправляли назад, в свои части. Среди таких командиров оказался и В.И.Чапаев, в будущем возглавивший одну из самых боеспособных дивизий на Восточном фронте. Он сам подал рапорт в Реввоенсовет 4 армии, в котором просил отправить его в любой полк. В.И.Чапаев признавал свою слабую общеобразовательную подготовку, заявляя, что академия ему «кажется тюрьмой» и просил «не морить» его «в такой неволе»⁶².

В связи с выступлением чехословацкого корпуса в мае 1918 года слушатели младшего курса разъехались по своим подразделениям. При подходе белых к Екатеринбургу руководство академии получило приказ об эвакуации в Казань. Но только часть слушателей и учебно-административного персонала выполнила его. Остальные, оказав содействие чехословакам, дополнили войска белогвардейцев. Впоследствии офицеры, выехавшие в Казань, отказались выполнить распоряжение о их дальнейшем переезде в Муром. Они перешли на нелегальное положение до занятия города чехами и отрядами подполковника В.О.Каппеля. В его штабе осталось от 20 до 30 учащихся академии. Остальные (42 слушателя и кадровый состав) отправились в Екатеринбург, где воссоединились с другими офицерами, оставшимися там.

---

⁶² Родина.- 1991.- № 2.- С.24.

По пути в Самару им поручили охранять захваченный в Казани и перевозимый оттуда золотой запас Российского государства ⁶³.

Вскоре академию Генерального штаба включили в состав вооруженных сил Временного Сибирского правительства. Занятия были прекращены, ее офицеров призвали в штабы Сибирской армии. Летом 1918 года академия из Екатеринбурга переехала в Омск, где находилась до конца года. Затем ее передислоцировали в Томск. Здесь открылись курсы для подготовки офицеров Генерального штаба. На них принимались в основном кадровые офицеры с полным военным образованием, отличившиеся в боях, имевшие отличные аттестации. Так, на курсы 4-й очереди (учеба начиналась с 15 января 1919 года) предполагалось набрать слушателей, командированных из разных армий и даже из польских формирований. После окончания теоретического обучения офицеры отправлялись по местам службы. В течение 3 месяцев они обязаны были выполнить две теоретических работы по военному искусству и защитить их. В случае успешной аттестации они назначались на штабную работу ⁶⁴. К маю 1919 года младший класс курсов 4-й очереди окончили 152 офицера, которых командировали на службу в штабы разного уровня.

Позже, когда генерал А.И.Андогский получил новое назначение в Ставку Верховного Главнокомандующего, академию возглавил генерал Б.М.Колубакин, заслуженный ординарный профессор. С ухудшением ситуации на фронте в октябре—ноябре 1919 года учебное заведение эвакуировали на о. Русский близ Владивостока. А в 1922 году большинство кадров академии эмигрировало за границу ⁶⁵.

Рассматривая подготовку офицерских кадров для войск А.В.Колчака, необходимо, на наш взгляд, несколько слов сказать о деятельности кадетских корпусов. Хотя эти учебные заведения и относились к общеобразовательным, но, тем не менее, значительная

⁶³ Константинов С.И. Указ. соч.— С.178; Еленевский А. Указ. соч.— С.33.

⁶⁴ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.9. Л.13-16,45.

⁶⁵ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж).— 1964.— №65.— С.34;

Болдырев В.Г. Директория. Интервенты. Колчак.— Новоиколаевск, 1925.— С.520.

часть их выпускников в дальнейшем становились юнкерами, то есть являлись потенциальными офицерами. Кроме того, кадетские корпуса были местом службы офицеров, занимавшихся обучением и воспитанием подростков.

В дореволюционный период на Урале и в Сибири имелось пять кадетских корпусов: 1-й Сибирский имени императора Александра Первого в Омске, основанный в 1813 году, Оренбургский Неплюевский (1825г.), 2-й Оренбургский (1887г.), Хабаровский имени графа Н.Н.Муравьева-Амурского (1900 г.), Иркутский (1913г.). После Февральской революции кадетские корпуса стали именоваться военными гимназиями. Когда к власти пришел адмирал А.В.Колчак, они вновь обрели свое старое название. С началом Гражданской войны подобные учебные заведения, оказавшиеся на территории Советской России, закрыли. Поэтому на востоке страны в существовавших здесь корпусах появилось много кадетов из Ярославля, Симбирска, Нижнего Новгорода и других городов. Они самостоятельно или вместе со своими родственниками в качестве беженцев пробирались в Сибирь, чтобы избежать большевистской диктатуры. По-другому поступило руководство Псковского кадетского корпуса, которое почти в полном составе эвакуировало своих воспитанников в Иркутск.

Кадетские корпуса находились в ведении управления военнo-учебных заведений военного министерства колчаковского правительства. Его последовательно возглавляли генералы Кедрин, Осипов, Жолтиков. Обычно учащимися кадетских корпусов являлись сыновья дворян, офицеров и чиновников. Значительное число воспитанников старших возрастов, если даже не успели принять участие в борьбе с большевиками, то симпатизировали идеологии Белого движения. Об этом говорят следующие данные.

Таблица

Сведения о выпускниках Хабаровского кадетского корпуса⁶⁶

	Выпуск 1918 г.		Выпуск 1919 г.	
	Количество	%	Количество	%
Поступившие в военно-учебные заведения белых войск	16	37,2	40	75,4
Поступившие в гражданские учебные заведения	1	2,3	1	1,9
Принятые на службу в воинские части белых войск	8	18,6	1	1,9
Выпускники, данные о которых отсутствуют	18	41,9	11	20,8
Общее количество выпускников	43	100	53	100

Таким образом, можно констатировать, что большинство воспитанников Хабаровского кадетского корпуса после окончания учебы поступали в военные училища для получения офицерского чина. Видимо, в других корпусах ситуация была аналогичной. Многие бывшие кадеты служили в белогвардейских частях и в качестве рядовых бойцов. Например, команды бронепоездов «Витязь», «Слава офицера» и «Россия» почти целиком состояли из них⁶⁷. И еще одно свидетельство активного участия кадетов на стороне антибольшевистских сил. Выпускники Хабаровского кадетского корпуса, находясь в эмиграции, составили поименный список его воспитанников, погибших в годы Первой мировой и Гражданской войн. Таких оказалось 180 человек, из них отдали свою жизнь, сражаясь в соединениях и частях белых войск 56 юношей, то есть почти 1/3 от общего количества⁶⁸.

Завершая обзор деятельности военно-учебных заведений, необходимо сказать и об административно-преподавательском составе. В этом отношении у белых на востоке страны было определенное

⁶⁶ Подсчитано по: Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус.-Сан-Франциско,1978. – С.215-218.

⁶⁷ Марков А. Кадеты и юнкера.- Буэнос-Айрес, 1961.- С.234-236.

⁶⁸ Подсчитано по: Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус.- Сан-Франциско,1978.- С.233-238.

преимущество, так как здесь оказались преподавательские кадры академии Генерального штаба, эвакуированной в Екатеринбург. Они насчитывали 14 профессоров и 22 преподавателя⁶⁹. В период, когда в академии не проводились занятия, эти люди занимались штабной работой в соединениях Русской армии А.В.Колчака. К примеру, профессора генерала П.Ф.Рябикова, как специалиста по разведывательной службе, назначили 2-м генерал-квартирмейстером Ставки, генерала В.Н.Касаткина — начальником военных сообщений, генерала И.И.Смелова — начальником штаба Уральской группы войск, ординарного профессора генерала А.И.Медведева — начальником снабжения Московской группы войск⁷⁰. Преподавательский состав академии занимался также издательской деятельностью. В этот период выходит 1-й том «Воспоминаний генерал-фельдмаршала графа Д.А.Милютина» под редакцией ординарного профессора генерала Г.Г.Христиани⁷¹.

Значительную роль в создании сети учебно-инструкторских школ для ускоренной подготовки командных кадров сыграли офицеры Британской армии, ведь эти учебные заведения создавались по английскому образцу. Зачастую в таких школах британские офицеры выполняли обязанности инструкторов по спорту и стрельбе. Так было во Владивостокской и Екатеринбургской школах, они считались образцовыми. В первой из них работали канадские офицеры из контингента английских войск: майор Макинтош-Бэлл, капитан Стерз и поручик Макалэстер⁷². А Екатеринбургская учебно-инструкторская школа была примечательна тем, что многие ее офицеры в прошлом служили в гвардейских частях. Начальник школы полковник Ярцев — в лейб-гвардии гренадерском полку, его помощник полковник Малиновский — в гвардейской артиллерийской бригаде, командир 1-го батальона юнкеров полковник Орлов — в лейб-гвардии Павловском

⁶⁹ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. — Н.Новгород, 1995. — С.60.

⁷⁰ Константинов С.И. Указ. соч. — С.145,179; РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.17. Л.436.

⁷¹ Болдырев В.Г. Указ. соч. — С.520.

⁷² РГВА. Ф.39778. Оп.1. Д.1. Л.11.

полку, командир 2-го батальона юнкеров полковник Дурасов — в лейб-гвардии гренадерском полку⁷³.

Поддаляющее большинство преподавательского состава являлись военными. Но иногда, для подготовки юнкеров по отдельным общеобразовательным предметам, приглашались штатские преподаватели, значительное количество которых работало в кадетских корпусах. Среди руководителей военно-учебных заведений можно назвать много ответственных офицеров, оставшихся в любых ситуациях со своими воспитанниками до конца. Таким был начальник Оренбургского военного училища генерал К.М.Слесарев, арестованный в Иркутске с оставшимися юнкерами и офицерами. Сначала он, как военнопленный, занимался хозяйственными работами, затем его поставили во главе школы курсантов комсостава в Омске. Но в марте 1921 года, во время антисоветского восстания в Западной Сибири, Слесарева арестовали и без долгих разбирательств расстреляли по обвинению в связях с повстанцами⁷⁴. Попал в плен к красным и начальник учебно-инструкторской школы Западной армии полковник М.И.Москаленко, который вел своих юнкеров в атаку в боях под Челябинском в июле 1919 года⁷⁵. Его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Однако имели место случаи, когда руководители военно-учебных заведений в большей степени думали о собственной безопасности, нежели о своих воспитанниках. Полковник Мясоедов, например, возглавлявший Томские военно-училищные курсы, в декабре 1919 года, в условиях приближения фронта к городу и восстания солдат гарнизона, вместо того, чтобы организованно эвакуировать юнкеров, бросил их и укрылся в одном из чехословацких эшелонов. Позднее его опознали и под охраной отправили в штаб армии генерала Г.А.Вержицкого, который оставил полковника на свободе. Послед-

⁷³ Еленевский А. Указ. соч. // Восняная быль (Париж). — 1963. — №64. — С.27.

⁷⁴ Там же // Военная быль (Париж). — 1963. — №61. — С.33–34.

⁷⁵ РГВА Ф.185. Оп.3. Д.1191.Л.67,72.

ний добрался до Верхнеудинска, где добровольно сдался советским властям⁷⁶.

Итак, все рассмотренные выше военно-учебные заведения, осуществлявшие подготовку офицерских кадров для колчаковских войск, отличались кратким периодом обучения (от 2 недель до 8 месяцев) и преобладанием практических занятий над теоретическими. Командование колчаковской Русской армии сделало ставку на выпуск офицеров с навыками полевых командиров, пусть даже имевших пробелы в военной теории. Для этого широко был использован опыт британской армии и создана сеть учебно-инструкторских школ. По данным Г.Х.Эйхе, за четыре года Гражданской войны на востоке страны 6 тысяч человек получили офицерские погоны, в большинстве своем в результате окончания военно-учебных заведений разного уровня⁷⁷.

Юнкера, по мнению колчаковского военного руководства, являлись наиболее надежным и боеспособным элементом армейских структур. Поэтому, как показывает история деятельности военно-учебных заведений на Урале и в Сибири, их нередко привлекали для подавления антиколчаковских восстаний в городах, волнений в армии, для борьбы с партизанскими отрядами в тылу и в качестве ударной силы в проведении той или иной военной операции.

Однако, в целом, подготовка командного состава оказалась недостаточной. На это, как нам представляется, повлияло нежелание значительных слоев интеллигенции активно участвовать в Гражданской войне и противодействовать большевизму. Ведь именно гражданская интеллигенция могла укрепить и значительно пополнить ряды белого офицерства и помочь создать эффективную систему военного обучения. Вместо этого колчаковские генералы вынуждены были готовить офицерские кадры из тех, кто в массе своей даже не имел законченного среднего образования.

Западный историк Р.Лаккетт отмечал, что «интеллигенция послужила красным больше, нежели тем, кому она была предназначена

⁷⁶ Еленевский А. Указ. соч. // Военная быль (Париж). – 1963. – №63. – С.38–39.

⁷⁷ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С.4.

оказать помощь». Большевики, «искусные пропагандисты», сумели в большей степени привлечь ее на свою сторону. Они придали «новое патриотическое значение» Гражданской войне, обличая помощь Антанты белым, как наступление иностранного империализма. В итоге, большая часть интеллигенции способствовала моральной консолидации народа под флагом большевизма, а для белых оказалась «более помехой, чем пользой»⁷⁸. Отечественный исследователь С.А.Федюкин пришел к выводу, что основная масса интеллигенции не поддержала Белое движение, и это явилось одной из причин его поражения⁷⁹.

Кроме того, колчаковцам просто не хватило времени для организации устойчивой сети военно-учебных заведений, потому что ситуация на фронте, особенно с начала лета 1919 года, быстро менялась, и причем не в пользу антибольшевистских сил.

Если сравнить подготовку красных командиров в Советской республике, то их готовили на пехотных, кавалерийских, пулеметных, инженерных курсах. С 1919 года появились командные курсы, где получали высшее военное образование. Всего за 1918–1920 годы курсы красных командиров окончили 39 914 человек⁸⁰.

Большую роль в подготовке командных кадров в полевых условиях сыграл опыт 5-й армии Восточного фронта. Ее командующий М.Н.Тухачевский со своим штабом создал три типа военно-учебных заведений. Во-первых, курсы старших строевых и штабных начальников, открытые в июле 1919 года. Они действовали при штабе армии. На курсах первоначально обучалось 43 командира в течение 3-х месяцев без отрыва от основной службы. Во-вторых, центральная средняя школа по подготовке среднего командного состава при Реввоенсовете 5-й армии. К середине ноября 1919 года эта школа дала 50 батальонных и ротных командиров. Затем в ней началось двухмесячное обучение взводных командиров пехотных, артиллерийских, инженер-

⁷⁸ Цит. по: Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография Гражданской войны в Поволжье. – Казань, 1990. – С.72.

⁷⁹ Федюкин С.А. Интеллигенция и Белое движение // Советская культура: 70 лет развития. – М., 1987. – С.117.

⁸⁰ Гражданская война. 1918–1921. – М., 1928. – Т.2. – С.94–96.

ных частей. С этой целью командировали 800 бойцов из разных соединений. В-третьих, военно-политическая школа при политотделе армии с задачей в короткий срок подготовить политработников среднего звена. Принимались в нее в основном члены РКП(б) из рабочих. Заставляли посещать занятия и командиров, имевших слабую политическую подготовку. Подобный опыт военного обучения получили широкое распространение и в других армиях⁸¹. К 1920 году в Советской республике насчитывалось 105 военно-учебных заведений, готовивших красных командиров⁸².

Можно отметить, что обучение командного состава в Красной Армии было более эффективным, чем у белых. Этому способствовали, на наш взгляд, несколько преимуществ, которыми обладали большевики. Прежде всего, преподавательские кадры и материальная база военно-учебных заведений в столичных и в ряде других городов центрального региона страны, оказавшиеся под их контролем. Так, из 24 военных училищ, существовавших в России в 1915 году⁸³, 11 в период революционных событий и Гражданской войны находились на советской территории, к ним еще необходимо добавить несколько военных академий Москвы и Петрограда (кроме академии Генерального штаба, эвакуированной на Урал). Остальные 13 училищ, их материально-техническая база и административно-преподавательский состав были первоначально под властью различных антибольшевистских правительств. Значительная их часть оказалась на юге. Лишь два военных училища, как указывалось выше, Оренбургское казачье и Иркутское пехотное, были расположены в Урало-Сибирском регионе, где утвердилась власть А.В.Колчака. Поэтому следует предположить, что у А.И.Деникина с военным обучением дела обстояли значительно лучше, чем у белых на востоке страны.

Еще одним преимуществом большевиков являлись военные победы Красной Армии, которые позволяли им спокойно создавать и

⁸¹ Янгужов З.Ш. От Волги до Тихого.— Владивосток, 1988.— С.97; РГВА. Ф.185. Оп.4. Д.671. Л.1—2, 6, 9, 14, 15—18.

⁸² Гражданская война. 1918—1921.— М., 1928.— Т.2.— С.67.

⁸³ Марков А. Указ. соч.— С.299.

совершенствовать систему военно-учебных заведений. Они были избавлены от частых эвакуаций при приближении линии фронта, когда рушились все учебные планы, и происходила дезорганизация процесса обучения.

Глава третья

Самосознание и политические взгляды колчаковских офицеров

Реконструируя историю белого офицерского корпуса, вряд ли можно обойтись без анализа самосознания, этоса его представителей. «Именно на личности генералов и их манеру руководства мы должны смотреть, если хотим понять войну», — утверждал Р.Лаккетт¹. И с этим трудно не согласиться.

Истоки моральных ценностей офицерства необходимо вести от рыцарства, подчеркивал исследователь этой проблемы С.В.Устинкин. Центральное место в нравственных представлениях офицеров занимали такие понятия как долг, достоинство, честь². По мнению М.Оссовской, этос рыцаря определялся следующими ценностями: благородное происхождение, мужество, верность присяге и своему слову, честолюбие и постоянный поиск славы, любовь к оружию, уважительное отношение к врагу, особенно к побежденному, почитание женщины, корпоративность³. Такие установки характерны прежде всего для элиты традиционного общества. Многие из них были присущи и российскому офицерству, жившему в эпоху становления индустриального общества в своей стране в начале XX века. «Не приходится сомневаться, — пишет М.Оссовская, — что рыцарский идеал не был интеллектуальным. Зато он предлагал богатую эмоциональную жизнь»⁴.

¹ Luckett R. The White Generals. An Account of the White Movement and the Russian Civil War. — New York, 1971. — P.17.

² Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. — Н.Новгород, 1995. — С.208,210.

³ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. — М., 1987. — С.25–176.

⁴ Там же. — С.97.

Первая мировая война и революционные события начала XX века кардинально изменили взгляды офицерства, его представление о себе и окружающей действительности. Говорить о благородном, то есть дворянском, происхождении российского офицерства в этот период не приходится, так как оно было представлено практически всеми социальными слоями общества. Русская армия того времени предоставляла наилучшие возможности социальной мобильности. Вот только один пример. Элитой офицерского корпуса считались выпускники различных военных академий, особенно академии Генерального штаба, куда принимали не по знатности, а по способностям человека, невзирая на его имущественный ценз. Процесс демократизации социального состава офицеров особенно усилился в годы мировой войны, когда в армию пришло большое количество прапорщиков, выпускников ускоренных школ и курсов.

Начавшаяся Гражданская война внесла раскол в сознание офицерства. Первоначально многие предпочитали оставаться в стороне. Однако происходившие в стране события не позволили большинству из них этого сделать. Поэтому значительная часть офицеров, призванных по мобилизации белыми или красными, порой формально относились к своим служебным обязанностям, не желая воевать против соотечественников. Отсюда и многочисленные случаи уклонения от боевых действий, стремление отсидеться в тылу и т.д. Лишь офицеры, убежденные в правоте своих действий, активно сражались на полях Гражданской войны.

Большое значение для человека в офицерских погонах имела верность присяге, которую он дал, вступая на путь служения Отечеству. Нарушение ее считалось бесчестьем. Изменить присягу было для офицера немыслимым поступком и позором, равносильным проявлению трусости во время боя. События 1917 года во многом подорвали и это представление в сознании офицерства. Если отречение Николая II и присяга на верность Временному правительству для большинства из них прошли менее болезненно, то Октябрьский переворот и захват власти большевиками внесли полную неопределенность, смятение в

умонастроения офицеров. Одни из них оказались в Красной, другие — в Белой армии, оставшиеся попытались занять позицию нейтралитета. Таким образом, с 1917 года офицерам приходилось по несколько раз присягать разным правительствам, управлявшими страной или отдельными ее регионами. Подобное положение превращало присягу, в глазах офицеров, из торжественной клятвы в простую формальную процедуру.

Значительным, если не главным, в системе моральных ценностей являлось понятие офицерской чести. По мнению официального печатного органа военного ведомства в Омске — газеты «Русская армия», белый офицер, чтобы не уронить своей чести, обязан обладать следующими качествами:

- патриотизм, переходящий в фанатизм, в полное самоотречение, в полное подавление своего «Я» и личных выгод, интересов во имя Родины;
- вера в Россию, в победу над «темными силами»;
- самопожертвование, полное презрение к удобствам;
- законопослушность, «рыцарское» отношение к вопросам чести;
- способность поддерживать дух солдат и воспитывать «темные массы»;
- аполитичность⁵.

К этому еще необходимо добавить такие элементы, составляющие представление об офицерской чести, как стремление к профессионализму в военном деле, сохранение и защита личного достоинства офицера.

Однако это был идеальный образ человека в офицерских погонах. В годы Смуты немногие офицеры соответствовали ему. Нередко в их среде случались измены и переход на сторону врага, нарушения закона, пьянство, драки и т.д. Насколько изменились представления об офицерском достоинстве, неприкосновенности, чести говорит следующий факт, о котором рассказал в своих мемуарах генерал

---

⁵ Русская армия (Омск). — 1919. — 24 апр.

С.А.Щепихин. На одной из железнодорожных станций несколько солдат одного из подразделений 11-й Уральской стрелковой дивизии, прибывшей из резерва с новым пополнением, прямо на перроне играли в карты вместе со своим командиром. Когда последний проигрывал, солдаты «с аппетитом отвешивали ему шлепки по спине и ниже»⁶. Ни о каком авторитете офицера среди нижних чинов в таких панибратских условиях не могло идти и речи.

Другие офицеры, особенно кадровые, стремились держаться с достоинством и совершать поступки, за которые не придется краснеть. В.О.Капшель, например, уже будучи Главнокомандующим фронтом, посчитал действия чехословацкого генерала Я.Сыровы, способствовавшие задержке воинских эшелонов и, прежде всего, поезда Верховного правителя для дальнейшего продвижения на восток страны, оскорблением для Белой армии. Он потребовал от Сыровы удовлетворения путем дуэли и отправил ему вызов. Но ответа так и не получил⁷. Необходимо отметить, что дуэль, как способ разрешения конфликтов для военных, официально узаконенный в 1894 году, являлась еще и способом охранения офицерской чести. Человек, который прибегал к такому опасному для своей жизни методу, конечно, мыслил категориями офицерского кодекса чести.

Гражданская война радикально изменила и отношения к противнику: взаимное ожесточение не способствовало проявлению какого-либо благородства к врагу. Расстрелы пленных не являлись редкостью. Так, в одном из распоряжений генерала М.В.Ханжина, звучал призыв не брать в плен красноармейцев-добровольцев и бойцов интернациональных отрядов⁸. Террор стал повседневным явлением. Капитан Г.Н.Юрьев, один из руководителей Ижевско-Воткинского восстания, а затем начальник дивизии в армии А.В.Колчака, георгиевский кавалер, по замечанию С.А.Щепихина, являлся «алкоголиком и садистом». Он издевался над пленными полушутя. Сначала по-

⁶ Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605.Оп.1. Д.7. Л.60б.

⁷ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. — Белград, 1931. — Ч.3.Т.2. — С.131.

⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.153. Л.1.

дружески разговаривал с ними, даже обнимал и вдруг, приставив револьвер к телу своего собеседника, спускал курок. Зимой он разделял захваченных в плен красноармейцев до нижнего белья и выдерживал их часами на морозе⁹. Другой колчаковский офицер полковник В.Д.Косьмин приказывал расстреливать пленных, если у тех отсутствовали нательные кресты¹⁰.

Однако были случаи и достаточно лояльного отношения к поверженному врагу. Например, генерал В.О.Каппель в определенных ситуациях отпускал пленных красноармейцев. Но здесь большую роль играл политический расчет, так как в условиях Гражданской войны поддержка населения являлась очень значимой¹¹.

Корпоративность офицерского корпуса за годы Первой мировой и Гражданской войн стала эфемерной. Офицеры в дореволюционной России являли собой действительно особую касту со своими ценностями и стилем жизни. Можно привести в качестве примера несколько требований того времени к поведению офицеров, которые обособляли их от других слоев общества. Человеку в офицерских погонах запрещалось: посещать рестораны 2 и 3 классов; занимать в театрах (кроме императорских) места далее 5 ряда; ходить по улице со свертками или пакетами, предпочтительней было оплачивать доставку товаров на дом; водить знакомства с лицами из низших сословий. Помимо этого, в обязанности офицера входило давать «чаевые» за оказанные мелкие услуги, в гости, как правило, отправляться в пролетке, а не пешком. Супруга офицера не должна была работать в каких-либо коммерческих или промышленных заведениях, в крайнем случае, она могла выступать в роли преподавателя¹².

В годы Первой мировой войны кастовость офицерского корпуса, особенно среди командиров младшего и среднего звена, практически исчезла. Большинство погибших и попавших в плен начальников заменили офицеры военного времени из различных слоев общества.

⁹ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.61.

¹⁰ Балакшин П. Финал в Китае. – Сан-Франциско, 1958. – Т.1. – С.93.

¹¹ Войнов В.М. Генерал В.О.Каппель // Волга (Саратов). – 1991. – №4. – С.188.

¹² Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры. – М., 1995. – С.29,30.

Общей чертой новоиспеченного офицерства, по словам С.П.Мельгунова, прежде всего, являлась демократичность, и «его политические симпатии были столь же разнородны, как разнородно и все общественное мнение»¹³.

К женщинам в офицерской среде, в целом, относились корректно и учтиво. Хотя и не исключено, что имели место случаи насилия над слабым полом. Нам таких фактов обнаружить не удалось.

Таким образом, многие идеалы рыцарства, лежавшие в основе офицерской идеологии, оказались в период Смуты начала XX века во многом разрушены. В среде офицерства исчезло то духовное единство, которое их сплачивало долгие годы.

Но в сознании и поведении белых офицеров сохранились и некоторые старые традиции. Как и раньше, им был присущ «милитаризм мышления», идеи нищезанятия о духовном возвышении человека во время войны. Так, например, мыслил А.В.Колчак, который воспринимал гражданскую войну как очистительное зло, считая, что нет другого пути возрождения нации. Для адмирала общество, не желающее бороться за свои идеалы, обречено на гибель¹⁴. Также смотрели на войну многие другие офицеры. «Без армии, — отмечал Верховный правитель в одном из своих обращений к военным, — невозможна никакая независимость, никакая свобода и государство»¹⁵.

Среди офицеров господствовало пренебрежительное отношение к штатским людям, которых именовали «шпаками», «штафирками» и т.д. Отсюда проистекало то непонимание, взаимное недоверие и даже конфликты между военными и гражданскими властями на территориях, находившихся под контролем белых правительств. Установилась глубокая неприязнь между офицерством и интеллигенцией. Первые считали, что именно политики либерального и социалистического толка привели Россию к катастрофе. Офицерство им сначала доверяло, поддерживая отречение царя, а они предали его, развалив армию и

¹³ Мельгунов С.П. Указ. соч. — Белград, 1930. — Ч.1.Т.1. — С.97.

¹⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. — Белград, 1930. — Ч.3.Т.1. — С.23.

¹⁵ Katzer N. Die Weisse Bewegung in Russland. — Köln — Weimar — Wein., 1999. — S.204.

страну¹⁶. Называясь «плоды дела», офицеры противопоставляли себя «говорунам» от политики.

Все мировоззрение офицерства было пронизано духом патриотизма, готовностью жертвовать собой ради Отечества. Несколько событий периода российской Смуты начала XX века, заставивших их действовать определенным образом, очень показательны. Во-первых, унижительный Брестский мир, заключенный большевиками, сразу же негативно настроил против них огромную массу офицерства. Вот свидетельство адмирала А.В.Колчака: «Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения Брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот факт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов»¹⁷.

Поэтому первоначально большинство офицеров включилось в борьбу с большевиками, искренне полагая, что последние действуют в качестве союзников Германии. Они воспринимали борьбу с советской властью как продолжение Первой мировой войны. Подполковник Ф.Е.Махин летом 1918 года даже разработал и подготовил специальный стратегический план создания нового Восточного фронта в Поволжье против красногвардейских и германских войск¹⁸.

Начало перелома в сознании некоторых офицеров, по мнению С.И.Константинова, связано с окончанием Первой мировой войны. Тогда они данную ситуацию оценивали следующим образом: большевики защищают, хотя и красную, но все же Россию, а белые зависят от иностранных правительств¹⁹. В этом мнении их укрепило другое событие — советско-польская война 1920 года. Когда она началась,

¹⁶ Кенез П. Идеология Белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. — М., 1994. — С.98.

¹⁷ Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака // Арестант палаты камеры. — М., 1990. — С.342.

¹⁸ ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.387. Л.1—7.

¹⁹ Константинов С.И. Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). — 1996. — №1. — С.28.

руководители большевиков, используя при этом служившего у них бывшего генерала А.А.Брусилова, обратились ко всем белым офицерам выступить на защиту Родины и встать в ряды Красной Армии, обещая им амнистию. Такой шаг, делавший акцент на патриотические чувства офицеров, нашел отклик среди них. Часть офицеров перешли на сторону советской власти. В частности, так поступили братья Н.Т. и А.Т.Сукины, находясь уже в эмиграции²⁰. Первый в войсках А.В.Колчака командовал корпусом, а второй — казачьим полком. Однако в условиях Гражданской войны, когда приходилось сражаться против соотечественников, дух патриотизма не был так высок.

Еще одной чертой мировоззрения офицерства являлась его религиозность, обращение к духовной вере. Белый цвет антибольшевистского движения символизировал святость и чистоту помыслов, а также готовность жертвовать собой ради освобождения России от злых и темных сил. Атеизм новой власти, ее откровенная антицерковная политика, репрессии против священников, разрушение храмов способствовали тому, что часть офицеров решила сражаться с большевиками именно по этой причине.

В Русской армии издавна существовал институт военного духовенства. Без религии, без веры многие офицеры просто не мыслили свою деятельность. Частые поездки Верховного правителя на фронт и по городам Урала и Сибири сопровождались церковными молебнами, то же происходило при освобождении крупных населенных пунктов от частей Красной Армии. Сам адмирал А.В.Колчак смотрел на свое правление, как на необходимость нести тяжкий крест в смутные для страны времена²¹.

Наиболее ярко религиозные настроения среди офицерства отразились в личности генерала М.К.Дитерихса, который «верил в высшую небесную миссию и чудесное избавление от большевиков». Его кабинет в пульмановском вагоне Главнокомандующего фронтом был уставлен хорутвями и знаменами с религиозными атрибутами. На

²⁰ Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. — Харбин, 1937. — С.28,34.

²¹ Katzer N. Das erwähnte Verfassn. — S.547.

стене висел знак братства Святого Креста²². По инициативе Дитерихса в Омске из добровольцев стали формировать боевые дружины Святого Креста, их участников в обиходе именовали «крестоносцами»²³. Но все же говорить об усилении религиозных настроений среди основной массы командного состава не приходится.

Многие кадровые офицеры еще жили старыми представлениями и порядками, бытовавшими в дореволюционной императорской армии. К примеру, полковник С.Н.Войцеховский в январе 1919 года, в самый разгар Гражданской войны, в своем дневнике отмечал, что устал и собирается в отпуск с фронта. Он рассчитывал его провести в Японии²⁴.

Другой пример. Генерал М.В.Ханжин, когда почувствовал негативное отношение Ставки к его командным способностям, несколько раз просил А.В.Колчака об отпуске «по болезни»²⁵. Подобное поведение бывших офицеров, служивших в Красной Армии, где они находились под постоянным контролем со стороны комиссаров, было практически невозможным.

Некоторые исследователи Белого движения подчеркивают национализм и антисемитизм во взглядах офицерства²⁶. На наш взгляд, это является спорным утверждением. Национализм, как идеология превосходства одной нации над другой, вряд ли был присущ многонациональному офицерскому корпусу. Его представителями являлись люди самых разных национальностей и религий. Об этом уже сказано выше. Идея «великой и неделимой России», провозглашавшаяся идеологами Белого движения, подразумевала единую российскую государственность, которая могла обеспечить достойную жизнь каждому народу.

Антисемитизм, связанный во многом с тем, что в руководстве

²² Сахаров К.В. Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923. — С.146–147.

²³ Кроль Л. За три года. — Владивосток, 1922. — С.196.

²⁴ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.772. Л.26.

²⁵ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. — Екатеринбург, 1999. — С.145.

²⁶ Кенез П. Указ. соч. — С.96–97; Устишкин С.В. Указ. соч. — С.191; Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. — М., 1996. — С.119.

большевиков и на командных постах в Красной Армии был большой процент евреев, существовал, на наш взгляд, среди очень небольшой части офицеров. Так, некий капитан Романов, выступая от имени других колчаковских офицеров, заявил: «Есть одна причина, почему русские против Америки. В американском штабе, американском Красном Кресте и американском Христианском Союзе молодежи слишком много русских евреев... Американцы не должны забывать, что русские веками имеют сильное чувство против евреев»²⁷.

Полковник Котомин, перешедший к колчаковцам от красных, в своем докладе о положении в войсках Советской республики отмечал большое количество среди комиссаров лиц еврейской национальности. Они, по мнению полковника, мечтали не о претворении идей большевистской революции в жизнь, а «о захвате мировой гегемонии в свои руки»²⁸. Генерал К.В.Сахаров, убежденный антисемит, в своих мемуарах говорил о том, что «еврейская беспощадная диктатура над русским народом правит под фирмой большевиков-коммунистов»²⁹.

Однако это лишь несколько высказываний отдельных офицеров, реальность же была иной. Например, в ряде сибирских городов в тот период довольно спокойно существовали крупные еврейские общины. В январе 1919 года в Иркутске даже создали Национальный Совет евреев Сибири и Урала³⁰. В Чите в еврейском театре шли спектакли на идиш. Забайкальский атаман Г.М.Семенов даже имел в своих частях отдельную еврейскую роту³¹.

Порой еврейская общественность жаловалась властям на белую прессу, которая много писала о евреях-большевиках и тем самым способствовала антисемитским выступлениям на территории, подвластной колчаковскому правительству. Но факты говорят о том, что никаких крупных еврейских погромов, какие имели место на Украине со

²⁷ Перейра Н.Г.О. Указ. соч. – С.119.

²⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. – М., 1924. – Т.2, Кн.1. – С.111.

²⁹ Сахаров К.В. Указ. соч. – С.180.

³⁰ Самоделкин В.А. Антисемитская пропаганда в Сибирской армии // История Белой Сибири. Тез. конф. – Кемерово, 1995. – С.56.

³¹ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. – М., 1993. – С.111.

стороны петлюровцев и буденновцев³², здесь не произошло. За исключением одного в Екатеринбурге в июле 1919 года, накануне прихода туда частей Красной Армии, когда белые покидали город. Тогда погибло более 200 евреев³³. Погром, естественно, сопровождался большими грабежами. Однако утверждать, что его организовали именно белые офицеры, у нас нет оснований.

Еврейские торговцы и промышленники жертвовали свои капиталы на поддержку Русской армии А.В.Колчака. Например, в мае 1919 года еврейская община Уфы, наряду с другими состоятельными людьми города, вручила прибывшему Верховному правителю 100 тысяч рублей в фонд «белого дела»³⁴. Такой шаг являлся не только своеобразным способом откупиться от властей, показав свою лояльность, но и свидетельством определенного доверия к ним.

Юноши из еврейских семей, обладавшие достаточным образовательным цензом, как показывают анкетные данные юнкеров Иркутского военного училища, имели возможность, наравне с другими молодыми людьми, поступить на учебу для получения офицерского чина. Такая же ситуация наблюдалась и в Читинском военном училище имени атамана Г.М.Семенова³⁵. Подобное положение в дореволюционной России было практически невозможно.

Сам Верховный правитель, выступая перед общественностью Уфы в мае 1919 года, сказал: «Мое отношение к еврейскому вопросу известно из моих заявлений, сделанных депутации Омской еврейской общины. Я против национальной травли... Объясняю шероховатости, наблюдающиеся в национальных отношениях, нервным состоянием страны, особенно в прифронтовой полосе»³⁶. Таким образом, о массо-

³² Подроб. см.: Гусев-Оренбургский С.И. Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 году. — Берлин, 1921; Генис В.Л. Первая конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. — 1994. — №12. — С.70–74.

³³ Перейра Н. Г.О. Указ. соч. — С.120.

³⁴ Сибирский стрелок (Уфа). — 1919. — 15 мая.

³⁵ РГВА. Ф.40128. Оп.1. Д.22. Л.1–167; Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль (Париж). — 1963. — №62. — С.28.

³⁶ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.317. Л.111.

вом антисемитизме офицерства, а тем более высшего военного руководства, говорить не приходится.

В этот период усиливается неприязнь молодого офицерства, многие представители которого начинали свою карьеру в годы мировой войны, к старым кадровым военным. Так, казачий атаман Б.В.Анненков считал старых генералов «клямом», вынося такое убеждение с германского фронта, и поэтому в своих частях на командные посты назначал только молодых офицеров³⁷.

Другой колчаковский офицер в письме к своему приятелю сделал следующее заключение. До установления власти А.В.Колчака боевыми операциями руководили молодые военачальники и были успешны. Но затем Верховного правителя «окружили старые негодяи генералы и полковники, затерли в этом человеке все благие начала ... Началась погоня за чинами, орденами и просто за наживой. Начали продавать кровь молодых офицеров оптом и в розницу». В итоге, «вместо торжественного звона московских колоколов», о котором мечтали белые, «получился погребальный»³⁸.

Такое негативное отношение молодых командиров к своим начальникам говорило о процессах, способствовавших расколу в белом офицерстве, основы которого были заложены еще в годы мировой войны с приходом в армию на командные должности большого количества молодежи.

Отношение белых офицеров к своим бывшим сослуживцам, какое-то время находившимся в Красной Армии, а затем перешедших на их сторону, носило еще более резко отрицательный характер. Нередко расстрелы производились без всяких разбирательств. По-видимому, начало такой практике положил приказ командующего Сибирской армией генерала П.П.Иванова-Ринова, появившийся в сентябре 1918 года. Он подразделял офицеров, вступивших в ряды Красной Армии, на две категории: одни по убеждению пошли на службу к

³⁷ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. – Екатеринбург, 1997. – С.172.

³⁸ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1.Д.138.Л.86–87.

большевикам, другие «несознательно, из-за нужды и отсутствия работы». Первых приказ именовать предателями, для которых в качестве наказания предполагалось тюремное заключение. Поведение вторых называлось малодушным, они заслуживали «некоторого снисхождения». П.П.Иванов-Ринов приказал определять их рядовыми в нестроевые части, и «только по ходатайству начальников, по искуплению вины», переводить этих лиц в строевые подразделения. Если здесь они отличатся и покажут себя с лучшей стороны, их могли назначить на командные должности³⁹.

В реальной обстановке Гражданской войны, как правило, не было места для долгих расследований в отношении перебежчиков: кто из них служил у красных добровольно, а кто по принуждению. Поэтому часто все во многом зависело от солдат и, прежде всего, от командиров на том участке фронтовой линии, где ее пересекали перебежчики.

По причине частых и незаслуженных расстрелов офицеров, переходивших к белым от противника, командующий Западной армией генерал М.В.Ханжин вынужден был в мае 1919 года даже издать приказ по этому поводу. В нем он требовал не расстреливать офицеров без тщательного разбирательства, подчеркивал необходимость беречь интеллигенцию, без которой невозможна борьба в России «за мировую цивилизацию». Расстрел офицера-перебежчика без предварительного расследования, отмечалось в приказе, будет считаться преступлением⁴⁰.

Подобные приказы, если и сократили количество расстрелов перебежчиков, но отношения к ним не изменили. Об этом свидетельствует следующий факт. Полковник Котомин, командовавший у красных бригадой, а затем у белых дивизией, выступил в Омске с докладом для офицеров о состоянии Красной Армии. Отмечая ее боеспособность и строгую дисциплину среди красноармейцев, Котомин призвал слушателей к активной работе для достижения аналогичных ре-

³⁹ Записки полковника В.Вырыпаева // Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №19. – С.36.

⁴⁰ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.374–375.

зультатов. Однако его слова в целом встретили враждебно. Кто-то из зала даже предложил полковнику вернуться назад к большевикам⁴¹.

Такое же отношение к офицерам–перебежчикам господствовало и в войсках генерала А.И.Деникина. Так, в боях под Орлом осенью 1919 года были взяты в плен и почти сразу расстреляны бывший генерал старой армии А.В.Станкевич, служивший помощником командующего 13-й армии красных, и бывший ротмистр А.А.Брусилов (сын знаменитого генерала), являвшийся командиром кавалерийского полка. Причем последний из них был пленен с несколькими всадниками без сопротивления и, видимо, сознательно сдался белым. Но это не сыграло никакой роли. Расправа состоялась⁴².

Необходимо подчеркнуть еще одну особенность в настроениях колчаковских офицеров. Для многих из них была характерна идеализация армии А.И.Деникина. Представлялось, что она гораздо боеспособнее, чем колчаковские войска. Начальник одной из дивизий полковник К.И.Гоппер, писал в своих мемуарах: «Мы все считали деникинскую армию той силой, которая в восстановлении России будет играть главную роль, ибо туда ушли все лучшие офицеры и добровольцы ... Поэтому мы не предполагали, что и в его /А.И.Деникина — Е.В./ армии возможна такая же полемика и предательство, как здесь в Омске»⁴³.

Различались белые офицеры и по своим политическим взглядам. Следует заметить, что до 1917 года офицер, интересовавшийся политикой, открыто высказывавший свои политические пристрастия, считался изгоем в среде военных. Такое явление было необычным и нетипичным для офицерского корпуса. Да и заниматься политической деятельностью офицерам запрещалось. Даже Манифест 17 октября 1905 года не ликвидировал этот запрет. Революционная Смута, начавшаяся в 1917 году, вовлекла армию, а тем более офицерство, в по-

⁴¹ Сахаров К.В. Указ. соч. — С.161–162.

⁴² Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала А.Деникина. — М., 1992. — С.252–253.

⁴³ Гоппер К.И. Четыре разгрома (рукопись) // ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.802. Л.66.

литику, заставляя человека делать выбор между теми или иными политическими силами.

На второй день своего прихода к власти адмирал А.В.Колчак провозгласил лозунг «армия вне политики». В одном из первых приказов Верховный правитель отмечал: «Я требую, чтобы с начавшейся тяжелой боевой и сознательной работой на фронте и в тылу офицеры и солдаты изъяли бы из своей среды всякую политику и взаимную партийную борьбу. Все офицеры, все солдаты, все военнослужащие должны быть вне всякой политики ... Всякую попытку извне и внутри втянуть армию в политику приказываю пресекать всеми имеющимися в руках начальников и офицеров средствами»⁴⁴.

Такое положение фактически действовало и раньше. Однако реальная обстановка заставила Совет министров в Омске в марте 1919 года отменить постановление Временного Сибирского правительства от 23 августа 1918 года «Об устранении армии от участия в политической жизни» и утвердить лишь ограничения для военнослужащих по участию в политической и общественной деятельности. К ним относились следующие: запрещалось состоять в политических организациях; присутствовать на собраниях, где обсуждались политические вопросы; участвовать в противоправительственной агитации; публично произносить речи и суждения политического характера; принимать участие в митингах и сходках; состоять на службе в городских, земских и других общественных учреждениях; заниматься литературной деятельностью без разрешения своего начальства⁴⁵.

Большинство офицеров, соблюдая старые армейские традиции, и скованные вышеизложенными ограничениями со стороны властей, мало проявляли себя в каких-либо политических действиях. Но свой взгляд на обстановку, сложившуюся в России, окрашенный в политические тона, имел практически каждый думающий человек в офицер-

⁴⁴ Правительственный вестник (Омск). – 1918. – 23 нояб.

⁴⁵ РГВА. Ф.39502. Оп.1.Д.3. Л.116; Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. – Волгоград, 1997. – С.322, 433–434.

ских погонах. Вопросами «что делать» и «кто виноват», видимо, нередко задавались и белые офицеры.

Среди них многие держались линии «непредрешенства», как основного тактического лозунга белых правительств. Это означало: сначала нужно уничтожить большевизм, а затем избранное народом Учредительное или Национальное Собрание демократическим путем определит политический строй России. Для мыслящих так офицеров главным являлась не форма правления, а легитимность той или иной власти.

В качестве доказательства подобного суждения можно привести слова А.В.Колчака по этому поводу: «Вообще, раньше было трудно сказать, каких политических убеждений офицер, так как такого вопроса до войны просто не существовало. Если бы кого-нибудь из офицеров спросили тогда: «К какой партии вы принадлежите?» — то, вероятно, он ответил бы: «Ни к какой партии не принадлежу и политикой не занимаюсь». Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления»⁴⁶.

Для большей части белых офицеров идея «непредрешенства» стала вполне приемлемой даже с психологической точки зрения. Ведь они не занимались политикой и не разбирались в ее хитросплетениях, их ремеслом была война. Поэтому от решения важных политических вопросов они предпочитали отстраниться и оставить их реализацию до окончания войны, переложив эту работу на плечи депутатов от народа.

Значительное количество офицеров, особенно те, которые сделали военную карьеру до 1917 года, придерживались монархических взглядов. По занимаемой позиции монархически настроенных офицеров можно разделить на радикалов, сторонников немедленного возврата к самодержавию, и умеренных, которые свои надежды возлагали на Учредительное Собрание. К первым относились такие люди, как генералы М.К.Дитерихс, П.П.Иванов-Ринов, В.И.Волков (основа-

тель монархической организации «Смерть за Родину»), С.Н.Розанов и др.

Действия радикальных монархистов проявились в расправах над представителями социалистических партий в период правления А.В.Колчака. Массовая несанкционированная казнь над социалистами «учредилловцами» произошла в конце декабря 1918 года в Омске на берегу Иртыша. Непосредственными исполнителями ее являлись поручик Барташевский, капитан Рубцов и несколько других черносотенцев из отряда казачьего офицера И.Н.Красильникова, активного участника колчаковского переворота. За ними, возможно, стоял П.П.Иванов-Ринов. По этому делу началось следствие, но ни один из участников расправы в итоге не пострадал. По мнению С.П.Мельгунова, Верховный правитель «не хотел ссориться с монархически настроенным казачеством». Однако эти события подорвали авторитет А.В.Колчака и показали его неспособность справиться с горсткой монархистов, убивавших беззащитных людей⁴⁷.

Верховный правитель, если судить по его декларациям, был близок к идеям либерализма, занимая центристские позиции среди различных политических течений в лагере белых. В первых своих публичных выступлениях он заявил, что «не будет поддерживать ни крайне левых, ни крайне правых»⁴⁸. Это вызвало разочарование среди монархистов. Многие сторонники самодержавия стали косо поглядывать на А.В.Колчака. Между собой они без особого стеснения говорили о Верховном правителе, что это не та фигура, «высочка», продвинутой англичанами и вместе с ними болтающий что-то о народоправстве, демократии и т.п. По Омску даже ходили стихи некоего фельетониста, которые достаточно точно передают настроения крайне правых элементов, разочарованных итогами переворота 18 ноября 1918 года. Герой стихотворения выражает свое мнение о правлении А.В.Колчака следующим образом:

---

⁴⁶ Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии ... – С.341.

⁴⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. – Белград, 1930. – Ч.3.Т.1. – С.61.

⁴⁸ Kolchak and Siberia: Documents and Studies. – New-York, 1988. – Vol.1. – P.151.

Разве это диктатура?
Надо было просто цыкнуть
И в бараний рог согнуть,
Чтоб никто не смел и пикнуть,
Ни вздохнуть и ни чихнуть.
Из одиннадцати десять
Надо было бы повесить ...⁴⁹

Среди монархистов выделялись также люди более умеренных взглядов, которые, видимо, мечтали об императоре, возведенном на престол самим народом. К ним можно отнести генерала М.В.Ханжина. Арестованный советской контрразведкой в Дайрене (Китай) в 1945 году, и отвечая на вопросы следователя, он заявил: «В силу привитых мне политических взглядов служения монархическому строю царской России ... я как Февральскую, так и Октябрьскую революции ... встретил враждебно ... Когда в России было Временное правительство, продолжавшее политику царского правительства, я всецело стоял на его стороне за продолжение войны до победного конца. К образовавшемуся советскому правительству отнесся ... враждебно, так как разрушались прежние царские устои, аппарат государства и армия»⁵⁰.

Тем не менее, М.В.Ханжин первоначально отрицательно отнесся к колчаковскому перевороту и смене власти в Омске. Он, будучи командиром 3-го Уральского армейского корпуса, вместе со своим начальником штаба полковником Н.Т.Сукиным, даже думал подать в отставку. «Раньше, требуя всего от солдат, говорили, что все делается во имя Учредительного Собрания, теперь все рухнуло, и почва выбита из-под ног», — говорил он генералу В.Г.Болдыреву, бывшему Главнокомандующему войсками Директории⁵¹.

⁴⁹ Цит. по: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. — М., 1983. — С.169.

⁵⁰ Волков Е.В. Указ, соч. — С.89.

⁵¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. — Новониколаевск, 1925. — С.110.

Другой пример — генерал К.В.Сахаров, который в своих мемуарах с сожалением писал, что белые совершили ошибку, не подняв знамя монархизма. И в то же время в октябре 1919 года он, как командующий армией, обращаясь с воззванием к своим подчиненным, отмечал, что после победы необходимо в Москве «созвать Народное Учредительное Собрание действительно лучших людей народа». Оно должно «установить порядок управления Россией и выработать основные государственные законы»⁵².

Такие офицеры, хотя и являлись монархистами, но умеренного толка, и, видимо, даже допускали принятие Конституции в России. Немногие из них открыто заявляли о своих политических воззрениях. Как люди военные, они подчинялись приказу, требовавшему от них не заниматься политической деятельностью. Тем более, что официальная белая пропаганда все время подчеркивала идею Учредительного Собрания, а не монархические лозунги. Лишь в своих мемуарах, уже после Гражданской войны, эти офицеры могли высказаться более откровенно. Но не всегда, многое зависело еще от политического строя, общественной обстановки той страны, где проживал автор воспоминаний.

Стоит также заметить: монархизм колчаковских офицеров еще подпитывался слухами о том, что бывший император жив и его расстрел — выдумка большевиков в пропагандистских целях. Верили, что уцелел и где-то скрывается в Сибири или Китае брат царя Михаил Александрович. Поэтому порой на банкетах офицеры-монархисты пили за его здоровье, считая, что утверждение на престоле Михаила Александровича положит конец смутным временам и революционным беспорядкам.

В целом же в офицерском корпусе, ставшем в социальном плане во многом демократичным за годы мировой войны, после падения династии Романовых монархические убеждения шли на убыль. Генерал А.П.Будберг, сам активный сторонник самодержавия, занимавший одно время в колчаковском правительстве пост военного мини-

---

⁵² Сахаров К.В. Указ. соч. — С.256; РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.140. Л.4-5.

стра, отметил в своем дневнике следующий эпизод. 17 июля 1919 года, в годовщину смерти Николая II и его семьи, в Омском соборе устроили поминальную службу. Собралось всего несколько десятков офицеров⁵³.

Свидетельством того, что руководители белых на востоке страны не желали использовать монархические лозунги, является тот факт, что достойное поведение Николая II накануне смерти и его трагическая кончина никак не использовались колчаковской пропагандой для укрепления своих позиций. Отдельные офицеры считали такое поведение Омского правительства ошибочным⁵⁴.

В офицерском корпусе колчаковских войск имелись и сторонники социалистических идей, которые пропагандировались так называемыми «левыми силами», прежде всего эсерами и меньшевиками. В отличие от «непредрешенцев» и монархистов, они говорили о демократизации власти и скорейшем созыве Учредительного Собрания образца 1918 года.

К людям с подобными взглядами относилась значительная часть офицеров, ранее служивших в Народной армии Комуча. Некоторые из них в период правления колчаковского правительства даже предпринимали активные действия против его политики. Так поступили полковник Ф.Е.Махин и атаман 1-го округа Оренбургского казачьего войска К.Л.Каргин, которые присоединились к башкирскому лидеру А.-З.Валидову и планировали в Оренбурге заговор против А.И.Дутова, так как он признал власть Верховного правителя. Заговор был раскрыт. А.-З.Валидов бежал в Башкирию, а участвовавших в нем офицеров сняли с командных постов и отправили в Омск.

Другой казачий офицер полковник Ф.А.Богданов, активно ратовавший за скорейший созыв Учредительного Собрания, в сентябре 1919 года вместе со своей бригадой перешел на сторону Красной Ар-

⁵³ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. – М., 1992. – Кн. 7, т. 14. – С. 324–325.

⁵⁴ Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. – Донденонг, 1988. – С. 109.

мии. Впоследствии он сражался с поляками, врангелевцами и басмачами⁵⁵.

После неудачной для белых Челябинской операции один из бывших военных руководителей Самарского Комуча корнет Б.К.Фортунатов с большей частью офицеров и бойцов своего конноегерского дивизиона имени Учредительного Собрания ушел с фронта, направляясь в сторону области Уральского казачьего войска. Сам Б.К.Фортунатов так определял цели своих действий: «Решено было не отходить на восток, а уклониться на юг, где искать возможности образовать новый противобольшевистский фронт с провозглашением более либеральных лозунгов и там найти поддержку населения»⁵⁶.

Необходимо отметить, что генерал В.О.Каппель, как командующий Волжской группой войск 3-й армии, которому подчинялись бойцы Б.К.Фортунатова, знал об их планах. Ему даже сделали предложение присоединиться к ним. В.О.Каппель поначалу их поддержал, но в последний момент отказался. Однако, зная о готовившейся фактической измене, генерал ничего первоначально не предпринимал против своих подчиненных. Лишь затем, когда дивизион и присоединившиеся к нему подразделения ушли с фронта и были вне досягаемости со стороны белого командования, В.О.Каппель своим приказом заочно привлек «изменников» к военно-полевому суду⁵⁷.

Впоследствии, соединившись с уральскими казаками, бойцы этого дивизиона, отступая под ударами частей Красной Армии, совершили тяжелый зимний переход по восточному берегу Каспия (потери от морозов и истощения достигли до 80 % личного состава). Затем оставшиеся в живых солдаты и офицеры были переправлены на Кавказ в армию А.И.Деникина.

Среди подавляющей части колчаковских офицеров, ранее воевавших в войсках Временного Сибирского правительства, господствовало мнение, что все служившие под знаменем Комуча являются

⁵⁵ Константинов С.И. Вооруженные формирования ... – С.190.

⁵⁶ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804. Л.29.

⁵⁷ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.163. Л.2; ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804. Л.1–30.

сторонниками социалистических идей. Отсюда происходили отчужденность и взаимное недоверие, существовавшие между комучевцами и сибиряками. Насколько оказались сильны такие взгляды, говорит тот факт, что монархически настроенные чины Ставки во главе с генералом Д.А.Лебедевым явились организаторами покушения на известного своими демократическими воззрениями офицера Ф.Е.Махина, ранее возглавлявшего одно из соединений Народной армии Комуча. Опального полковника за подготовку заговора против А.И.Дутова уволили из Юго-Западной армии и отправили в Омск, где едва не убили офицеры-монархисты. Ф.Е.Махин спасся лишь тем, что был арестован и выслан властями за границу. Причем подпоручик Степанов, который с двумя агентами контрразведки сопровождал Ф.Е.Махина до Харбина, получил задание убить его. Степанов этого не сделал, хотя по приезду назад доложил о выполнении приказа⁵⁸.

Первоначально все руководящие посты в военной иерархии оказались в руках сибиряков. Офицеры-комучевцы довольствовались второстепенными должностями. Лишь впоследствии, наиболее способные из них достигли больших командных высот (генералы В.О.Каптель, В.М.Молчанов, П.П.Петров, С.А.Щепихин, С.Н.Войцеховский и др.).

Нужно заметить, что в Западной армии А.В.Колчака, в состав которой в основном и вошли части бывшей Народной армии, оппозиционность к режиму Омского правительства проявлялась все же меньше, чем в Сибирской армии. Последняя, под влиянием социалистической пропаганды и успехов Красной Армии, разложилась намного раньше. Сам командующий Сибирской армией Р.Гайда, в недалеком прошлом один из командиров известного своим демократизмом чехословацкого корпуса, больше склонялся к социалистическим идеям. В его штабе, по мнению С.П.Мельгунова, значительное влияние имела группа эсеров во главе с капитаном Калашниковым⁵⁹. Недаром Р.Гайда, когда его отстранили от командования армией и от-

⁵⁸ Гоппер К.И. Четыре разгрома (рукопись) // ГА РФ. Ф.5881. Оп.1. Д.802. Л.53–54.

⁵⁹ Мельгунов С.П. Указ. соч. – Белград, 1930. – Ч.3.Т.1. – С.132.

правили на родину, принял активное участие в восстании против колчаковского режима во Владивостоке.

Другой генерал этой армии А.Н.Пепеляев, также был близок к эсерам. Некоторые общественные деятели в Екатеринбурге, когда начались крупные поражения белых, даже предлагали А.Н.Пепеляеву послать в Омск одну–две дивизии, «разогнать Ставку и взять власть в свои руки, чтобы спасти Сибирь». Но тогда генерал не решился на столь авантюрный шаг. Видимо, зная о настроениях в штабе А.Н.Пепеляева, А.В.Колчак отправил личное письмо генералу. В нем адмирал просил молодого военачальника «во имя голоса благоразумия и долга, как патриота и солдата, не поддаваться губительному влиянию керенщины, которая погубила Россию»⁶⁰. Видимо, это подействовало. Однако позже политические взгляды генерала толкнули его вместе с братом В.Н.Пепеляевым, новым премьером колчаковского правительства, арестовать на станции Тайга Главнокомандующего фронтом генерала–монархиста К.В.Сахарова и послать Верховному правителю телеграмму ультимативного характера. В ней содержалось требование немедленного созыва Земского Собора с привлечением представителей от всех слоев населения, удаления из правительства и военного руководства наиболее одиозных фигур⁶¹. Стоит заметить, что подобные требования были связаны не только с идеями, которые провозглашали в тот период эсеры, меньшевики, представители земства, но и с историческим опытом России, когда в начале XVII века именно Земский Собор положил начало завершению Смуты.

В это же время произошло вооруженное выступление против власти А.В.Колчака в Новониколаевске, где стояли части бывшей Сибирской армии. Его возглавил полковник Ивакин и некоторые лидеры местного самоуправления. Они выпустили воззвание об окончании Гражданской войны и переходе всей власти земству. Ивакин даже попытался арестовать командующего 2-й армии генерала Войцеховско-

⁶⁰ Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь (Прага). – 1928. – №4. – С.66.

⁶¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. – Белград, 1931. – Ч.3.Т.2. – С.71–83; Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб., 1993. – С.260–262.

го, чей поезд стоял у Новониколаевского вокзала. Но в события вмешались бойцы одного из полков польской дивизии во главе со своим командиром полковником И.О.Рымшой, с требованием прекратить эту авантюру, иначе они откроют огонь. Тогда мятежный полковник сдался. Его предали военно-полевому суду и вскоре расстреляли. Необходимо заметить, что солдаты и офицеры Барабинского полка, которые подчинялись Ивакину, считали свои действия санкционированными Верховным правителем⁶².

На самом деле выступление в Новониколаевске явилось частью плана эсеровского бюро военных организаций (руководитель — капитан Калашников). Согласно ему, в колчаковском тылу в декабре 1919 года восставшие солдаты и офицеры должны были захватить города Томск, Новониколаевск, Красноярск, Иркутск. Этот план и стал осуществляться с действиями полковника Ивакина.

Другим шагом в его реализации стало выступление против власти А.В.Колчака командира 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Б.Зиневича, который совместно с эсерами фактически без боя сдал Красноярск советским частям. Незадолго до этого он обратился с открытым письмом к Верховному правителю. Оно наглядно характеризует его взгляды, правда, в какой-то мере обусловленные отступлением и поражениями на фронте. «Я, — писал генерал А.В.Колчаку, — шел за Вами пока верил, что провозглашенные Вами лозунги борьбы за Учредительное Собрание, как единую свободную волю русского народа, будут Вами действительно проведены в жизнь родной страны; теперь, после катастрофы на фронте, я вижу, что лозунги, во имя которых мы объединились вокруг Вас были только громкими фразами, обманувшими народ и армию. Вместо того, чтобы идти, рука об руку, с идейными борцами за свободу и счастье народа и с общественными организациями, Вы своей политикой оттолкнули от себя народ и армию...» Далее генерал требовал от Верховного правителя пе-

---

⁶² Сахаров К.В. Указ. соч. — С.196–197; Мельгунов С.П. Указ. соч. — Белград, 1930. — Ч.3.Т.2. — С.83–94.

редать власть «Земскому Собору, как выразителю воли русской демократии»⁶³.

В Иркутске, где начавшееся в конце декабря 1919 года восстание, предопределило отречение А.В.Колчака от власти, на стороне эсеров-меньшевистского Политцентра выступили отдельные воинские части во главе со своими офицерами (капитаны Калашников, Решетин и др.).

Таким образом, лица командного состава колчаковских войск, чьи взгляды были близки социалистическим идеям, в итоге оказались на стороне левых сил, их действия способствовали разложению и упадку боевого духа белых войск.

Более умеренных политических позиций, в отличие от монархистов и социалистов, придерживались офицеры, близкие по своим симпатиям к либеральным идеям. Именно их взгляды лежали в основе официальной идеологии всего Белого движения, основывавшейся на идеалах Февральской революции. Еще одним подтверждением этого является то, что в марте 1919 года колчаковский Совет министров принял постановление: считать 12 марта, дату Февральской революции, праздничным выходным днем⁶⁴. Однако от классического либерализма взгляды офицеров-республиканцев все же отличались. Прежде всего, элементами консервативной идеологии, с присущей ей лозунгами твердой власти, религиозной духовности, вождизма.

Истоки идеологии Белого движения следует связывать с возникновением весной 1917 года в широких кругах российской общественности оппозиционных настроений курсу Временного правительства, который вел к развалу фронта и страны⁶⁵. Основные идеи Белого движения были сформулированы в «Политической программе генерала Л.Г.Корнилова», написанной в феврале 1918 года и отправленной на восток страны с генералом В.Е.Флугом для ознакомления другим руководителям антибольшевистского движения. В ней фактиче-

⁶³ Цит. по: Константинов С.И. Вооруженные формирования ... – С.168.

⁶⁴ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.315. Л.126.

⁶⁵ Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России. – М., 1996. – С.16.

ски содержались либеральные идеи, ранее провозглашенные Временным правительством. Новым элементом программы стал принцип внепартийности власти, призванной сохранять российскую государственность⁶⁶.

Главным лозунгом белых стало возрождение «единой и великой России». Это, во-первых, подразумевало восстановление и сохранение территориальной целостности российского государства в границах 1914 года. Причем предусматривалась культурно-национальная автономия для компактно проживавшего нерусского населения. Во-вторых, Россия мыслилась как демократическое, правовое государство с широкими правами и свободами граждан.

Популярной среди колчаковских офицеров оставалась идея созыва Учредительного Собрания, призванного определить политический строй, решить главные вопросы страны. Об этом говорят следующие факты. Один из офицеров в письме своему приятелю в октябре 1919 года отмечал: «Чувствуем, что сверху начинает дуть хо-рошим ветерком, заговорили об Учредительном Собрании — это глубоко всех удовлетворяет, и горе будет, если это будут одни слова»⁶⁷. Другой пример — свидетельство офицера одной из казачьих частей. Когда белые успешно наступали, в штабе 4-й Уфимской дивизии царил настоящая эйфория. «Все были уверены, что в конце 1919 года уже будет в России создано Учредительное Собрание, которое изберет главу государства и правительства, которое будет отвечать нуждам всего российского народа»⁶⁸.

Офицеры в России, как и в других странах, в большей степени, чем остальные слои интеллигенции, являлись ретроградами, носителями традиционных ценностей. Поэтому они вносили определенный консерватизм в ту либеральную идеологию, которую проповедовали. Двойственность, содержащая ценности традиционного и индустриального общества, пронизывала всю идеологию Белого движения.

---

⁶⁶ См. Приложение 5.

⁶⁷ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.154. Л.49.

⁶⁸ Волегов И.К. Указ. соч. — С.99.

Даже Учредительное Собрание по своему составу они видели совершенно другим, нежели то, которое собралось в январе 1918 года. Вот слова адмирала А.В.Колчака по этому поводу, обсуждавшего с высокопоставленными офицерами свой ответ на полученную ноту западных держав. «Во-первых, я им ответил, что Учредительное Собрание я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении — не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное Собрание — за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу!» Верховный правитель засмеялся и далее отметил, что при выборах в новое Учредительное собрание он намерен пропустить в него «лишь государственно-здоровые элементы и людей работоспособных и знающих, а не говорунов»⁶⁹.

Политическим лозунгом официальной идеологии Белого движения являлось «непредрешенство». По мнению В.Д.Зиминой, такие заявления со стороны антибольшевистских правительств были своеобразной тактикой бонапартизма, то есть лавирования между различными социальными силами, имевшими свои интересы. Подобная позиция помогала смягчить социально-политические противоречия в лагере противников большевиков⁷⁰.

Основным средством достижения своих целей белые считали военную диктатуру, без которой, на их взгляд, было немислимо вести войну. За образец они взяли «Положение о полевом управлении войск в военное время», изданное в 1914 году и составленное на основе опыта передовых европейских армий. Диктатура в понимании лидеров Белого движения, как справедливо отметил В.П.Слободин, являлась «не самоцелью, а средством, предварительным условием созда-

---

⁶⁹ Иностранцев М.А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. — Берлин, 1927. — Т.1. — С.108.

⁷⁰ Зимина В.Д. Указ. соч. — С.192, 194.

ния правового порядка в стране для подготовки и проведения выборов в новое Учредительное Собрание»⁷¹.

Несколько слов необходимо сказать об офицерах, придерживавшихся лозунгов областничества, автономии в составе России. К этой категории относились, прежде всего, военнослужащие из казачьих войск и национальных частей. Так, многие казачьи офицеры, как и основная масса их подчиненных, были близки к идеям широкого самоуправления казачества, надежды на осуществление которых дала Февральская революция. Значительную роль офицеры оказывали на решения того или иного казачьего Круга, хотя на его заседаниях, согласно букве закона, не могли присутствовать представители от воинских частей. Тем самым проводилось в жизнь положение «армия вне политики». Однако, на самом деле, среди депутатов находилось значительное количество офицеров. Протоколы 3-го очередного Круга Оренбургского казачьего войска, проходившего в начале 1919 года в Троицке, свидетельствуют об этом. Во-первых, офицерами являлись глава войска А.И.Дутов и его окружение. Во-вторых, атаманы округов, обязательно имевшие офицерский чин. В данном случае к ним относились войсковые старшины В.С.Печенкин и А.В.Смирных, хорунжий В.Н.Захаров. Как правило, эти люди ранее или позднее служили в Белой армии. В-третьих, на казачьем Круге заседала военная комиссия, которая разрабатывала проекты постановлений, касавшихся службы казаков. Здесь также имелись офицеры⁷². Таким образом, казачьи командиры в большей степени, чем офицеры других родов войск, соприкасались с политической жизнью, участвуя в совещаниях Круга или составляя наказы депутатам.

Среди сторонников идей автономии значились также офицеры и нижние чины башкирских, украинских, латышских и других национальных частей колчаковских войск.

⁷¹ Слободин В.П. Указ. соч. – С.45.

⁷² См.: Протоколы заседаний 3-го очередного войскового Круга области войска Оренбургского. – Троицк, 1919.

С политическими взглядами белых офицеров тесно связано их отношение к своим зарубежным союзникам. Большинство патриотически настроенных колчаковских командиров относились к ним с подозрением и достаточно прохладно, сознавая, что западные державы, помогая белым, преследуют свои интересы. Кроме того, основная масса кадровых офицеров считала, что именно они вынесли основную тяжесть борьбы с Германией и Австро-Венгрией и теперь союзники перед ними в долгу.

Сам Верховный правитель на встрече с общественностью в Омске заявил: «Союзники не заинтересованы в создании сильной России, но приходится руководствоваться не чувствами, а интересами государства. Политика привлечения помощи союзников будет продолжаться»⁷³.

Впоследствии, на допросе в Иркутске А.В.Колчак также подчеркивал свое отрицательное отношение к интервенции союзников на Дальнем Востоке в 1918 году. Цель и характер этой интервенции, по его мнению, «носили глубоко оскорбительный характер», так как официально она преследовала не помощь России, а содействие «благополучному возвращению чехов на родину». «Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке», — отмечал бывший Верховный правитель⁷⁴.

В качестве примера негативного отношения к союзникам можно привести мнение простого прапорщика 27-го Камышловско-Оровайского полка Калашникова, который в разговоре с сослуживцами заявил: «Сербы, чехи и французы нам насолили и надоели». За эти слова его задержали агенты контрразведки в Тюмени⁷⁵.

Показателен и следующий эпизод. Когда лидеры западных держав заявили о своих намерениях предложить представителям белых правительств сесть за стол переговоров с лицами, представляющими Советскую Россию, на мирной конференции, которую предполагалось

⁷³ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. — Харбин, 1920. — С.76.

⁷⁴ Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака... — С.386.

⁷⁵ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.186.

провести на Принцевых островах, то офицерство расценило это как «оскорбление русского национального чувства, желание уклониться от исполнения обещания помочь русским в борьбе с большевиками»⁷⁶.

Еще один пример: осенью 1919 года со стороны дипломатических кругов Запада Верховному правителю поступило предложение вывезти золотой запас во Владивосток под охрану союзников. На что адмирал ответил: «Я вам не верю и скорее оставлю золото большевикам, чем передам союзникам»⁷⁷.

Неоднозначно среди офицерства оценивалась роль в помощи белому движению тех или иных союзников. Наиболее отрицательным было отношение к японцам. Чтобы объяснить такую позицию, необходимо отметить, что в глазах русских офицеров японцы являлись победителями в сравнительно недавней войне, в которой огромная Россия потерпела позорное поражение от небольшого островного государства. Виновниками такого унижения страны, по мнению офицеров, были не только свои внутренние недостатки, но и, конечно, бывший противник Русской армии в Маньчжурии.

Следует подчеркнуть, еще до войны с Японией в интеллектуальной российской среде завоевали большую популярность идеи религиозного философа того времени В.С.Соловьева об угрозе христианской цивилизации с Востока, прежде всего из Японии. Русский мыслитель в своей «Краткой повести об Антихристе» предсказывал, что японцы, используя опыт европейцев и, осветив его собственной идеологией, сумеют сначала завоевать Китай, затем Россию и остальные западные страны. В мире на полстолетия утвердится восточная деспотия⁷⁸. Эти пророчества стали широко известны еще до русско-японской войны.

Далее необходимо сказать, что в качестве союзников японцы также не внушали доверия белым генералам. Япония оказалась той

⁷⁶ Дневник П.В.Вологодского // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. — М., 1997. — С.138.

⁷⁷ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России в 1914–1920 гг. — Париж—Прага, 1928. — С.165.

⁷⁸ Соловьев В.С. Три разговора. — М., 1991. — С.150–155.

страной из блока Антанты, занявшей по отношению к Омскому перевороту особую, наиболее враждебную позицию. Руководители этой страны опасались власти А.В.Колчака, которая могла создать большие трудности для их господства на территории к востоку от Байкала. Однако и предпринять открытые враждебные действия японцы отказались⁷⁹. Они лишь активно поддерживали атамана Г.М.Семенова, оппозиционно настроенного к Омскому правительству. По мнению генерала С.А.Щепихина, участника одной из бесед с А.В.Колчаком, японцев адмирал «органически не переносил как нацию, а из-за инцидента с Семеновым вдвойне». Верховный правитель с негодованием говорил о том, что японские власти предлагали усилить военную помощь на фронте на условиях предоставления им северной части о.Сахалина⁸⁰.

Также, скорее отрицательно, в поддержке колчаковцев оценивалось и участие США. Здесь не последнюю роль сыграла позиция президента В.Вильсона, стремившегося примирить и белых, и красных. Он заявлял о том, что американские солдаты отправляются в Россию с одной лишь целью — помочь чехам. Взгляды Белого дома были близки идеологии эсеров-меньшевистской «демократической контрреволюции» России.

Американские солдаты вполне благосклонно относились к большевикам. В Уссурийском крае, где стояли их части, охранявшие железную дорогу, шла бойкая торговля с представителями красных партизан. Американцы отдавали им патроны, винтовки, пулеметы в обмен на самогон. В апреле 1919 года А.В.Колчак даже поднимал вопрос об удалении контингента американских войск с Дальнего Востока⁸¹.

Известен факт, также характеризующий негативное отношение к военным США. Во Владивостоке полковник Шарапов во время драки убил американского солдата. По этому поводу состоялся

⁷⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. — Паоло-Альто, 1937. — Кн.9, Ч.4. — С.77.

⁸⁰ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф 6605. Оп.1. Д.8. Л.58.

⁸¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. — Белград, 1930. — Ч.3. Т.1 — С.112–114.

открытый судебный процесс. Даже прокурор, узнав, что американец был пьян, попросил суд оправдать полковника. Члены суда с ним согласились, и их решение публика в зале приветствовала аплодисментами⁸².

Отношение к чехословацким legionерам в разные периоды Гражданской войны менялось. Первоначально, когда они активно участвовали в борьбе, их считали освободителями от большевистской диктатуры и надежными союзниками. Но впоследствии, когда чехословаки в конце 1918 года ушли с фронта, к ним перестали так относиться. Об этом в марте 1919 года сообщала и газета «Утро Сибири». В ней отмечалась нарастающая вражда белых офицеров к своим бывшим союзникам: «Надо их разоружить и отправить в Совдепию, дабы большевики расправились с этими авантюристами. Раз кашу заварили, пусть и расхлебывают»⁸³.

Настроения думавших таким образом офицеров выразил в своих мемуарах генерал К.В.Сахаров, который считал чехов виновниками многих неудач белых. По его мнению, они не воевали, а только набивали эшелоны различного рода материальными ценностями, чтобы в дальнейшем вывезти их с собой из России⁸⁴.

В отличие от чехов, к сербам и полякам отношение среди офицерства было более доброжелательным, так как они принимали участие в боевых действиях вместе с колчаковскими войсками. Кроме того, следует заметить, что поляки в Российской империи составляли, по сравнению с другими этническими группами, значительное число среди офицеров (в 1912 году – 5,4 % от всего личного состава офицерского корпуса)⁸⁵.

Наибольшую помощь вооружением, снаряжением, обмундированием среди союзников оказывали англичане и французы. Поэтому

---

⁸² Звягин С.П. Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки // Сибирь в период Гражданской войны. – Кемерово, 1995. – С.87–88.

⁸³ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны // Отечественная история. – 1994. – №6. – С.59.

⁸⁴ Сахаров К.В. Указ. соч. – С.184.

⁸⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 1993. – С.354.

на них смотрели более доверительно, чем на остальных. Например, генерал М.А.Иностранцев положительно оценивал роль военных представителей Антанты в Сибири, английского — А.Нокса и французского — М.Жанена, в деле обучения и обеспечения войск. Он считал, «без их деятельности катастрофа / белых — Е.В./ наступила бы раньше»⁸⁶.

Существовало и другое отношение к союзникам по Антанте. Показательным в этом плане является следующий эпизод. Как-то на передовой позиции генерал В.В.Голицын представил английскому представителю А.Ноксу отличившегося в бою молодого капитана. Выяснилось, что у него нет второй нижней рубахи, которая должна входить в комплект обмундирования. Английский генерал похлопал офицера по плечу и сказал: «Ничего, ничего, мы Вам дадим белье». Капитан сразу же вспыхнул, покраснел и гордо ответил: «Покорно благодарю, мне ничего от Вас не надо. Вот солдатам, если привезли, дайте»⁸⁷.

В ходе дальнейшего развития Гражданской войны поведение руководителей Англии и Франции вызывало все больше негативную реакцию со стороны офицеров. Они официально так и не признали власть А.В.Колчака, как и других белых правительств. Занимая выжидательную позицию, лидеры Антанты осуществляли достаточно скромные поставки военных грузов во Владивосток.

Видимо, такая позиция Англии и Франции заставляла некоторых офицеров подумать о поиске союзников в другом лагере. Например, генералы К.В.Сахаров и П.П.Иванов-Ринов предлагали Верховному правителю установить контакты с немцами. Они исходили из того, что Первая мировая война завершилась, и поэтому с помощью Германии можно получить дополнительную военную помощь⁸⁸. Сам А.В.Колчак однажды в беседе со своими генералами, критикуя фран-

---

⁸⁶ Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.8. Л.64–65.

⁸⁷ Сахаров К.В. Указ. соч. — С.27.

⁸⁸ Там же. — С.152.

цузов и англичан за их слишком ограниченные военные поставки, высказал даже неожиданную мысль о сотрудничестве с немцами⁸⁹.

Необходимо отметить, что офицеры-монархисты во многом симпатизировали кайзеровской Германии с ее авторитарным политическим строем. Офицеры, близкие по своим взглядам к либеральным, социалистическим идеям, ориентировались на страны Антанты, руководители которых заявляли о своей приверженности идеалам демократии⁹⁰.

Стоит заметить, что открыто выражать свои политические пристрастия и убеждения белым офицерам юридически запрещалось. В Красной Армии политический контроль над командным составом осуществлялся с помощью института комиссаров. Они являлись своего рода надзирателями над бывшими офицерами, поступившими на службу Республике Советов. Каждый приказ такого краскома подписывал и комиссар. Подобное действие как бы служило гарантией от измены⁹¹. Итак, если в войсках А.В.Колчака офицеры ограничивались в политической деятельности законодательно, то в Красной Армии политические убеждения военспецов находились под бдительным надзором комиссаров. В последнем случае, на наш взгляд, возможности для выражения своих политических взглядов (кроме официальной большевистской доктрины) практически не оставалось, так как контроль осуществлялся не законодательным актом, а конкретными людьми, наделенными широкими полномочиями.

Завершая обзор политических взглядов, необходимо сказать, что к концу Гражданской войны и уже после нее, в эмиграции, среди колчаковских офицеров определилось три основных группы лиц. Первые из них, самая многочисленная группа, по окончании войны занимались своими житейскими заботами, не участвуя ни в каких политических акциях. Как правило, такие люди осваивали какую-либо гражданскую профессию на чужбине, чтобы обеспечить себя и свою се-

⁸⁹ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГЛ РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.58.

⁹⁰ Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. – Париж, 1934. – С.147.

⁹¹ Гусев С.И. Гражданская война и Красная Армия. – М., 1925. – С.83.

мью. Так, летчик одного из авиаотрядов Западной армии прапорщик В.Л.Медведев стал фотографом, а помощник начальника осведомительного отдела при штабе Верховного Главнокомандующего полковник Л.Л.Ловцевич занялся пошивом кожаной одежды, сделав приличный капитал на этом деле⁹².

Вторая группа — это офицеры, которые в силу обстоятельств, поддавшись на большевистскую агитацию, переходили на сторону Красной Армии или, уже будучи в эмиграции, выезжали на родину, в советскую страну. Например, командир артиллерийской батареи, штабс-капитан Л.А.Говоров, будущий маршал Советского Союза, в январе 1920 года перешел на службу к красным⁹³. Часть офицеров, попавших в плен, соглашались сотрудничать с большевиками. Среди них можно назвать генерала А.И.Ипатьевич-Горанского, бывшего полевого инспектора инженерного управления колчаковской Ставки, подполковника С.С.Дзюбенко, начальника разведки Уральской группы войск 3-й Белой армии и ряд других офицеров. Поступивших подобным образом офицеров из тех, что были взяты в плен частями 5-й армии красных, в феврале 1920 года насчитывалось 17 человек⁹⁴.

Даже находясь в эмиграции, некоторые офицеры возвращались назад, на родину. Решились на подобный шаг упоминавшиеся выше казачьи офицеры братья Сукины, а также бывший атаман сибирских казаков генерал П.П.Иванов-Ринов и часть других военных. Судьба большинства из них сложилась трагично — они стали жертвами сталинских репрессий.

Третья группа состояла из офицеров, не смирившихся с установлением власти большевиков в России, продолжавших в эмиграции активную политическую деятельность антисоветского характера. Среди них были люди умеренных и радикальных взглядов. К первым можно отнести генерала М.В.Ханжина, некоторое время возглавлявшего Дальневосточный отдел Российского Общевоинского Союза, но отка-

⁹² Волков Е.В. Указ. соч. — С.179.

⁹³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983. — С.152.

⁹⁴ РГВА. Ф.185. Оп.3. Д.1191. Л.72, 152, 287.

завшегося вести конкретную диверсионную работу против СССР⁹⁵. Таких же взглядов придерживались офицеры, которые, если и состояли в различного рода организациях военно-политического характера, но не являлись сторонниками вооруженной борьбы против советской страны, считая, что большевики утвердились там надолго.

Наиболее непримиримыми среди бывших колчаковских офицеров были те, кто активно сотрудничал в рамках антисоветской деятельности с государственными органами той страны, где им пришлось обосноваться, и даже с фашистскими элементами. К таким людям относились генералы М.К.Дитерихс, глава РОВС на Дальнем Востоке, В.В.Рычков, А.Л.Бакшеев, В.А.Кислицын, руководители Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии. Наиболее заметную роль на этом поприще сыграл Г.М.Семенов, возглавивший за пределами родины Дальневосточный Союз казаков. Белоэмигрантская пресса часто публиковала его статьи, где он с восхищением отзывался о фашистских режимах в Италии и Германии, призывая к борьбе с коммунизмом⁹⁶. Бывший колчаковский генерал В.Д.Косьмин формировал отряды из русских эмигрантов для засылки на территорию СССР с целью проведения там диверсий. В начале 30-х годов он даже некоторое время являлся председателем Русской фашистской партии⁹⁷. Другой генерал — Р.Бангерский — в годы второй мировой войны поступил на службу в германские войска, был причастен к геноциду евреев в Латвии. Дослужился до чина группенфюрера СС (генерал-лейтенант)⁹⁸.

Таким образом, политические взгляды в среде белого офицерства на востоке страны были достаточно разнообразны: от монархических до социалистических идей. В этом плане их можно разделить на несколько групп. Первая — это «непредрешенцы», люди индифферентные к политике, готовые служить любой законной, в их глазах,

⁹⁵ Волков Е.В. Указ. соч. — С.170.

⁹⁶ См. подроб: Луч Азии (Харбин). — 1934—1939гг. — №1—64.

⁹⁷ Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции. Энци. справочник. — СПб., 1998. — С.67—68.

⁹⁸ Клавинг В.В. Белая гвардия. Энци. справочник. — СПб., 1999. — С.231.

власти. Таких, видимо, было большинство. Вторую группу, тоже достаточно значительную, составляли сторонники официальной идеологии Белого движения, близкие к кадетам. В третьей группе находились монархисты, среди которых выделялись умеренные и радикальные, то есть черносотенцы. И последняя группа, меньшая по своему составу, в отличие от предыдущих, состояла из сторонников социалистических идей, широкого местного самоуправления, демократизации всей общественной жизни. Численность офицеров, думавших таким образом, увеличивалась по мере ухудшения положения белых на фронте. Такое положение не способствовало сплоченности и боеспособности командного состава колчаковских войск.

В отношении к союзникам превалировала сдержанность. Наибольшее недовольство среди колчаковцев вызывали действия чехов, японцев, американцев. С симпатией относились к сербам, полякам, англичанам и французам. Но эти взгляды не отличались устойчивостью и очень часто менялись.

Необходимо отметить, что главной ценностью, на основе которой формировалось самосознание офицерства, являлось понятие офицерской чести. Важными его составляющими были верность присяге и данному слову, патриотизм. Революционные события начала XX века и Первая мировая война радикально изменили эти представления в сознании офицерства, они во многом девальвировались. Решающее значение в этом сыграли социальный и политический факторы. Во-первых, офицерство накануне гражданского противостояния было представлено в основном выходцами из средних слоев общества, благодаря массовому производству в офицерские чины в годы мировой войны. Они, хотя и получили погоны с просветами, но оставались носителями иной идеологии, намного отличавшейся от кастового духа офицерства. Во-вторых, столь радикальные и быстрые политические изменения в жизни страны сильно дезориентировали офицеров, по традиции достаточно слабо разбиравшихся в политике.

Среди черт, доминировавших в сознании белого офицерства в годы Гражданской войны, можно отметить милитаризм мышления,

религиозность, проявление жестокости к противнику, неприязнь между старыми и молодыми военными кадрами. Об антисемитизме как массовом явлении среди офицеров говорить не приходится, хотя он и приобрел значительные масштабы в условиях российской Смуты.

Часть вторая

Колчаковские офицеры на фронте и в тылу

Глава четвертая

Офицеры в действующей армии

Служба офицеров на фронте проходила в боевых частях и штабах различного уровня. Численность командного состава в действующих армиях А.В.Колчака не превышала 12 тысяч человек из 30-тысячного офицерского корпуса¹. Боевой состав войск, непосредственно находившихся на позициях, был еще меньше и составлял около 40 % от всех военнослужащих в действующих армиях².

На фронте были представлены практически все рода войск. Наибольшее количество офицеров служило в пехотных частях, которые именовались стрелковыми, горно-стрелковыми, состоявшими в основном из уральцев, пластунскими (в казачьих частях) и егерскими (ударными). По штату в пехотном полку полагалось иметь 140–150 офицеров, реально, в большинстве случаев, их насчитывалось не более 50–60 человек. Лишь иногда в части было более 100 лиц командного состава. Среди них в большей степени преобладала молодежь, так как основные потери в период Первой мировой войны понесли именно пехотные части. К концу войны во многих стрелковых полках служили 1–2 кадровых офицера³. Например, в 7-м Уральском горно-стрелковом кадровом полку (командир — подполковник Ю.А.Милюков) в начале 1919 года из 63 офицеров большинство имели чины подпоручика (18) и прапорщика (28), то есть являлись млад-

¹ См. Приложение 6. Табл.1

² См. Приложение 6. Табл.2.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус.— М., 1993.— С.91.

шими командирами. Участников мировой войны, имевших боевой опыт (некоторые его получили в качестве рядового бойца), насчитывался 41 офицер. Остальные либо получили боевое крещение только недавно, на фронтах Гражданской войны, либо вообще еще не участвовали в боях. 24 офицера имели ранения или контузии. Отличные и хорошие аттестации от своего начальства получили 23 офицера. Также необходимо учесть, что командный состав этой кадровой части формировался из 4-х полков⁴.

Вся тяжесть боевых операций в основном ложилась на плечи пехотинцев. Поэтому они, вместе со своими командирами, несли наибольшие потери. Вот только один пример. К началу 1919 года в 15-м Михайловском стрелковом полку насчитывалось 107 офицеров (по штату полагалось 149). На 1 октября этого же года, после многочисленных боев, в которых полк показал себя только с лучшей стороны, на 1 362 солдата (из них лишь 600 находились в строю) осталось 49 офицеров⁵. При этом необходимо заметить, что убыль офицеров по причине дезертирства, пленения противником или перехода на его сторону была очень незначительной.

Конных частей у А.В.Колчака имелось намного больше, чем в красных армиях Восточного фронта. Данное обстоятельство во многом определялось участием казачества в борьбе с большевиками. Из существовавших на тот момент 13 казачьих войск (общая численность 4,5 млн. человек) на территории, находившейся под контролем Омского правительства, их оказалось 9 с населением в 1 млн. 365 тысяч человек⁶. Поэтому значительное количество офицеров в колчаковских армиях являлись выходцами из казачества.

Казачи, как правило, несли службу в конном строю и лишь отдельные их части воевали в пешем порядке, называясь пластуновскими. Видную роль в вооруженной борьбе с советскими частями сыграли представители Оренбургского, Уральского, Сибирского, Забайкаль-

⁴ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.187. Л.32–40; См. Приложение 7.

⁵ РГВА. Ф.39932. Оп.1. Д.3. Л.8–37об.; Ф.39624. Оп.1. Д.193. Л.32об.–33.

⁶ Футурянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. – Оренбург, 1998. – С.52.

ского казачьих войск. Они выставили целые конные дивизии. Однако, имея такое преимущество на своей стороне, белое командование не сумело создать крупных конных формирований и использовать их достаточно эффективно. По крайней мере, кавалерийских ударов, подобно знаменитому рейду генерала К.К.Мамонтова по тылам красных, колчаковское командование так и не организовало. А ведь события Гражданской войны, развернувшейся на огромных пространствах и расстояниях России, показали, насколько необходима конница для достижения военных успехов. Почему колчаковские генералы не сумели решить данный вопрос? Эта проблема, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания и анализа.

Одной из главных причин отсутствия крупных конных формирований и неудачного проведения кавалерийских рейдов явилась позиция казачьего населения в годы Гражданской войны. Оно в подавляющей своей массе не хотело участвовать в боях ни на той, ни на другой стороне. Для казаков главным было одно желание — отстоять свою автономию, самостоятельность при любой власти.

В отечественной историографии существовали разные утверждения, характеризующие позицию казачества в период революционной Смуты. Изначально советские историки отстаивали сталинский тезис о его контрреволюционности, как «военно-полицейского сословия». По мнению сторонников этой точки зрения, такое положение давало преимущество белым правительствам, обосновавшимся на окраинах страны, в районах компактного проживания казачества⁷.

Впоследствии такая оценка была несколько смягчена. Стал делаться акцент на колебания казаков то в сторону советской власти, то в сторону ее противников⁸. Отдельные исследователи доказывали: социальное положение казачьего населения, в большинстве своем бедняков и середняков, способствовало тому, что оно поддержало

⁷ Подроб. см.: Генкина Э. Борьба за Царицын в 1918 году.— М., 1940.— С. 10—11; Попов Ф. Дутовщина.— Куйбышев, 1937.

⁸ Мишц И.И. Год 1918—й.— М., 1982.— С.350; Ермолин А.П. Революция и казачество. — М., 1982.— С.115—116.

большевиков, против которых боролась, главным образом, лишь зажиточная верхушка казачества⁹.

Эмигрантские авторы, писавшие на эту тему, наоборот, подчеркивали активность, монолитность и массовость казачества в борьбе против Красной Армии¹⁰.

В связи с этим необходимо сделать следующее замечание. Значительное количество казаков, как показали события Гражданской войны, стали противниками новой большевистской власти. Но их «контрреволюционность», в основном, не переходила дальше границ своего войска. Это наблюдалось и у А.И.Деникина, и у А.В.Колчака.

Характерной в данном плане представляется позиция оренбургского казачества. Если его численность в 1917 году достигала около 600 тысяч человек¹¹, то в разные периоды Гражданской войны на стороне белых сражалось не более 20 % всего мужского казачьего населения¹². Как правило, армия А.И.Дутова никогда не превышала 20–30 тысяч бойцов. К этому необходимо прибавить личный состав отдельных частей оренбургских казаков в других армиях А.В.Колчака (5–6 тысяч человек)¹³. Таким образом, по самым завышенным данным, в разное время на Восточном фронте против Красной Армии сражалось не более 35 тысяч бойцов, то есть около 6 % населения Оренбургского казачьего войска. В то время как войсковой Круг потенциально мог выставить до 70 тысяч мужчин в возрасте от 19 до 48 лет¹⁴.

В вооруженных силах Советской республики на востоке страны казаков служило намного меньше. Об этом говорит тот факт, что

⁹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. – М., 1990. – Т.1. – С.154; Лисовский Н.К. Разгром дутовщины. – М., 1964. – С.8; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. – Саратов, 1984. – С.17.

¹⁰ Подроб. см.: Емборисов Г.В. От Урала до Харбина. – Шанхай, 1932 ; Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. – Харбин, 1937; Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. – Шанхай, 1937.

¹¹ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско: история и современность. – Челябинск, 1993. – С.2.

¹² Футорянский Л.И. Казачество России ... – 184–185.

¹³ Подсчитано по: РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.193. Л.29об.–34; ГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.75. Л.15–19.

¹⁴ Футорянский Л.И. Российское казачество на завершающем этапе Гражданской войны // Вестник Челябинского университета. – Серия1. – История. – 1992. – №2. – С.29.

красное командование не создало здесь ни одной казачьей дивизии, не говоря уже об армии. К октябрю 1919 года против белых на Восточном фронте сражалось около 9 тысяч казаков, многие из которых в прошлом служили у белых¹⁵.

В целом большинство казачьего населения занимало нейтральную позицию по отношению к воюющим сторонам. Исторический парадокс состоит в том, что казаки, которые с юных лет обучались военному делу и хорошо знали это ремесло, в белых армиях оказались самой недисциплинированной и слабой в боевом отношении их частью.

Наиболее массовой из казачьих соединений считалась Оренбургская армия, возглавляемая атаманом А.И.Дутовым. Колчаковское командование считало ее недостаточно надежной, и для этого имелись основания. Еще в январе 1919 года дутовцы под ударами 1-й армии красных откатились назад, создав критическую ситуацию для белых на южном фланге Восточного фронта. Они оставили Оренбург, а затем Орск.

В начале марта, накануне наступления белых, командующий Западной армией генерал М.В.Ханжин направил зашифрованную телеграмму в Ставку, в которой сообщал, что Оренбургская армия находится «в состоянии полного разложения». По его сведениям, казачьи подразделения самовольно оставляли фронт и занимались грабёжом местного населения. Ханжин отмечал неспособность и бессилие А.И.Дутова и его командиров восстановить порядок и дисциплину в своих частях¹⁶. Начальник штаба Западной армии генерал С.А.Щепихин, спустя годы, в своих воспоминаниях напишет, что у оренбургского атамана «Были толпы вооруженных казаков а'ля Заруцкий, но не было воинских частей»¹⁷.

Командир одного из казачьих корпусов Оренбургской армии генерал И.Г.Акулинин в рапортах наверх неоднократно сообщал о сла-

¹⁵ Фурорьянский Л.И. Российское казачество ... – С.30.

¹⁶ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.11. Л.31.

¹⁷ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.52об.

бой дисциплине и боеспособности его подчиненных. Он отмечал моральное разложение казачьих частей, которые не желали воевать, а в пешем строю в особенности. Дело дошло до того, что казаки стали враждебно относиться к военнослужащим соседних частей, которые проявляли дисциплину и смелость в боях, к таким, например, как 42-й Троицкий стрелковый полк и атаманский конный дивизион. В последнем даже произошел инцидент, когда казаки других подразделений срывали погоны с плеч атаманцев.

Многие молодые бойцы, уроженцы станиц и поселков 1-го округа Оренбургского казачьего войска, стали заявлять о том, что их жилища находятся в руках большевиков, поэтому им воевать нет смысла. «Такой цинизм страшно озлобляет стариков; они обращаются с просьбами отобрать винтовки у частей 1-го округа и передать их им», — докладывал И.Г.Акулинин. Генерал даже предлагал снять с фронта небоеспособные казачьи полки и отправить их в тыл с целью реорганизации и полного вооружения. Затем ими пополнить войска Сибирской и Западной армий, где казачьи части, имея статус «отдельных», неплохо себя зарекомендовали. Вместо убывших полков А.И.Дутов мог бы получить из этих армий регулярные пехотные части¹⁸.

Такие предложения И.Г.Акулинина не встретили поддержки у армейского командования, и никаких шагов в данном направлении не предпринималось. Боеспособность казаков оставалась на очень низком уровне. Один из офицеров, служивший в конном подразделении Оренбургского казачьего войска, утверждал, что подчиненные ему бойцы легко поддавались панике без твердого руководства. Казаки, по его мнению, являлись более анархичным элементом, чем военнослужащие других войск¹⁹.

Части Уральского казачьего войска, с точки зрения все того же И.Г.Акулинина, которому пришлось сражаться и вместе с ними, также отличались слабой дисциплиной и безграничной самостоятельностью командиров. Боевые операции уральцев носили партизанский

¹⁸ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.8. Л.5–6, 16–17об.

¹⁹ Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. — Данденонг, 1988. — С.50.

характер. Захваченные в боях трофеи считались неотъемлемой собственностью части или отдельного лица. В тыл отправляли только то, в чем казаки не нуждались²⁰.

Одной из главных причин военных поражений белых на Восточном фронте, как это убедительно показал в своих работах Г.Х.Эйхе, явился развал Оренбургской и пассивность Уральской армий. Такое положение позволило красному командованию осуществить мощный фланговый удар по Западной армии, повернув свои основные силы тылом к вооруженным формированиям оренбургских и уральских казаков, сковав их на большом фронте всего лишь несколькими стрелковыми и конными бригадами²¹.

В связи с этим можно привести следующие факты. По данным штаба А.И.Дутова, на 2 апреля 1919 года против его армии красные имели всего 6,5 тысяч штыков и 1240 сабель, 25 орудий и 80 пулеметов²². Атаман, обладая силами в несколько раз превышающими войска противника (свыше 20 тысяч бойцов, 56 орудий и 223 пулемета)²³, тогда так и не смог добиться крупных военных успехов и взять Оренбург. Уральские казаки, в свою очередь, осаждая в течение 80-ти дней собственную столицу, Уральск, так и не смогли овладеть городом.

Не оправдали надежд колчаковского командования и сибирские казаки, с помощью которых белые рассчитывали достигнуть успеха в Тобольско-Петропавловской операции. Войсковой атаман П.П.Иванов-Ринов предполагал путем массовой мобилизации создать 18-тысячный Сибирский казачий корпус. Однако ему удалось собрать только 7,5 тысяч казаков, которые осенью 1919 года должны были совершить рейд на Курган по тылам Красной Армии. Но этого сделать не удалось. Сибирские казаки также оказались небоеспособны²⁴. Бой-

²⁰ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. — Берлин, 1927. — Т.2. — С.131, 132.

²¹ Подроб. см.: Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. — М., 1960; Он же. Опрокинутый тыл. — М., 1966.

²² РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.6. Л.46.

²³ Лисовский Н.К. Указ. соч. — С.124.

²⁴ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. — Белград, 1930. — Ч.3. Т.1. — С.144–160; Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига, 1930. — С.111.

цы 11-го Сибирского казачьего полка даже организовали митинг, на котором обсуждали вопрос о бесцельности борьбы с большевиками. Были волнения и в других частях. В связи с этим 3-ю и 4-ю Сибирские казачьи дивизии расформировали и побригадно распределили их между войсковыми группами²⁵.

Стоит заметить, что на юге, в войсках генерала А.И.Деникина казачьи части тоже надежностью не отличались. Когда в начале 1919 года советские войска нанесли поражение Донской армии, тысячи казаков разошлись по домам, сдались в плен или перешли на сторону большевиков. Зимой 1920 года в период боев за Северный Кавказ кубанцы, реорганизованные незадолго до этого в отдельную армию, оголили фронт, поддавшись на обещание эсеров о возможном соглашении с большевиками. Тем самым они способствовали разгрому Вооруженных Сил Юга России к весне 1920 года²⁶.

С отходом колчаковских войск все дальше от родных для казаков мест численность их воинских частей шла на убыль. Так, например, если в конце декабря 1918 года в 3-м Уральском армейском корпусе в частях Оренбургского казачьего войска, по неполным данным, числилось 12 666 бойцов (из них 11 377 кавалеристов), то в 3-й армии, созданной на основе этого корпуса, их уже осталось в октябре 1919 года 5806 штыков и сабель (в том числе 181 офицер)²⁷. На такое значительное сокращение численности казачьих формирований повлияли не только потери в результате военных действий и реорганизация колчаковских войск. Главной причиной явилось нежелание большинства казаков воевать за белое дело вдаль от своих станиц и поселков, что приводило к массовому дезертирству. Такие выводы содержатся в некоторых исследованиях последних лет, освещающих этот вопрос²⁸.

²⁵ Воробьев В.Ф. Тобольско-Петропавловская операция. — М., 1939. — С.39.

²⁶ Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг: ноябрь 1919 — ноябрь 1920 г. — М., 1997. — С.16.

²⁷ РГВА. Ф.39512. Оп.1. Д.4. Л.310—311об.; Ф.39624. Оп.1. Д.193. Л.29об.—34.

²⁸ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. — Н.Новгород, 1995. — С.242; Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. — Екатеринбург, 1997. — С.163; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. — Челябинск, 1999. — С.324.

Отдельные современные авторы склонны даже разделять в антибольшевистском лагере белые армии и казачество, так как первые воевали за «единую и неделимую Россию», а вторые за свои «областные» права²⁹. И с этим, пожалуй, стоит согласиться, но с некоторой оговоркой. Казачество восточных регионов страны не имело сильного духа вольницы и традиций независимого самоуправления, как, например, донцы и кубанцы. На наш взгляд, на юге казачество имело большую самостоятельность и значительную свободу действий, нежели на востоке страны. Достаточно напомнить о прогерманской ориентации руководства Донской армии, в то время как генерал А.И.Деникин получал поддержку от Антанты. Многие казаки сражались в армиях А.В.Колчака в приказном порядке. Войсковые атаманы и правительства действовали в основном в русле политики Омска, за исключением, пожалуй, Г.М.Семенова и И.М.Калмыкова, по некоторым вопросам. Все военные решения принимала Ставка. Когда, например, отдельная Оренбургская казачья армия А.И.Дутова показала свою небоеспособность, то ее по приказу А.В.Колчака реорганизовали, а командующего заменили. Автономия казачества, дарованная Верховным правителем, существовала только на бумаге. Этого требовала боевая обстановка. Казаки, в массе своей, Омскую власть принимать не хотели, и поэтому после ряда поражений белых значительная их часть сложила оружие.

Каковы же причины такого поведения большинства казаков? Прежде всего, их нужно искать в изменении сознания представителей этого сословия. Приоритетными ценностями в этосе казачества являлись воинская служба и земельный надел. Успешная военная карьера и материальный достаток, основанный на земледельческом труде, составляли основу смысла жизни для большинства казаков. Образ жизни казачества характеризовался корпоративностью, законопослушанием, готовностью всегда выполнять предписания вышестоящего на-

---

²⁹ Зимина В.Д. Белое движение времен Гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург).– 1996.– №1.– С.14; Слободин В.П. Белое движение в годы Гражданской войны в России.– М., 1996.– С.34.

чества. Однако революционные потрясения и социальные катаклизмы начала XX века разрушили многие традиционные устои в сознании казачества. Уже в годы первой российской революции отдельные части Оренбургского казачьего войска отказались выполнять полицейские функции, отмечались случаи их братания с революционно настроенными рабочими³⁰.

Первая мировая война принесла с собой экономические трудности и способствовала упадку материального благосостояния населения. Это усиливало политическую нестабильность в обществе. С появлением дефицита товаров, их подорожанием, по всей стране, в том числе и в казачьих районах, наблюдались волнения, которые вылились в избиения торговцев, погромы лавок и магазинов. Во многих случаях зачинщиками таких выступлений оказались женщины, мужья которых находились на фронте. В этой связи показательным является следующий пример: во время подобных беспорядков в одном из поселков Оренбургского края пять казаков, призванные поселковым атаманом силой оружия пресечь такие действия, отказались выполнить приказ. Кроме того, казаки заявили своему атаману, «с угрозой нанести ему побои, что он не имеет права обнажать шапку против своих земляков»³¹.

С началом революционной смуты 1917 года для большинства казаков главным стала не судьба страны, а личная безопасность и благополучие, которые виделись лишь через призму независимости, широкой автономии казачества. При этом в их сознании сохранялись и элементы традиционного мышления. Об этом, например, свидетельствует присяга оренбургских казаков, утвержденная в 1918 году для воинов, поступавших на службу в Русскую армию А.В.Колчака. В ней можно обнаружить и традиционные религиозные мотивы: текст этого торжественного обещания начинается «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», а заканчивается, как молитва, словом «аминь». Но об-

³⁰ Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в годы первой русской революции // Оренбургское казачье войско. Военная служба и общественная жизнь.— Челябинск, 1997.— С. 128–134.

³¹ Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. Сб. док.— М.—Л., 1965.— С.332–333.

ращает на себя внимание тот факт, что в присяге говорится не только о служении Российскому государству, но и своему войсковому Кругу. И эти два объекта подчинения и почитания выступают в тексте на равных³².

В качестве доказательства изменения сознания казаков, их отхода от идей патриотизма, служения государству, можно привести просьбы к Верховному правителю от депутатов 3-го очередного Круга Оренбургского казачьего войска, заседавшего в феврале 1919 года в Троицке. На нем присутствовало немало и офицеров. Среди этих просьб нет слов в духе самопожертвования ради спасения страны. Они носят в основном меркантильный характер: признать оренбургские денежные знаки как государственные; выдать ссуду в 50 млн. рублей на восстановление сожженных станиц; принять на казенное содержание войсковое правительство; ускорить постройку Троицко-Орской железной дороги; утвердить войсковое самоуправление и казачий банк; прислать в Оренбургскую армию сибирские полки; отпустить казаков весной на полевые работы и т.д.³³

Итак, можно отметить, что в период революционной смуты в сознании казачества произошла определенная эволюция от почитания и преклонения перед властью к требовательному, потребительскому отношению к ней. Если новая власть не гарантировала безопасности и минимума материальных условий жизни, она в глазах казаков не являлась легитимной и сражаться за нее не имело смысла.

Небезупречным оказалось административное и военное руководство казачьих атаманов. Все они являлись выходцами из офицерской среды. Так, атаман Оренбургского казачьего войска А.И.Дутов, выдвинутый на столь высокий пост на волне революционных преобразований, на наш взгляд, не являлся тонким и дальновидным политиком и военачальником. Родом из семьи офицера, он окончил военную академию, но к корпусу Генерального штаба его не причислили. «Ни-

---

³² См. Приложение 5. Присяга оренбургских казаков.

³³ Протоколы заседаний 3-го очередного войскового Круга области войска Оренбургского. — Троицк, 1919. — С. 25–26.

каких способностей вождя у него не было», — замечает в своих воспоминаниях генерал С.А.Щепихин, который учился с А.И.Дутовым в кадетском корпусе и академии Генерального штаба. По его мнению, оренбургское казачество не имело большого слоя интеллигенции, поэтому выбор пал на А.И.Дутова, человека не предназначенного для такой деятельности. Генерал А.М.Каледин, атаман Донского казачьего войска, по этому поводу якобы даже сказал, что Александр Ильич «не находка для оренбуржцев»³⁴.

А.И.Дутов совмещал несколько должностей, являясь и атаманом, и председателем войскового правительства, занимаясь при этом и другими вопросами. Отсюда эффективность решения многих из них оказалась невысокой. Атаман не сумел найти общего языка и с башкирским национальным движением, что существенно подорвало силы белых на Восточном фронте. И, наконец, его армия не имела крупных военных успехов на протяжении всего 1919 года. Данный факт говорит о том, что ни сам А.И.Дутов, ни генералы из его окружения большими военными талантами не обладали. Они оказались не подготовлены к затяжной вооруженной борьбе внутри страны и мыслили категориями из книг военных теоретиков, разработавших тактику и стратегию позиционных войн. В качестве доказательства данного суждения можно привести следующий пример. Осенью 1918 года, когда давление красных на оренбургские казачьи части усилилось, А.И.Дутов и его штаб решили на Бузулукском и Актюбинском участках фронта соорудить земляные укрепления. Планировалось в конечном итоге сомкнуть их и таким образом прикрыть Оренбург с севера и с юга земляными траншеями и валами. На работах использовались военнопленные и крестьяне окрестных деревень³⁵. Этот, на наш взгляд, бездумный замысел до конца так и не реализовали из-за нехватки финансовых средств, строительных материалов, теплой одежды и времени. Однако если бы его удалось осуществить, то в услови-

³⁴ Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.7. Л.51об.-52.

³⁵ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. — Шанхай, 1937. — С.100–101.

ях маневренной, а не позиционной Гражданской войны, эти земляные сооружения оказались бы бесполезны. Противник их легко мог обойти, а при определенных условиях и взять, наступая с фронта. Штаб А.И.Дутова, видимо, этого не понимал и не имел представления об особенностях Гражданской войны.

Конечно, среди офицеров Оренбургского казачьего войска были и способные командиры. Среди них можно отметить войскового старшину Л.И.Тушканова, полковника В.С.Попова, генерала П.М.Юсева. За действия этих офицеров в условиях боевой обстановки командование ходатайствовало об их награждении Георгиевским оружием³⁶.

Не все казачьи командиры сумели проявить свои таланты и умения в колчаковских войсках. Например, полковник Ф.Е.Махин, как уже отмечалось, в свое время окончивший академию Генерального штаба, отлично зарекомендовавший себя как командир одного из соединений Народной армии, сражаясь в Поволжье, по политическим мотивам был уволен из армии А.И.Дутова и выслан за границу.

Войсковое правительство, возглавляемое атаманом, в период весеннего наступления белых допустило две крупные стратегические ошибки. Во-первых, оно добилось того, что Верховный правитель в апреле 1919 года, в самый ответственный период на фронте, разрешил увольнять на полевые работы казаков старших возрастов (с 42-х лет)³⁷. Это вызвало большой отток бойцов из казачьих частей не только в Оренбургской, но и в Западной армии, действовавшей на главном направлении. Запросились домой и крестьяне в солдатских шинелях, что усилило волнения в воинских подразделениях. Во-вторых, войсковое правительство объявило о прощении дезертиров, если они вернутся в строй. Такая мера несколько увеличила численность Оренбургской армии, но не ее боеспособность³⁸. Подобные непродуктивные шаги значительно ослабили силы колчаковцев.

³⁶ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.38. Л.386, 475–477, 486.

³⁷ Там же. Ф.30506. Оп.1. Д.2. Л.74.; Ф.39499. Оп.1. Д.17. Л.78.; Ф.39624. Оп.1. Д.186. Л.448, 454.

³⁸ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско... – С.127.

Исходя из вышесказанного, вряд ли можно согласиться с историческим портретом А.И.Дутова, созданным В.М.Войновым, где подчеркиваются лишь положительные стороны в деятельности атамана³⁹. В то же время нельзя не критиковать позицию советской историографии, которая представляла А.И.Дутова исключительно как монархиста, сторонника восстановления самодержавия и «наймита империалистических держав»⁴⁰.

Другие атаманы на востоке страны также не сумели надолго сплотить вокруг себя казаков для борьбы с Красной Армией. Многие из них оказались людьми совершенно не подготовленными для решения не только военных, но еще и политических задач. Это было связано с тем, что все они вышли из офицерской среды. На гражданскую войну они смотрели как на очередной военный поход, не более, политикой ранее не занимались и поэтому не владели навыками народных лидеров.

Например, атаман Сибирского казачьего войска генерал П.П.Иванов-Ринов, несомненно, был неплохим полковым командиром, хорошим руководителем подпольной офицерской организации, наверное отличным, с точки зрения колониальных интересов России, начальником уезда в Туркестане. Но в целом для созидательной работы государственного масштаба ему не хватило ни знаний, ни опыта, ни, возможно, таланта. Свои недостатки он пытался компенсировать волевым усилием, энергией, решительностью, применением жестких мер⁴¹. Казачьим войском он практически не руководил, занимая различные высокие командные посты. В период тяжелого Сибирского Ледяного похода он был не со своими казаками, а уехал на восток в поезде Главнокомандующего. Еще ниже он пал в глазах земляков, когда вернулся в 1925 году из Китая в СССР. Конечно, такому атаману

---

³⁹ Войнов В.М. Жизнь и смерть атамана Дутова // Уральский следопыт (Екатеринбург).—1993.— №3.— С.8—10.

⁴⁰ Попов Ф. Дутовщина.— Куйбышев, 1937.— С.20,38; Лисовский Н.К. Разгром дутовщины.— М., 1964.— С.10,89.

⁴¹ Шулдяков В.А. Вожди белоказачков Сибирского казачьего войска // Белая армия. Белое дело.(Екатеринбург).— 1999.— №6.— С.66—67.

сибирские казаки вряд ли могли доверять.

Атаман Забайкальского казачьего войска Г.М.Семенов — одна из колоритных фигур Гражданской войны. Он, поддерживаемый японцами, вел себя как самостийный правитель. Первоначально даже отказался признать власть А.В.Колчака. Его отряды контролировали большой участок железной дороги в Забайкалье и фактически наживались на этом. Случаи грабежей пассажиров в поездах, «пропажи» военных и коммерческих грузов не являлись редкостью. Вот только один пример. На станции Маньчжурия, например, семеновцы задержали четыре вагона пушнины, следовавших в Харбин, на общую сумму 2 млн. рублей. Пушнина предназначалась одной из японских фирм в обмен на поставки воинского обмундирования для армий А.В.Колчака. Охрана вагонов во главе с прапорщиком Носковым была обезоружена и арестована⁴². Чем закончилась эта история, нам не известно, но если даже пушнину удалось отправить в Харбин, то явно не всю.

Известен факт, что таким же образом забайкальский атаман присвоил часть средств из золотого запаса, отправленного из Омска. Он передал их японской военной миссии. Но японские власти золото не вернули⁴³. Г.М.Семенов, даже произведенный А.В.Колчаком в генералы, так и не перебросил свои части на Восточный фронт, в самый ответственный период борьбы с Красной Армией в 1919 году. Недаром Верховный правитель в частных беседах называл забайкальского атамана «соловьем-разбойником»⁴⁴.

Есаул И.М.Калмыков, атаман уссурийского казачества, также первоначально заявил о своем неподчинении Верховному правителю. Он имел в своем распоряжении шесть казачьих сотен и две артиллерийских батареи. Его власть в крае держалась террором и страхом. Причем И.М.Калмыков не щадил ни чужих, ни своих. В феврале 1920

⁴² ГА РФ. Ф.176. Оп.14. Д.207. Л.26.

⁴³ Дальневосточная республика: становление, борьба с интервенцией. Сб. док.— Владивосток, 1993.— Ч.2.— С.28–31.

⁴⁴ Князев В.В. «Жизнь для всех и смерть за всех». Записки личного адъютанта адмирала А.В.Колчака.— Кирово-Чепецк, 1991.— С.26.

года, перед занятием Хабаровска красными партизанами, атаман со своим отрядом ушел в Маньчжурию, не оказав никакой поддержки белогвардейцам⁴⁵.

В Семиречье верховодил атаман Б.В.Анненков. Хотя его дивизия, переименованная позднее в отдельную Семиреченскую армию, отличалась высокой боеспособностью, сам Б.В.Анненков действовал самостоятельно и часто не выполнял приказы Верховного Главнокомандования. Борясь за власть, он арестовал избранного казачьего атамана генерала А.М.Ионова и стал единолично править в Семиречье⁴⁶.

Осенью 1918 года колчаковский Совет министров обсуждал вопрос о бесчинствах подчиненных Б.В.Анненкова, поскольку поступали многочисленные жалобы от гражданского населения на творимый произвол. Возмущенный председатель правительства П.В.Вологодский потребовал отстранить Б.В.Анненкова от должности, арестовать и предать суду. Но, трезво поразмыслив, министры решили, что без боя с многочисленными отрядами анненковцев этого сделать не удастся. «Не открывать же еще один новый фронт и начинать междоусобицу в тылу», — думали многие из них. Поэтому приняли более спокойное и нейтральное постановление: расследовать незаконные действия Б.В.Анненкова в Семиречье⁴⁷.

Лишь отдельные части анненковцев приняли участие в боях на Восточном фронте. Большие проблемы для регулярных войск создавали так называемые вербовщики от атамана. Они усиленно зазывали в свои ряды солдат и казаков из строевых частей, нарушая тем самым воинскую дисциплину. Наибольшую активность анненковцы проявили в Челябинске. С целью ослабить вредное влияние на воинские части подобных агентов, командующий Западной армией генерал

⁴⁵ Андрушкевич Н.А. Последняя Россия // Белое дело.— Берлин, 1928.—Т.4.— С.132; Мельгунов С.П. Указ. соч.—С.225–239; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.— М., 1983.— С.250.

⁴⁶ Мамонов В.Ф. Гибель русской Ванды: казачество востока России в революции и Гражданской войне.— Челябинск—Екатеринбург, 1994.— С.114.

⁴⁷ Серебrenников И.И. Мои воспоминания.— Тяньцзинь, 1937.— Т.1.— С.223.

М.В.Ханжин приказал: лиц, замеченных в такой деятельности, немедленно арестовывать и наказывать, применяя суровые меры и против перебежчиков в другие части⁴⁸.

Таким образом, казачьи атаманы в большинстве своем создавали много трудностей для центральной власти, их войска, как правило, не отличались высоким боевым духом. Генерал А.П.Будберг в своем дневнике верно заметил: «Вред атаманины, это мое кредо; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого»⁴⁹.

Адмирал А.В.Колчак нуждался в поддержке казачества и поэтому жестких мер против его руководителей не предпринимал. И в то же время политику Омского правительства в отношении казачества нельзя назвать достаточно продуманной.

При Верховном правителе действовало Главное управление по делам казачьих войск, возглавляемое помощником военного министра генералом Б.И.Хорошкиным. Основной задачей этого учреждения являлось решение административных и хозяйственных вопросов казачьих войск. Испытывая большую зависимость от Совета министров, представители казачества, заседавшие в Омске, так и не сумели разрешить многих проблем своих земляков.

Казачьи войска на фронте, как правило, снабжались гораздо хуже, чем другие колчаковские соединения. Например, Оренбургская армия постоянно испытывала недостаток вооружения, обмундирования, продовольствия. В Челябинске командование Западной армии отказывалось принимать денежные купюры, выпущенные войсковым правительством. Финансовых средств из Сибири поступало очень мало. Подобное положение вызывало недовольство верховной властью со стороны А.И.Дутова и его окружения. Кроме того, в омской газете «Наша заря» премьер колчаковского правительства П.В.Вологодский даже выступил с откровенной критикой руководства Оренбургского казачьего войска, указывая на его крупные просчеты. Статья вызвала

⁴⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.219. Л.45.

⁴⁹ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. – М., 1992. – Кн. 7. Т. 14. – С. 231.

ответную реакцию членов войскового правительства, которые обратились к Верховному правителю с просьбой «оградить оренбургское войско от подобных выпадов»⁵⁰.

Полки Уральского казачьего войска в плане военного обеспечения также оказались изолированы от Сибири, и атаману В.С.Толстову пришлось устанавливать связи через Каспий с армией А.И.Деникина. Но все-таки главным средством снабжения для уральцев оставались трофеи, захваченные в боях с красноармейцами⁵¹.

Перечисленные выше факты говорят о непонимании колчаковским руководством того, что отношения с казачеством — вопрос не столько военный, сколько политический. Необходимо было найти ту линию действий, которая обеспечила бы белым массовую поддержку казачества. Однако этого сделать не удалось.

Следует заметить, что в руководстве Красной Армии такие люди как И.И.Вацетис и Л.Д.Троцкий эту проблему видели. Поэтому когда, в свое время, обсуждался план наступления красных на Южном фронте, они выступили с инициативой ударить по А.И.Деникину не с Волги на Кубань, то есть через казачьи районы, а от Воронежа на Харьков и Донецкий бассейн, где проживало в основном крестьянское и рабочее население. Преимущество этого направления заключалось в том, что кубанские казаки оставались бы на своих землях, защищая только их, и не помогая Вооруженным Силам Юга России в борьбе с советскими частями. Сначала такая идея была отвергнута, но впоследствии, когда белые стали угрожать Туле, приняли именно этот план⁵².

На изменение в негативную сторону позиции казачества по отношению к Омскому правительству повлияла и достаточно гибкая политика большевиков в период Гражданской войны. Во-первых, советские руководители вскоре признали ошибочной директиву о расказачивании, принятую в январе 1919 года, и отказались от ее выпол-

⁵⁰ ГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.32. Л.42–43об.; Д.27. Л.108.

⁵¹ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. — Берлин, 1927. — Т.2. — С.126.

⁵² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. — М., 1991. — Т.2. — С.431–432.

нения. Тем более она, главным образом, осуществлялась в районах Дона и Кубани. Во-вторых, красное командование (приказы П.А.Кобозева, Г.В.Зиновьева, М.В.Фрунзе) постоянно обещало амнистию тем «белоказакам», независимо от чина, кто вступит в ряды армии «трудового народа». Немалую роль в этом играла и агитация большевиков, их популизм. И, наконец, военные неудачи белых только усиливали пораженческие настроения среди казачества⁵³.

В итоге, все перечисленные выше факторы в совокупности и способствовали тому, что казачьи части, в большинстве своем, оказались наименее боеспособными в колчаковских армиях. Поэтому создать крупные кавалерийские соединения, столь необходимые в условиях Гражданской войны, не удалось. Хотя попытки в этом направлении предпринимались. Так сформированный Сибирский казачий конный корпус первоначально неплохо себя зарекомендовал в Тобольско-Петропавловской операции, потому что использовался как единое ударное соединение. Казаки в конном строю разгромили две бригады красных, за что их командир генерал П.П.Иванов-Ринов был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Однако в дальнейшем командование перестало использовать корпус как самостоятельную боевую единицу, применяя его дивизии и полки для решения разных второстепенных задач⁵⁴.

Создание крупных конных формирований, их активность на фронте зависели, на наш взгляд, не только от неустойчивой позиции казачества, но и от колчаковского военного руководства, от его представлений об особенностях Гражданской войны. И в этом плане белые генералы оказались не на высоте. Полковник А.Д.Сыромятников — выпускник, а затем и преподаватель академии Генерального штаба — в своей статье «Подвижные резервы и значение конницы в условиях текущей войны», опубликованной в армейской прессе, отмечал: «К

⁵³ Ермолин А.П. Указ. соч.— С.130,134; Футорянский Л.И. Российское казачество на завершающем этапе...— С.31; Мамонов В.Ф. Указ. соч.— С.151–152.

⁵⁴ Шудяков В.А. Указ соч.— С.65–66.

сожалению, в вопросе о возрождении Русской армии коннице отведено едва ли не последнее место»⁵⁵.

Такое положение, видимо, связано с тем, что многие высшие офицеры смотрели на военные операции через призму опыта Первой мировой войны, когда огневая мощь с обеих сторон не позволяла должным образом использовать кавалерию и борьба приобретала позиционный характер. Довольно часто командиры приказывали казакам оставлять своих лошадей и вести бой в пешем порядке, что вызывало, как правило, сильное недовольство последних. Казаки всегда стремились к тому, чтобы их привлекали на завершающем этапе боя, когда после артиллерийского огня и атаки пехотинцев противник обрастался в бегство. Казачьей коннице в данном случае отводилась роль преследовать и уничтожать отступающего врага. И, конечно, в такой ситуации потери ее были значительно меньше, чем во встречном бою.

Командование Красной Армии в условиях маневренной Гражданской войны довольно быстро осознало эффективную роль крупных кавалерийских соединений и активно приступило к их созданию. Наиболее активно проявили себя красные кавалеристы на Южном и Западном фронтах. Победы, обеспеченные конницей, впоследствии надолго закрепили в сознании многих советских военачальников представление о том, что войну можно выиграть с помощью больших конных масс. Неудивительно, что даже такой образованный, с точки зрения военной теории, в отличие от К.Е.Ворошилова и С.М.Буденного, офицер, выпускник академии Генерального штаба, Б.М.Шапошников, добровольно перешедший на службу в Красную Армию, в одной из аналитических статей по военному искусству, опубликованной в 1920 году, заявил: «Время конных атак еще не кануло в вечность». Он доказывал необходимость широкого применения кавалерии в будущих войнах⁵⁶.

---

⁵⁵ Русская армия (Омск).— 1919.— 20 февр.

⁵⁶ Шапошников Б.М. Современное значение конницы и ее задачи // Военное дело. Сб. ст. по военному искусству.— М., 1920.— Вып.2.— С.125–144.

Несколько слов необходимо сказать и о положении офицеров в казачьих частях. В условиях Гражданской войны оно значительно отличалось от ситуации в других подразделениях. Если в последних офицеры в глазах подчиненных в большинстве своем имели авторитет и могли требовать строгого выполнения своих приказов, то в казачьих частях все складывалось по-иному. Как отмечал в своем рапорте командир казачьего корпуса генерал И.Г.Акулинин, «во многих полках начальствующие лица, если не уговаривают, то и не приказывают, а все еще разговаривают с подчиненными»⁵⁷. Панибратство между офицерами и бойцами получило широкое распространение в вооруженных формированиях оренбургских казаков. В отдельных случаях недовольные казаки даже срывали погоны со своих командиров⁵⁸.

Причины такого явления, на наш взгляд, следует искать в том, что большинство офицеров этих частей сами являлись выходцами из казачьей среды, их семьи жили по соседству с семьями рядовых казаков в одной станице или поселке. Некоторые из них были близкими или дальними родственниками своих командиров. Поэтому, в условиях ослабления армейской дисциплины, стали процветать кумовство и землячество, что отрицательно сказывалось на боевом духе казачьих частей. С другой стороны, угрозы офицерам из уст недовольных казаков могли распространяться и на их семьи, живших на войсковой территории. Опасения офицеров за судьбу своих близких заставляло их более лояльно относиться к своим подчиненным, даже нарушавшим элементарные требования воинских уставов.

Особенностью вооруженных сил периода Гражданской войны являлись партизанские формирования, которые создавались и красными, и белыми. Большую роль они играли на начальном этапе борьбы. Когда же были созданы фронты, та и другая сторона пытались побыстрее ликвидировать партизанскую вольницу, поставив ее бойцов в ряды регулярных войск. Если красное командование в этом вопросе действовало последовательно и энергично, то колчаковские ге-

⁵⁷ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.8. Л.5-6.

⁵⁸ Партизанское движение в Сибири. Сб. док.-М.-Л.,1925.-Т.1.- С.167.

нералы после ряда крупных военных неудач наоборот сделали ставку на возрождение партизанских частей в своих армиях. Они пытались подобной мерой увеличить боеспособность войск. Стали создаваться пешие и конные («летучие») партизанские отряды. Так, в состав Южной группы Западной армии включили «пластунско-партизанский» полк под командованием полковника Рожнева, прибывший из Семиречья от атамана Б.В.Анненкова⁵⁹. В конце июля 1919 года в 3-й армии для проведения рейдов и диверсий сформировали особый летучий партизанский отряд (4 сотни и несколько дружин) под руководством генерала А.П.Перхурова⁶⁰. При Уфимской группе войск действовал Челябинский партизанский отряд полковника Н.Г.Сорочинского⁶¹. Впоследствии даже создали отдельную партизанскую группу 3-й армии (командир — генерал Л.Н.Доможиров), состоявшую в основном из конных казачьих частей и отрядов ополчения⁶². Нередко командиры таких партизанских частей и соединений становились, в условиях гражданского противостояния, атаманами для своих бойцов и порой даже не подчинялись указаниям военного командования. Таким образом, наряду с высоким боевым духом, среди партизан были сильны и анархистские настроения.

Еще одним родом войск, где несли службу офицеры, являлись артиллерийские части. На своем вооружении они преимущественно имели 3-х дюймовые (76 мм.) легкие и 48-линейные (107 мм.) орудия, использовались также и 6-дюймовые (152 мм.) тяжелые пушки в так называемых частях ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения). Как правило, артиллерия находилась при дивизиях, в которых были либо артиллерийские бригады (6 батарей по два орудия), либо дивизионы (4 батареи по два орудия). По штату в управлении таких соединений и подразделений служило три офицера, занимавших посты командира, адъютанта и начальника службы связи, им подчинялось 16 нижних чинов. Каждую батарею (2 орудия с прислугой) воз-

⁵⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.312.

⁶⁰ Там же. Л.566.

⁶¹ Там же. Д.193. Л.32об.-33.

⁶² Там же. Д.135. Л.566.

главлял обер-офицер. Кроме этого в его подчинении находилась и пулеметная команда, выполнявшая функцию защиты батареи⁶³.

Среди офицеров-артиллеристов, как на любой войне, были, конечно, и свои герои. Так, в сентябре 1918 года, еще до прихода к власти адмирала А.В.Колчака, командир отдельной артиллерийской батареи 3-го Уральского армейского корпуса прапорщик Башков совершил настоящий подвиг. Его батарея в бою под селом Покровским заняла позицию в непосредственной близости от противника и своим огнем остановила бронепоезд красных, разбив паровоз. В ответ с бронепоезда открыли сильный огонь по батарее. Двое солдат-артиллеристов были убиты. Тяжело ранили прапорщика Башкова и еще несколько его подчиненных. С оторванной левой рукой и перебитой правой, он продолжал отдавать приказы. Благодаря его действиям батарейцы вынесли всех раненых, вывезли из полосы огня орудия и сняли телефонный кабель. Командир корпуса всех отличившихся бойцов батареи представил к наградам. Прапорщик Башков от полученных ран скончался⁶⁴.

По мнению высшего командного состава 5-й армии красных, артиллерия белых на Восточном фронте оказалась на порядок слабее, чем у их противника⁶⁵. Данный вывод подтверждают и рапорты казачьего генерала И.Г.Акулинина, который отмечал, что его бойцы очень сильно боялись артиллерии красных и при первых оружейных залпах обращались в бегство⁶⁶.

В белых армиях, как и в красных, имелись броневые части, состоявшие из бронепоездов, бронемашин и танков. Особенностью, в этом отношении, колчаковских войск явилось отсутствие танков. Только в декабре 1919 года во Владивосток прибыло 24 французских танка. Но из-за малочисленности специалистов-техников, а также отсутствия отдельных агрегатов к ним, грузы с которыми оказа-

⁶³ Там же. Д.135. Л.111.; Д.144. Л.9,20.

⁶⁴ РГВА. Ф.39512. Оп.1. Д.58. Л.131об.

⁶⁵ Гражданская война. Сообщения по стратегии Гражданской войны, читанные сотрудниками штаба 5-й армии.—Б.м. 1919.—С.142.

⁶⁶ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.8. Л.5-6.

лись задержаны по причине забастовки портовых рабочих в Марселе, эти броневые машины так и не попали на фронт⁶⁷.

На юге у А.И.Деникина имелись целые танковые отряды, в которых преобладали французские машины фирмы «Рено». Были танки на северо-западе, в армии Н.Н.Юденича. Всего у белых насчитывалось свыше 130 танков, 83 из которых оказались захвачены красными⁶⁸.

Наибольшей эффективностью в бою из броневых средств, как показали события Гражданской войны, обладали бронепоезда. Преимущественно их имели Сибирская и Западная армии А.В.Колчака. Например, в последней в апреле 1919 года на вооружении состояло 6 бронепоездов, имевших названия «Забияка», «Волжский», «Кондор», «Сибиряк», «Тагил» и «Горняк». Они были разделены на два дивизиона во главе с поручиком Ростовцевым и штабс-капитаном Корневым⁶⁹.

Личный состав одного бронепоезда без десанта насчитывал более 100 человек с несколькими офицерами во главе. Командиром бронепоезда преимущественно являлся обер-офицер. Однако имелись исключения. Например, в войсках атамана Г.М.Семенова в Забайкалье такой пост занимал генерал Н.Ф.Богомолец. Впоследствии, в 1939 году в Лос-Анджелесе он предстал перед судом по обвинению генерала В.Грэйвса в том, что его бронепоезд обстрелял эшелон с американскими солдатами. Но федеральный суд США оправдал генерала-эмигранта⁷⁰.

Уральская и Оренбургская казачьи армии бронепоездов не имели. Первая из них, получив несколько бронемашин от А.И.Деникина, так и не смогла их активно использовать в боях по причине плохого снабжения горючим⁷¹.

⁶⁷ Там же. Ф.39597. Оп.1. Д.100. Л.103, 112.

⁶⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1987. — С.584.

⁶⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.295.

⁷⁰ Балашкин П.Л. Финал в Китае. — Сан-Франциско, 1958. — Т.1. — С.95.

⁷¹ Акулинин И.Г. Уральское казачье войско... — С.126, 137.

В условиях вооруженной борьбы того времени броневым частям отводилась лишь второстепенная вспомогательная роль. Эта была еще не «война моторов». Всего в войсках белых насчитывалось, по разным данным, от 47 до 79 бронепоездов. Красная Армия на октябрь 1920 года располагала 103 бронепоездами⁷².

Вооруженные силы А.В.Колчака имели также инженерные части, которые подчинялись Главному инженерному управлению Ставки. Подразделения инженерных войск главным образом занимались сооружением оборонительных укреплений и переправ. Условия Гражданской войны, с ее маневренной тактикой, способствовали сокращению потребности в офицерах-специалистах инженерного дела. Поэтому в массе своей они себя не проявили.

Значительное количество офицеров служило в авиации, где каждый летчик и наблюдатель, составляющие один экипаж, как правило, носили офицерские погоны. Ремонт и техническим обслуживанием самолетов занимались в основном нижние чины. По штату каждый авиаотряд состоял из пяти аэропланов по два офицера на каждый. Так, в начале мая 1919 года в Сибирской (начальник воздушного флота — полковник Смолянинов) и в Западной (начальник воздушного флота — полковник Шангин) армиях имелось по три авиаотряда, в каждом из которых служило от 3 до 13 офицеров. Помимо этого несколько офицерских чинов находилось при поездах-авиамастерских в Челябинске и Перми, а также в авиационном парке в Кургане. В управлении воздушного флота каждой армии тоже служило по 3–4 офицера⁷³.

Необходимо заметить, что ряд летчиков оказался в составе белых армий благодаря тому, что вместе со своими аэропланами перелетели с территории Советской России на сторону ее противников. Например, в июле 1918 года Оренбургский авиаотряд Красной Армии, включавший три самолета «Фарман-30», 8 бывших офицеров во главе с капитаном П.П.Сергеевым и 15 техников, перешел на сторону

⁷² Гражданская война и военная интервенция...— С.75–76.

⁷³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.196. Л.33–39об.

белых⁷⁴. Впоследствии командование 3-й колчаковской армии даже установило премию в 10 тысяч рублей для летчиков, перелетевших со своими самолетами с территории Советской республики⁷⁵.

На фронте, где сражались войска А.В.Колчака, с июня 1919 года действовал авиаотряд под руководством полковника Вуазена, представителя французской военной миссии. Летчики-французы занимались в основном воздушной разведкой, за что получили в свое время благодарность от Верховного правителя. Подобное формирование, состоявшее из летчиков королевских военно-воздушных сил Великобритании, сражалось в войсках А.И.Деникина в районе Царицына и Астрахани⁷⁶.

В конце сентября 1919 года колчаковская авиация насчитывала 45 аэропланов, 17 из которых находились в ремонте. За четыре месяца, с марта по июль 1919 года, ее экипажи совершили около 100 боевых вылетов, сбросили 66 бомб и 600 кг стрел. Большая часть полетов совершалась с целью разведки и установления связи⁷⁷.

Проблемы, существовавшие в авиации, раскрыл в своем докладе начальник воздушного флота штаба Верховного Главнокомандующего военный летчик полковник Самойло. Сравнивая состояние военно-воздушных сил армий А.И.Деникина и А.В.Колчака, он отмечал, что техническая база и организация авиаотрядов на юге значительно лучше. Данное обстоятельство, на его взгляд, определялось снабжением деникинских войск более совершенными по качеству английскими самолетами, наличием большого числа опытных авиаторов, правильной системой управления и обеспечения военно-воздушных сил. Авиация колчаковцев в этом плане имела крупные недостатки. Во-первых, это невысокое качество самолетов, французских и амери-

⁷⁴ Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства // Сибирь в период Гражданской войны. — Кемерово, 1995. — С.75.

⁷⁵ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.147.

⁷⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983. — С.21; Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего (Омск). — 1919. — 24 сент.

⁷⁷ Доронин Ю.П. Авиация белых армий на Восточном фронте // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). — 1997. — № 4. — С.62, 67.

канских, уже снятых с производства у себя в стране, но присылаемых за валюту в качестве боевых машин. К ним относились аэропланы марки «Сопвич», «2 WF» (четыре этих самолета из-за технических неполадок сгорели вместе с летчиками в воздухе), «Говеланд», «Р.А.Ф.», «Напир», «Ройс». Сверх того, колчаковцы испытывали острую нехватку грамотных летчиков. Нерационально работала система управления, так как командование отрядами сосредоточилось в руках начальника воздушного флота и его ведомства, а снабжение всем необходимым — в военном министерстве. Далее полковник Самойло предлагал отказаться от не оправдавших себя закупок самолетов во Франции и наладить канал их поставок из Великобритании, по примеру А.И.Деникина, через Средиземноморье, Черное море, Кавказ, Каспий. Для этого, указывал он, необходимо оборудовать базу в Гурьеве с целью сборки и апробации присылаемых по частям аэропланов. Затем своим ходом они могли прибыть в Омск. Данный маршрут, по мнению Самойло, был значительно короче, чем поставки через Владивосток, и давал возможность пополнить летный состав за счет деникинцев. Первым шагом по реализации этого плана могла стать отправка группы офицеров-летчиков в Великобританию. И последнее, на чем настаивал полковник, это расширение полномочий командования военно-воздушных сил и создание единого авиационного управления, которое бы занималось и военными вопросами, и материально-техническим обеспечением авиаотрядов, как у А.И.Деникина и в Красной Армии⁷⁸.

Однако все эти предложения остались на бумаге. Поздней осенью 1919 года колчаковское командование приняло решение прекратить работу авиации, так как зимой она была практически невозможна, и готовиться к весне 1920 года. Но быстрое наступление частей Красной Армии сорвало эти планы. Авиационные отряды, лишенные руководства и материального снабжения, самораспустились. После

---

⁷⁸ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.330. Л.4–13.

падения власти А.В.Колчака в Сибири 84 авиатора, в основном офицеры, попали в плен⁷⁹.

В вооруженных силах А.В.Колчака служили и флотские офицеры. Сам Верховный правитель являлся морским офицером и это, конечно, сказывалось в его деятельности, особенно в первые месяцы пребывания у власти. Монархическая газета «Русский Восток», выходящая в Чите, опубликовала в марте 1919 года фельетон, в котором содержалась язвительная критика в адрес Омского правительства. Автор статьи отмечал, что А.В.Колчак и его министры мечтают «ни более, ни менее, как о воссоздании мощного флота. Поэтому очень часто издаются приказы по морскому ведомству: такого-то адмирала назначить, скажем, помощником военного министра; учредить шкиперские курсы; мобилизовать военно-морских кондукторов; расширить деятельность морского министерства созданием новых великих во всех отношениях штатов и т. д.»⁸⁰. И это действительно было так. Масса приказов и постановлений колчаковского военного командования и правительства касалась именно дел на флоте или службы морских офицеров. На самом деле в распоряжении белых на востоке страны оказалось не так уж много судов.

Во Владивостоке при А.В.Колчаке создали из нескольких миноносцев и транспортов Сибирскую флотилию. Там же формировали команды для Амурской флотилии, корабли которой еще летом 1918 года захватили японцы. Они обещали их вернуть, но так этого и не сделали. Общее командование морскими силами на Дальнем Востоке поручили адмиралу С.Н.Тимиреву, с весны 1919 года его сменил адмирал М.Г.Федорович.

Камская речная флотилия была сформирована в ноябре–декабре 1918 года из захваченных в качестве трофеев и оставшихся судов Волжской флотилии Самарского Комуча. Она состояла из 12 транспортов во главе с флагманским хорошо вооруженным теплоходом «Волга». Действовала флотилия в районе Сибирской армии по обста-

⁷⁹ Доронин Ю.П. Указ. соч. – С.68.

⁸⁰ Русский Восток (Чита).– 1919.– 19 марта.

новке, без стратегических и тактических планов, потому что никаких указаний из Ставки никогда не получала. Сначала это речное военное соединение возглавлял адмирал Ю.К.Старк, а с апреля 1919 года — адмирал М.И.Смирнов. Начальником штаба являлся капитан 1-го ранга Н.Ю.Фомин⁸¹.

В то же время адмиралу Ю.К.Старку поручили укомплектовать в Красноярске бригаду морских стрелков. Вскоре в ней насчитывалось до 2 тысяч бойцов. Командиром 1-го батальона назначили капитана 2-го ранга Н.Н.Степанова, 2-м батальоном руководил капитан 2-го ранга П.В.Тихменев. Весной–летом 1919 года морские стрелки уже сражались в боях на реках Каме и Белой⁸².

Когда возникла необходимость эвакуировать Камскую флотилию, она имела около 3 тысяч матросов и свыше 100 офицеров. В результате ее реорганизации часть военнослужащих, главным образом артиллеристы, были направлены в армию, другие — в созданную Обь-Иртышскую флотилию, а из 1,5 тысячи матросов и 70 офицеров создали морской учебный батальон под командованием капитана 2-го ранга П.В.Тихменева. В начале сентября 1919 года этот батальон отправили на фронт, где его командир погиб в штыковом бою.

Новую речную Обь-Иртышскую флотилию возглавил капитан 1-го ранга П.П.Феодосьев, начальником 1-го дивизиона стал капитан 2-го ранга Гутан (вскоре погиб и его пост занял старший лейтенант Макаров), 2-й дивизион возглавил старший лейтенант Гакен. Флотилия совершала рейды в тыл красных, участвовала в боевых действиях под Тобольском. Зимой 1919 года в Томске она оказалась захваченная советскими частями. Командир флотилии погиб под Красноярском⁸³.

Большое значение в условиях войны имела и разведка. В войсках А.В.Колчака она велась против регулярных частей Красной Армии и партизан. Разведывательные органы существовали на уровне Ставки, штабов армий, корпусов и дивизий. Прежде всего их деятель-

⁸¹ Кадесников Н. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом. — М., 1993. — С. 49–50.

⁸² Феодуленко В. Памяти командующего Сибирской флотилии контр-адмирала Старка // Военная быль (Париж). — 1960. — № 44. — С. 17; Кадесников Н. Указ. соч. — С. 50.

⁸³ Кадесников Н. Указ. соч. — С. 52.

ность предполагала сбор информации о противнике, которая доставлялась с помощью своих агентов или путем опроса мирного населения и пленных красноармейцев; также широко использовались радиоперехваты. Помимо этого работа разведчиков включала диверсионную, террористическую и агитационную деятельность.

Разведка велась как в прифронтовой полосе, так и в глубоком тылу красных. Колчаковцы также имели свои агентурные пункты за границей (в Швеции, Финляндии, Германии, Польше). Кроме органов военной разведки летом 1919 года был создан особый отдел при управлении делами Совета министров. Его сотрудники занимались сбором сведений об экономическом и политическом положении в Советской России, настроениях населения, организацией отрядов сопротивления в тылу противника⁸⁴.

Большинство разведчиков набиралось из офицеров-добровольцев. Они снабжались фальшивыми документами (при Ставке работала специальная мастерская по их изготовлению). Причем каждый из них получал отпечатанное на шелку и зашивавшееся в одежду удостоверение личности, подписанное начальником разведывательного отдела. Как правило, агенты действовали либо под видом рабочих, предварительно обучившись их ремеслу, либо как бывшие «советские работники» с легендой о бегстве из тюрьмы⁸⁵.

По мнению начальника разведывательного отдела Ставки полковника Овчинникова, многие офицеры шли в разведку, преследуя свои личные интересы, то есть они таким образом стремились попасть к своим семьям в Советской России и помочь им деньгами, которые выдавались на организацию повстанческих отрядов или диверсий. В среднем из 12 засылаемых во вражеский тыл агентов возвращались только двое⁸⁶. Среди таких офицеров, например, был прапорщик И.А.Жулев, который по заданию своего командования в апреле 1919

---

⁸⁴ Греков Н.В. Разведывательная служба армии Колчака // История Белой Сибири. Тез. конф. — Кемерово, 1999. — С. 40–41.

⁸⁵ Там же. — С. 41.

⁸⁶ Там же. — С. 42.

года отправился в Оренбург, где собрал сведения о положении и численности частей Красной Армии, находившихся в городе⁸⁷.

Аналогичная деятельность со стороны противника белых в Сибири имела одно большое преимущество. Красное командование под видом военнопленных офицеров, возвращавшихся домой из германского и австрийского плена, засылало своих многочисленных агентов. Они, используя поддельные документы, стремились занять высокие посты в колчаковских войсках. Однако им не доверяли и отправляли в резерв чинов при Ставке, где проверяли их документы по газете «Русский инвалид», в которой печатались все назначения офицеров по службе⁸⁸.

Удачной диверсией советских агентов в экономической области явилось распространение фальшивых денежных купюр, выпущенных еще Временным правительством (так называемых «керенок»), которые имели хождение на территории, контролируемой Омской властью, наряду с другими пятью видами денежных единиц. Таким образом, большевики, усугубляя финансовый хаос, сильно подрывали экономику Урала и Сибири, на потенциал которой надеялись колчаковские генералы⁸⁹.

Однако, несмотря на действия многочисленных подпольных организаций и повстанческих отрядов в тылу белых, командование Красной Армии и руководители Сибчека полагали: колчаковская разведка работала более эффективно, чем их собственные агенты. Главную причину этого они видели в отсутствии многочисленных грамотных специалистов и в том, что на службу в разведку брали людей согласно их политическому стажу, а не военным знаниям и опыту⁹⁰.

На вопрос о награждении боевыми орденами и медалями в период Гражданской войны руководители Белого движения смотрели

⁸⁷ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.4. Л.352,359.

⁸⁸ Вологов И.К. Указ. соч.—С. 127–129; Мейбом Ф.Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под Челябинском // Первопоходник. (Лос-Анджелес).— 1974.— №17.— С.45.

⁸⁹ Дмитриев Н.И. Экономическая политика адмирала А.В.Колчака и ее реализация // Сибирь в период Гражданской войны.— Кемерово, 1995.— С.30.

⁹⁰ Гражданская война. Сообщения по стратегии...— С.58.

по-разному. Если А.В.Колчак считал правомерным отмечать отличившихся воинов российскими военными наградами императорской армии, то А.И.Деникин, П.Н.Врангель, Е.К.Миллер, Н.Н.Юденич этого не делали. Они предпочитали награждать своих военнослужащих новыми нагрудными знаками, созданными по их указанию.

В феврале 1919 года приказом по военному ведомству Русской армии А.В.Колчака вводились правила награждения орденами и другими знаками отличия. Для офицеров, военных чиновников, священников и врачей восстанавливалось награждение орденами Святого Георгия, Святого Владимира (до 2-й степени включительно), Святой Анны и Георгиевским оружием. Вопрос о награждении орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием офицеров или других лиц, чей служебный статус был ниже начальника дивизии, решался в думах георгиевских кавалеров, учрежденных командующими армиями. Если представленные к награждению занимали пост начальника дивизии и выше, тогда документы на них утверждались в думах георгиевских кавалеров при штабе фронта или Верховного Главнокомандующего. Из-за нехватки или отсутствия орденов правила вводили ношение георгиевских ленточек, располагавшихся горизонтально на левой стороне груди⁹¹.

Необходимо сразу отметить, что к ордену Святого Георгия за весь период Гражданской войны было представлено совсем немного колчаковских офицеров, как правило, занимавших достаточно высокие посты. Так, например, генералы Р.Гайда и А.Н.Пепеляев получили этот орден (3-ей степени) еще от Временного Сибирского правительства за летнюю кампанию 1918 года, в ходе которой Сибирь и большая часть Урала оказались свободны от большевиков. Сам Верховный правитель адмирал А.В.Колчак получил такой же орден за успешное наступление его армий. Георгием 4-й степени наградили в 1919 году полковника Г.Н.Юрьева за руководство Ижевско-Воткинским восстанием, генерала В.В.Голицына — за взятие Перми, атамана Б.В.Анненкова — «за оказанные услуги Российскому прави-

тельству», генералов В.М.Молчанова и П.П.Иванова-Ринова — за командование войсками в ходе Тобольско-Петропавловской операции⁹².

Согласно правилам о награждении, отменялось представление к ордену Святого Станислава (ношение допускалось) и к «георгиевским крестам с лавровыми ветвями», введенными для офицеров Временным правительством летом 1917 года⁹³.

В отличие от офицеров, нижние чины могли награждаться георгиевскими крестами и медалями, а также орденом Святой Анны и медалью «За усердие». Представление отличившихся солдат и унтер-офицеров к ордену Святого Георгия, разрешенное Временным правительством, запрещалось⁹⁴.

Руководители Белого движения на востоке страны учреждали и свои собственные награды. В июне 1919 года колчаковский Совет министров постановил утвердить орден «Освобождение Сибири», разработанный еще в период правления Директории⁹⁵. Он представлял собой позолоченную звезду, украшенную малахитом.

Другим новым знаком стал орден «За Великий Сибирский поход», учрежденный в 1920 году. По своему внешнему облику он повторял знак Первого Кубанского (Ледяного) похода, только меч, изображенный на ордене был не серебряный, а золотой. Награда имела две степени: первая (на георгиевской ленте) — для участников боевых действий, вторая (на ленте ордена Святого Владимира) — для тех, кто не воевал, но участвовал в походе⁹⁶.

Иногда военнослужащие войск А.В.Колчака получали иностранные награды. Например, в августе 1919 года представитель французской военной миссии вручил военный крест Республики (1–3

⁹² РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.144. Л.33–34об.

⁹³ Петерс Д.И. Дополнительные материалы к истории наградного периода Гражданской войны и Белого движения. — Филадельфия, 1997. — С.42–43; Плотноков И.Ф. А.В.Колчак. Жизнь и деятельность. — Ростов-на-Дону, 1998. С.217; Шуляков В.А. Вожди белоказачьих Сибирского войска // Белая армия. Бесов дело. (Екатеринбург). — 1999. — № 6. — С.65.

⁹⁴ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.144. Л.33–34об.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Правительственный вестник (Омск). — 1919. — 29 июня.

⁹⁷ Пашков П. Ордена и знаки отличия Гражданской войны. — Париж, 1961. — С.20; Кузнецов А. О Белой армии и ее наградах. — М., 1991. — С.41–42.

степени) нескольким офицерам 3-ей армии. Среди них, в частности, находился начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии генерал А.Круглевский⁹⁷.

Однако следует сказать, что чаще всего в качестве награды за службу колчаковские офицеры получали очередной чин, нежели какие-либо нагрудные знаки. Такая практика доминировала и в других белых армиях.

Положение на фронте определялось прежде всего тем, какую стратегию выработало и проводило в жизнь высшее колчаковское военное руководство. Адмирал А.В.Колчак, будучи морским офицером, слабо разбирался в стратегии сухопутных войск и сам это признавал. Во главе своего штаба он поставил молодого генерала Д.А.Лебедева, прибывшего на восток в начале 1918 года с юга. Как признают многие мемуаристы, такой выбор Верховного правителя оказался неудачным⁹⁸.

Подробных планов военных операций в штабе Верховного Главнокомандующего, в большинстве случаев, не разрабатывалось. Этим занимались штабные работники отдельных армий. Ставка лишь определяла наиболее важные стратегические задачи в тот или иной период войны.

Наиболее значимым явилось решение о весеннем наступлении 1919 года. Где колчаковские генералы решили нанести главный удар? По этому вопросу в работах, посвященных Гражданской войне, встречаются разные мнения. Среди них можно выделить два наиболее распространенных. Одни исследователи и мемуаристы считают, что Верховный правитель тяготел к северному направлению (Пермь – Вятка – Котлас). И для этого имелись причины. Во-первых, здесь быстрее обозначился успех белых под Пермью. Во-вторых, тут, на севере, существовала возможность в будущем использовать боеприпасы и военное снаряжение союзников с их военных баз под Архангельском.

⁹⁷ РГВА Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.192.

⁹⁸ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. – Париж, 1985. – С.137;

Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.47; Gaida R. Moje Paměti. – Brno, 1996. – S.204–205.

В-третьих, отсюда обрисовывалась перспектива создания единого фронта с генералом Н.Н.Юденичем против двух «очагов большевизма» — Петрограда и Москвы. Поэтому главный удар А.В.Колчак, под влиянием англичан, решил нанести севернее, используя для этого Сибирскую армию генерала Р.Гайды. Но в ходе боевых действий обстановка изменилась, наибольший успех обозначился на участке Западной армии генерала М.В.Ханжина. В связи с этим Ставка меняет направление главного удара на Среднюю Волгу, где в дальнейшем, при положительном исходе событий, для белых появлялась реальная возможность соединиться с войсками А.И.Деникина⁹⁹.

Другая точка зрения, на наш взгляд более реалистичная, содержится в работах Г.Х.Эйхе и И.Ф.Плотникова. Они утверждают, что еще в январе 1919 года адмирал А.В.Колчак отказался от северного направления, избранного ранее Директорией, и принял тактику активной обороны для создания и укрепления собственных вооруженных сил. В марте он начал наступление тремя отдельными армиями — Сибирской, Западной и Оренбургской. Главный удар предполагалось нанести, согласно дополнительной директиве А.В.Колчака от 3 марта 1919 года, на фронте Западной армии. Поэтому войска генерала М.В.Ханжина усилили за счет нескольких соединений, переданных из Сибирской армии. Успехи Западной армии позволили Верховному Главнокомандующему определиться с главным стратегическим направлением. 12 апреля 1919 года он ставит основную задачу — прорыв к Волге в районе Симбирска — Сызрани с целью скорейшего соединения с войсками А.И.Деникина¹⁰⁰.

Как принималось решение о наступлении колчаковских войск? Два участника военного совещания, проходившего в феврале 1919 го-

⁹⁹ Сахаров К.В. Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923. — С.70; Какурин Н. Стратегический очерк Гражданской войны. — М.—Л., 1926. — С.16; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. — М., 1957. — С.92, 95, 101; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. — М., 1983. — С.215–217; Богданов К.А. Адмирал Колчак. — СПб., 1993. — С.211.

¹⁰⁰ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. — М., 1960. — С.45; Он же. Опрокинутый тыл. — М., 1966. — С.202–203; Плотников И.Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления Русской армии А.В.Колчака // Урал в событиях 1917–1921 гг. — Челябинск, 1999. — С.73–83.

да в Челябинске под руководством А.В.Колчака, на котором утвердили план весенней военной кампании, повествуют об этом в своих мемуарах. Это командующий Сибирской армии Р.Гайда и начальник штаба Западной армии С.А.Щепихин. Воспоминания по-разному трактуют ход совещания и то, как принимались основные его решения. В своих мемуарах Р.Гайда ошибочно указывает, что совещание проходило в январе. Но это не так, потому что Верховный правитель тогда был болен и выехал из Омска только в начале февраля. По мнению Р.Гайды, план Ставки предполагал наступление на север по линии Пермь – Вятка – Вологда, а затем на Москву. Командующий Сибирской армией и атаман А.И.Дутов предложили наступать южнее, чтобы в перспективе объединиться с А.И.Деникиным. Они мотивировали свой план тем, что северные районы достаточно бедны и не смогут обеспечить войска всем необходимым, а южное направление в этом отношении более перспективное, и до фронта деникинских войск здесь было небольшое расстояние. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Д.А.Лебедев выступил против их предложения. Но А.В.Колчак поставил точку в споре: «Кто первым захватит Москву, тот и будет хозяином положения»¹⁰¹.

Генерал С.А.Щепихин в своих мемуарах пишет, что совещание состоялось 11 февраля 1919 года. На нем присутствовали: Верховный правитель, командующие трех армий, сам автор воспоминаний, начальник штаба Сибирской армии генерал Б.П.Богословский и, в качестве секретаря, полковник Д.М.Супрунович. Генерала Д.А.Лебедева — человека, отвечавшего за разработку стратегических планов белого командования — на совещании не было. Это, видимо, удивило не только С.А.Щепихина¹⁰². Вероятно, данный факт свидетельствовал о том, что, независимо от того, как пройдет обсуждение планов наступательной кампании на совещании в Челябинске, окончательное решение о ее проведении уже было принято в Омске.

¹⁰¹ Gaida R. *Moje Paměti*. — Brno, 1996. — S. 190.

¹⁰² Щепихин С.А. *Сибирь при Колчаке ...* Л. 55об.—56.

Основные вопросы, которые обсуждались — это сроки наступления и общий план действий. А.В.Колчак сразу же заявил, что по плану Ставки наступление должно начаться через две недели, то есть в конце февраля. Причины такой спешки с проведением наступательных операций Верховный правитель объяснял политическими мотивами. Успехи на фронте, по его мнению, ускорили бы признание Омского правительства западными державами, а значит, и увеличились бы военные поставки из-за границы. Адмирал настаивал принять план Ставки без обсуждения. Генералы Р.Гайда и А.И.Дутов заявили о своей готовности наступать. Начальник штаба Западной армии указал на то, что его войска не могут сейчас проводить широкомасштабные операции, так как нет резервов. Корпус В.О.Каппеля, находившийся в тылу, не завершил свое формирование. Генерал М.В.Ханжин поддержал С.А.Щепихина¹⁰³.

Когда стали рассматривать вопрос о направлении главного удара, атаман А.И.Дутов предложил сосредоточить основные силы южнее. Возникли возражения. Во-первых, Оренбургская армия являлась самой малочисленной и слабой. Во-вторых, существовала угроза нанесения флангового удара красными со стороны Туркестана. И, в-третьих, Оренбуржье, Уральская область и прилегающие к ним казахские степи не имели развитых транспортных коммуникаций, что могло затруднить нормальное снабжение наступающих войск. Однако Р.Гайда согласился с А.И.Дутовым, но предупредил, что его армия обессилена переброской частей генерала В.В.Голицына под командование М.В.Ханжина и уходом чехословаков с фронта.

В итоге решили: главный удар наносит Западная армия, как наиболее сильная, в направлении Самара – Саратов. Другие армии прикрывали ее фланги справа и слева. Предполагалось, что Р.Гайда выступит немного раньше, чтобы оттянуть на себя части сил Красной Армии и таким образом оказать поддержку быстрому наступлению войск М.В.Ханжина. На левом фланге положение оказалось сложнее. А.И.Дутов сам признавал: рассчитывать на его казаков не приходится.

¹⁰³ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке ... Л.56об.

Тогда Р.Гайда пообещал, что в случае создания критической обстановки на центральном участке фронта, он ударит южнее — в район Бугульмы–Симбирска, с целью оказать помощь войскам М.В.Ханжина. Завершил обсуждение этого вопроса адмирал А.В.Колчак, указав на необходимость начать наступление в начале марта, а подробный приказ о нем придет позднее из Ставки¹⁰⁴.

Итак, сопоставив данные этих двух мемуаристов о военном совещании в Челябинске, можно сказать, что воспоминания С.А.Щепихина рисуют более подробную и достоверную картину. Из мемуаров Р.Гайды даже нельзя понять, какие окончательные решения были приняты. Кроме того, как участника совещания он называет генерала Д.А.Лебедева, который, видимо, отсутствовал на нем. Следует еще сказать, что Р.Гайда в большей степени, чем, скажем, С.А.Щепихин, стремился с помощью искажения или замалчивания тех или иных фактов обелить и возвеличить себя в тех событиях. Ведь он, как известно, из-за конфликтов с высшим колчаковским командованием был позднее уволен из армии, а впоследствии, во Владивостоке даже стал одним из организаторов восстания против Омского правительства, правда, неудачного.

Таким образом, ранней весной 1919 года главный удар наносила Западная армия генерала М.В.Ханжина. Как свидетельствует С.А.Щепихин, всеми разработками хода военных операций занимался он и его штаб. Ставка в это не вмешивалась. Причем колчаковские генералы благодаря разведке знали о планах противника также весной осуществить наступление на Челябинск, а затем на Екатеринбург¹⁰⁵. Поэтому они стремились опередить красных.

В ходе весенней кампании, когда войска М.В.Ханжина, успешно выполнив первоначальную директиву штаба Верховного Главнокомандующего, вышли на линию р. Ик, выявились разногласия среди высокопоставленных офицеров по вопросу ведения войны, которые затем проявлялись и в дальнейшем. Генералы М.К.Дитерихс,

¹⁰⁴ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке ... Л.57.

¹⁰⁵ Там же. Л.69, 70.

В.О.Каппель, Р.Бангерский, В.В.Голицын, А.П.Будберг и некоторые другие предлагали отказаться от крупных стратегических операций, пока полностью не будут сформированы и укомплектованы вооруженные силы. Лишь затем следует наступать, координируя свои удары с действиями войск А.И.Деникина и Н.Н.Юденича. Другая группа в лице генералов Д.А.Лебедева, Р.Гайды, М.В.Ханжина, К.В.Сахарова предполагала действовать немедленно, без задержек, пока части Красной Армии немногочисленны и не имели значительного боевого опыта¹⁰⁶.

А.И.Деникин, анализируя положение, сложившееся у белых в апреле 1919 года на Восточном фронте, все-таки склонялся к мнению последней группы генералов¹⁰⁷. И в то же время отдельные исследователи высказывают мысль, что если бы А.В.Колчак не торопил свои армии, а организовал наступление летом или осенью совместно с А.И.Деникиным на Москву, то явно результат был бы иной¹⁰⁸. Такая точка зрения, на наш взгляд, представляет теоретические построения, которые не учитывают действий противоположной стороны, имевшей свои планы ведения войны.

Необходимо также отметить подобные разногласия и в среде командования Красной Армии. Когда летом 1919 года четко обозначились успехи А.И.Деникина и Н.Н.Юденича, председатель Реввоенсовета Л.Д.Троцкий и Главковерх И.И.Вацетис решили остановить свои войска на Урале, хотя здесь, на Восточном фронте, им сопутствовал наибольший успех. Подобное решение диктовалось необходимостью перебросить несколько соединений на Южный фронт. Однако командующий Восточным фронтом, члены Военного Совета и ряд полевых командиров не согласились с этим и сумели убедить В.И.Ленина в дальнейшем продвижении вперед за Урал, пока белые не оправились и не получили новых подкреплений. В итоге ЦК партии большевиков выступил против главного командования, поддер-

¹⁰⁶ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. – М., 1966. – С. 143; Будберг А. Дневник // Архив русской революции. – М., 1992. – Кн. 7. Т. 14. – С. 251.

¹⁰⁷ Деникин А.И. Очерки русской Смуты. – Берлин, 1926. – Т. 5. – С. 93.

¹⁰⁸ Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. – М., 1996. – С. 149.

жав их оппонентов. Данное решение, как показали дальнейшие события, оказалось верным, что признавал впоследствии и сам Л.Д.Троцкий¹⁰⁹.

Контрнаступление Южной группы Красной Армии, осуществленное под командованием М.В.Фрунзе, в результате которого Западная армия была остановлена, а затем откатилась назад, достаточно подробно изучено отечественными исследователями¹¹⁰. Однако практически нигде не анализируются планы белого командования по предотвращению этого удара красных. Мемуары бывших колчаковских генералов позволяют это сделать.

Следует заметить, что командование белых знало о готовившемся ударе Южной группы. В апреле генерал В.В.Голицын передал в штаб Западной армии перехваченные его бойцами документы, из которых стали известны планы красных. На самарском направлении они предполагали до последнего удерживать крупную узловую железнодорожную станцию Кинель, а в район Бузулука перебросить части из-под Оренбурга и Туркестанскую армию для удара с юга по левому флангу наступающих частей колчаковцев¹¹¹.

Первоначально командование Западной армии решило перебросить в район Бузулука, где собиралась предполагаемая ударная группа красных, одну пехотную дивизию (11-ю Уральскую стрелковую) и конную бригаду оренбургских казаков из 6-го Уральского корпуса. Причем кавалеристы должны были в самое ближайшее время достичь железной дороги и заблокировать ее, чтобы помешать переброске советских частей из-под Оренбурга. 11-й Уральской стрелковой дивизии под руководством полковника А.Круглевского предписывалось

¹⁰⁹ Троцкий Л.Д. Указ. соч.— С.130.

¹¹⁰ См. подроб.: Белицкий С. М.В.Фрунзе — командующий Южной группой Восточного фронта // Война и революция.— 1925.— №7—8; Гай Г. Первый удар по Колчаку.— М.—Л.,1928; Смирнов А.П. Контрманевр Южной группы 1919 г.— М.,1934; Павленко П. Разгром Колчака.— М.,1939; Огородников Ф. Удар по Колчаку весной 1919 г.— М.,1939; Ознобишин Д.В. Организация разгрома наступления Колчака весной 1919г.— М.,1948; Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака.— М.,1949; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака.— М.,1957 и др.

¹¹¹ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Екатеринбург,1999.— С.135—136.

быстрым маршем отправиться на Бузулук. Следом за ней двигались все остальные силы 6-го Уральского корпуса.

Однако эти планы так и остались на бумаге. Началось половодье, войска устали, тыловые службы по обеспечению частей работали неудовлетворительно. Командир корпуса генерал Н.Т.Сукин в этих условиях занял выжидательную позицию, фактически саботируя приказы из штаба армии о дальнейшем продвижении вперед¹¹².

Впоследствии, когда успех Южной группы М.В.Фрунзе стал очевидным и его войска продвинулись далеко вперед, у белых появился новый план. Они решили отступить в центре, втянуть красных в ловушку, и обрушиться с севера, на левом их фланге. С этой целью дивизии 2-го Уфимского корпуса С.Н.Войцеховского и части генерала В.О.Каппеля пытались сосредоточиться к западу от р. Ик. Но из-за перехода к противнику почти в полном составе Бугульминского полка, колчаковцы не успели подготовить свой ударный кулак, и операция сорвалась¹¹³. Негативную роль сыграла и позиция Р.Гайды. Он не бросил свои соединения на помощь Западной армии и сумел убедить А.В.Колчака в целесообразности дальнейшего наступления на Вятку и Казань¹¹⁴.

Итак, попытки предотвратить контрудар Красной Армии предпринимались, но оказались по ряду причин безуспешными. В результате весенняя кампания 1919 года обернулась отступлением белых к Уралу. Однако еще до этого командование Западной армии рассчитывало остановить советские войска на р. Белой, создав укрепленный рубеж в районе Уфы. Подобное решение диктовалось тем, что дальнейшее отступление на центральном участке фронта осложнило бы и без того невыгодное положение Сибирской и Оренбургской армий. Уфимская операция также находилась в центре внимания отечествен-

¹¹² Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке... Л.78об.-80.

¹¹³ Сахаров К.В. Указ. соч.- С.95; Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке... Л.88.

¹¹⁴ Сахаров К.В. Указ. соч.- С.79-80; Мельгунов С.П. Указ. соч.- Белград, 1930.-Ч.3. Т.1.- С.132.

ных исследователей¹¹⁵. Однако белым здесь удержаться не удалось, пала и Уфа. Фронт все дальше откатывался на восток.

Естественные природные рубежи Уральских гор должны были заставить колчаковских генералов подумать о более серьезной обороне. Они этого не сделали. Красная Армия взяла Златоуст, а затем Пермь и Екатеринбург. План Челябинской операции белых, согласно которого предполагалось окружить и разбить 5-ю армию М.Н.Тухачевского, имитировав отступление из города, разрабатывался Ставкой. Данное обстоятельство, видимо, связано с тем, что отдельные Сибирская и Западная армии незадолго до этого были реорганизованы в 1-ю (командующий — генерал А.Н.Пепеляев), 2-ю (командующий — генерал Н.А.Лохвицкий) и 3-ю (командующий — генерал К.В.Сахаров) неотдельные армии. Теперь основные функции по разработке военных операций стал осуществлять штаб Верховного Главнокомандующего.

С точки зрения военной теории, эта операция была задумана безупречно и являлась, пожалуй, самой оригинальной среди проводимых колчаковцами на Восточном фронте. Но штабные генералы не знали реальной обстановки в войсках и поэтому не учли ряд важных обстоятельств (недостаточная военная подготовка новых пополнений из Сибири, силы Красной Армии, отношение челябинских рабочих к белым и т.д.). Инициаторами этой операции выступили генералы К.В.Сахаров и Д.А.Лебедев. Главнокомандующий Восточным фронтом М.К.Дитерихс отрицательно относился к их плану и предлагал отвести войска за р. Иртыш для перегруппировки¹¹⁶. Но его голос не слышали. Челябинское сражение, длившееся почти неделю, обернулось поражением для белых. Газета «Правда», видимо, чтобы придать большую значимость очередной победе Красной Армии, писала, что этой неудавшейся для Омска операцией руководил лично адмирал

¹¹⁵ Рыбин Д. Уфимская операция 1919 г. // Сб. тр. военно-научного общества при Военной Академии. — М., 1923. — Кн. 4 ; Эйхе Г.Х. Форсирование р. Белой частями 5-й армии Восточного фронта в июне 1919 г. — М. — Л., 1928; Какурин Н.Е. Как сражалась революция. — М., 1990. — Т. 2.

¹¹⁶ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига, 1930. — С. 108.

А.В.Колчак, расположив свой штаб в одном из сел недалеко от Челябинска ¹¹⁷. Скорее всего, это была газетная «утка», не более.

После поражения под Челябинском значительно изменились ряды высшего военного руководства Русской армии. Вскоре из Ставки удалили генерала Д.А.Лебедева. Его пост занял М.К.Дитерихс, сосредоточив в своих руках три должности — начальника штаба Верховного Главнокомандующего, военного министра и командующего Восточным фронтом. Функции штаба Восточного фронта перешли к штабу Верховного Главнокомандующего, поэтому отдельные управления упразднили. Затем, в сентябре 1919 года, расформировали и Ставку, реорганизовав ее в отдельный штаб при Верховном правителе ¹¹⁸. Таким образом, наблюдалась тенденция к сокращению военной бюрократии и централизации управления армиями.

А.В.Колчак попытался теперь опереться на более образованных военачальников старшего возраста, разочаровавшись в молодых, энергичных, но малоопытных генералах — таких как Д.А.Лебедев, Р.Гайда и некоторых других. Помимо М.К.Дитерихса в военном руководстве все больше появляется людей, окончивших академию Генерального штаба и получивших генеральские погоны еще до революции. Среди них можно назвать М.А.Иностранцева, Д.В.Филатьева, Н.Н.Головина и других.

Подобные изменения дали свои положительные результаты. В августе–сентябре 1919 года колчаковские войска осуществили успешное контрнаступление, отбросив красных за р. Тобол и взяв обратно Тобольск. Главной целью таких действий, с точки зрения командования, являлась помощь А.И.Деникину на юге. Вот что писал генерал М.К.Дитерихс по этому поводу командующим своих армий: «Как бы ни было нам тяжело, но мы должны проявить максимальное упорство, дабы противник не мог взять ни одного человека с Восточного фронта, а наоборот, вез свои дивизии на нас. Если за октябрь ме-

¹¹⁷ Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. — Челябинск, 1962. — С.347–348.

¹¹⁸ Константинов С.И. Указ. соч. — С.223.

сяц / 1919 года — Е.В./ большевики не усилятся против А.И.Деникина, то он к середине октября займет Москву»¹¹⁹.

Среди колчаковских генералов после небольших побед в начальный период Тобольской операции наблюдалась эйфория. Об этом говорит тот факт, что 3-ю и Оренбургскую армии, а также Степную группу войск объединили и дали этому соединению название «Московская группа войск», предполагая тем самым, что скоро вновь предстоит наступление на «красную столицу». Но этого не произошло. Белые сдали Петропавловск. Красная Армия подходила к Омску. Верховный правитель выдвинул лозунг защиты города во что бы то ни стало, призвав гражданское население вступать в добровольческие отряды. Управляющий делами Совета министров Г.К.Гинс официально заявил, что Омск сдан не будет.

Однако генерал М.К.Дитерихс высказался за своевременную эвакуацию города. По его мнению, войска обязаны были оторваться от противника, перегруппироваться, отдохнуть и тем самым подготовиться к новым боям. Он возлагал большие надежды на А.И.Деникина, который мог бы взять Москву, а пока в Сибири необходимо сохранить армию и правительство¹²⁰.

М.К.Дитерихс без согласования с А.В.Колчаком начал выполнять свой план, отдав приказ о выводе в тыл сильно разложившуюся армию генерала А.Н.Пепеляева. Узнав об этом, адмирал распорядился вернуть 1-ю армию на фронт и сделал выговор Главнокомандующему. Возник конфликт, и в итоге М.К.Дитерихс подал в отставку. На его место Верховный правитель назначил генерала К.В.Сахарова, обещавшего обеспечить оборону Омска. После встречи с А.Н.Пепеляевым, выслушав его доводы, А.В.Колчак все-таки разрешил соединениям 1-й армии погрузиться в эшелоны и отправиться дальше, вглубь Сибири.

Но Омск спасти уже никто не мог. По прошествии нескольких дней новый Главнокомандующий пришел фактически к тому же мне-

¹¹⁹ Воробьев В.Ф. Указ. соч.— С.37–38.

¹²⁰ Сахаров К.В. Указ. соч.— С.148–150.

нию, которого придерживался генерал М.К.Дитерихс: необходимо любой ценой спасти армию, а не город. Таким образом, решили оставить Омск, сдав его без боя.

Последнее совещание в штабе Верховного Главнокомандующего с участием А.В.Колчака состоялось уже в Новониколаевске в конце ноября 1919 года. В ходе обсуждений возникло два плана. Первый из них заключался в том, что войска белых должны были медленно и планомерно отходить в район, обозначенный «треугольником» Новониколаевск – Томск – Тайга. Здесь к середине декабря предполагалось сосредоточиться, подтянув все резервы, и затем вновь начать наступление на запад. Второй план: уйти на юг через Алтай в Туркестан на соединение с частями А.И.Дутова и Б.В.Анненкова. Опираясь на Китай и Монголию, как тыловые базы, дожидаться весны и снова включиться в борьбу с большевиками. Это предложение оказалось отвергнуто Верховным правителем как нереальное¹²¹. Он еще рассчитывал остановить Красную Армию за р. Обью. И этот план, как показали дальнейшие события, себя не оправдал.

Отступление колчаковцев от Омска до Байкала, под ударами постоянно атакующего сзади и с флангов врага, впоследствии получило название «Сибирского Ледяного похода». В этих условиях никаких стратегических планов ведения войны белое командование уже не обсуждало. Тем более, что войска были обременены огромными обозами с семьями, беженцами, ранеными и больными. Главная цель, которую преследовали многие командиры — оторваться со своими частями от противника, «уйти от войны», чтобы получить передышку, как написал в своих воспоминаниях один колчаковский офицер¹²².

Командование теперь собиралось лишь для обсуждения одного вопроса – куда, в каком направлении отступать, чтобы избежать больших потерь. Под Красноярском, где оказалась в окружении значительная часть колчаковских сил, состоялось совещание военных руководителей тех колонн, которым удалось вырваться из «котла».

---

¹²¹ Там же. – С.186.

¹²² Петров П.П. Указ. соч. – С.150.

Разногласия среди генералов не позволили принять единого решения. Большая часть войск во главе с новым Главнокомандующим В.О.Каппелем и генералом С.Н.Войцеховским направилась на север от Красноярска, а колонна немногим более тысячи бойцов под командованием К.В.Сахарова и Д.А.Лебедева стала отходить на восток, придерживаясь линии железной дороги. Но вскоре за р.Кан эти колонны вновь соединились и отступали вместе¹²³.

К этому времени адмирал А.В.Колчак уже сложил с себя бремя власти в пользу генерала А.И.Деникина, а Главнокомандующим вооруженными силами белых на Дальнем Востоке назначил атамана Г.М.Семенова. Многие офицеры и солдаты либо не знали об этом, либо не верили таким сведениям. Впоследствии, получив точные данные о том, что бывший Верховный правитель находится под арестом в захваченном большевиками Иркутске, при этом в их распоряжении оказалась значительная часть золотого запаса, генерал В.О.Каппель на совещании 23 января 1920 года в Нижнеудинске принимает решение идти на Иркутск. Но штурм города так и не состоялся. Адмирал А.В.Колчак был поспешно расстрелян по приказу из Москвы. Генерал С.Н.Войцеховский, сменивший на посту Главнокомандующего скончавшегося В.О.Каппеля, посоветовавшись со своими командирами, отдал приказ обойти Иркутск и двигаться в Забайкалье.

Таким образом, мы проследили, как менялись в зависимости от боевой обстановки стратегические планы высшего командования колчаковских войск.

Кроме того, необходимо отметить те тактические приемы, успешно применяемые белыми офицерами на Восточном фронте Гражданской войны. Генералы В.О.Каппель и В.М.Молчанов, например, использовали в боях так называемые «психические атаки». Они проходили следующим образом. Батальоны белых, наступая, шли в полный рост, не останавливаясь. В ходе атаки выбывшие из строя немедленно заменялись другими бойцами из резервного батальона, следовавшего сзади наступательных колонн вместе с санитарами. Несмотря

¹²³ Сахаров К.В. Указ. соч.— С.211, 256.

на значительные потери наступающих, у противника создавалось впечатление неуязвимости приближавшихся колонн белых, что вносило замешательство и панику в ряды красноармейцев. И лишь, подойдя на достаточно короткое расстояние к расположению частей красных, колчаковцы бросались в штыковую атаку¹²⁴. Причем ижевцы и воткинцы в рукопашном бою забрасывали за плечи свои винтовки и вытаскивали специально выточенные для подобного случая длинные ножи. Одна только эта манипуляция, по свидетельству очевидцев, наводила ужас на красноармейцев и заставляла их обращаться в бегство¹²⁵.

Другой пример удачного использования передового военного опыта содержится в воспоминаниях подполковника Ф.Ф.Мейбома. Командуя батальоном 49-го Сибирского стрелкового полка в боях под Челябинском в июле 1919 года, он использовал следующий прием против конницы красных, наступавшей на его пехотное подразделение. Построив своих бойцов в каре, поставив сзади него несколько имевшихся орудий, а также пулеметы — три впереди и два на флангах — Ф.Ф.Мейбом подпустил кавалерию противника на близкое расстояние и лишь затем приказал открыть огонь. В итоге, после двух неудавшихся атак, особый кавалерийский отряд красных в 600 сабель оказался обескровлен. Оставшиеся в живых бежали, даже не успев прихватить свои полевые кухни полные щей¹²⁶.

Подобных случаев удачного применения военной тактики было немало, но все же белые офицеры оказались в числе побежденных. Этому способствовал целый ряд факторов. Во-первых, многие командиры еще жили представлениями о тактике и стратегии, ориентируясь на опыт мировой войны, не учитывая того, что они оказались совершенно в других условиях. Например генерал М.В.Ханжин, создавая оборонительный рубеж вокруг Уфы в июне 1919 года, всерьез

¹²⁴ Ципкин Ю.Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург).— 1996.— №1.— С.46.

¹²⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.— Паоло-Альто, 1937.— Кн.8. Ч.4.— С.123.

¹²⁶ Мейбом Ф.Ф. Указ. соч.— С.54.

считал, что город «можно превратить во второй Верден против красных», полагаясь на многочисленные траншейные укрепления и артиллерию¹²⁷. Такая тактика в условиях Гражданской войны, с ее многокилометровыми и неустойчивыми фронтами, оказалась малоэффективной. В результате этого не организовали своевременную эвакуацию военного имущества, других материальных ценностей из Уфы и почти все либо попало в руки противника, либо просто было разорвано.

Во-вторых, офицерство уже не представляло собой единой сплоченной корпорации, прежде всего в духовном плане. Данное обстоятельство распыляло силы офицерского корпуса, подрывало его монолитность. «Нет хороших, дисциплинированных и выдержанных офицеров, — замечает в своем дневнике генерал А.П.Будберг, — огромное большинство их спит теперь вечным сном, а те, кто пришел им на смену, исковерканы революцией, жизнью, послереволюционными откровениями»¹²⁸. О такой тенденции, в частности, говорилось в одной из статей, опубликованной в белой прессе. Среди офицеров появилось много лиц, прошедших ускоренные курсы и принадлежащих «к различным классам общества». Некоторые из них оказались «чужаками» в офицерской среде, они «не были проникнуты дисциплиной, традициями офицерской чести и рыцарским исполнением долга»¹²⁹.

Свидетельством этого явились многочисленные конфликты среди офицеров, в первую очередь на почве не подчинения приказам вышестоящего начальства. Вот только несколько примеров, характеризующих такую ситуацию. Взаимное непонимание, недоверие, неприязнь преобладали между атаманом А.И.Дутовым и штабом Западной армии, в распоряжении которого находились несколько отдельных соединений Оренбургского казачьего войска. Скрытая и явная борьба за влияние на них со стороны войскового правительства ве-

¹²⁷ Шушпанов С.Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург).—1997.— №4.— С.46.

¹²⁸ Будберг А. Дневник // Архив русской революции.— М., 1992.— Кн.7. Т.13.— С.208.

¹²⁹ Оренбургский казачий вестник (Оренбург).— 1918.— 21 дек.

лась уже давно. Когда А.И.Дутов в январе 1919 года сообщал о тяжелом положении его войск, обороняющих Оренбург, в конце его телеграммы стояла следующая фраза: «...Положение критическое, дух же бодрый. Я на своем посту атамана остаюсь до конца». На этом сообщении начальник штаба Западной армии написал: «Обычное краснобайство и паника»¹³⁰. Подобная фраза наглядно показывает отношение к А.И.Дутову командования соседней армии.

В период наступления весной 1919 года ряд высокопоставленных офицеров Западной армии Н.Т.Сукин, Р.Бангерский, В.Д.Косьмин фактически саботировал приказ колчаковской Ставки и своего командующего генерала М.В.Ханжина не останавливаться на р. Ик, а продвигаться дальше к р. Волге. Они ссылались на оторванность тылов, переутомление солдат, весеннюю распутицу, не предпринимая активных мер для дальнейшего наступления¹³¹. Высшее командование считало, что остановка в наступлении позволит красным собрать силы, подтянув резервы и организовать контрнаступление, что, в сущности, и произошло.

После крупных поражений Западной армии она в оперативном отношении, по указанию Ставки, была подчинена генералу Р.Гайде. В первом же своем приказе по армии Р.Гайда грубо и цинично обвинил офицеров в отступлении и даже угрожал расстрелом, самоуверенно обещая в течение нескольких дней исправить положение на фронте. По словам генерала К.В.Сахарова, «вся армия была оскорблена этим приказом»¹³². Как свидетельствовал председатель колчаковского правительства П.В.Вологодский, после этого приказа генерал М.В.Ханжин и его сослуживцы заявили Верховному правителю, что они не могут в таких условиях оставаться на службе или пусть их предадут суду, чтобы очиститься от возведенных обвинений. Вскоре

---

¹³⁰ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра...— С.282.

¹³¹ Там же.— С.190—192.

¹³² Сахаров К.В. Указ. соч.— С.106.

после этого конфликта командовать фронтом поставили более уравновешенного генерала М.К.Дитерихса¹³³.

Произошли изменения и в руководстве Западной армии, командующим которой, вместо М.В.Ханжина, назначили К.В.Сахарова. И вновь начались конфликты — между генералами В.О.Каппелем, В.В.Голицыным и С.Н.Войцеховским с одной стороны, и штабом армии — с другой. Первые, являясь боевыми командирами, привыкли действовать в основном самостоятельно, с ними считалось командование, доверяя их опыту. Новый же командующий и его штаб стали не только руководить, но и учить, понукать и осуществлять мелочную опеку за каждым их действием, совершенно не обращая внимания на особенности обстановки на фронте, искореняя все нерегулярное в войсках. В результате генералы С.Н.Войцеховский, В.О.Каппель и В.В.Голицын вынуждены были уйти из армии К.В.Сахарова¹³⁴.

Генералы Южной армии, состоявшей преимущественно из частей оренбургских казаков, также нередко конфликтовали. Так, А.С.Бакич не выполнил приказ командующего Г.А.Белова отступать на Актюбинск и повел свой корпус на Кустанай, чтобы затем в Сибири соединиться с основными силами колчаковских войск. Другой командир корпуса генерал Н.А.Галкин (бывший военный министр Самарского Комуча) в период отступления Южной армии по казахским степям отправил в Омск депешу о «преступлениях» своего командующего, который в свою очередь отстранил его от командования корпусом. В результате этой ссоры и тот, и другой были сняты со своих постов¹³⁵.

С.Н.Войцеховский, командовавший 2-й армией, в порыве гнева даже лично застрелил командира корпуса генерала П.П.Гривина, который отказался остановить своих солдат, чтобы задержать наступающего противника. Тогда Войцеховский приказал ему сдать ко-

¹³³ Дневник П.В. Вологодского // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. — М., 1997. — С.186–187.

¹³⁴ Петров П.П. Указ. соч. — С.89. 101; РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.22; Д.140. Л.16.

¹³⁵ Гоптер К.И. Четыре разгрома (рукопись) // ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д.802. Л.83.

мандование корпусом. П.П.Гривин отказался. В ответ прогремел выстрел¹³⁶.

Все эти разногласия, обычно обострявшиеся в период неудач белых, говорили о неустойчивости офицерского корпуса. Они также свидетельствовали о неинформированности армейских командиров относительно стратегических планов высшего командования. « В общий план весенних операций мы в корпусе / 6-м Уральском — Е.В./ посвящены не были, — вспоминал один из колчаковских офицеров, — и мне до сих пор не ясно, чего именно хотела Ставка, какую общую идею она стремилась осуществить»¹³⁷. Подобные столкновения мнений, невыполнения приказов показывали, что офицерский корпус за годы мировой войны и революции качественно изменился и не отличался единством, сплоченностью и дисциплиной как прежде.

Не сложилось у многих офицеров взаимопонимания с нижними чинами, столь необходимого для выполнения боевых задач. Очень часто солдаты испытывали недоверие к своим командирам, а в определенных ситуациях даже ненависть. Известны случаи, когда некоторые части, почти в полном составе переходившие к противнику, брали в плен или расстреливали офицеров. Бойцы украинского полка (курения) имени Т. Шевченко, перед тем как перейти на сторону большевиков, арестовали многих командиров и даже совершили нападение на штаб 11-й Уральской стрелковой дивизии белых. Ее начальник полковник А.Круглевский едва не попал в плен, но, вовремя предупрежденный, сумел скрыться через окно дома, где находился штаб¹³⁸.

В другого высокопоставленного офицера, начальника обороны Актобинска генерала Комаровского, в сентябре 1919 года стреляли свои же солдаты¹³⁹. По данным контрразведки, напряженные отношения установились между солдатами и офицерами 22-го Златоустовского полка, так как последние заставляли себя титуловать, что вызы-

¹³⁶ Сахаров К.В. Указ. соч.— С.183.

¹³⁷ Петров П.П. Указ. соч.— С.75–76.

¹³⁸ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке... Л.88.

¹³⁹ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско...— С.136.

вало злобу и недовольство нижних чинов¹⁴⁰. Об отношении рядовых к командному составу свидетельствует также разговор солдат одного из запасных полков, где звучали следующие слова: «Жаль, что нам не дают патронов, а то бы мы поговорили с ними /офицерами — Е.В./ по-своему»¹⁴¹. Летом 1919 года на станции Челкар взбунтовались казаки 2-го Оренбургского пластунского полка, угрожая своему командиру расправой. Капитан Козин, чтобы избежать самосуда казаков, застрелился¹⁴².

Некоторые офицеры стали применять рукоприкладство, насилие по отношению к нижним чинам. Поэтому начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Д.А.Лебедев вынужден был издать по этому поводу специальный приказ. В нем говорилось: «Стыдно применять давно уже осужденные и навеки погребенные всем культурным миром методы воздействия на подчиненных». За подобное обращение с нижними чинами приказ угрожал офицерам привлечением к военно-полевому суду¹⁴³.

В условиях Гражданской войны отдельные воинские начальники, как правило, в состоянии психологического стресса даже расстреливали своих солдат за невыполнение приказа. Раньше такое явление в Русской армии невозможно было представить. Так, генерал Н.А.Галкин собственноручно застрелил нескольких бойцов из его корпуса, отказавшихся вместе со своей ротой выступить в поход¹⁴⁴. Корнет Б.К.Фортунов, командир Волжского конно-егерского дивизиона, лично убил солдата только за то, что он знал, но не сообщил о готовившемся дезертирстве своего приятеля¹⁴⁵. Таким образом, все перечисленные выше факты говорят о кардинальных изменениях в среде офицерства, прежде всего, в области их сознания.

¹⁴⁰ РГВА. Ф.40326. Оп.1. Д.1А. Л.31.

¹⁴¹ Там же. Д.139. Л.70.

¹⁴² Лейбург Южная Армия Восточного фронта в 1919 г. (рукопись) // ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.135. Л.7.

¹⁴³ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.258. Л.1.

¹⁴⁴ Щепихин С.А. Южная армия... Л.6об.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804. Л.12об.

Смутное время Гражданской войны способствовало выдвижению людей с авантюрными наклонностями как в Красной, так и в Белой армиях. Современный исследователь С.Н.Щеголихина определяет три типа такого рода людей. Во-первых, это те, кто имел высокую самооценку и стремился использовать свой «шанс Наполеона», заняв приемлемое положение в социуме в условиях хаоса и уничтоженной градации общества. Как правило, такие люди обладали сильным характером, настойчивостью в достижении цели. Во-вторых, лица, испытывавшие внутренний дисбаланс, чувство ненужности обществу, оторванности от своей социальной среды. Они также стремились к достойному месту в обществе. В-третьих, темные и мстительные личности, порой с уголовным прошлым, главная цель которых — поживиться за счет других. Для всех трех типов были характерны большие амбиции, желание, чтобы война длилась подольше, так как давала почесть, богатство, славу.

Среди командного состава Красной Армии, по мнению С.Н.Щеголихиной, авантюристы встречались чаще, чем у белых. Главной причиной этого являлась малообразованность в военном и культурном плане многих красных командиров и сильные анархические настроения в их среде, особенно в начальный период Гражданской войны¹⁴⁶.

В Русской армии А.В.Колчака также встречались авантюристы различных типов. Фигурой такого плана, достигшей больших высот, являлся Р.Гайда. По свидетельству современников, он слыл человеком с авантюрными наклонностями, в то же время обладал смелостью, волей и организаторскими способностями. Чех, Родом из Катора (ныне город в Югославии), имевший за плечами аптекарское дело и кратковременную службу младшего офицера-интенданта. Когда началась Первая мировая война он был призван на службу в австрийскую армию в качестве прапорщика. Попад в плен к черногорцам, в сентябре 1915 года, Р.Гайда переходит на их сторону и служит воен-

¹⁴⁶ Щеголихина С.Н. Об авантюризме и карьеризме в годы Гражданской войны // Вопросы истории. — 1995. — №3. — С.174–175.

ным фельдшером. В 1917 году он уже капитан одной из частей Чехословацкого корпуса, сформированного в России. Когда чехи выступили против большевиков, солдаты его полка вместе с русскими офицерами взяли Новониколаевск, Иркутск, Читу. Затем для Р.Гайды началась головокружительная карьера. Временное Сибирское правительство наградило его орденом Святого Георгия 4-й степени и пожаловало сразу чин генерал-майора. Он становится командующим Екатеринбургской группой белых. С приходом к власти А.В.Колчака Р.Гайда получил в командование Сибирскую армию и чин генерал-лейтенанта. Вокруг него создается ореол талантливого военачальника, хотя на самом деле своими крупными военными успехами сибиряки были обязаны, скорее всего, другим военачальникам — таким, например, как генералы А.Н.Пепеляев и Б.П.Богословский.

Многие серьезные исследователи Белого движения подчеркивали авантюризм Р.Гайды. По мнению С.П.Мельгунова, он являлся представителем «фронтовой атамандины», в нем преобладали самолюбие, страсть к «наполеоновским планам», склонность к внешним эффектам. Свой конвой Р.Гайда обрядил по типу императорского, утверждая, что он необходим ему для въезда в Москву в качестве победителя. В Сибирской армии значился и особый батальон имени Р.Гайды. Командующий имел даже личного фотографа с мастерской в Екатеринбурге¹⁴⁷. «На создавшуюся обстановку в России, — как отмечал Н.Н.Головин, — Р.Гайда смотрел через призму своего личного быстрого выдвижения»¹⁴⁸.

В период военных неудач он выступил против распоряжений Ставки, обвинив также и командование соседней Западной армии. По причине этого конфликта его отправляют в отставку. В ноябре 1919 года Р.Гайда, как было сказано выше, даже участвует в вооруженном восстании во Владивостоке против власти А.В.Колчака, подготовлен-

¹⁴⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. — Белград, 1930. — Ч.3. Т.1. — С.132; Будберг А. Указ. соч. // Архив русской революции. — М., 1991. — Кн.7. Т.14. — С.237.

¹⁴⁸ Головин Н.Н. Указ. соч. — Кн.8. — С.115.

ном эсерами и большевиками. После его подавления выезжает в Китай, а затем на родину.

Однако на этом карьера и активная деятельность Р.Гайды не завершилась. Он окончил высшую военную школу в Париже и занимал высокие посты в Чехословацкой армии (командир дивизии, начальник Генерального штаба). Но в 1926 году за профашистские взгляды, а также по причине обвинения в «шпионаже» в пользу СССР его уволили со службы. Однако он не отчаился и развил бурную политическую деятельность. Возглавил Национальную фашистскую общину, от которой был избран в парламент республики. За радикальные и антигосударственные действия своих превращенцев неоднократно преследовался властями, несколько раз подвергался тюремному заключению. В 1934 г. участвовал в международном фашистском конгрессе в Монтре (Швейцария). Однако необходимо сказать, что когда в 1938 году возникла реальная угроза Чехословацкой республике со стороны гитлеровской Германии, местные фашисты во главе с Р.Гайдой вместе с коммунистами и представителями некоторых других политических партий активно выступали за вооруженный отпор, если немецкие войска перейдут государственную границу. Но после того, как над Чехией и Моравией заколыхалось нацистское полотнище со свастикой, патриотический пыл бывшего генерала поулег и он начал тесно сотрудничать с гитлеровцами, возглавляя национальный фашистский комитет Святого Вацлава. Нацисты вернули ему генеральский чин и восстановили во всех прежних правах. В мае 1945 г. карьера, а может быть даже жизнь, Р.Гайды вновь оказались под угрозой. После освобождения Чехословакии от оккупантов его арестовали по обвинению в коллаборационизме. Не один месяц он провел под следствием. В итоге суд вынес приговор — два года лишения свободы. Но, учитывая состояние здоровья Р.Гайды, его досрочно выпустили из тюрьмы. Буквально через несколько месяцев он умер¹⁴⁹.

---

¹⁴⁹ Gaida R. Moje pameti.— Brno, 1996.— S. 300—309, 310—314; Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998. — С.139.

Таким образом, для этого человека главным было играть первые роли независимо от своих убеждений. Он с легкостью менял принципы и патронов, стремясь занять почетное место среди элиты общества, в данном случае военной. Недаром отдельные мемуаристы, знавшие Р.Гайду, считали, что он метит в «сибирские наполеоны». Когда он решил перейти на русскую службу, один из чехословацких руководителей в Омске якобы даже сказал А.В.Колчаку: «Я предупреждаю, что Вы в нем ошибаетесь. Он либо будет Вашим фельдмаршалом, либо Вашем предателем»¹⁵⁰. К этому, на наш взгляд, проницательному замечанию добавить нечего.

Другой пример проявления авантюризма среди колчаковских офицеров, но более низкого ранга. Командир 2-го Сызранского кавалерийского полка Южной армии ротмистр Н.Эристов, родом из грузинских князей, был отстранен «по неспособности» от своей должности. «Оскорбленный в своем честолюбии», ротмистр решил перейти вместе полком на сторону красных. В этом он убедил еще четверых офицеров. Но вскоре их планы стали известны вышестоящему начальству. Заговорщики арестовали, а Н.Эристову и двоих его сообщников даже расстреляли¹⁵¹.

Еще одним человеком с подобными склонностями являлся казачий офицер Г.В.Енборисов, уроженец Оренбургского края. Дело Г.В.Енборисова с декабря 1918 года рассматривал прокурор Троицкого окружного суда. Материалы следствия позволяют сделать вывод о нем как о человеке «не брезгующим никакими средствами для достижения личного благополучия». Поэтому биографическая статья об этом казачьем офицере, вышедшая относительно недавно, построенная в основном на мемуарах Г.В.Енборисова, страдает, с нашей точки зрения, субъективностью¹⁵². Да, Гавриил Васильевич в молодости прославился как лихой наездник. Два года подряд в конце XIX века, проходя службу в лейб-гвардии казачьем полку, он участвовал в тра-

¹⁵⁰ Филатьев Д.В. Указ. соч. — С. 72–73.

¹⁵¹ РГВА. Ф.40253. Оп.1. Д.7. Л.2,4об.–5.

¹⁵² Апрельков А.В., Полов Л.А. Судьба казачьего полковника Г.В.Енборисова // Оренбургское казачье войско: воинская служба и общественная жизнь.— Челябинск, 1997.

диционных офицерских скачках с препятствиями в Красном Селе и каждый раз получал из рук императрицы призы¹⁵³. Однако этим практически все его заслуги и исчерпываются.

Среди казаков-станичников Г.В.Енборисов считался человеком «с прошлым». Еще в юношеские годы его отчислили из Оренбургского казачьего юнкерского училища за прибытие из отпуска в пьяном виде. Только через год ему разрешили возобновить учебу в этом военно-учебном заведении.

С 1910 года ему как «человеку, ведущему предосудительный образ жизни», запрещалось присутствовать на поселковых сборах. Он, например, разорил своих земляков-артельщиков маслобойни. Используя их малограмотность и неосведомленность в предпринимательстве и финансовых делах, Г.В.Енборисов разными способами приобрел у них векселя. В 1916 году, как сообщал уездный пристав, Гавриил Васильевич завел «знакомство с киргизами преступного типа», доставал где-то денатурированный спирт, предназначенный для технических целей, и продавал его, в условиях «сухого закона», казакам. При этом он устроил у себя в доме «распивочную спирта»¹⁵⁴. Вскоре от министра внутренних дел пришло секретное предписание: выдворить Г.В.Енборисова за пределы территории Оренбургской губернии «за порочное поведение». Кроме того, окружной суд в 1917 году решил начать расследование по его делу, так как Гавриил Васильевич, будучи председателем уездной продовольственной управы, допустил большую растрату казенных денег. Начавшаяся Гражданская война не позволила это сделать¹⁵⁵.

Тогда Г.В.Енборисову уже исполнилось 50 лет, однако, он был еще достаточно энергичен. Формировал добровольческие казачьи дружины для борьбы с большевиками, затем стал начальником Верхнеуральского отделения военного контроля. На этом посту войсковой старшина Г.В.Енборисов активно занимался вымогательством денег у

¹⁵³ ОГАЧО. Ф.553. Оп.1. Д.2. Л.158.

¹⁵⁴ Там же. Л.65.

¹⁵⁵ Там же. Л.65об.,75.

тех, кто так или иначе сотрудничал с советскими властями, угрожая этим людям арестом и расстрелом. За такую деятельность его исключили из числа делегатов окружного казачьего съезда и привлекли к судебной ответственности. Несколько месяцев он провел в Верхнеуральской и Троицкой тюрьмах¹⁵⁶.

После своего освобождения Гавриил Васильевич приехал в Омск и поступил рядовым в дружину Святого Креста. Однако воевать ему не пришлось, так как был назначен начальником агитационно-вербовочного отдела в Семипалатинске. Затем с остатками белых войск ушел в Забайкалье, откуда вскоре перебрался в Китай. Остаток жизни провел в эмиграции, где написал и издал собственные мемуары.

Воспоминания Г.В.Енборисова — это пример явного субъективизма, подтасовки фактов и бурной фантазии автора с целью оправдать все свои действия и их последствия. В книге сообщается о фактах, в которые трудно поверить. Сначала Г.В.Енборисов, «как казачий депутат», встречается в Петрограде с министром продовольствия Временного правительства А.В.Пешехоновым, затем в Смольном полемизирует с лидером большевиков В.И.Лениным, ставя его в тупик своими вопросами, а впоследствии в Омске во время личной аудиенции у адмирала А.В.Колчака дает ему дельные советы. Судебное разбирательство по его делу Гавриил Васильевич считает происками своих личных врагов¹⁵⁷. Итак, перед нами образ беспринципного человека, который в условиях смутного времени, как, впрочем и раньше, активно действует только в собственных корыстных интересах, стремясь обогатиться любым путем.

Особо следует сказать о такой фигуре как барон Р.Ф.Унгерн-Штернберг, который возглавлял в войсках атамана Г.М.Семенова Азиатскую дивизию. Колчаковским офицером он являлся лишь формально, после того как его непосредственный начальник забайкальский атаман согласился признать власть Верховного правителя. Ко-

¹⁵⁶ Там же. Л.75об., 76, 113,152.

¹⁵⁷ Подроб. см.: Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. — Шанхай, 1932.

мандуя в 1915 году в 1-м Нерчинском полку (командир — полковник П.Н.Врангель) лишь сотней, есаул Р.Ф.Унгерн в ноябре 1918 года получает первый генеральский чин, а в следующем году второй¹⁵⁸. При этом ни он, ни его бойцы ни разу не принимали участие в боевых действиях на стороне белых войск в период правления А.В.Колчака.

Располагаясь с сентября 1918 года вместе со своей дивизией на станции Даурия, близ китайской границы, он вел себя как местный князек и считал вправе облагать данью проходящие мимо поезда. Здесь нередко совершались убийства, причем грань между «своими» и «чужими» была достаточно эфемерной. За малый дисциплинарный проступок по приказу барона виновного могли забить до смерти. Экзекуторами, как правило, назначались китайцы, которые умело орудовали специально сделанными для этой цели палками из березы, да так, что у жертвы буквально отваливались куски мяса¹⁵⁹.

Позже, когда Р.Ф.Унгерн, покинув атамана Г.М.Семенова, хозяйничал в монгольской столице Урге с населением около 80 тысяч жителей, он установил там режим террора и насилия. В результате в городе погибла примерно десятая часть русскоязычного населения, составлявшего значительную долю среди его жителей¹⁶⁰.

Таким образом барон, получив власть, из романтического искателя приключений, каким он был в молодости, превратился в годы Гражданской войны в маньяка, в философствующего палача, не останавливающегося ни перед какими жертвами, с целью достичь своих авантюрных планов. Среди офицеров-каппелевцев, появившихся в Забайкалье в 1920 году, даже бытовало мнение, что Р.Ф.Унгерн за все свои злодеяния, как человек, запятнавший идеалы Белого движения, заслуживает петли¹⁶¹.

В отличие от большинства других авантюристов того времени, Р.Ф.Унгерн действовал во многом ради идеи, а не денег и карьеры.

¹⁵⁸ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни.— М., 1993.— С.48; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.— М., 1983.— С.614.

¹⁵⁹ Юзефович Л.А. Указ. соч.— С.46.

¹⁶⁰ Там же.— С.84, 161.

¹⁶¹ Там же.— С.66.

Он был одержим панмонгольскими планами возрождения империи Чингисхана и видел себя вождем кочевников Центральной Азии, способных, по его мнению, остановить тлетворное влияние Западной цивилизации. По своим взглядам барон являлся убежденным монархистом, в одинаковой степени не принимая ни либеральных, ни коммунистических идей. Он почитал буддизм и слыл ярким антисемитом. В конце концов его же авантюрные замыслы и сыграли с ним злую шутку. Совершив неудачный поход на территорию Дальневосточной Республики, покинутый своими подчиненными, Р.Ф. Унгерн попал в руки красноармейцев и после показательного судебного процесса в Новониколаевске был расстрелян.

И последний вопрос, непосредственно связанный со службой колчаковских офицеров, который необходимо рассмотреть—это убыль командного состава. Наибольшие потери офицерского корпуса, конечно, были обусловлены боевыми действиями. Данные об убыли военнослужащих в одной из колчаковских армий в различные периоды отражены в следующих сведениях¹⁶².

Таблица

**Потери офицерского и солдатского состава
в Западной (3-й) армии в 1919 г.**

Период		Офицеры	Нижние чины
6 марта-26 апреля 1919г.*	Убито	68	847
	Ранено, контужено, пропало без вести	219	5 302
1 сентября — 15 октября 1919 г.	Убито и ранено	988	17 770

*—нет данных по одному корпусу

¹⁶² Составлена по: РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.95. Л.1; Сахаров К.В. Указ. соч.— С.153.

Итак, в двух корпусах и в Южной группе войск Западной армии в период весеннего наступления в марте–апреле 1919 года было убито 68 офицеров и 847 солдат, то есть на каждого погибшего офицера приходилось 12 убитых нижних чинов. Раненых, контуженных, заболевших среди офицеров насчитывалось в 3 раза больше, чем убитых, а солдат — в 6 раз. Здесь соотношение в потерях составило 24 нижних чина на одного офицера. Как показывают данные таблицы, осенью 1919 года потери и командного, и солдатского состава в несколько раз увеличились.

Значительные потери понес и офицерский корпус Уральского казачьего войска. К лету 1919 года из 452 командиров уральские казаки потеряли 160 человек убитыми и 240 ранеными¹⁶³. В целом на востоке страны, по мнению С.В.Волкова, погибло до 7 тысяч белых офицеров. Гражданская война унесла жизни 85–90 тысяч российских офицеров: белые потеряли 50–55 тысяч командиров (свыше 60 % всех потерь), красные — до 10 тысяч (свыше 10 %), около 20 тысяч пали жертвами террора (23 %), остальные погибли в национальных армиях¹⁶⁴.

Другой причиной сокращения офицерского корпуса являлся плен. Например, к 4 февраля 1920 года частями 5-й армии красных оказались захвачены в плен 33 офицера Генерального штаба. Среди них значились 2 генерал-лейтенанта, 10 генерал-майоров, 5 полковников, 11 подполковников, 4 капитана и 1 есаул. Впоследствии количество арестованных офицеров, окончивших академию Генерального штаба, увеличилось до 42 человек. Некоторые из них согласились служить в Красной Армии. Группу этих офицеров вместе с семьями отправили в Москву¹⁶⁵.

Таким образом, еще одним источником убыли офицеров являлся их переход на сторону противника. Всего за период Гражданской

¹⁶³ Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны // Отечественная история. — 1994. — №6. — С.58.

¹⁶⁴ Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие // Офицерский корпус Русской армии: опыт самопознания. Российский военный сборник. — М., 2000. — Вып. 17. — С.530

¹⁶⁵ РГВА. Ф.185. Оп.3. Д.1191. Л.72,152,287.

войны, как сказано выше, подобным образом поступило около 12 тысяч лиц командного состава.

Иногда офицеров за всякого рода провинности могли разжаловать в рядовые. Такое право по постановлению Совета министров от 27 марта 1919 года имел лишь Верховный правитель¹⁶⁶. При более отягчающих обстоятельствах разжалованных офицеров приговаривали к тюремному заключению, в исключительных случаях — к расстрелу. Например, громким оказалось дело о злоупотреблениях служебным положением в ведомстве военных сообщений. К военноплевному суду были привлечены главный начальник управления военных сообщений генерал В.Н.Касаткин, комендант станции Омск поручик В.С.Рудницкий и ряд других лиц. В итоге виновным признали лишь В.С.Рудницкого, которого лишили офицерского чина и приговорили к расстрелу, замененному Верховным правителем бессрочной «ссылкой на каторжные работы»¹⁶⁷.

Помимо этого офицеры, достигшие определенного возраста, имели право уходить в отставку. По Своду военных постановлений, обер-офицеры (от прапорщика до капитана включительно) могли уволиться в 53 года, при этом отличившимся давался последующий воинский чин. Строевые подполковники имели право уйти со службы в 58 лет, а нестроевые — в 60 лет¹⁶⁸. В январе 1919 года военный министр колчаковского правительства генерал Н.А.Степанов своим приказом по военному ведомству внес существенные изменения в это положение. Он предоставил право всем офицерам (в том числе и генералам) и военным чиновникам, достигшим 43-летнего возраста по своему желанию уходить в отставку¹⁶⁹. Хотя таким правом воспользовались немногие, это нововведение, на наш взгляд, являлось ошибочным, отталкивая от участия в белом движении офицеров более старших возрастов.

¹⁶⁶ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.315. Л.247.

¹⁶⁷ Русская армия (Омск).— 1919.— 4 сент.

¹⁶⁸ Свод военных постановлений 1869 г. с изменениями по 5 января 1916 г.— Пг., 1916.— Кн.7.— С.890—893.

¹⁶⁹ Сибирский стрелок (Челябинск).— 1919.— 30 янв.

Причиной убыли офицерства можно назвать и болезни, чаще всего приобретенные в результате эпидемий тифа и холеры, имевших широкое распространение в то время. Были и случаи самоубийства. Например, подобным образом, с помощью собственного револьвера, ушел из жизни в период Сибирского Ледяного похода казачий генерал Ю.И.Мамаев, также поступил и войсковой старшина А.В.Смирных¹⁷⁰.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть следующее. Общая численность офицеров на фронте не превышала 12 тысяч человек, то есть менее 50 % всего 30-тысячного командного корпуса. Наибольшее количество офицеров служило, конечно, в пехоте. По численности кавалерийских частей на Восточном фронте белые превосходили красных. Значительную роль в этом сыграло казачество. Однако в то же время неустойчивая позиция казачества не позволила колчаковцам создать крупные конные соединения, и умело использовать их в боевых операциях, и, в итоге, переломить ход борьбы в свою пользу. Офицерам не удалось предотвратить в казачьих частях поразительных настроений.

Неэффективно колчаковское командование использовало, имевшиеся в его распоряжении флот, прежде всего речной, и авиацию, где служило наибольшее, в процентном соотношении, количество офицеров. Слабо работала разведка, в результате силы противника постоянно недооценивались. Не показали действенной боевой работы артиллерия и броневые части. Стратегия колчаковского командования не была лишена творческой мысли, но многие планы не реализовались. Все это в значительной степени зависело от офицерского корпуса, который стал совсем другим за годы Гражданской войны. Частые конфликты в среде военного командования, неподчинение приказу, авантюризм отдельных командиров, жестокость по отношению к нижним чинам стали нередкими явлениями в офицерской среде. Смутные времена Гражданской войны сильно воздействовали на пси-

¹⁷⁰ Акулинин И.Г. Указ. соч.— С.158; Семенов В.Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска.— Оренбург, 1992.— С. 13.

хологию и поступки многих людей, в том числе и тех, кто носил офицерские погоны.

Завершая рассмотрение изложенных выше вопросов, следует сказать, что успешные действия офицеров в боевой обстановке во многом зависели и от состояния тыла.

Глава пятая

Тыл колчаковских войск

Положение в тылу и эффективность работы расположенных здесь военных учреждений являлись не менее важными факторами, чем успехи на фронте. Парадоксально, но факт, что большая часть 30-тысячного офицерского корпуса находилась не на передовой, а в тыловых военных округах. Старой «болезнью» Русской армии являлся рост военной бюрократии, особенно в штабах и тыловых учреждениях. Не обошла она стороной и войска А.В.Колчака. Вот впечатления генерала С.А.Щепихина после посещения им Омска в июле 1919 года: «Сотни молодых офицеров наполняли широкие коридоры Ставки, десятки офицеров Генерального штаба грызли от безделья карандаши в теплых кабинетах»¹.

Значительное число офицеров находилось порой без дела в тылу. Из штаба Верховного Главнокомандующего в войска даже пришел приказ о запрещении командировок офицеров на Дальний Восток, за исключением экстренных случаев. По данным военного ведомства в Харбине, как одной из тыловых баз колчаковских армий, к маю 1919 года было зарегистрировано 12 тысяч офицеров, побывавших там в разное время².

Командующий Западной армией генерал М.В.Ханжин для устранения некомплекта офицеров в строевых частях принял ряд мер. Комендантам городов предписывалось наладить строгий учет офицеров. Командирам частей отправлять офицеров в тыл в служебных целях разрешалось только с согласия начальников дивизий. Осуществлялась регистрация в лечебных заведениях. Во всех учреждениях службы тыла армии сокращалось число штатных должностей на 25%. По этой причине увеличивались вдвое рабочие часы в тыловых ве-

¹ Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.7. Л.1,3об.

² ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.317. Л.24.

домствах. Офицеры, не явившиеся в срок на службу, привлекались к военно-полевому суду как за побег³.

Однако эти и подобные им мероприятия не имели эффективных результатов: количество офицеров в тылу не уменьшалось. Многие из них под различными предлогами уклонялись от отправки на фронт, пристраиваясь в тыловых учреждениях. Некоторые офицеры заполняли рестораны и салоны, проводя время в кутежах и попойках. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего вынужден был подписать приказ о скорейшей высылке на фронт офицеров, находившихся «не при деле»⁴.

Работа тыловых структур осуществлялась по следующим главным направлениям:

- снабжение фронта всем необходимым;
- подготовка новобранцев, офицерских кадров и военных специалистов;
- принятие мер по обеспечению безопасности тыла.

Вскоре после прихода к власти адмирала А.В.Колчака военное руководство отказалось от деления подчиненной территории на корпусные районы. Снова была создана существовавшая ранее система военных округов. Причем военные округа подразделялись на прифронтовые, подчиненные армейскому командованию: Тюменский Сибирской армии, Курганский Западной армии, Оренбургский при Оренбургской армии (впоследствии создали единый тыловой округ на театре военных действий), и округа, расположенные в глубоком тылу (Омский, Иркутский, Дальневосточный). Управления округов, возглавлявшиеся главными начальниками, почти полностью копировали подобные структуры в армиях. Здесь также имелись свои интендантские, инженерные, артиллерийские, разведывательные и контрразведывательные службы, действовали военно-полевые суды.

Основой материального обеспечения колчаковских войск стал экономический потенциал Урала, Сибири и Дальнего Востока, а так-

³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.179. Л.100; Д.139. Л.19.

⁴ ГА РФ. Ф.176. Оп.3. Д.42. Л.395.

же военные запасы, накопленные здесь в период мировой войны. В некоторых городах наладили военное производство. Пермские пушечные заводы в течение пяти первых месяцев 1919 года произвели для Белой армии 86 новых орудий⁵. В Челябинске, Мотовилихе, Новониколаевске, Иркутске, Омске осуществлялась постройка бронепоездов⁶. Работали для нужд фронта и другие предприятия. Но, как известно, большевики, контролируя центральные, более экономически развитые районы страны, имели в этом плане преимущество. Поэтому колчаковские войска в значительной степени восполняли свои потребности за счет реквизиций с населения. Согласно законам и распоряжениям, изданным в России в период мировой войны, такие акции могли проводиться только по приказу главнокомандующего, командующего армией, главного начальника военного округа. Причем за произведенные реквизиции полагалась оплата наличными деньгами или квитанциями в качестве компенсации населению⁷.

Конечно, в реальной обстановке Гражданской войны эти условия проведения реквизиций нередко нарушались, и население враждебно относилось к участникам подобных акций⁸. Приобретала широкое распространение практика самовольных реквизиций, когда командиры тех или иных частей без указания вышестоящего начальства брали все необходимое у населения для своих подразделений. Главный начальник Оренбургского военного округа вынужден был в одном из своих приказов обратить на это внимание, категорически запретив самовольные реквизиции⁹. Атаман А.И.Дутов требовал рассматривать подобные действия как уголовные преступления и виновных наказывать по законам военного времени¹⁰. Но никакие угрозы самовольные реквизиции не могли остановить. В результате, как ут-

⁵ Дмитриев Н.И. Экономическая политика адмирала А.В.Колчака и ее реализация // Сибирь в период Гражданской войны. — Кемерово, 1995. — С.46.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983. — С.75.

⁷ Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. — Иг., 1915. Т.1. — С.143–144.

⁸ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига, 1930. — С.90.

⁹ Оренбургский казачий вестник (Оренбург). — 1918. — 15 дек.

¹⁰ ГАОО. Ф.1912. Оп.1 Д.26. Л.122.

верждал один из колчаковских генералов, белые «кроме врага на фронте, создавали себе врага в тылу» в лице крестьянства¹¹.

Довольно часто военные власти прибегали к реквизициям коммерческих грузов, отправляемых, как правило, с Дальнего Востока. Так, на станции Челябинск командование Западной армии конфисковало несколько вагонов с обувью на сумму 12 108 рублей. В другой раз здесь же изъяли из вагонов товары коммерсанта Барановского. Причем реквизиции таких грузов производились за первоначальную их оплату (по торговым счетам дальневосточных фирм) без коммерческой надбавки¹². И подобных случаев было немало. Все они диктовались военным временем и нуждами Белой армии, хотя, конечно, не могли не вызывать ропот и негодование предпринимателей.

Проводились также кампании по сбору средств, необходимых для обеспечения колчаковских войск. Так, в феврале 1919 года генерал М.В.Ханжин благодарил в отдельном приказе «комитет помощи на нужды армии» села Чумляк Челябинского уезда во главе со священником Баевским за пожертвование деньгами (8 060 рублей) и вещами в пользу белого дела¹³. Подобным образом поступила еврейская община Уфы, передав 300 000 рублей¹⁴. В Омске на благотворительном вечере в пользу Русской армии А.В.Колчака товарищество «Ф.А.Щеглов и К^о» предоставило 11 364 рубля¹⁵.

Белые пополняли свой военный потенциал и за счет трофеев, захваченных в ходе боев. Например, после взятия колчаковцами Уфы в марте 1919 года по официальным данным им досталось целая речная флотилия — 14 баркасов, 62 баржи, 88 пароходов, а также 39 железнодорожных вагонов, большое количество нефти и керосина¹⁶.

Осуществлялись военные поставки из-за границы. Но эта помощь предоставлялась не безвозмездно, а за счет части золотого

¹¹ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. — Париж, 1985. — С. 64.

¹² ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 12об., 132.

¹³ Сибирский стрелок (Челябинск). — 1919. — 22 февр.

¹⁴ ОГАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 319. Л. 538.

¹⁵ Там же. Д. 320. Л. 44.

¹⁶ Сибирский стрелок (Челябинск). — 1919. — 26 марта.

запаса или в кредит. Наибольшее число грузов для армий А.В.Колчака пришло из Великобритании, которая истратила на это около 100 млн. фунтов стерлингов, — больше, чем остальные союзники белых. О размерах иностранной помощи можно судить по следующим данным. В период с октября 1918 года по октябрь 1919 года во Владивостоке на воинских складах находилось 600 тысяч винтовок, 346 млн. патронов, 6 831 пулемет, 192 полевых орудия, 300 тысяч снарядов, 1 млн. ручных гранат, 435 тысяч одеял, 210 комплектов униформы, 400 тысяч комплектов нижнего белья. Все это было завезено из стран Антанты¹⁷.

Однако союзнические поставки не покрывали и значительной доли того, в чем нуждалась Русская армия А.В.Колчака. Порой вооружение, присылаемое из-за границы, оказывалось устаревшим и некачественным. Таковыми были французские самолеты «Сопвич», доставляемые на морских судах в разобранном виде, уже снятые с производства у себя в стране. 120 пулеметов Льюиса, полученные Южной армией, не имели ни одного патрона, а боеприпасы отечественного образца для них не подходили¹⁸.

Главной проблемой в деле снабжения войск, как отмечают многие мемуаристы, стала доставка грузов на фронт. Складывалась парадоксальная ситуация: на передовой многого не хватало, а военные склады в тылу были переполнены. Начальник штаба Западной армии генерал С.А.Щепихин вспоминал, что в январе–феврале 1919 года он не помнит «ни одного дня, чтобы не возникало каких-либо затруднений по вопросам снабжения»¹⁹.

Такое положение определялось неэффективной деятельностью железнодорожного транспорта. Следует заметить, что контингенты союзных войск (японские, американские, румынские, чехословацкие и польские) охраняли железную дорогу от Владивостока до Омска и использовали ее прежде всего в своих интересах. Приказы межсоюз-

¹⁷ Перейра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. — М., 1996. — С. 89.

¹⁸ РГВА, Ф. 39499. Оп. 1. Д. 330. Л. 4–13; Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 14об.

¹⁹ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1 Д. 8. Л. 48.

нического железнодорожного комитета и колчаковского командования часто не выполнялись. В итоге, в нужный момент белые не могли воспользоваться единой железнодорожной сетью в полном объеме²⁰.

Для доставки грузов на подводах и в пешем порядке по приказу Ставки в каждом корпусе имелось по одному этапному батальону или роте. В данном случае белое командование часто прибегало к трудовой повинности крестьян и казаков, используя их подводы и лошадей для перевозки грузов. Например, в районе Оренбургской армии доставка боевых припасов от станции Бреды до города Орска, по причине отсутствия железной дороги, осуществлялась в течение четырех суток на 600 подводах. При этом жители казачьих поселков и станиц, находившихся на пути следования, должны были временно обеспечить белых своими подводами и ездовыми²¹.

Так называемая «подводная повинность» тяжким бременем ложилась на плечи сельского населения, которое не переставало посылать военным властям просьбы об ее отмене. В апреле–мае 1919 года штаб Оренбургской армии буквально был завален жалобами из казачьих станиц и поселков на незаконные действия отдельных офицеров, проводящих самовольные реквизиции, и на тяжесть «подводной повинности»²².

Получили широкое распространение в интендантских учреждениях приписки, взяточничество, воровство. Главный интендант сам признавал многочисленные злоупотребления в его ведомстве, но ничего не мог сделать. В этой связи характерен следующий факт: из 30 тысяч шинелей, присланных из Франции, на плечи колчаковских солдат легло лишь 7 тысяч, остальные «исчезли»²³.

Очень часто, с целью получить побольше довольствия из тыла, некоторые армейские командиры умышленно завышали численность своих соединений. Полученное сверх нормы, как правило, расхищалось. Во многих воинских частях отсутствовало разумное эшелониро-

²⁰ Сахаров К.В. Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923. — С. 172.

²¹ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 44.

²² РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 33. Л. 23, 34, 35, 37; ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 32. Л. 10–16.

²³ Кроль Л.А. За три года. — Владивосток, 1922. — С. 184.

вание запасов, поэтому количество складов и обозов на фронте неизменно увеличивалось²⁴.

По мнению военного министра А.П.Будберга, между тыловыми ведомствами различных армий шла настоящая тайная и явная война. Вот как он описывает в своем дневнике взаимоотношения интендантских учреждений Сибирской и Западной армий. «Все попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабжение, безрезультатны и вызывают самые острые протесты, даже вооруженное сопротивление; чинов полевого контроля гонят вон, грозят поркой и даже расстрелом. Гайда захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские — все то, чего нет в Западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это Западная армия прижимает Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Все распоряжения главного и полевых интендантов армий игнорируются и не исполняются»²⁵.

Подобные трения происходили и между командованием Оренбургской и Западной армий. Так, А.И.Дутов жаловался в Омск на руководство соседней армии, которое, под предлогом обнаружения спекулятивных товаров, реквизировало коммерческие грузы из вагонов, принадлежавших Оренбургскому казачьему войску. Конфискованные товары оказались на военных складах в Челябинске и в распоряжение атамана А.И.Дутова не попали²⁶.

Неудовлетворительное снабжение войск привело к тому, что в отдельных частях Западной и Южной (бывшей Оренбургской) армий солдаты иногда в течение нескольких дней ничего не ели²⁷. Когда в мае 1919 года Верховный правитель вернулся с фронта, на заседании своего правительства он говорил о плохом обеспечении военнослужащих, многие из которых даже не имеют сапог и в атаку ходят в пи-

²⁴ Перейра Н.Г.О. Указ. соч.— С.111; Будберг А. Дневник // Архив русской революции.— М., 1992.— Кн.7 Т.14.— С.304.

²⁵ Будберг А. Указ. соч.— С.237.

²⁶ ГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.26. Л.187,426.

²⁷ РГВА. Ф.40028. Оп.1. Д.5. Л.5; Гражданская война на Южном Урале. Сб. док.— Челябинск, 1962.— С.272—273.

мах или лаптях²⁸. Командир 6-го Уральского корпуса генерал Н.Т.Сукин, с целью обратить внимание А.В.Колчака на неудовлетворительное состояние его войск из-за бездеятельности тыловых структур, даже выстроил перед адмиралом босой почетный караул²⁹.

Полной противоположностью выглядело тыловое обеспечение войск союзников. Особенно на этом поприще преуспели чехословацкие legionеры. Они организовали широкую систему снабжения своих подразделений, осуществляя закупки в сибирских городах и даже в Монголии. Чехи имели несколько заводов, работавших только на их корпус, отдельные лазареты и многочисленный железнодорожный подвижной состав с банями, прачечными, дезинфекционными камерами и т.д.³⁰

Высокопоставленным колчаковским офицерам приходилось решать и социально-экономические вопросы на подконтрольной территории. Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время», которым руководствовались в войсках белогвардейцев, командующий армией имел большую власть над гражданским населением в прифронтовой полосе. Он мог высылать нежелательных лиц, проживавших в районе армии, проводить трудовые мобилизации, назначать общие и частичные реквизиции, «подвергать имущество жителей секвестру», запретить выезд тех или иных лиц в другой регион. Все постановления, подписанные командующим, должны были выполняться. За их несоблюдение граждан могли подвергнуть тюремному заключению на 3 месяца или штрафу в размере до 3 тысяч рублей. Помимо этого командующий регламентировал экономическую деятельность населения в районе армии, разрешая или запрещая торговлю теми или иными товарами, утверждая предел цен на продукты первой необходимости³¹.

²⁸ Дневник П.В.Вологодского // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. — М., 1997. — С.178–179.

²⁹ Сахаров К.В. Указ. соч. — С.78.

³⁰ Драгомиреуский В.С. Чехословаки в России в 1914–1920 гг. — Париж—Прага, 1928. — С.92–93.

³¹ Положение о полевом управлении войск в военное время. — СПб., 1914. — С.54–56.

В условиях Гражданской войны колчаковское командование сделало ставку на усиление государственного контроля над экономикой. Так, почти все работники угольных копей Урала и Сибири от рабочих до инженеров получили статус военнообязанных³². Подобная ситуация сложилась и на других предприятиях, работавших на армию. Стали военнообязанными и все лоцманы-речники, мобилизованные командованием колчаковских армий³³. Проводились также трудовые мобилизации. Вводились сверхурочные работы на военных заводах, где владельцам запрещалось повышать оплату труда. Активная деятельность профсоюзов на таких предприятиях ограничивалась³⁴.

Западной армия, например, испытывала нехватку обуви для военнослужащих. Поэтому генерал М.В.Ханжин объявил трудовую повинность для владельцев сапожных мастерских, частных мастеров и подмастерьев в пределах Курганского и Челябинского уездов. Все сапожники проходили регистрацию и получали заказ на пошив обуви для армии за установленную плату. Частные заказы им выполнять запрещалось. Иначе они наказывались штрафом в размере 3 тысячи рублей³⁵.

Большой проблемой стала финансовая нестабильность на территории, подвластной Омскому правительству. Хотя военные власти и заявляли о своей приверженности идеям либерализма, тем не менее они в условиях войны начали активную борьбу со спекуляцией, подменяя собой деятельность гражданских учреждений и внося еще больший хаос в процесс управления. Вот свидетельство одного из членов колчаковского Совета министров Г.К.Гинса. Рост цен на товары, особенно весной 1919 года, вызвал бурю протеста у населения. Ученые-экономисты в Омске попытались убедить власти и общество, «что спекуляция безвредна и без нее немыслима торговля» в условиях рынка. Им это сделать не удалось. Военные начали жесткими метода-

³² РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.236.

³³ Там же. Л.315.

³⁴ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.9. Л.44.

³⁵ Утро Сибири (Челябинск). – 1919. – №103.

ми борьбу со спекуляцией. И вскоре министр продовольствия написал в штаб Верховного Главнокомандующего, что ликвидация спекуляции в том виде, как ее осуществляют военные власти — зло, и необходимо это прекратить³⁶.

Но генералы к гражданским чиновникам не прислушивались и продолжали начатую жесткую политику в экономике. Первым шагом в борьбе с ростом цен являлось установление их предела. Максимальные цены на товары первой необходимости объявлялись командующими армий для районов, находившихся в их подчинении. Так, атаман А.И.Дутов, командующий Оренбургской армией, в январе 1919 года утвердил следующие предельные цены:

пшеница (1 пуд) — 12–15 рублей;

мясо (1 пуд) — 76 рублей;

масло сливочное (1 пуд) — 380 рублей;

картофель (1 пуд) — 16–20 рублей;

керосин (1 пуд) — 17 рублей 20 копеек;

мыло (1 пуд) — 240–260 рублей;

плата за перевозку грузов по г.Оренбургу (пуд) — 50 копеек³⁷.

То же самое делали в своих районах командующие Сибирской и Западной армий. Однако подобные меры не очень помогали, и колчаковские генералы стали ужесточать меры наказания для спекулянтов. А.И.Дутов еще в декабре 1918 года объявил таких торговцев вне закона и угрожал им расстрелом без суда и следствия³⁸. Несколько «мягче» поступили другие генералы. Например, М.В.Ханжин в апреле 1919 года сообщал в Омск, что на основании постановления колчаковского правительства и одной из статей дореволюционного законодательства, им увеличено наказание в отношении торговцев и предпринимателей «от 10 лет каторжных работ до смертной казни включительно», если они искусственно будут повышать цены на предметы первой необходимости, либо откажутся их продавать. Месяцем ранее

³⁶ Гинс Г.К. Сибирь, союзники, Колчак. — Пекин, 1921. — Т.2. — С.224–225.

³⁷ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.156–157.

³⁸ Там же. Л.51.

подобный приказ издал в Екатеринбурге командующий Сибирской армией генерал Р Гайда³⁹.

Такая силовая политика не могла остановить спекуляцию, тем более что в ней, по свидетельству одного из колчаковских офицеров, оказались замешаны верхи — генералы и министры⁴⁰.

Большое значение для тыла имел железнодорожный транспорт. Поэтому военному командованию приходилось заниматься вопросами, связанными с его обеспечением. Зимой 1918/1919 года непростая ситуация сложилась на железных дорогах. Для того чтобы уменьшить количество паровозов, стоявших в ремонте, сократить аварии и крушения поездов по причине небрежной работы, а порой просто саботажа железнодорожников, генерал М.В.Ханжин в своей телеграмме в Ставку предлагал незамедлительно провести следующие меры. «Во-первых, все управление армейским районом железных дорог сосредоточить в одних руках энергичного, знающего начальника военных сообщений, дав ему полную самостоятельность, имея при нем совет из технически образованных железнодорожных практиков. Во-вторых, пересмотр всего высшего железнодорожного персонала, удалив все слабохарактерное. В-третьих, установление военного режима для рабочих. В-четвертых, больше о них заботиться путем регулярного снабжения их дополнительным хлебным пайком, выдача жалованья мелкой разменной единицей и организация удешевленного снабжения мануфактурой. В-пятых, организация рабочих железнодорожных команд по расчистке пути. В-шестых, организация специальных войсковых частей для охраны железных дорог, сооружений и спокойствия прилегающих к ним рабочих районов». И далее М.В.Ханжин отмечал: «Я не касаюсь здесь вопроса усиления паровозов и вообще подвижного состава, а также вопросов топлива, которые стоят не менее остро, но требуют значительного времени для их проведения в жизнь, а об-

³⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.186. Л.316,318.

⁴⁰ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.138. Л.86.

ращаю внимание лишь на те мероприятия, кои возможно провести срочным порядком, о чем и ходатайствую»⁴¹.

Данные предложения командующего армией, адресованные вышестоящему начальству, показывают, что для решения ряда проблем, связанных с железнодорожными перевозками, на первое место ставится энергия и воля ответственных лиц, а также силовые методы. Подобные представления были широко распространены в среде офицерства. Поэтому, занимаясь экономическими вопросами, они действовали методами, близкими к военным.

На территории, контролируемой белыми, шло и железнодорожное строительство. Так, генералу М.В.Ханжину приходилось курировать сооружение ветки от Самаро-Златоустовской железной дороги до Стерлитамака. Однако в июне 1919 года, вследствие изменившегося положения на фронте, командующий Западной армии приказал строительство этой дороги временно прекратить⁴². Атаман А.И.Дутов, как командующий Оренбургской армией, курировал строительство железной дороги от Орска до станции Карталы⁴³. Для обеспечения безопасности железнодорожных перевозок в каждой армии создавались охранные батальоны, которые несли службу в прифронтовой полосе и в ближайшем тылу.

Одним из условий предоставления военной помощи белым со стороны Антанты являлось сохранение лагерей для военнопленных из войск Германии и ее союзников⁴⁴. Поэтому в некоторых городах Урала и Сибири такие лагеря существовали. Например, в январе–апреле 1919 года в Уфимской губернии на Катав-Ивановском и на заводах Златоустовского горного округа находилось 2730 военнопленных Первой мировой войны; в Оренбургской губернии на Верхнеуральском и Белорецком заводах их насчитывалось 986 человек. В Иркутском военном округе на 10 декабря 1919 года численность военно-

⁴¹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.219. Л.277.

⁴² Там же. Ф.39624. Оп.1. Д.138. Л.124.

⁴³ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.9. Л.41.

⁴⁴ Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской Гражданской войны. – Париж, 1934. – С.261–263.

пленных достигала около 29 тысяч⁴⁵. Колчаковское командование должно было обеспечить их сносными жилищными условиями, питанием и по возможности работой. Военнопленные даже имели право на получение небольшого жалованья.

Но не во всех лагерях имелись условия для нормального существования. По отчету представителя датского Красного Креста доктора Кребса, посетившего в конце апреля 1919 года подобный лагерь в окрестностях Петропавловска, можно судить о том положении, в котором находились военнопленные. Как сообщал Кребс, лагерь охватила эпидемия сыпного и возвратного тифа. Из 5 тысяч военнопленных около тысячи оказались больными, а за предшествующие четыре месяца умерло более 600 человек. Об этом доктор известил военное министерство в Омске, которое командировало своих представителей для выяснения реальной обстановки в лагере военнопленных у Петропавловска. Выводы датчанина во многом подтвердились. Омская комиссия установила значительную убыль среди постояльцев лагеря. Вместо 5 тысяч, живших в лагере в марте 1919 года, к маю осталось лишь 2600 человек. Эпидемии, отсутствие лекарств, антисанитария в помещениях (бараках), где зимой вместо 200 проживало до 500 военнопленных, сделали свое дело.

При этом руководство лагеря никаких энергичных мер не предпринимало. Показательно, что когда представители военного министерства прибыли в лагерь, то в первый день не удалось разыскать ни начальника, ни кого-либо из офицеров охраны.

Впоследствии, уже в июле 1919 года, когда положение белых на фронте становилось все более критическим, военнопленных под Петропавловском оставалось около 500 человек. В один из дней в лагерь прибыла рота солдат с пулеметами и под предлогом регистрации и обыска у плененных немцев, австрийцев, венгров изыскивали деньги на общую сумму 85 тысяч рублей, драгоценности и некоторые личные вещи⁴⁶.

⁴⁵ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.186. Л.431.; Ф.39597. Оп.1 Д.100. Л.166об.–169.

⁴⁶ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.213. Л.3–8, 17–18.

Только один этот пример наглядно иллюстрирует отношение военного командования к военнопленным мировой войны. Они в глазах большинства колчаковских офицеров были лишь еще одной проблемой, которую необходимо хотя бы формально решать, чтобы не вызывать недовольство союзников. Белые не вели активную пропагандистскую работу среди пленных немцев, австрийцев, венгров, болгар, турок с целью привлечь их к борьбе за белое дело. Видимо, здесь еще срабатывал психологический синдром Первой мировой войны, установившиеся тогда стереотипы по отношению к противнику, заставлявшие относиться к этим людям с недоверием.

В Красной Армии все складывалось иначе. Проводилась активная пропаганда большевистских идей среди военнопленных, из них формировались боевые интернациональные части и соединения. На Восточном фронте весной–летом 1919 года против колчаковцев сражалось три полка, батальон, рота, артиллерийская батарея и несколько отрядов, укомплектованных бывшими военнопленными мировой войны, общей численностью 5 300 бойцов⁴⁷. Но в большей степени интернациональные части были представлены на Западном и Южном фронтах Советской республики.

Проводилась работа в колчаковском тылу и с бывшими военнослужащими Русской армии, возвращавшимися из плена в родные места. В штабах военных округов работали специальные комиссии по проверке их документов. Подозрительных лиц задерживали, остальных отправляли на поездах домой⁴⁸. Этим людям давалась отсрочка на несколько месяцев от призыва в колчаковские войска.

Имелись специальные лагеря и для пленных красноармейцев. Условия в них, видимо, были не лучше, чем для военнопленных мировой войны. В Ирбите, например, среди пленных красноармейцев, которых насчитывалось около 1600, за неделю от тифа умерло 178 человек⁴⁹. Перед отправкой в тыл пленных бойцов Красной Армии

⁴⁷ Данилов В.А. Интернационалисты на Урале и в Сибири.— Свердловск, 1972.— С.127.

⁴⁸ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.14,15.

⁴⁹ Кроль Л.А. Указ. соч.— С.169.

делили на 4 категории. Лица первой категории, к которой относили добровольцев из рабочих и моряков, и второй категории (добровольцы из крестьян) попадали в лагерь, где ожидали решения военно-полевого суда. Военнопленные третьей и четвертой категорий, в основном мобилизованные из крестьян (молодежь и лица старшего возраста), могли по своему желанию вступить в белую армию, из остальных формировали рабочие дружины для различного рода строительных работ⁵⁰.

Большое значение предавалось в войсках А.В.Колчака и борьбе с различными эпидемиями, получившими широкое распространение в годы Гражданской войны. С этой целью в феврале 1919 года по приказу из Омска во всех гарнизонах стали создавать санитарные комиссии⁵¹. Главную роль в них играли, конечно, городские и уездные врачи, но в подобных комиссиях и комитетах работали и колчаковские офицеры, как представители войсковых соединений. Так, в Челябинске еще в начале ноября 1918 года в связи с распространением эпидемии тифа, по приказу начальника штаба Западного фронта белых войск, создали санитарный комитет. Возглавил его известный в городе врач, педагог, член кадетской партии П.А.Агапов. В состав комитета вошли военные, представители уездного комиссариата, городского и земского самоуправления. Все постановления этого учреждения проводились в жизнь после их утверждения начальником штаба Западного фронта. С декабря 1918 года полномочия санитарного комитета расширили и принятые его членами решения касались всех воинских частей, государственных и общественных организаций. После отъезда врача П.А.Агапова за медикаментами на Дальний Восток, его пост в марте 1919 года занял помощник начальника челябинского гарнизона полковник П.Н.Афанасьев. За все время работы санитарного комитета рассматривались следующие вопросы: о проведении гигиенических мероприятий в казарменных помещениях, о сокращении посещаемости публичных мест, об открытии в Челябинске,

⁵⁰ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.129–130.

⁵¹ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.314. Л.118.

в здании реального училища, эпидемической больницы и бактериологической лаборатории⁵².

Определенную помощь в борьбе с эпидемиями оказывали и союзники. По западной Сибири курсировал их поезд, оснащенный современными препаратами и средствами для борьбы с тифом. Начальником поезда являлся канадский капитан Далини⁵³. Тем не менее, потери в армиях от инфекционных болезней были огромны. Военная пресса писала о плохой организации санитарного дела и призывала больше привлекать общественность для борьбы с эпидемиями⁵⁴.

В период отступления колчаковских войск на тыловые структуры ложилась ответственная задача своевременной и, по возможности, полной эвакуации материально-технических средств. Не всегда это удавалось выполнить в условиях быстрого отхода воинских частей под ударами Красной Армии. Поэтому часто в крупных городах и заводских поселках красным доставалось большое количество трофеев. Если в Оренбурге, который пал в январе 1919 года, эвакуацию объявили за два месяца, и все необходимое успели вывезти, то в других городах этого не случилось. В Уфе, например, остались раненые и огромные запасы продовольствия (2млн. пудов зерна и 200 тыс. пудов гречневой крупы)⁵⁵. По причине недостаточного количества вагонов не вывезли полностью даже военное имущество. Многие достались противнику или просто было разворовано. Поэтому создали комиссию для расследования деятельности отдельных колчаковских офицеров, ответственных за эвакуацию. В итоге начальник снабжения Западной армии генерал Медведев и его помощник генерал Тиманов получили выговор, а ряд должностных лиц приговорили к каторжным работам⁵⁶.

Когда части Красной Армии вступили в Пермь, им также

⁵² ОГАЧО. Ф.1542. Оп.1. Д.74. Л.1–45.

⁵³ Там же. Ф.596. Оп.1. Д.315. Л.88.

⁵⁴ Русская армия (Омск). – 1919. – 12 июля.

⁵⁵ Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб., 1993. – С.233.

⁵⁶ Константинов С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны. – Екатеринбург, 1997. – С.205.

досталось много материальных ценностей, не вывезенных белыми: около 100 тыс. пудов муки, 9 тыс. пудов мяса, 25 паровозов и свыше 1 тыс. вагонов. На заводах Мотовилихи близ города осталось около 1млн. пудов стали и несколько сотен орудий⁵⁷.

Подобные ситуации складывались и в Екатеринбурге, Челябинске, Омске, в городах, которые колчаковцам пришлось спешно оставить. И в этом плане тыловые службы оказались не на высоте. Некоторые бывшие белые генералы в своих мемуарах одной из причин военных неудач армий видели в неэффективной и недостаточно организованной работе тыла⁵⁸. К.В.Сахаров, с присущей его воспоминаниям эмоциональностью, даже называл деятельность тыловых учреждений преступной⁵⁹.

В тылу белых войск также размещались кадровые и резервные части, соединения. Так, например, в двух кадровых бригадах и одном артиллерийском дивизионе 3-й армии белых в октябре 1919 года насчитывалось 6 426 строевых, 934 нестроевых солдат и 210 офицеров⁶⁰. Большинство офицеров в таких частях занималось обучением новобранцев. Программа их подготовки, утвержденная военным министром в апреле 1919 года, рассчитывалась на 8 недель и предполагала теоретические и, главным образом, практические занятия. Будущие солдаты обязаны были иметь общее представление о всех армейских структурах, знать воинские чины, своих непосредственных начальников, уставы и основные молитвы. На практике они знакомились со стрелковым и окопным делом, с тактикой в полевых условиях, обучались использованию технических средств (противогаз, телефон). Ежедневно занимались гимнастикой. Ротным командирам вменялось в обязанность проводить среди новобранцев беседы воспитательного характера на следующие темы: «Религия — опора и наставница

⁵⁷ Спирин Л.М. Разгром Колчака. — М., 1997. — С.205.

⁵⁸ Асулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. — Шахмат, 1937. — С.174—175; Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960. Оп.1. Д.8. Л.144.

⁵⁹ Сахаров К.В. Указ. соч. — С.175—178.

⁶⁰ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.193. Л.34об.—40.

война», «Любовь к Родине и ее значение для блага граждан», «Чем была Россия до войны», «Русская революция 1917 года», «Что такое свобода и к чему она обязывает граждан», «Кто такие большевики и чего они хотят», «Всероссийское /Омское — Е.В./ правительство и его задачи» и т.д.⁶¹ После такого курса обучения мобилизованные считались солдатами и могли быть отправлены на фронт.

Для работы по обеспечению безопасности тыла в каждом армейском районе и военном округе, назначался уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия, как правило, из крупных военных чинов. Например, такие посты занимали: в Самаро-Уфимском крае — генерал Е.К.Вишневский, в Пермской губернии — генерал С.А.Домонтович, в Енисейской губернии — генерал С.Н.Розанов и др. Эти лица фактически олицетворяли институт генерал-губернаторов, отмененный революцией. Помимо этого в каждый уезд назначался воинский начальник, который руководил мобилизациями, снабжением войск и принимал меры для предотвращения волнений. Преимущественно на эту должность ставили штаб-офицера. Так, в районе Западной армии в начале 1919 года уфимским воинским начальником являлся полковник Родеус, челябинским — полковник Вержейский, бирским — полковник Громов, Курганским — полковник Гуринович, троицким — подполковник Копанев, верхнеуральским — подполковник Миронов и кустанайским — штабс-капитан Коваленко⁶². В городах, где постоянно находились контингенты войск, имелась должность и начальника гарнизона.

Непосредственно в тесной связи с офицерами, занимавшими такие посты в тыловых районах, работала и служба контрразведки. Ее структуры существовали при Ставке, в штабах армий и корпусов, а также в населенных пунктах, имевших значение в военном плане. К примеру, контрразведывательные пункты (посты) Оренбургской армии в марте 1919 года располагались в городах Троицке, Кустанае, на станции Карталы, в поселке Ак-Суат. Такие же посты в районе Запад-

⁶¹ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.188. Л.68–90.

⁶² Там же. Ф.39624. Оп.1. Д.227. Л.321.

ной армии размещались в Златоусте, Миассе, Юрюзани, Сатке и других местах. Все они, в основном, возглавлялись офицерами и лишь иногда — военными чиновниками. По штату контрразведывательное отделение при штабе армии состояло из 14 человек, четверо из которых являлись офицерами. В корпусной контрразведке служило 22 человека, в том числе три офицера и 12 так называемых «филеров»⁶³.

Однако некоторые военные руководители проявляли активную самостоятельность по расширению сети контрразведывательных органов, создавая их почти в каждом подразделении. Так, например, в августе 1919 года командующий 3-й армией генерал К.В.Сахаров в одном из своих приказов отмечал, что некоторые воинские начальники не понимают роли контрразведывательной работы и тормозят ее деятельность. Поэтому он требовал от командиров отдельных частей назначить одного офицера, ответственного за проведение такой деятельности. «В каждой роте, батарее, сотне, команде у него должны быть информаторы», — указывал К.В.Сахаров. Даже при двух учебно-инструкторских школах 3-й армии создали свои контрразведывательные пункты⁶⁴.

Армейские командиры с боевым опытом, в большинстве своем, негативно относились к чинам контрразведки, считая их представителями военной бюрократии, которые отсиживались в тылу. Примечательно, что один из командиров частей, подполковник Турсов, когда к нему в полк прибыли контрразведчики с целью собрать информацию о настроениях личного состава, запретил им этим заниматься, в резкой форме заявив: «Мне шпионов не надо»⁶⁵. Одной из причин неприязни между высокопоставленными офицерами Западной армии и новым командующим генералом К.В.Сахаровым явилось как раз то обстоятельство, что при нем стали разрастаться контрразведывательные органы во многих частях и подразделениях⁶⁶.

⁶³ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.8. Л.44,45,53.

⁶⁴ Там же. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.602,618.

⁶⁵ Там же. Д.108. Л.3об.

⁶⁶ Петров П.П. Указ. соч.— С.102.

Пожалуй, самым главным направлением в деятельности контрразведчиков считалось выявление подпольных групп и мест базирования партизанских отрядов с целью предотвращения восстаний и диверсий в тылу. В данном вопросе колчаковская контрразведка сотрудничала с уездной и городской милицией, вновь созданной из местных кадров с приходом белых. В тылу колчаковских войск город был сравнительно более спокоен и безопасен, чем деревня. С.П.Мельгунов объяснял это малочисленностью пролетариата в Сибири — класса, наиболее одержимого социалистическими идеями⁶⁷. Кроме того, необходимо заметить, что в городах, в отличие от сельской местности, находились гарнизоны и стояли воинские части. Здесь подпольщики и партизаны имели гораздо меньше шансов для реализации своих планов. Так, например, в Челябинске, где располагался одно время штаб Западной армии, военными властями был предпринят ряд мер по предотвращению военных восстаний и каких-либо волнений. Город разделили на 4 части, в каждой из которых назначили ответственного высокопоставленного офицера. Организовали постоянное ночное патрулирование. Между воинскими частями, а также между ними и местной милицией поддерживалась регулярная связь⁶⁸. Подобные меры, видимо, проводились и в других крупных городах.

Еще одной причиной того, что больше беспокорства колчаковцам доставляли силы, группировавшиеся в сельской местности, а не в городе, являлся следующий факт. Третья Сибирская подпольная конференция большевиков после неудачного опыта городских восстаний в Омске, Томске, Красноярске, в начале 1919 года вынесла постановление об отказе от такой формы борьбы в городе и перенесении центра тяжести работы в деревню⁶⁹.

Не нужно, на наш взгляд, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что партия эсеров, активно проводившая борьбу, наряду с боль-

⁶⁷ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. — Болград, 1930. — Т.1. Ч.3. — С.160.

⁶⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.9. Л.119–120.

⁶⁹ Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны. — Л., 1925. — С.235.

шевиками, с колчаковским режимом, имела значительную популярность и поддержку именно среди крестьянства. При этом популистские лозунги большевиков быстрее обретали своих сторонников среди менее образованных слоев населения, а значит, прежде всего, в деревне.

Наиболее громкими делами в деятельности колчаковской контрразведки стали ликвидации подпольных групп в ряде городов Урала и Сибири. Для этой цели широко использовался такой метод как провокация. В январе 1919 года агент контрразведки А.Деулин внедрился в подпольную организацию на Симском заводе. Он действовал под фамилией Арбатов и выдавал себя за посланца от уфимских подпольщиков. Многие члены Симской организации в итоге были арестованы, а у тех, кого не удалось взять, оказались заложниками их родственники⁷⁰.

В Челябинске, где действовала самая многочисленная подпольная организация (до 500 человек), в которой ведущую роль играли большевики, эсеры, анархисты, колчаковской контрразведке сопутствовал большой успех. Сначала с помощью провокаторов — солдата Соколова и его приятеля Кирьянова — белые арестовали небольшую группу подпольщиков, действовавшую в железнодорожных мастерских. Провокаторы выдавали себя за членов РКП(б) и усиленно распространяли слухи о победах Красной Армии, которая якобы уже в феврале 1919 года взяла Троицк, Златоуст и скоро будет в Челябинске. Это сработало, и подпольщики приняли их в организацию, посвятив в свои планы. В итоге арестовали 13 человек. Как затем выяснилось, они занимались агитацией, совершали диверсии, вели сбор оружия к предстоящему восстанию в городе⁷¹.

Помимо этого, в челябинскую подпольную организацию удалось внедрить агента А.Барболина (кличка «Никольский»). Он еще с осени 1918 года стал сотрудничать с белыми, тогда его освободили из

⁷⁰ Абрамовский А.П., Машин М.Д. Рабочий класс горнозаводского Урала в борьбе с контрреволюцией // Из истории Южного Урала и Зауралья. — Челябинск, 1971. — Вып.6. — С.35–45.

⁷¹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.116–117об.

лагеря для военнопленных в Омске за то, что А.Барболин выдал план побега группы большевиков. В Челябинске ему удалось выявить главные явочные квартиры и имена некоторых руководителей (О.П.Хотеенков, С.А.Кривая), даже их адреса. По поручению подпольного центра он выехал в Омск, где также узнал две явки. Однако колчаковцы с арестом челябинской группы не торопились, рассчитывая выявить все ее связи. Но 20 марта 1919 года несколько левых эсеров совершили самовольную «экспроприацию». Дело закончилось убийством. К расследованию приступила уголовная милиция, которая задержала несколько человек, причастных к этому преступлению. На допросах они выдали известных им подпольщиков, в том числе и одного из руководителей Н.Г.Образцова (кличка «Маруся»). Через несколько дней его взяли. Вскоре он стал сотрудничать с контрразведкой и многих выдал. Всего арестовали около 200 человек, 66 из них привлекли к военно-полевому суду⁷².

Подпольная организация, возглавляемая большевиками Б.Я.Голубевым, А.В.Григорьевым, В.И.Гершбергом и С.А.Кривой, оказалась довольно разветвленной. Поддерживалась связь с Москвой, с другими подпольными группами на Урале и в Сибири. Имелись свои люди в типографии штаба Западной армии, в отделении связи 6-го Уральского корпуса, среди солдат гарнизона и в железнодорожных мастерских. Один из подпольщиков вахмистр Г.П.Широков являлся дежурным помощником коменданта станции и, конечно, мог обладать значительной информацией о количестве частей и эшелонов, следующих через Челябинск, как крупный железнодорожный узел. Подпольщики владели типографией, где печатали прокламации и брошюры. Они создали военный революционный комитет РКП(б), готовили восстание. Все участники подполья в целях конспирации были разбиты на десятки, члены которых знали только своих непосредственных руководителей. Суд по их делу состоялся в Уфе. В итоге 32 человека

---

⁷² Плотноков И.Ф. В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период Гражданской войны. – Свердловск, 1978. – С.59–60.

приговорили к расстрелу, 9 оправдали, остальных отправили на каторжные работы в Сибирь⁷³.

Провал в Челябинске повлек за собой аресты подпольщиков в других городах, куда отправлялись агенты контрразведки. В Екатеринбург под видом связного из Челябинска прибыл на одну из явочных квартир офицер-контрразведчик. Ему удалось многое узнать о местном подполье. Начались аресты, взяли 21 человека во главе с А.Валеком. Впоследствии значительную их часть после допросов и пыток казнили⁷⁴.

В Омск, на Третью Сибирскую нелегальную конференцию РКП(б) прибыл также агент колчаковцев в качестве «делегата от челябинских подпольщиков». Он участвовал в ее работе. Когда об этом стало известно, провокатор был казнен. Однако ему удалось передать много ценной информации для белогвардейской контрразведки. Омское подполье оказалось разгромлено. Некоторых видных его руководителей (А.Я.Нейбута, А.А.Масленникова и др.) расстреляли⁷⁵.

Деятельность контрразведки усиливалась, как правило, в первые недели прихода белых в тот или иной город или другой крупный населенный пункт. После взятия Уфы колчаковская контрразведка в течение месяца арестовала 1416 подозрительных лиц, отправила в тюрьму 757 обвиняемых в тех или иных преступлениях, произвела 177 обысков, при попытке к бегству было убито 23 человека. В середине апреля 1919 года благодаря такой деятельности в Уфимской тюрьме содержался 961 заключенный⁷⁶.

Служба в контрразведке не всегда была безопасной. Например, в Троицке подпольщики убили опытного офицера этого ведомства, когда тот напал на их след. При этом они сумели симитировать его са-

⁷³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.393–396об.

⁷⁴ Колчаковщина. – Екатеринбург, 1924. – С.188–192.

⁷⁵ Стишов М.И. Большевицское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны. – М., 1962. – С.187, 189.

⁷⁶ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.186. Л.72об.

моубийство из-за несчастной любви. И таким образом, подпольную группу не раскрыли⁷⁷.

В поле зрения колчаковской контрразведки находились и различные общественные организации, пресса. Так, например, после проведенного расследования этим ведомством в Омске была запрещена деятельность американского «Союза христианской молодежи» по причине того, что он оказался «рассадником еврейской пропаганды и занимался тайной политической разведкой под видом культурно-просветительской и экономической помощи»⁷⁸. Трудно сказать, насколько данный вывод, сделанный контрразведкой, являлся обоснованным. Однако и генерал С.А.Щепихин в своих мемуарах совсем нелестно отзывался о действиях «Союза христианской молодежи» в Челябинске. Он утверждал, что эта организация способствовала усилению пацифистских настроений в отдельных частях, и тем самым подрывала их боевой дух⁷⁹.

Очень часто и военный, и гражданский человек могли попасть в стены контрразведки лишь за разговоры на политические темы или за письма, в которых содержалась негативная оценка существующей власти. На допросах, как правило, использовались совсем негуманные методы. Вот только один характерный пример. Бывший секретарь челябинского комитета партии эсеров Н.Молочковский оказался в этом ведомстве за беседы политического характера с солдатами сербского полка. На допросе от него требовали признаться в принадлежности к партии большевиков. Он категорически отказался, утверждая, что является бывшим членом самораспустившейся эсеровской организации. Офицер, следователь контрразведки, вот так выругался и заявил: «Для меня все равны — и большевики, и эсеры». После чего Н.Молочковского избили до потери сознания. Затем, отлив водой, от-

⁷⁷ Абрамовский А.П., Машин М.Д. Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Троицком уезде в 1918–1919 гг. // Из истории Южного Урала и Зауралья.—Челябинск, 1969.— Вып.4.— С.77–89.

⁷⁸ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.9. Л.29.

⁷⁹ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке ... Л.48.

правили в тюрьму, передав дело в окружной, а не в военно-полевой суд, что, видимо, его и спасло⁸⁰.

Офицерам колчаковской контрразведки приходилось иметь дело и с людьми авантюрного склада, которых появилось немало в условиях смутного времени. В апреле 1919 года контрразведка арестовала в Миассе «за политическую деятельность» помощника начальника небольшой железнодорожной станции Н.А.Боровских. Что представлял из себя этот человек? До революции являлся служащим Самаро-Златоустовской железной дороги. В октябре 1917 года примкнул к большевикам. Занимался экспроприацией имущества у состоятельных жителей Миасса. После свержения советской власти на Урале Н.А.Боровских поступил на службу к чехам. Затем он переходит в контрразведку Сибирской армии. Однако, за взятки, пьянство и самоchinные действия следует увольнение со службы. Это заставило его заняться торговлей «реквизированными» телефонами и телеграфными аппаратами. Но ненадолго. Вскоре Н.А.Боровских становится помощником начальника станции Шакша. На этой должности он, видимо, наладил тесные и взаимовыгодные «рыночные» отношения с чехами, имевшими свои железнодорожные составы. Поэтому в ответ на заключение Н.А.Боровских в тюрьму чехословацкие легионеры арестовали коменданта станции Миасс, угрожая его расстрелять, если не освободят их бывшего сослуживца⁸¹.

Гибель и эмиграция членов императорской фамилии возродили самозванство. Якобы уцелевшие родственники Николая II появлялись то в Омске, то в Париже, то в Харбине и в других местах. На Алтае, например, среди повстанцев появился лже-царевич Алексей. В деревнях его встречали колокольным звоном, и местное мужское население шло охотно к нему в отряд. Но когда его арестовала колчаковская контрразведка, то выяснилось, что этот парень 18-ти лет в матросском костюме являлся обыкновенным почтовым служащим Алексеем Пущаго. Своими похождениями, по меткой оценке С.П.Мельгунова, он

⁸⁰ РГВА. Ф.40290. Оп.1. Д.7. Л.114–121.

⁸¹ Там же. Ф.40326. Оп.1. Д.1А. Л.363,385,394,396.

«затмил славу Хлестакова». Затем этот авантюрист оказался в Читинской тюрьме, а впоследствии даже стал членом РКП(б) и занимал какую-то видную должность в политуправлении Народно-революционной армии ДВР⁸².

Агентам контрразведки приходилось собирать информацию о деятельности различного рода атаманов, отдельные из которых вели себя в колчаковском тылу как самостоятельные правители. Так, в Омске стало известно о панмонгольских планах Г.М.Семенова, собравшего в Даурии конференцию, провозгласившую независимое Монгольское государство, включавшее и часть российского Забайкалья. Для противодействия этим планам в Ургу был направлен поручик Б.Волков. Другой колчаковский агент сумел достать и переслать в Омск все секретные материалы Даурской конференции⁸³.

Колчаковская контрразведка также осуществляла слежку за неблагонадежными, с точки зрения властей, военными и политическими деятелями. Капитан Мягков, например, контролировал каждый шаг генерала В.Г.Болдырева, бывшего Главнокомандующего войск Директории, находившегося на Дальнем Востоке до своего отъезда в Японию. Обо всех встречах и планах В.Г.Болдырева агент доносил генералу К.В.Сахарову как представителю колчаковского военного министерства в Приморье. Последний в своих донесениях в Омск указывал на нестабильную ситуацию на Дальнем Востоке по причине активной деятельности социалистов. Предлагал создать из подобранных им надежных офицеров широкую разветвленную сеть осведомителей, если колчаковское правительство выделит денежные средства для осуществления этого плана⁸⁴.

Еще одним направлением в деятельности органов контрразведки являлись выявление и поимка дезертиров. Самовольное оставление службы приобрело в годы Гражданской войны огромные масштабы как в Белой, так и в Красной армиях. Точные цифры о количестве де-

⁸² Мельгунов С.П. Указ. соч.— С 168–169; Юзефович Л.А. Самодержец пустыни.— М., 1993.— С.140.

⁸³ Юзефович Л.А. Указ. соч.— С.56.

⁸⁴ РГВА. Ф.39778. Оп.1. Д.1. Л.27, 41–43.

дезертиров отсутствуют, но, как свидетельствуют документы враждебных сторон, наиболее систематический их учет велся в вооруженных силах Советской республики. Например, по данным командования 5-й армии красных, в середине октября 1919 года в ней числилось 289 дезертиров и 153 так называемых «перебежчика»⁸⁵. Всего в период Гражданской войны, по подсчетам М.Бернштама, из Красной Армии дезертировало не менее 2 млн. человек. Он считает, что у белых дезертиров насчитывалось гораздо меньше⁸⁶.

Чаще всего количество беглецов из колчаковских армий увеличивалось в период их военных поражений. Командующий Восточным фронтом генерал М.К.Дитерихс в конце июля 1919 года даже вынужден был издать достаточно жесткий приказ. Дезертиров, пойманных в тылу с оружием в руках, расстреливать на месте. Остальных под конвоем отправлять на фронт, там их судьбу решало командование армий и военных округов. Семьи дезертиров лишались денежных пособий и пайков. Создавались специальные дисциплинарные роты для помилованных беглецов, которые направлялись на самые опасные участки боев, чтобы там их бойцы имели возможность искупить свою вину⁸⁷.

О масштабах дезертирства в колчаковских войсках говорит следующий факт. За один зимний месяц 1919 года контрразведывательные органы и военнослужащие Волжской группы генерала В.О.Каппеля, стоявшей в резерве на станции Аппа-Балашовская, задержали около 400 дезертиров, 27 из которых приговорили к расстрелу⁸⁸.

В поимке дезертиров участвовала уездная и городская милиция. Так, в октябре 1919 года в Явленской волости Петропавловского уезда милиционеры ежедневно задерживали от 5 до 10 дезертиров и доставляли их военным властям⁸⁹. Атаман А.И.Дутов даже подписал

⁸⁵ Подсчитано по: ОГАЧО. Ф.363. Оп.1. Д.136. Л.35–41об.

⁸⁶ Бернштам М. Стороны в Гражданской войне. – М., 1992. – С.46.

⁸⁷ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.135. Л.570,642об.; Там же. Д.139. Л.5.

⁸⁸ Каппелевцы (Омск). – 1919. – 12 окт.

⁸⁹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.240. Л.80об.

приказ привлекать для выявления и ареста дезертиров милицию и гражданские учреждения Оренбургского края⁹⁰.

Военная контрразведка также занималась сбором информации о настроениях солдат и офицеров в разных частях и подразделениях, о взглядах гражданского населения на сложившуюся обстановку. Для нашего исследования представляют интерес сводки о поведении офицеров, составленные агентами контрразведки. Одна из них, например, свидетельствовала о том, что многие лица командного состава, в условиях отступления и постоянных изматывающих боев, все чаще проявляют озлобленность по отношению к своему начальству и подчиненным, а также к мирному населению. Нередко просто пьянствуют⁹¹.

В тесном взаимодействии с контрразведывательными органами работали военно-полевые суды, получившие широкое распространение в белых армиях. Они рассматривали вопросы о недостойных поступках военнослужащих (неисполнение служебных обязанностей, пьянство, взяточничество и т.д.), о действиях отдельных граждан (уклонение от мобилизации, невыполнение предписаний военной администрации и т.д.), разбирали дела об агитаторах и подпольщиках. Первоначально право предания военно-полевому суду на театре военных действий имели начальник штаба Верховного Главнокомандующего, командующие армиями, командиры корпусов, главные начальники военных округов⁹². Впоследствии количество лиц, имевших это право, расширилось. Командующие армий могли предоставлять такие полномочия начальникам гарнизонов крупных городов, а также уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия⁹³.

Заседания таких судов проходили, как правило, при закрытых дверях. Хотя существовал институт защиты обвиняемого, но в основном все решали несколько офицеров-членов суда. Однако приговоры утверждали высокопоставленные военные, имевшие право на преда-

⁹⁰ Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 3 дек.

⁹¹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.108. Л.3–4.

⁹² ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.314. Л.22.

⁹³ РГВА. Ф.40022. Оп.1. Д.17. Л.536.

ние военно-полевому суду. Наряду с этим существовали органы прокурорского надзора. Представление о военно-судебной системе на театре военных действий дают следующие сведения ⁹⁴.

Таблица

Наименование военно-судебных органов	Руководители	Штат служащих	Количество офицеров в штате
Общий корпусной суд Сибирской армии	Генерал-майор Калинин	15	12
Прокурорский надзор	Поручик Качурин	9	8
Общий корпусной суд Западной армии	Генерал-майор Су-конщиков	15	13
Прокурорский надзор	Поручик Фабрициус	13	10
Общий корпусной суд Южной армии	Чиновник Лензин	10	4
Прокурорский надзор	Чиновник Фон Леман	7	1
Тюменский военно-окружной суд	Чиновник ...	13	9
Прокурорский надзор	Полковник Канашевич	7	5
Троицкий военно-окружной суд	Чиновник Смердынский	12	5
Прокурорский надзор	Поручик Воробьев	7	4
Курганский военно-окружной суд	Генерал-лейтенант Тыртов	16	13
Прокурорский надзор	Корнет Панов	8	7
Семипалатинский военно-окружной суд	Полковник Буйнов	10	8
Прокурорский надзор	Поручик Борейко-Ходкевич	6	6
Всего:		148 (100 %)	105 (71%)

⁹⁴ Составлены по: РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 167. Л. 74-77.

Итак, можно отметить, что на фронте и ближайших к нему округах действовало два типа полевых судов: 3 общих корпусных в армиях и 4 военно-окружных в прифронтовой полосе. При каждом из них находились органы прокурорского надзора. Большую часть и в судах, и в прокуратуре составляли офицеры (свыше 70 %). В отдельных случаях должности судей и посты военных прокуроров занимали гражданские чиновники. Данное положение, вероятно, было связано с нехваткой квалифицированных юристов среди офицеров. И последнее, на что хотелось бы обратить внимание: должность военного прокурора, в отличие от председателя военно-полевого суда, не являлась столь значимой, так как ее в основном занимали младшие офицеры или чиновники невысокого класса.

Об интенсивности работы военно-полевых судов дают представление следующие данные⁹⁵.

Таблица

Наименование военно-полевого суда	Период (апрель – июнь 1919 г.)	Количество рассмотренных дел
Общий корпусной суд Сибирской армии	2 месяца	33
Общий корпусной суд Западной армии	2 месяца	15
Общий корпусной суд Оренбургской армии	1 месяц	1
Курганский военно-окружной суд	3 месяца	53
Семипалатинский военно-окружной суд	2 месяца	4
Тюменский военно-окружной суд	2 месяца	50
Троицкий военно-окружной суд	2 месяца	11
Всего:		167

Таким образом, активность работы некоторых военно-полевых судов была достаточно низкой, когда в течение месяца рассматривалось 1–2 дела. При этом, из-за нехватки опытных юристов, у некоторых следователей имелось в производстве до 70 дел. Офицеры в отдельных случаях занимали должности секретарей, что противоречило статьям военно-судебного устава⁹⁶.

⁹⁵ Составлены по: РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.167. Л.73.

⁹⁶ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.167. Л.67.

С целью исправления существовавшего положения начальник Главного военно-судебного управления генерал-майор Кушнеров в своем докладе в военное министерство предлагал сократить количество военно-полевых судов, и тем самым уменьшить расходы на их содержание, больше привлекать для работы в них грамотных чиновников, при этом часть офицеров отправить в строй. Однако поддержки у высшего военного командования подобное предложение не встретило⁹⁷.

Говоря о деятельности военно-полевых судов в Русской армии А.В.Колчака, следует заметить, что их решения не всегда носили карательный характер. Выносились и оправдательные приговоры. Так, по известному делу о челябинских подпольщиках из 66 привлеченных к суду, как было указано выше, 9 человек оправдали. По другому громкому делу о вооруженном восстании в п.Львовском Кустанайского уезда арестовали 74 человека. Одиннадцать из них, как руководителей и подстрекателей, расстреляли, а 39, то есть больше половины, оправдали⁹⁸.

Порой освобождали от судебной ответственности и офицеров, вопрос о деятельности которых рассматривался в суде. Так, например, поступили по отношению к полковникам Б.А.Сержпутовскому и П.И.Войтковскому, к подполковнику Е.К.Ленчевскому, обвиняемым в том, что они не сумели организовать эвакуацию военного имущества из Уфы, поэтому многое досталось красным или оказалось разворовано⁹⁹. Фактически оправдали и главного начальника военных сообщений генерала В.Н.Касаткина, привлеченного к военно-полевому суду за злоупотребления служебным положением в его ведомстве. Генерала только понизили в должности, а шестимесячное заключение отложили до окончания войны¹⁰⁰.

Иногда некоторые колчаковские генералы, в чьи обязанности входило утверждать приговоры военно-полевых судов, даже смягчали

⁹⁷ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.167. Л.66-70.

⁹⁸ Там же. Л.41-42.

⁹⁹ Там же. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.73.

¹⁰⁰ Русская армия (Омск). - 1919. - 4 сент.

наказания. Например, когда Курганский военно-окружной суд постановил подвергнуть смертной казни двух крестьян за вооруженное сопротивление властям, командующий Западной армией М.В.Ханжин заменил смертный приговор каторжными работами¹⁰¹. В другой раз генерал поступил таким же образом в отношении четырех рабочих-подпольщиков из железнодорожных мастерских станции Челябинск¹⁰². Но такие случаи, в условиях Гражданской войны, которая ожесточала людей, видимо, являлись редкостью.

Важным направлением деятельности военных структур, где главным образом служили офицеры, стала идеологическая работа по обработке личного состава колчаковских войск, а также мирного населения. В Гражданской войне значительную роль играют политические факторы. Поэтому пропаганда своих идей с целью привлечения новых сил для каждой стороны имела большое значение. Однако колчаковское командование осознало это довольно поздно, когда война стала приобретать затяжной характер. Поэтому систематическая агитационная работа началась лишь с лета 1919 года. До этого времени существовали так называемые «осведомительные отделы» на уровне штаба Верховного Главнокомандующего и управлений армий. Так, например, в конце февраля 1919 года «для улучшения пропагандистской работы и информированности войск» в Оренбургской армии было создано особое отделение, которое имело в каждом корпусе, дивизии и полку своего офицера-инструктора. В городах при комендантских управлениях создавались бюро особого отделения в составе одного офицера и писаря из нижних чинов¹⁰³.

Впоследствии оформилась единая система осведомительных органов при штабах армий, корпусов, дивизий на фронте и в тылу. Основными направлениями их деятельности являлись: оперативное распространение агитационных материалов; сбор информации о нуждах и настроениях войск; изъятие враждебной литературы пропаган-

¹⁰¹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.272.

¹⁰² ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.138. Л.72-74.

¹⁰³ РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.8. Л.52.

дистского характера. Первое направление предполагало также издание армейских листовок и газет, которые поставлялись в воинские части и местному населению. Выходили специальные издания для красноармейцев. Причем, по данным осведомительного отделения штаба Западной армии, за первую половину мая 1919 года из 575 075 экземпляров листовок, воззваний и прочей литературы, отправленных на фронт, большая ее часть (410 000 экземпляров) предназначалась для красноармейцев и населения Советской России¹⁰⁴. Такое положение вряд ли способствовало повышению политического сознания военнослужащих Русской армии А.В.Колчака. Действенность изданий, попадавших за линию фронта, чаще всего была не очень высокой. Во-первых, они могли не дойти до тех, кому адресовались. Во-вторых, здесь работала, и гораздо эффективней, чем у белых, мощная «пропагандистская машина» большевиков в лице комиссаров, агитаторов и советской прессы. Таким образом, вместо того, чтобы укреплять веру в идеи Белого движения в своих собственных рядах, колчаковское командование основную массу агитационных материалов отправляло в Советскую Россию, где они во многом себя не оправдали.

Для рассылки и разноски политической литературы на фронте порой использовались подростки. Так, в одной из армий сформировали 1-й Уфимский отряд бойскаутов, состоявший из 150 юношей. Они находились на солдатском довольствии¹⁰⁵. Но все же работа по обеспечению политическими изданиями военнослужащих проводилась недостаточно активно. В воспоминаниях белых офицеров отмечается, что зачастую в подразделениях отсутствовали и листовки, и газеты, и брошюры агитационного характера¹⁰⁶.

С приходом белых в тот или иной населенный пункт, район, военные власти требовали от населения сдать в течение нескольких дней всю имевшуюся большевистскую и эсеровскую литературу. За

¹⁰⁴ Сибирский стрелок (Миясс).— 1919.— 19 июня.

¹⁰⁵ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.138. Л.105.

¹⁰⁶ Петров П.П. Указ. соч.— С.72 ; Лейббург Южная армия Восточного фронта в 1919г.(рукопись) // ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.135. Л.8.

неисполнение угрожали привлечь к ответственности¹⁰⁷. Кроме того, в каждом полку создавалась команда из нестроевых нижних чинов во главе с офицером «для тщательной очистки занимаемых районов от большевистской литературы». В обязанности такой команды входило и распространение пропагандистских материалов¹⁰⁸. Верховный правитель в июле 1919 года даже подписал приказ о создании комиссии по борьбе с агитационной литературой и усилении издательства пропагандистских материалов. Комиссия состояла из представителей штаба Верховного Главнокомандующего, министерства народного просвещения, бюро печати, Высшего церковного Совета, департамента государственной охраны¹⁰⁹.

А.В.Колчак отменил предварительную цензуру прессы, введенную еще в сентябре 1918 года Временным Сибирским правительством, за исключением военных изданий¹¹⁰. Армейским газетам и журналам запрещалось публиковать сведения о количестве и расположении войск, материалы, «подрывающие авторитет верховной власти» и «возбуждающие одну часть населения против другой». Виновные в неисполнении указа Верховного правителя лишались всех прав состояния и ссылались на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет¹¹¹.

Характерным в этом отношении явился следующий эпизод. После того, как в газете «Русская армия», главном печатном органе военного ведомства, появилась более достоверная информация о неудачах белых войск, возмущенный А.В.Колчак в запале даже приказал арестовать ее редактора пожилого полковника в отставке Ю.С.Геркена¹¹². Таким образом, сообщения о военных поражениях белых армий, анализ их причин практически в военной прессе отсут-

¹⁰⁷ Сибирский стрелок (Уфа). – 1919. – 30 апреля.

¹⁰⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.240. Л.29.

¹⁰⁹ Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. – М., 1924. – С.101.

¹¹⁰ Молчанов Л.А. Цензура Белой Сибири // История Белой Сибири. Тез. конф. – Кемерово, 1999. – С.77.

¹¹¹ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.27об–28; Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 10 дек.

¹¹² Рябиков П.Ф. У адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.5793. Оп.1. Д.15. Л.17.

ствовал. Об этом могли писать лишь находившиеся в оппозиции к правительству газеты, которых, впрочем, насчитывалось немало.

Если вести речь о самой агитационной работе, о тех идеях, на которые она опиралась, то можно заметить, что в основном лозунги были либеральные, ориентированные на идеалы Февральской революции. Хотя Гражданская война, менталитет военных, находившихся у власти, придавали этой либеральной идеологии значительный оттенок авторитаризма. Ключевым словом, которым оперировали колчаковские агитационные материалы, являлось слово «свобода» как главная ценность для индивида. Вот строки из листовки-обращения генерала В.В.Голицына к мобилизованным красноармейцам: «Мы желаем только одного: чтобы каждый русский человек мог действительно свободно жить на родной земле»¹¹³.

Антимонархизм официальной колчаковской прессы был очевиден. Ни в одной проправительственной газете не содержалось призывов к установлению монархии. Слово «самодержавие» и для советской, и для официальной белой прессы имело негативный характер. Примечательно, что дутовская газета «Оренбургский казачий вестник» опубликовала статью о декабристах под заголовком «Первые мученики». Автор публикации, восхищаясь участниками восстания на Сенатской площади, завершает ее следующими словами: «Современное офицерство и интеллигенция смело могут гордиться своими предшественниками — декабристами»¹¹⁴.

Стремление белого командования отмежеваться от монархической идеологии выразилось и в том, что убийство царской семьи в прессе широко не освещалось. Между тем, многие военнослужащие колчаковских частей, особенно нижние чины, в смерть царя не верили, считая это провокацией, ложным слухом, умышленно распространяемым большевиками¹¹⁵.

¹¹³ РГВА. Ф.40022. Оп.1. Д.17. Л.443.

¹¹⁴ Оренбургский казачий вестник (Оренбург).— 1918.— 27 дек.

¹¹⁵ Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе.— Данденонг, 1988.— С.110.

Следует заметить, что слухи о тех или иных событиях, порой даже не происходивших, зачастую попадали на страницы прессы, если это было выгодно ее издателям. Так, например, белые газеты сообщали в декабре 1918 года о выходе Л.Д.Троцкого из партии большевиков, а в феврале 1919 года о падении Петрограда под ударами войск генерала Н.Н.Юденича¹¹⁶.

Белогвардейская печать постоянно превозносила военные и политические способности лидеров Белого движения, наделяя их даже харизматическими качествами. Вышло несколько агитационных брошюр о А.В.Колчаке. В одной из них подчеркивалось, что Верховный правитель человек не слова, как «истеричный Керенский», а дела. Его имя «каждый несчастный житель Советской России повторяет... с надеждой, весь мир повторяет ... с уважением», — гласила брошюра¹¹⁷. Правительство Оренбургского казачьего войска потратило 35 тысяч рублей, чтобы выпустить биографию своего атамана А.И.Дутова отдельной книгой¹¹⁸. Газета Западной армии «Сибирский стрелок» публиковала в рубрике «Наши вожди» материалы о военных руководителях белых¹¹⁹.

Значительное место в публикациях, естественно, отводилось положению в Советской России и в Красной Армии. Каким же представлялся «образ врага», образ так называемых «красных» в материалах белой прессы? Во-первых, отмечалось, что большевики имеют двух лидеров, В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого, между которыми идет постоянное соперничество и даже борьба за власть. «Два кровожадных пса вцепятся скоро друг другу в горло и вынесут себе смертельный приговор», — писала одна из белогвардейских газет. Основная причина разногласий между В.И.Лениным и Л.Д.Троцким, по свидетельству колчаковской прессы, состояла в следующем. Первый утверждает, что «игра в революцию проиграна», а второй, соглашаясь с этим,

¹¹⁶ Оренбургский казачий вестник (Оренбург).—1918.— 1 дек.; Сибирский стрелок (Челябинск).—1919.— 8 февраля.

¹¹⁷ Покровский В. Адмирал Колчак.—Петропавловск, 1919.— С.4,9.

¹¹⁸ ГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.27. Л.84—85.

¹¹⁹ См.: Сибирский стрелок (изд. штаба Зап. арм.).— 1919.— январь—июнь.

все-таки настаивает бороться дальше, ничего не говоря об этом народу, чтобы избежать волнений¹²⁰.

Руководители белых всегда подчеркивали антипатриотизм большевиков, их союз с Германией. Адмирал А.В.Колчак в одном из своих обращений к солдатам и офицерам отмечал, что Белая армия вступила «в беспощадную борьбу с предателями и изменниками, образовавшими по немецким инструкциям с помощью немецких шпионов и агентов позорное правительство центральной России, известное под именем советского»¹²¹. Такой же линии придерживалась и колчакская пресса. Вот только несколько заголовков публикаций из газеты «Оренбургский казачий вестник»: «Священный союз немецкого капитала с русским коммунизмом», «Троцкий помогает немецким шпионам», «Большевики — немецкие агенты» и т. д.

Подчеркивались и широко освещались факты продажи российских богатств за рубеж новыми хозяевами Кремля¹²². Среди большевиков, как утверждала официальная белая пропаганда, имелось много людей с уголовным прошлым, «проворовавшихся полицейских и жандармов старого режима». Делался акцент на их хамстве и варварстве, негативном отношении к достижениям культуры¹²³.

Много писалось о воинствующем атеизме большевиков, о их пренебрежении нравственными и религиозными ценностями. Как утверждали белогвардейские листовки и газеты, в храмах они устраивали коношны, а в монастырях — казармы китайцев и латышей, расстреливали священников¹²⁴. Большевистских лидеров сравнивали с «бесами» Ф.М.Достоевского, которые «продали душу дьяволу»¹²⁵.

О том, что представления о советских руководителях как о безбожниках имели место, доказывает разговор рядовых казаков, приве-

¹²⁰ Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего (Омск).— 1919.— 27 июля.

¹²¹ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.52.

¹²² Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего (Омск).— 1919.— 31 июля.

¹²³ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.138. Л.13; Оренбургский казачий вестник (Оренбург).— 1918.— 8 дек.

¹²⁴ Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего (Омск).— 1919.— 21 июня.

¹²⁵ Оренбургский казачий вестник (Оренбург).— 1918.— 8 дек.

денный в воспоминаниях одного из белых офицеров. «Как не будешь отступать, когда у красных распоряжается сам сатана Ленин, а его помощник — такой же дьявол Троцкий... С сатаной, братцы мои, бороться стало неважно. Мы Бога-то забыли»¹²⁶.

Еще одной чертой большевиков, как отмечала белогвардейская пропаганда, являлась их жестокость по отношению не только к колчаковцам, но и к гражданскому населению. Утверждалось, что многие крестьяне служат в Красной Армии под угрозой расстрела. В наступление красноармейцы ходили «цепями» в три линии. Первую составляли преданные большевики, вторую — насильно мобилизованные, а третью — заградительный отряд из китайцев, латышей, мадьяр, которые в любой момент могли открыть огонь по отступавшим без приказа красноармейцам. Население, по сообщениям белой прессы, также страдало от красного террора и бежало из Советской России на окраины¹²⁷. Следует сказать, что в данном аспекте кое-что из того, о чем писали колчаковские газеты, не являлось ложью.

В экономической и социальной областях, по свидетельству официальных изданий, большевистские руководители показали свою полную несостоятельность. Постоянно проводилась аналогия между положением в Советской России, где замерла рыночная торговля, опустели города, встало производство, с Уралом и Сибирью, находившихся под властью А.В.Колчака. Отмечалось, что в восточных регионах страны социально-экономическая ситуация складывалась более благоприятно, здесь оживился рынок, начинался промышленный подъем¹²⁸.

Относительно боевого духа и военного потенциала Красной Армии постоянно подчеркивались нерешительность и бездарность военных руководителей, неорганизованность и слабость войсковых соединений. По поводу политических работников в советских частях, например, газета «Русская армия» писала: «Комиссары часто прибе-

¹²⁶ Волегов И.К. Указ. соч.— С.115.

¹²⁷ Бюллетень. Осведомительное отделение штаба Верховного Главнокомандующего. (Омск). — 1919. — 23 июля.

¹²⁸ Там же.— 1919.— 21 июня.

гают к самострельству, чтобы причинить себе искусственные раны и остаться в тылу»¹²⁹. Самым боеспособным элементом в Красной Армии, по мнению колчаковцев, являлись матросы и части, состоявшие из латышей, мадьяр и китайцев.

В такой оценке противника присутствовало много желаемых представлений, а не истинного положения дел. Это был официальный, пропагандистский образ врага, в котором, естественно, имелись искажения и преувеличения. Белые, в целом, недооценили красных, их силы и потенциал. Они настроились на скоротечную войну, которая, без всяких сомнений, должна была обеспечить им победу. Например, один из членов колчаковского правительства впоследствии писал в своих мемуарах: «В январе 1919 года мы не думали, что борьба с большевизмом затянется»¹³⁰. Поэтому белые первоначально не беспокоились о том, что их не поддерживают значительные крестьянские и рабочие слои населения, что помощь союзников недостаточна.

Следует заметить, что большевики, совершая непродуманные шаги, сами давали повод для критики в свой адрес. И это, как правило, использовалось в антибольшевистской пропаганде. Так, уже в январе 1919 года в руках у колчаковцев оказалась директива ЦК РКП(б) о рассказывании. Омская Ставка, рассылая ее в войска, снабдила этот документ своим комментарием о «подлинном» отношении советских руководителей к казачеству¹³¹. Другой факт, который, впрочем, имеет легендарную окраску: Тамбовский исполком принял постановление установить в городе памятник Иуде Искарйоту как «пламенному революционеру и борцу за народное дело»¹³². Понятно, какую реакцию вызвало подобное решение у противников советской власти.

Офицеры, служащие осведомительных органов, как и контрразведчики, также составляли сводки о настроениях, о политических взглядах, превалировавших в войсках и среди местного населения. Подобная информация, полученная на основе изучения частей 3-й

¹²⁹ Русская армия (Омск). — 1919. — 11 апреля.

¹³⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. — Пекин, 1921. — Т. 2. — С. 106

¹³¹ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 21. Л. 44.

¹³² Русская армия (Омск). — 1919. — 31 мая.

армии в сентябре 1919 года, показала, что эффективность агитации во многом зависела от грамотности военнослужащих. В частях, где служило большее количество солдат и офицеров, получивших начальное и среднее образование, идеи Белого движения падали на благодатную почву. Там, где личный состав был преимущественно малограмотным, пропаганда давала сбой¹³³.

В целом работа колчаковских осведомительных органов, в отличие от подобной деятельности в Красной Армии, оказалась на невысоком уровне. Этому мнения придерживались в своих мемуарах и некоторые белые генералы. По причине более эффективной агитации большевиков на их сторону не раз переходили даже целые части. Так случилось с украинским полком имени Т.Шевченко у станции Сарай-Гир, с отдельными подразделениями 13-й Сибирской стрелковой дивизии под Челябинском и некоторыми другими частями.

«Контрагитации почти нет. Первое время даже армейские газеты присылались неисправно. Основная надежда на личные способности и работу в этом направлении командиров», — указывал один из высокопоставленных офицеров, характеризуя положение на фронте¹³⁴. Другой военный мемуарист отмечал, что крестьянская масса получала тогда все политические сведения, главным образом, от социалистов через сеть кооперативов в Сибири¹³⁵. Начальник штаба Южной армии докладывал в Ставку о слабой информированности населения и нижних чинов, которые не знают, за что воюют. Среди солдат насчитывалось много мусульман, а на фронт не поступало ни одной газеты на их родных языках¹³⁶.

Каковы же причины низкой эффективности пропагандистской работы колчаковцев? Они кроются и в содержании, и в методах ее проведения. Во-первых, идеология белых проигрывала в том, что опиралась на либеральный лозунг свободы. Большевики все время подчеркивали в своей пропаганде идею социальной справедливости,

¹³³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.240. Л.73–74.

¹³⁴ Петров П.П. Указ. соч. — С.72.

¹³⁵ Сахаров К.В. Указ. соч. — С.157.

¹³⁶ РГВА. Ф.39625. Оп.1. Д.8. Л.50б.

снабдив ее популистскими лозунгами, которые в большей степени оказались близки и понятны крестьянской России.

Во-вторых, белым мешал тот политический плюрализм, который господствовал в антибольшевистском лагере. Диктатура А.В.Колчака, о которой так много говорили и писали большевистские лидеры, фактически таковой не являлась. Сами руководители Советской России в частных беседах называли Верховного правителя «маргариновым диктатором»¹³⁷. Из 81 газеты, выходившей на Урале и в Сибири, 9 считались «официальными изданиями», 28 поддерживали Омское правительство, 9 относились к оппозиционным (монархические, социал-демократические, профсоюзные и т.п.), а 35 по своему содержанию имели неопределенную ориентацию, то есть могли либо хвалить, либо критиковать власть — в зависимости от проводимой политики¹³⁸. Таким образом, значительное количество газет в условиях колчаковского режима занимали самостоятельную позицию по тем или иным вопросам, и фактически относились к свободной прессе.

Такое положение в обществе влияло, конечно, и на армию, где среди офицерства также господствовали различные политические взгляды и пристрастия. А ведь именно на них приходилась основная доля идеологической работы с личным составом войск. «Трудно было внедрить в сознание массы задачи белой власти, — отмечал один из армейских командиров, — так как сама власть не всегда одинаково о них говорила»¹³⁹.

В Красной Армии, конечно, такой политический плюрализм отсутствовал, здесь единая доктрина складывалась из установок РКП(б). И в этом отношении у большевиков было преимущество. Следует также отметить, что в рядах белых в меньшей степени звучало живое слово агитатора. Главную ставку сделали на распространение печатных изданий. В советских частях значительное внимание уделялось устной пропаганде среди рядовых бойцов, во многом малограмотных.

¹³⁷ Мельгунов С.П. Указ. соч. — С.32.

¹³⁸ ГА РФ. Ф.176. Оп.3. Д.56. Л.34–35об.

¹³⁹ Петров П.П. Указ. соч. — С.73.

Кроме того, основной костяк комиссаров составляли выходцы из рабочих и крестьян, им общаться с солдатской массой и с большей частью гражданского населения было значительно легче, чем представителям интеллигенции, чиновничества, дворянства, выступавшим в роли идеологических работников в белых армиях¹⁴⁰.

Более внимательного рассмотрения, на наш взгляд, требует вопрос о привлечении кадровых и резервных соединений вооруженных сил А.В.Колчака для подавления восстаний и вылазок партизан в тылу белых. Одно из первых крупных антиколчаковских выступлений произошло в марте–апреле 1919 года в Кустанайском уезде Тургайской области. Силы повстанцев, по разным оценкам, достигали от 2 до 10 тысяч человек. В начале апреля они сумели захватить Кустанай, где сразу же начались расстрелы и грабежи. Из тюрьмы выпустили всех заключенных, в том числе и уголовников¹⁴¹.

Против повстанцев бросили, главным образом, части 1-го Волжского корпуса. Его командиру генералу В.О.Каппелю поручили общее руководство по подавлению восстания. 9 апреля 1919 года каппелевцы освободили Кустанай от повстанцев, отряды которых либо были рассеяны, либо отступили в степи. Теперь в городе начался террор со стороны белых. Активно работал военно-полевой суд под председательством начальника контрразведки Ясакова, в составе офицеров Крылова, Глухова, Арапочкина, Чернышева и Тезейкина. Только по официальным сообщениям колчаковской прессы, в городе арестовали около 1000 лиц, подозреваемых как участников восстания. Помимо этого, расстреляли 625 человек и повесили двух большевиков — членов повстанческого штаба¹⁴².

Вот свидетельство штаб-ротмистра Фролова из конного эскадрона корпуса В.О.Каппеля: «Развесив на воротах Кустаная несколько сот человек, постреляв немного, мы перекинулись в деревню... деревни Жаровка и Каргалинск были разделаны под орех, где за сочувствие

¹⁴⁰ Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. — Н.Новгород, 1995. — С.270–271.

¹⁴¹ РГВА. Ф.39500. Оп.1. Д.58. Л.1–4; ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.32. Л.13,21; Борзенцов К. За власть Советов. М. — Л., 1932. — С.56.

¹⁴² Оренбургский казачий вестник (Троицк). — 1919. — 12 июня; Борзенцов К. Указ. соч. — С.122.

большевизму пришлось расстрелять всех мужиков от 18 до 55-летнего возраста, после чего пустить «петуха»¹⁴³.

Не пожалели даже женщин, причастных к волнениям. Широко известным стал приказ начальника гарнизона Кустаная подполковника Томашевского, предложившего применять против «такого рода преступниц» исключительно розги. «Более чем уверен, — говорилось в приказе, — что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чужой ее пониманию»¹⁴⁴.

Один из главных руководителей восстания А.Жилиев, бывший деревенский пастух, человек авантюрного склада без каких-либо политических ориентиров, со своими сторонниками сумел спастись. Его отряд вновь появился под Кустанаем уже в мае 1919 года. Тогда против повстанцев бросили казачьи части во главе с генералом В.И.Волковым и латышских стрелков, присланных из только что сформированного 11-го Яицкого корпуса в Троицке. Соединения В.О.Каппеля в это время уже находились на фронте.

Основные силы повстанцев оказались разгромлены, но А.Жилиев вновь сумел ускользнуть. Ограбив несколько селений, его отряд ушел в тургайские степи, где соединился с частями Туркестанской армии красных. А.Жилиев стал командиром полка, созданного преимущественно из его бойцов, но приказам командования часто не подчинялся, чувствуя себя партизанским вождем. В результате его арестовали и по приговору революционного трибунала расстреляли¹⁴⁵.

Поддавляя восстание в Кустанайском уезде, особое рвение к грабежам и экзекуциям проявили именно казачьи части. В селах, находившихся в районе повстанческого движения, они конфисковывали в

¹⁴³ Цит. по: Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. — Казань, 1995. — С.125.

¹⁴⁴ Гражданская война на Южном Урале. Сб. док. — Челябинск, 1962. — С.172.

¹⁴⁵ Борозенцов К. Указ. соч. — С.64.

большом количестве лошадей, повозки, домашнее имущество. Так происходило во время разгрома повстанцев поселков Львовского и Денисовского в марте 1919 года, то же случилось и при рассеивании отрядов А.Жилиева недалеко от Кустаная. Карательные экспедиции казачьих частей сопровождались ничем неприкрытым беззаконием и произволом. Видимо, здесь сказалась старая вражда между столыпинскими аграрниками (переселенцами), села которых и стали основным районом восстаний, и казаками, которые являлись старожилыми этих мест.

Казачий генерал В.И.Волков всю ответственность за действия своих частей, вернувшихся из Кустанайского уезда с большими обозами, попытался переложить на отряды белых латышских стрелков. По этому поводу создали даже следственную комиссию, в составе которой находился и представитель от союзников, французский майор. Комиссия установила, что обвинения генерала В.И.Волкова латышских бойцов в грабеже мирного населения беспочвенны. Однако далее никаких санкций не последовало, и никто не понес наказания¹⁴⁶.

Сибирь еще в большей степени, чем Урал была охвачена повстанческим движением. По данным колчаковской контрразведки, с 1 января по 15 июня 1919 года здесь произошло 85 вооруженных выступлений. Наибольшее их число (14) — в Енисейской губернии. Всего в Сибири насчитывалось от 120 до 150 тысяч повстанцев¹⁴⁷. Это движение не было единым. Одни отряды возглавляли эсеры и меньшевики, другие — анархисты, третьи — большевики. Значительную роль среди повстанцев играли люди с уголовным прошлым, которых в Сибири проживало немало. Поэтому действия многих отрядов не отличались от методов уголовных банд. С.П.Мельгунов, характеризую сибирских партизан, отмечал: «В сущности, это были разбойничьи отряды — «Перстни» и «Коршуны» времен Грозного, перенесенные в

¹⁴⁶ Готтсер К.И. Начало и конец Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области.— М.—Л., 1927.— С.63—65.

¹⁴⁷ Зянгин С.П. Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки // Сибирь в период Гражданской войны.— Кемерово, 1995.— С.83—84; Мельгунов С.П. Указ. соч.— С.211.

обстановку XX века и умело вскормленные большевиками на сибирской почве»¹⁴⁸.

По вопросу о том, каким образом использовались армейские части против повстанцев, существуют различные позиции среди исследователей. Г.Х.Эйхе, например, считал, что у белых не было твердого плана ведения вооруженной борьбы с партизанами. За исключением Енисейской губернии и Алтайского края, во всех остальных районах Сибири наведением порядка занималось министерство внутренних дел, в распоряжении которого находились лишь милиция, лесная стража и небольшие дружины самообороны из гражданского населения. Малочисленные карательные отряды становились легкой добычей повстанцев. Только периодически на помощь этим силам бросали войска¹⁴⁹.

С другой стороны, утверждалось, что армейские соединения нередко использовались для подавления восстаний и проведения карательных акций. Вовлеченность армии во внутренние дела «колчакии» отрицательно сказывалась на ее боеспособности¹⁵⁰.

На наш взгляд, более реалистичной является последняя точка зрения. При этом можно согласиться с С.П.Мельгуновым, полагавшем, что первоначально в Сибири военное командование в борьбе с повстанцами сделало ставку на части казачьих атаманов Б.В.Анненкова, И.Н.Красильникова, Г.М.Семенова, И.М.Калмыкова и других. Впоследствии общее командование по борьбе с партизанами возглавил генерал С.Н.Розанов, назначенный уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия Енисейской губернии. «Целью этого назначения, — пишет С.П.Мельгунов, — очевидно, было стремление вытеснить «атаманщину» при подавлении восстаний»¹⁵¹.

Казачьи части действовали против повстанцев с большой жестокостью. Много гибло невинных людей, что вызывало недоволь-

¹⁴⁸ Мельгунов С.П. Указ. соч.— С.197.

¹⁴⁹ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл ...— С.304.

¹⁵⁰ Звягин С.П. Указ. соч.— С.94.

¹⁵¹ Мельгунов С.П. Указ. соч.— С.214.

ство и враждебность к Омскому правительству среди населения, которое все больше симпатизировало повстанцам. Так, на Алтае, в Славгородском и Кузнецком уездах, от анненковцев пострадало около 5 тысяч человек. Только в Славгороде расстреляли 1667 жителей¹⁵². В борьбе с партизанами отличилась бригада казачьего генерала И.Н.Красильникова. Но ее рейды также сопровождалась насилиями и грабежами. После того, как красильниковцы в Канске повесили городского голову, их отправили на фронт¹⁵³.

Не отличались гуманностью и методы армейского командования. Генерал С.Н.Розанов в марте 1919 года издал ряд суровых приказов, которые сводились к следующему: сжигать мятежные деревни; брать заложников из гражданского населения с целью выдачи руководителей повстанцев, в противном случае — расстрел каждого десятого; обложить большой денежной контрибуцией деревни, помогавшие партизанам¹⁵⁴. Подобный приказ позднее, в сентябре 1919 года, подписал и командующий 3-й армией генерал К.В.Сахаров с целью подавления волнений в тылу¹⁵⁵. Также поступал предшественник К.В.Сахарова генерал М.В.Ханжин. Он указывал своим подчиненным: «Войскам приказываю беспощадными мерами водворять порядок и спокойствие в селах, деревнях и станицах. Жители, которые будут виновны в укрывательстве, участии в восстании или в хранении военного оружия — будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены»¹⁵⁶.

В июле 1919 года начальник Тарского района полковник Франк докладывал вышестоящему начальству о том, что, несмотря на запрет пускать в ход артиллерию против населенных пунктов, карательный отряд капитана Фомина обстрелял большое село Усть-Таву¹⁵⁷. После нападения партизан на караул Ижевской дивизии, охранявший железнодорожный мост, генерал В.М.Молчанов в качестве наказания при-

¹⁵² Мельгунов С.П. Указ. соч. — С.216.

¹⁵³ Там же. — С.214.

¹⁵⁴ Там же. — С.216.

¹⁵⁵ Южное Зауралье в период Гражданской войны. Сб. док.— Курган, 1963.— С.143—144.

¹⁵⁶ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.275.

железнодорожный мост, генерал В.М.Молчанов в качестве наказания приказал открыть артиллерийский огонь по баракам рабочих Кусинского завода. В итоге погибли мирные жители¹⁵⁸. И, видимо, так случилось нередко.

Борьба с партизанами на огромных степных и таежных просторах Сибири создавала большие трудности для белых. В таких условиях, как откровенно признавал генерал К.В.Сахаров, некоторые командиры находили легкий и жестокий способ: всю ответственность за действия повстанцев они возлагали на местное население. В итоге проводились экзекуции деревень и целых волостей, сжигались дома. Подобные действия представляли преимущества для большевистских и эсеровских агитаторов¹⁵⁹.

По этой причине в октябре 1919 года Главнокомандующий Восточным фронтом генерал М.К.Дитерихс в своем приказе руководителям армий потребовал не применять жестких мер против населения, в частности отказаться от сожжения деревень, так как это приводит к озлоблению обывателей и приносит еще больший вред. На территории военных округов, по указанию М.К.Дитерихса, стали создавать специальные комиссии по разбору жалоб от пострадавших граждан. Виновных в жестокостях против населения эти комиссии обязаны были привлекать к военно-полевому суду¹⁶⁰.

Таким образом, террор колчаковцев в своем тылу достигал значительных масштабов. Но, тем не менее, отдельные современные исследователи считают, что красный террор многократно превосходил белый и начал проводиться на государственном уровне гораздо раньше¹⁶¹. И с этим стоит согласиться. По справедливому замечанию В.Булдакова, в Гражданской войне приходится различать властный

¹⁵⁸ Литвин А.Л. Указ. соч.-- С.126.

¹⁵⁹ Сахаров К.В. Указ. соч.-- С.158–160.

¹⁶⁰ РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.91. Л.1.

¹⁶¹ Булдаков В. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия.— М., 1997.— С.242; Петров Г.Н. История России. Диалектика соотношения «белого», «красного» террора и террора интервентов в годы Гражданской войны в России.— М., 1999.— С.13.

террор и психопатологию стихийного массового садизма. Жертв последнего было намного больше¹⁶².

В отличие от большевиков, руководители Белого движения открыто не провозглашали террор как один из методов проведения своей политики. Но условия Гражданской войны заставляли колчаковских генералов издавать довольно жесткие приказы и, по-видимому, не без указаний сверху. Вот один из них, подписанный командующим Западной армией. «Приказываю беспощадно истреблять добровольческие части противника, а также мадяро-латышские, китайские и интернациональные, уничтожая всех комиссаров ... ко всем, насильно мобилизованным относиться по сдаче их в плен гуманно, обращая желающих немедленно против большевиков ... Всякого рода заслуженные расстрелы Верховный правитель указал производить подальше, в тылу и не публично»¹⁶³.

Террор белых не носил классового характера, а прежде всего реваншистско-истероидную форму. Он являлся следствием массовой психопатологии, нежели жестокого, но сознательного уничтожения своего врага. Значительную роль в проявлении иррационального массового озлобления сыграли физические и психологические нагрузки в условиях Гражданской войны. Офицеры, наиболее отличившиеся в боях, слыли и наибольшей недисциплинированностью в тылу, полуанархическим почитанием «своих» командиров и нетерпимостью к «чужому», и особенно штабному и интендантскому генералитету. Именно эти офицеры особенно усердствовали по части расстрелов, погромов и грабежей мирного населения¹⁶⁴. Таковыми являлись анненковцы, каппелевцы, ижевцы и другие наиболее боеспособные части, составлявшие «гвардию» А.В.Колчака.

Э.Фромм отмечал, что гражданские войны, в отличие от межнациональных, полны жестокостей и будят в человеке значительно больше разрушительных импульсов. В таких внутренних войнах че-

¹⁶² Булдаков В. Указ. соч. – С.237.

¹⁶³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.153. Л.1.

¹⁶⁴ Михайлов И.В. Штрихи к психологии белого террора // Революция и человек: социально-психологический аспект. – М., 1996. – С.183–185.

ловеку труднее выжить, чем в войнах межнациональных. И поэтому, делал вывод философ, степень деструктивности людей в целом зависит от серьезности угрозы их жизни¹⁶⁵.

В тылу отдельные высокопоставленные офицеры порой выполняли и личные поручения А.В.Колчака. О подобной их деятельности также стоит упомянуть. Генерал М.К.Дитерихс, например, по указанию Верховного правителя возглавлял следственную комиссию по делу об убийстве бывшего императора Николая II и его семьи. Он собрал и отправил в Великобританию, где в то время правил Георг V, родственник Николая II, большое количество вещей царской семьи, собранных в Тобольске и Екатеринбурге¹⁶⁶.

Другой генерал, П.П.Иванов-Ринов, будучи командующим Приамурского военного округа, выступил посредником в разрешении конфликта между адмиралом А.В.Колчаком и Г.М.Семеновым. Во время встречи во Владивостоке между П.П.Ивановым-Риновым и забайкальским атаманом была достигнута договоренность, что последний признает власть А.В.Колчака на определенных условиях. Омское правительство почти полностью приняло их. Фактически данное соглашение стало завуалированной капитуляцией А.В.Колчака перед Г.М.Семеновым и стоявшими у него за спиной японцами. Верховный правитель пошел на это, исходя из реального соотношения сил, сложившегося на Дальнем Востоке¹⁶⁷.

Когда начались поражения белых на Восточном фронте, командующий Сибирской армией генерал Р.Гайда обвинил во всех неудачах Ставку и, прежде всего, начальника штаба Верховного Главнокомандующего Д.А.Лебедева. Причем свою телеграмму-ультиматум Р.Гайда отправил не А.В.Колчаку, как Верховному Главнокомандующему, а председателю Совета министров П.В.Вологодскому. Таким образом, разногласия в среде военного командования стали достоянием правительства, а значит и общественности. В связи с этим

¹⁶⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994. – С. 43.

¹⁶⁶ Сахаров К.В. Указ. соч. – С. 287.

¹⁶⁷ Шульдяков В.А. Вожди белоказаков Сибирского войска // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). – 1999. – №6. – С. 65.

конфликтом адмирал поручил генералам М.А.Иностранцеву, А.Ф.Матковскому и М.К.Дитерихсу разобраться в данном деле и вынести свое решение. После изучения сути разногласий, опросов Р.Гайды и Д.А.Лебедева, генералы пришли к выводу, что необходимо ограничиться выговором командующему Сибирской армией и оставить всех на своих постах, что Верховный правитель и сделал¹⁶⁸. Однако впоследствии Р.Гайду все же уволили из Русской армии, а Д.А.Лебедева сместили с поста начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

Колчаковским офицерам в условиях внутренней войны практически каждый день приходилось иметь дело с гражданским населением, от поведения которого зависел перевес сил на той или другой стороне. Каким же было отношение подавляющей массы мирного населения к офицерам? Необходимо заметить, что большая часть жителей России стремилась избежать своего личного участия в боевых действиях. Любую власть, которая устанавливалась в городе или деревне, прежде всего, хотели «задобрить», откупиться от нее, чтобы избежать мобилизации и разорения. Поэтому и красных, и белых нередко встречали под звон колоколов, «с хлебом и солью», преподносили добровольные пожертвования на нужды армии. В глазах простых обывателей красные и белые мало чем отличались друг от друга. Главным мотивом, которым руководствовалось большинство граждан в отношениях с той или иной властью, это стремление не попасть в новобранцы, чтобы воевать против соотечественников. Такая позиция наглядно выражена в стихотворных строках семнадцатилетнего Кузьмы Коротаева, ученика 2-го класса торговой школы Челябинска, которые содержались в его письме родственникам:

---

¹⁶⁸ Иностранцев М.А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело.— Берлин, 1927.—Т.1.—С.95–108.

Храбрые убиты,
Хитрые в плену
Глупые на фронте
Умные в тылу¹⁶⁹.

Однако если большевики, в представлениях народа, ассоциировались с новыми веяниями, которые, кстати, тоже пугали, то за белыми офицерами прочно закрепился устойчивый стереотип сторонников самодержавия. Из частного письма, датированного июлем 1919 года: «В Сибири в настоящее время царский режим. Все буржуи, капиталисты, помещики, генералы и адмиралы сели опять на шею крестьян и рабочих. Крестьян душат податями, такие налоги наложили на крестьян, что невозможно никак уплатить»¹⁷⁰.

В другом случае женщина, обратившаяся лично к Верховному правителю с просьбой об освобождении своего брата, находившегося в лагере для военнопленных, в качестве одного из доводов приводит тот факт, что он раньше служил в жандармерии. Данное обстоятельство в ее глазах должно подействовать на А.В.Колчака, как «борца за старый режим».

Даже члены Челябинской городской думы в ноябре 1918 года приняли вместе с депутатами от земского самоуправления из близлежащих уездов специальную резолюцию, где выразили протест по поводу смены власти в Омске и потребовали наказания виновных¹⁷¹. Видимо, в колчаковском перевороте челябинские общественные деятели увидели не только усиление военщины, но и шаг в сторону борьбы за сохранение самодержавия. Таким образом, в глазах большинства обывателей все белые офицеры являлись монархистами, которые сражались за идеалы старой, дореволюционной России.

Такой стереотип очень активно подпитывался и советской пропагандой, которая много писала о том, что А.В.Колчак «мечтает стать

¹⁶⁹ ОГАЧО. Ф.553. Оп.1. Д.43. Л.18об.

¹⁷⁰ Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – Т.2. – С.237–238.

¹⁷¹ Kolchak and Siberia: Documents and Studies. – New-York, 1988. – Vol.1. – P.107.

державным венценосцем», а его царские офицеры, «агенты версальских бандитов», с помощью «капиталов всего мира» помогают ему в этом¹⁷².

Свое недовольство и враждебность по отношению к офицерам местное население начинало выражать, если считало, что они действуют незаконно. Как правило, это касалось реквизиций, военного постоя, мобилизаций. Генерал П.П.Петров в своих воспоминаниях отмечал почти одинаковое отношение жителей того или иного региона и к красным, и к белым. «Нас встречали хорошо, иногда с радостью, — пишет он, — но, увы, скоро начинались жалобы и на реквизиции, и на самоуправства, и просто на тяжесть военного постоя»¹⁷³. Уполномоченный министерства внутренних дел при штабе 3-й армии белых после объезда им населенных пунктов в начале октября 1919 года в докладной записке указывал: «В большинстве своем крестьянство занято своими заботами и равнодушно к власти, но там, где воинские части ведут себя незаконно, крестьяне осуждают власть»¹⁷⁴. По сведениям, собранным контрразведкой этой же армии, делался вывод: местное крестьянство сочувствует большевикам, прежде всего, из-за насильственных реквизиций и массовых мобилизаций мужчин в возрасте до 43-х лет¹⁷⁵.

Менялось также отношение к офицерам, когда белые отступали и фронт подходил к тому или иному населенному пункту. Тогда обыватели уже задумывались о том, как себя вести перед другой властью. Например, в городских газетах, незадолго до прихода красных, появлялись многочисленные сообщения об «утерянных» паспортах и других документах, удостоверявших личность. Так, в омском «Правительственном вестнике», вышедшем 1 ноября 1919 года (через 13 дней в город войдут части Красной Армии), было напечатано 74 объ-

¹⁷² Листовки Гражданской войны в СССР. 1918–1922. — М., 1942. — С. 20–25.

¹⁷³ Петров П.П. Указ. соч. — С. 90.

¹⁷⁴ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

¹⁷⁵ Там же. Д. 240. Л. 80.

явления об «утере» и 4 «о похищении» личных документов граждан¹⁷⁶.

В мемуарах генерала С.А.Щепихина содержится эпизод, характеризующий поведение гражданского человека в такой ситуации. Летом 1919 года генерал, направляясь вместе с охраной на автомобиле в сторону Актюбинска, остановился недалеко от города у бахчевника. Его хозяин, старик, разрешил набрать арбузы, но в дом к себе не пустил и денег с офицеров не взял. На вопрос Щепихина почему он так поступает, старик ответил: «Сегодня белые, а завтра — красные, и те и другие будут мне мстить, что угощал их врага ... и потянут меня, раба божьего, в Чека или в вашу жандармерию в Актюбинске. Лучше ... быть от греха подальше»¹⁷⁷. Так практически рассуждали многие обыватели, оказавшиеся в экстремальных условиях Гражданской войны.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что служба офицеров в тылу определялась следующими функциями: снабжение фронта всем необходимым, обучение и подготовка военнослужащих в кадровых частях, принятие мер по обеспечению безопасности тыловых районов. Особенностью тыловых служб являлась старая «болезнь» Русской армии — значительный рост военной бюрократии.

В условиях Гражданской войны колчаковским офицерам пришлось решать вопросы социально-экономического характера, со многими из которых они не справились, лишь внося хаос и путаницу в работу гражданских учреждений различного уровня. Меры против спекуляции и частые бесплатные реквизиции подрывали доверие к ним не только со стороны коммерсантов и предпринимателей, но и других слоев населения.

Борьба с подпольщиками и партизанами дала свои положительные результаты лишь в городах. Здесь достаточно эффективно работала колчаковская контрразведка. В операциях против повстанцев и населения, помогавшего им, нередко применялись карательные ак-

¹⁷⁶ Правительственный вестник (Омск). — 1919. — 1 нояб.

¹⁷⁷ Щепихин С.А. Южная армия ... Л.15.

ции. Однако в масштабах страны террор белогвардейцев по своему размаху и направленности уступал террору большевиков.

В пропаганде идей Белого движения колчаковцы, в отличие от их противника, оказались не на высоте — как в содержании, так и в методах ее проведения. Во-первых, идеология белых опиралась и строилась вокруг либерального лозунга свободы, а большевики сделали ставку на идсю социальной справедливости, которая была ближе и понятней крестьянской России. Во-вторых, в Белом движении превалировал политический плюрализм, и диктатура А.В.Колчака была таковой лишь по названию. Много печатных органов на территории белых относили себя к «свободной прессе» и довольно часто выступали с критикой Омского правительства, тем самым подрывая его и без того неустойчивое положение. Разнородные политические взгляды офицеров мешали им вести агитационную работу в духе официальной идеологии Белого движения. Тем более, что в глазах большинства населения страны за офицерами закрепился устойчивый стереотип как сторонников самодержавия, стремившихся к восстановлению старого режима.

Итак, тыл колчаковских войск не был спокоен и часто становился ареной вооруженной борьбы. Служба офицеров в тыловых структурах, хотя и считалась более безопасной, чем на фронте, однако не всегда являлась таковой.

Глава шестая

Материальное положение и быт колчаковских офицеров

История повседневной жизни участников Гражданской войны еще не стала предметом пристального внимания многих исследователей. Однако изучение этого вопроса раскрывает еще одну грань научной проблемы «человек в период смутных времен». Мемуарная литература и архивные материалы из фондов белых армий позволяют выявить основные черты благосостояния и быта колчаковских офицеров.

Материальное обеспечение офицеров выглядело следующим образом. До Гражданской войны существовали три основных типа выплат: жалованье (в зависимости от чина), «столовые» (в зависимости от должности) и «квартирные» деньги (в зависимости от чина, места службы и семейного положения). В период борьбы с большевиками в белых армиях главными видами материального обеспечения офицеров стали жалованье и «квартирные» деньги, которые зачастую вовремя не выплачивались. Жалованье теперь зависело во многом не от чинов, а от должности. Денежной надбавки в качестве «столовых» денег фактически не существовало. Офицеры питались либо вместе с солдатами, как говорится «из общего котла», либо за счет владельцев жилья, где они становились на постой.

Сразу после переворота 18 ноября 1918 года А.В.Колчак издал приказ: в срочном порядке разработать вопрос об увеличении жало-

ванья всем военнослужащим ¹. О размерах жалованья офицеров свидетельствуют следующие данные.

Таблица

Месячное офицерское жалованье в 1914 и в 1918-1919 гг.²

Российская императорская армия (1914 г.)		Армия Временного Сибирского правительства (1918г.)		Русская армия А.В.Колчака (1918 – 1919 гг.)	
Чин	Оклад	Должность	Оклад	Должность	Оклад
Капитан	105 руб.	Командир корпуса	1360 руб	Командир полка	800 руб
Штабс-капитан	90 руб.	Начальник дивизии	1120 руб	Командир Батальона	640 руб
Поручик	80 руб.	Командир полка	680 руб	Командир роты	580 руб
Подпоручик	70 руб.	Командир батальона	450 руб	Младший офицер (без должности)	480 руб
		Командир роты	400 руб		

Исходя из этих данных можно отметить, что оклады офицеров колчаковских войск, по сравнению с 1914 годом, увеличились в несколько раз. На это, конечно, повлияли экономические трудности, порожденные мировой войной и революцией, вызвавшие рост цен и инфляцию.

Часто на свое скудное жалованье обращали внимание командования колчаковских войск офицеры-летчики. Они получали 500 рублей с небольшим, то есть выше, чем младшие офицеры в других родах войск. Но техники авиаотрядов из нижних чинов имели оклад 400 рублей — гораздо выше, чем в остальных частях. В такой ситуации офицеры-летчики чувствовали себя ущемленными, и задавали своему

¹ Kolchak and Siberia: Dokuments and Studies.— New-York, 1988.— Vol. 1.— P.20.

² Составлено по : Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры.— М., 1995.— С.27–28; РГВА. Ф.39512. Оп.1. Д.58. Л.25.; ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.205.

начальству вопрос: «Кем выгодно теперь быть в авиаотряде, летчиком ли офицером или солдатом-мотористом?»³.

Жалование офицеров военно-учебных заведений в августе 1918 года, еще до прихода к власти адмирала А.В.Колчака, составляло следующие денежные суммы.

Таблица

**Оклады офицеров военного училища и кадетских корпусов
Оренбургского военного округа (август 1918 г.)⁴**

Оренбургское военное казачье училище		Неплюевский и 2-й Оренбургский кадетские корпуса	
Должность	Месячный оклад	Должность	Месячный оклад
Начальник училища	800 руб.	Директор корпуса	700 руб.
Инспектор классов	650 руб.	Инспектор классов	600 руб.
Помощник инспектора классов	600 руб.	Помощник инспектора классов	500 руб.
Командиры рот	500 руб.	Штаб-офицеры – воспитатели	600 руб.
Преподаватели военных дисциплин	300 руб.	Обер-офицеры – воспитатели	450 руб.
		Преподаватели	100-200 руб.

В целом, жалование офицеров военно-учебных заведений было несколько ниже материального вознаграждения командиров армейских частей, и это понятно: последние принимали непосредственное участие в боевых действиях и больше подвергали свою жизнь риску.

Довольно часто происходили задержки с выплатой денег офицерам в войсках. Поэтому начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал Д.А.Лебедев в июле 1919 года издал приказ, в котором за несвоевременную выплату жалования «без законных причин» угрожал суровыми наказаниями до смертной казни включительно⁵.

³ Дорохин Ю.П. Авиация белых армий на Восточном фронте // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). – 1997. – №4. – С.63.

⁴ Составлено по: РГВА. Ф.40327. Оп.1. Д.37. Л.11, 25.

⁵ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.65.

Нередко деньги присылали на фронт тысячными купюрами и разменивать их, чтобы произвести выплаты военнослужащим, было негде⁶.

Кроме жалования вводились другие денежные надбавки и льготы. Строевым офицерам (до начальника дивизии включительно) в боевой обстановке полагалось увеличение оклада на 20 %. Они имели право дважды в год получить бесплатно обмундирование⁷. В июле 1919 года Омское правительство приняло постановление: выдать единовременные пособия офицерам, приехавшим из Советской России и поступившим в армию. Обер-офицерам полагалось 1200 рублей, штаб-офицерам — 1600 рублей, а генералам — 2000 рублей. Если офицеры прибыли с семьями, то им дополнительно выплачивалась сумма в размере 50 % от указанного пособия⁸. Помимо этого, колчаковским офицерам, наряду с другими военнослужащими, по постановлению Совета министров, предоставлялось преимущественное право на приобретение земельных участков из государственного фонда в течение 10 лет⁹.

В деле материального обеспечения военная бюрократия не забывала и о своих интересах. Так, согласно циркуляру Главного штаба, офицеры, находившиеся на службе в Омске, получали 25 % надбавки к жалованию¹⁰, то есть больше, чем на фронте.

Жизненный уровень большинства офицеров младшего и среднего звена был невысоким. Этому способствовали нерегулярные выплаты жалования, а также условия Гражданской войны, когда офицерам, особенно фронтовым, приходилось часто менять свое место пребывания и, конечно, бытовую обстановку. Только высший офицерский состав чувствовал себя более-менее обеспеченным. Генералам, занимавшим высокие командные посты, как правило, предоставлялся специальный пудмановский вагон, а порой не один. Здесь они могли

⁶ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. — Рига, 1930. — С.75.

⁷ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.205.

⁸ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.213.

⁹ Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. — Волгоград, 1997. — С. 451.

¹⁰ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.106.

разместиться не только сами с адъютантами и денщиками, но еще и устроить свои семьи.

Если говорить о семейном положении офицеров, то большинство из них не состояло в браке. Накануне Первой мировой войны только около 60 % всех офицеров были женаты. Данное обстоятельство, прежде всего, обуславливалось тем, что с конца XIX века, когда в последний раз повышалось жалование, материальное положение офицерства значительно ухудшилось¹¹. Для многих же военных лишь служба являлась единственным источником дохода.

Мировая и гражданская войны омолодили офицерский корпус. На смену кадровым военным пришли выпускники ускоренных офицерских курсов и школ. Как правило, многие из них не имели семьи¹². Количество женатых офицеров в армии значительно снизилось.

Офицеры устраивали своих близких либо в дальнем или ближнем тылу, либо, если позволяли средства, отправляли их за границу. Распространенной стала практика создания специальных, так называемых «дамских лагерей» для семей военнослужащих при армиях и некоторых корпусах. Вот что пишет об этом в своих мемуарах генерал С.А.Щепихин: «Эти лагеря были сущим благодеянием: бойцы были спокойны за свои семьи, / которые — Е.В./ были устроены сносно»¹³.

Если при войсковых соединениях не имелось таких лагерей, то семьи военных обычно находились в обозах 2-го разряда. Большие обозы с семьями имелись в соединениях, состоявших из рабочих. Белое командование стремилось обеспечить их всем необходимым. В Омске при Главном артиллерийском управлении даже создали особый комитет помощи семьям ижевцев¹⁴.

Когда армии начинали свое движение, семьи, как правило, перемещались вместе с ними. В период отступления обозы с родствен-

¹¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. — М., 1993. — С.250.

¹² См. Приложение 3.

¹³ Щепихин С.А. Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.7. Л.6.

¹⁴ ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.61об.; РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.179. Л.136

никами солдат и офицеров неимоверно разрастались и, по выражению одного армейского командира, «производили впечатление цыганского табора»¹⁵. Вместо 54 повозок по штату, в отдельных случаях их количество в полковом обозе увеличивалось до 1000¹⁶. Так, во время отхода на восток в корпусе генерала А.С.Бакича насчитывалось 20 тысяч человек, из них только 3–4 тысяч бойцов, остальные — их близкие и беженцы¹⁷.

Большое количество семейного имущества перевозилось и в воинских эшелонах. По этому поводу даже возникла конфликтная ситуация между начальником штаба Западной армии генералом С.А.Щепихиным и командиром 3-го Уральского корпуса генералом В.В.Голицыным, с ведома которого в десятках армейских вагонах отправлялось не военное имущество, а домашний скarb, причем не всегда нажитый, в условиях войны, честным путем¹⁸.

Трагичная ситуация с женами и детьми офицеров складывалась в период отступления белых. Перед человеком в погонах возникала трудно разрешимая дилемма: брать своих близких с собой, отступая вместе с другими, или оставлять семью на территории, которая вскоре будет находиться под контролем большевиков. В итоге многие семейные узы в годы Гражданской войны оказались разорваны. После оставления Омска зимой 1919 года, во многом благодаря чехам, контролировавшим железную дорогу, значительное количество эшелонов с семьями военнослужащих и чиновников попали в руки красных. Это, по мнению генерала М.И.Занкевича, нанесло огромный моральный урон офицерству и явилось одной из причин его быстрого и окончательного разложения¹⁹.

Психологические нагрузки, которые испытывали офицеры в этот период, были достаточно сильны. Многие из них оказались морально

¹⁵ Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе.— Дагденонг, 1988.— С.132

¹⁶ Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири.— Париж, 1985.— С.62–63.

¹⁷ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804. Л.8.

¹⁸ Щепихин С.А. Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф.6605. Оп.1. Д.8. Л.60.

¹⁹ Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске // Белое дело.— Берлин, 1927.— Т.2.— С.149.

не готовы к Гражданской войне, которая предполагала физическое уничтожение соотечественников и непривычную тактику военных действий, когда линии фронта практически не существовало и тыл в любой момент мог стать местом боев. Поэтому зачастую в армейском быту офицеров, для снятия определенного психологического напряжения, усталости, все чаще появляются карты, спиртное, женщины легкого поведения.

Карточные игры давно завоевали популярность в офицерской среде, особенно преферанс и винт. Что же касается увлечения спиртными напитками, то это пристрастие было присуще некоторым офицерам еще до войны. Как утверждают русские эмигрантские авторы одной из работ об офицерах, «пили прямо пропорционально глухости населенных пунктов», особенно много в столичных городах. В связи с этим для офицеров, служивших в Санкт-Петербурге, в аттестационных документах ввели графу «отношение к спиртным напиткам». С началом Первой мировой войны вышел приказ по военному ведомству «Меры против употребления спиртных напитков в армии», который затем внесли в качестве приложения в Устав внутренней службы²⁰.

Пьянство среди офицеров усилилось в 1917 году, в связи с радикальными изменениями в стране. Одни офицеры, особенно из высшего командного состава, были уволены со службы. Другие, занимая свои посты, постоянно конфликтовали с солдатами. Многие из них потеряли жизненные ориентиры и стремились с помощью спиртного уйти от реалий жизни, хотя бы на время²¹.

Гражданская война сделала это явление еще более массовым. Вот только несколько примеров подобного поведения офицеров. Сотник казачьего полка А.М.Самоцвет в пьяном виде, ведя под уздцы свою лошадь, зашел с ней в одну из кофеен Оренбурга. За этот хули-

²⁰ Мисснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. и др. Российские офицеры. – М., 1995. – С. 26, 55.

²¹ Михайлов И.В. Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. – М., 1997. – С. 149

ганский поступок и за другие, совершенные ранее, сотника, по приказу А.И.Дутова, разжаловали в рядовые²².

Другой офицер, прапорщик Якимов был найден пьяным в состоянии «полной невменяемости», с разбитым лицом и перепачканный рвотой, в санитарном поезде на станции Сулея. Когда его отправили на гауптвахту, он ругался площадной бранью и кричал о недопустимости ареста офицера. Его также разжаловали в рядовые²³. Подобным образом поступили и с прапорщиком В.М.Омохиным из 23-го Миасского стрелкового полка за «систематическое пьянство» и притеснения мирных жителей²⁴.

Штабс-капитана Афанасьева подвергли такому же наказанию по причине его появления в одной из церквей Челябинска в пьяном виде, то есть «за поведение, несоответствующее офицерскому достоинству»²⁵. Этот факт наглядно свидетельствует о падении нравов среди отдельных офицеров, для которых даже храм перестал быть святым местом.

Военные власти пытались вести борьбу с пьянством, прежде всего, путем ужесточения наказаний. Еще в ноябре 1918 года Верховный правитель предоставил командирам отдельных корпусов и главным начальникам военных округов право лишать за это прапорщиков офицерского звания. О нарушениях, совершенных офицерами в нетрезвом виде (от подпоручика и выше) А.В.Колчак приказал доносить ему лично²⁶.

Командующий Западной армией генерал М.В.Ханжин в одном из своих приказов в связи с массовым пьянством в отдельных частях, чему способствовала продажа казенного спирта должностными лицами, ужесточил наказание за такие действия до смертной казни включительно²⁷. Его преемник, генерал К.В.Сахаров, также издавал подоб-

²² Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 21 нояб.

²³ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.139. Л.22.

²⁴ РГВА. Ф.39624. Оп.1. Д.137. Л.336.

²⁵ Там же. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.246.

²⁶ ГАОО. Ф.1912. Оп.1. Д.26. Л.207.

²⁷ РГВА. Ф.39624. оп.1. Д.144. Л.97.

ные приказы²⁸. Атаман А.И.Дутов в январе 1919 года, когда части Красной Армии успешно продвигались к Оренбургу, подписал приказ: «Всякий пьяный, встреченный на улице будет выпорот без различия званий и состояний». Офицеров после этого ожидало разжалование в рядовые²⁹.

Однако никакие меры не помогали. Злоупотребление спиртным захватило даже старший офицерский состав. Так, адмирал А.В.Колчак отстранил от командования казачьим полком войскового старшину Избышева «за уклонение от боевых операций и непрерывное пьянство»³⁰. Пристрастие к спиртному оказался подвержен генерал К.В.Сахаров, назначенный в ноябре Главнокомандующим Восточным фронтом. Он обещал Верховному правителю превратить Омск в «неприступную крепость», но этого сделать не удалось, и город был сдан, после чего К.В.Сахаров пребывал в состоянии депрессии и все время пил. Впоследствии, когда его арестовали братья Пепеляевы на станции Тайга, А.В.Колчак освободил генерала от столь высокой должности. Совет министров даже принял специальное постановление о создании следственной комиссии по деятельности генерала К.В.Сахарова, но расследование отложили до окончания войны³¹.

В других белых армиях подобные случаи также не являлись редкостью. Известен факт, что командующий Добровольческой армией ВСЮР генерал В.З.Май-Маевский впадал в периоды беспробудного пьянства и слыл «неизлечимым алкоголиком»³².

Что же пили колчаковские офицеры? Больше всего самогон, изготовленный с помощью народных рецептов, а также различного рода денатураты на спиртовой основе, подрывавшие здоровье человека. Это было связано с тем, что «сухой закон», объявленный в начале Первой мировой войны, а затем революционные события

²⁸ Там же. Д.139. Л.170.

²⁹ Попов Ф. Дутовщина.— Кузбывшев, 1937.— С.129.

³⁰ РГВА. Ф.39483. Оп.1. Д.57. Л.59.

³¹ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака.— Белград, 1931. — Ч.3.Т.2.— С.71–94; РГВА. Ф.39597. Оп.1. Д.100. Л.108.

³² Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Алтона Деникина.—М., 1992.— С.224.

способствовали остановке заводов по производству спиртных напитков. Иногда офицеры могли себе позволить выпить пива. Производство этого напитка организовали чехи. Например, в Кургане они запустили пивоваренный завод, который давал 3 600 ведер пива в неделю³³.

По мнению полковника Котомина, перешедшего в Белую армию от красных, в вооруженных силах Советской республики пьянства среди командного состава практически не было, а отдельные случаи сразу же пресекались очень жесткими мерами³⁴.

Некоторые колчаковцы употребляли даже наркотики. К примеру, гашиш и опиум входили в программу развлечений офицеров Азиатской дивизии барона Р.Ф.Унгерна, которая стояла на станции Даурия у границ Китая. Поэтому раздобыть наркотики не составляло большого труда³⁵.

Вопросы сексуальной жизни ряд офицеров в условиях войны решал за счет сестер милосердия, находившихся при армии или женщин из местного населения. Кто-то заводил любовниц. Сам адмирал А.В.Колчак жил с А.В.Тимиревой, ставшей фактически его гражданской женой, в то время как законная супруга Верховного правителя С.Ф.Омирова находилась в эмиграции во Франции.

Генерал А.П.Перхуров во время зимнего отступления белых в 1919 году сблизился с 18-летней дочерью омского инженера и, по мнению одного из его подчиненных, «полюбил ее со всей страстью отживающего мужчины». Жена и малолетний сын генерала находились тогда далеко, в Екатеринославской губернии. Молодая любовница стала «роковой женщиной» для А.П.Перхурова, оказавшегося под ее сильным влиянием. Благодаря ее капризам отступавший отряд генерала вынужден был делать небольшие переходы и в итоге попал в окружение красных партизан. Многие бойцы погибли, а значительная их часть оказалась вместе со своим командиром в плену³⁶.

³³ Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России в 1914–1920 гг. – Париж–Прага, 1928. – С.92–93.

³⁴ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. – Берлин, 1924. – Т. 15. – С.263.

³⁵ Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. – М., 1993. – С.20.

³⁶ ОГАЧО. Ф.596. Д.138. Оп.1. Д.138. Л.88–89.

Такие истории, связанные со слабым полом, вызывали негодование среди отдельных офицеров. Один из них в письме к приятелю возмущался: «В полевых штабах появились женщины и вселили туда пьянство и разврат, нередко женщины играли роль в назначении должностных лиц. Они же и опутали Колчака, у него оказалось три жены»³⁷.

Армейский быт офицеров в крупных тыловых центрах отличался большим разнообразием, чем на фронте. К примеру, в Омске имелось гарнизонное собрание офицеров, почти ежедневно вечером в местном театре проходили концертные вечера (оркестровая музыка, романсы, художественное чтение), обязательно работал буфет. Ставились спектакли и были открыты кинотеатры. В октябре 1919 года в Омском драматическом театре шла комедия «Земной рай», а киноафиши приглашали на фильмы «Запрягу я тройку борзых» (драма) и «Блоха сосватала» (комедия)³⁸.

В Челябинске, например, в марте 1919 года в здании «Кино-Арс» проходили концерты для солдат и офицеров гарнизона. Основу программы составляли былина под гусли «Илья Муромец» (певец И.М.Добролюбов) и русские народные песни в исполнении хора школы подпрапорщиков³⁹.

Осенним вечером 1918 года в Оренбурге офицеры могли попасть на цирковое представление артистов из столицы, а после него на состязание борцов, среди которых заметно выделялся И.Заикин, российская знаменитость⁴⁰. Любители классической музыки имели возможность ее услышать в городском театре в исполнении оркестра хора Оренбургского казачьего войска под управлением С.М.Козолупова, известного профессора консерватории, виолончелиста⁴¹.

³⁷ ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.138. Л.86.

³⁸ Каппелесвы (Омск). – 1919. – 12 окт.

³⁹ Сибирский стрелок (Челябинск). – 1919. – 28 март.

⁴⁰ Оренбургский казачий вестник (Оренбург). – 1918. – 26 окт., 20 нояб.

⁴¹ Подроб. см.: Судоргина Т.В. Из истории оркестра при штабе Оренбургского казачьего полка // Оренбургское казачье войско. Страницы истории 19–20 вв. – Челябинск, 1999. – С.146–159.

В Уфе, когда она была освобождена от красных, в мае 1919 годашло цирковое представление братьев Малюгиных с участием борцов под названием «Делу время — потехе час». Из городского сада Н.Видинеева почти каждый вечер доносились звуки духового военного оркестра⁴².

Свой отпуск получившие ранения или заболевшие офицеры могли провести в санаториях и лечебницах востока страны. Наиболее известные из них — о.Боровое в Кокчетавском уезде, о.Карачи близ станции Татарск, о.Шира в Хакассии, с. Белокуриха на Алтае, с. Усолье в Иркутской губернии. В большинстве своем это грязелечебные курорты, открытые с 1 июня 1919 года для офицеров, чиновников и солдат колчаковских войск, которые нуждались в укреплении своего здоровья⁴³. Так, например, генерал М.В.Ханжин, ушедший с поста командующего Западной армией, и временно остававшийся не у дел, провел два летних месяца вместе с семьей на целебном озере Карачи. Курорт этот открыли еще в 1881 году на средства сибирского купечества. Учитывая традиции местного тюркоязычного населения, здания лечебницы были выполнены в восточном стиле⁴⁴.

Еще одним атрибутом быта в годы Гражданской войны являлись эпидемии сыпного тифа и холеры, унесшие многие тысячи жизней. Главными разносчиками болезней являлись страдавшие ими беженцы. Усугубляла ситуацию антисанитария в жилых помещениях. Наиболее неблагоприятными в этом отношении оказались города Челябинск, Петропавловск, Омск, Новониколаевск, стоящие на Транссибирской железнодорожной магистрали. Только в Челябинске с 17 октября по 6 ноября 1918 года заболел 441 человек, в Омске за этот же период зарегистрировали 213 случаев сыпного тифа⁴⁵.

Катастрофическая ситуация сложилась в декабре 1918 года в воинских частях, расположенных в Троицке и Куртамыше. Например, в

⁴² Сибирский стрелок (Уфа).— 1919.— 26 мая.

⁴³ РГВА. Ф.39502. Оп.1. Д.3. Л.215.

⁴⁴ Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала.— Екатеринбург, 1999.— С.149.

⁴⁵ Оренбургский казачий вестник (Оренбург).— 1918.— 27 нояб.

последнем из них заболело 777 солдат и 13 офицеров⁴⁶. От эпидемий страдал и медицинский персонал. Так, жена генерала Е.Э.Трегубова (начальник штаба Западного фронта) Анна Михайловна, ухаживая за больными в качестве сестры милосердия, заразилась тифом и вскоре скончалась⁴⁷.

Наиболее сложная обстановка с эпидемиями сложилась в казачьих войсках — видимо, они были менее обеспечены медицинским персоналом, чем другие армии А.В.Колчака. В конце апреля 1919 года атаман А.И.Дутов в связи с этим даже объявил Оренбургский уезд в критическом положении. Осенью убыль в частях его армии оказалась настолько велика, что все госпитали и многие частные дома в Атбасаре и Кокчетаве, где дислоцировались формирования оренбургских казаков, были переполнены больными. Случаи смертельного исхода не являлись редкостью. В некоторых полках не осталось ни одного здорового бойца⁴⁸. Части Уральского казачьего войска также испытывали большие трудности из-за эпидемии тифа. Полки уральских казаков уменьшились в 10 раз и насчитывали по 40–60 человек⁴⁹.

Если говорить о масштабах эпидемии, то в 8 губерниях, занятых белыми, с июля 1918 года по февраль 1919 года зарегистрировали 34 773 больных тифом, 50 % из них являлись военными⁵⁰.

Таким образом, рассматривая вопрос о повседневной бытовой жизни колчаковских офицеров, следует сказать, что она была нелегкой и Гражданская война ей придавала непредсказуемый характер.

⁴⁶ ОГАЧО. Ф.1542. Оп.1. Д.74. Л.30,32,34.

⁴⁷ Сибирский стрелок (Челябинск).— 1919.— 9 апр.

⁴⁸ ГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.26. Л.366; ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.135. Л.27.

⁴⁹ ГА РФ. Ф.5881. Оп.2. Д.804. Л.23.

⁵⁰ Горелов Ю.П. К вопросу о госпитальном обслуживании армии А.В.Колчака // История Белой Сибири. Тез. конф.— Кемерово, 1995.— С.51.

Заключение

Гражданская война — переломный период в истории Российской цивилизации. Обращение к ее опыту и урокам имеет большое значение для современности, тем более что опасность эскалации таких общественных явлений сохраняется до сих пор.

Офицерство Русской армии представляло собой одну из главных военно-политических сил, участвовавших в Гражданской войне. Вокруг него консолидировались многие противники большевистского режима. За годы мировой войны офицерский корпус радикально изменился в социальном плане. Однако кардинальных сдвигов в области самосознания командного состава, его менталитета в период, предшествующий революции, не произошло. Люди из разных слоев общества, попадавшие в офицерскую среду, начинали жить ее идеологией, ее ценностями, вести определенный образ жизни, согласно этосу «военного сословия». Этот процесс оказался нарушен социально-политическим кризисом 1917 года, а затем получил свое дальнейшее развитие в ходе Гражданской войны. Многие новоиспеченные офицеры, еще не успев духовно и социально адаптироваться среди своих сослуживцев, вынуждены были делать выбор между различными политическими силами, так как им, людям военным, в которых нуждалась и та, и другая сторона, трудно было занять позицию нейтралитета. Такое положение в немалой степени способствовало расколу офицерства и в итоге поражению антибольшевистских сил, на стороне которых сражалась большая часть командного состава.

Данный процесс проявился в создании и развитии офицерского корпуса вооруженных сил адмирала А.В.Колчака. Его основу составляло офицерство дореволюционной Русской армии, уже сражавшееся с большевиками в Народной армии Комуча и в войсках Временного Сибирского правительства. Многие из них, как правило, являлись добровольцами. Однако подавляющее большинство колчаковских офицеров было призвано в армию по мобилизации, когда уже на Ура-

ле и в Сибири установилась единая власть Верховного правителя. Причем мотивы участия в борьбе с большевиками имели широкий диапазон — от идеологических до сугубо материальных. Одним из источников пополнения офицерского корпуса становится призывная молодежь, имевшая минимальный образовательный ценз. Ее неустойчивые политические взгляды, краткий курс обучения, в течение которого просто невозможно обрести навыки, необходимые командиру, не способствовали повышению боеспособности офицерского корпуса, эффективности его действий.

Достигнув к июлю 1919 года численности в 30 тысяч человек, командный состав армий А.В.Колчака имел в своем распоряжении незначительное количество кадровых военных (не более 6 %) и офицеров с высшим военным образованием (около 300 человек), что позволяет сделать вывод о невысоком профессиональном уровне большинства его представителей.

Общей тенденцией в период Гражданской войны являлась достаточно быстрая военная карьера за счет ускоренного чинопроизводства, которое обуславливалось либо военными заслугами человека, либо личными связями, политическими взглядами, интересами меркантильного характера.

В социальном составе офицерства, по сравнению с дореволюционным периодом, мало что изменилось. Оно было представлено выходцами практически из всех слоев общества. Национальный состав колчаковских офицеров имел свои особенности. Заметную роль среди войсковых командиров наряду с «великороссами», «малороссами», немцами стали играть латыши и мусульмане Урало-Сибирского региона. Офицерские погоны теперь могли получить и евреи иудейского вероисповедания, которые не имели этого права в условиях самодержавия.

Нехватка офицеров в войсках А.В.Колчака имела место, но эта проблема, наш взгляд, достаточно сильно преувеличена в отчетной документации военного командования. Как свидетельствуют архивные материалы, зачастую значительное количество офицеров, даже

сверх штата, несли службу в штабах различного уровня и в других военных ведомствах, располагавшихся в тылу. Значит, основная причина нехватки командиров на фронте лежала в плоскости старой «болезни» Русской армии, как впрочем и российского государства — в росте бюрократического аппарата, создававшего значительные преграды для эффективной деятельности тех или иных структур.

Вместо рационального распределения офицеров по воинским частям, сокращения штатов штабных служб и тыловых ведомств, формируется достаточно разветвленная сеть военно-учебных заведений, требовавшая для своего нормального функционирования большого количества средств, а главное — специалистов из командного состава. В итоге военно-учебные заведения выпустили несколько тысяч новоиспеченных офицеров, многие из которых совершенно не соответствовали своему званию. На этом, прежде всего, сказался очень краткий период обучения, а также пассивность интеллигенции в борьбе с большевизмом. Юнкера, как показали события Гражданской войны, являлись хорошими солдатами, но навыки командиров приобрести не успели.

Социально-политические катаклизмы наложили свой отпечаток и на самосознание офицерства. Усиливается милитаризм мышления, обусловленный не только военной необходимостью в борьбе с Красной Армией, но и неприятием либерального курса Временного правительства, позволившего большевикам, с точки зрения офицерства, так легко захватить власть. В условиях Гражданской войны, когда приходилось сражаться с соотечественниками, ослабевает патриотизм командного состава. Чаще стали проявляться элементы антисемитизма, как простого способа объяснения всех российских бед. Однако в среде многонационального офицерства он не стал массовым явлением. Появляется взаимная отчужденность, недоверие между молодым и кадровым командным составом более старших возрастов. Жестокость по отношению к противнику, террор превратились почти в повседневное и повсеместное явление.

В среде белого офицерства господствовал политический плюрализм. Среди командного состава имелись сторонники различных идей — от монархических до социалистических. Являясь вполне нормальным и необходимым элементом стабильного общества с демократическими традициями, на российской почве того времени он сыграл негативную роль в лагере противников большевизма, разобщенных по своим политическим взглядам. Официальная идеология Белого движения, которая представляла собой набор либеральных и консервативных лозунгов, изначально имела двойственный характер, так называемый «либерализм авторитарными методами». Она не обрела массовую поддержку среди населения, в большей степени откликавшегося на популистские лозунги большевиков. Кроме того, в офицерском корпусе армий А.В.Колчака оказалась значительная доля сторонников областнических идей, широкой автономии, особенно среди офицеров казачьих войск и национальных частей. Это также не способствовало монолитному единству противников советской власти. Казачьи и национальные формирования оказались самыми небоеспособными не только в войсках адмирала А.В.Колчака, но и других белых генералов.

По отношению к союзникам многие офицеры испытывали недоверие, считая их неустойчивую и двойственную позицию к Омскому правительству неискренней. Симпатии могли вызывать лишь французские летчики, совершавшие боевые вылеты со своими русскими коллегами, и британские офицеры-инструкторы, обучавшие будущих командиров колчаковских войск практическим навыкам.

На фронте находилось менее 50 % всех колчаковских офицеров, так как многие из них стремились остаться в тылу, пополняя штаты различных военных бюрократических структур. Стратегические планы военного командования, как показывают результаты Пермской и Уфимской операций, не были лишены творческой мысли. Однако многие из них не реализовались. На это оказало значительное влияние состояние самого офицерского корпуса. В своих взглядах на ведение войны высшие колчаковские офицеры придерживались различных

позиций. Такие разногласия, видимо, были связаны с тем, что первоначально А.В.Колчак решил опереться на молодых офицеров, которые получили высокие посты в Ставке. Наиболее образованные и опытные генералы старшего возраста оказались на вторых ролях и психологически не были готовы подчиняться более молодым военачальникам. В такой ситуации все планы военных операций разрабатывались не в Омске, а в армейских штабах. Данное положение способствовало, на наш взгляд, реальной оценке обстановки на фронте и учету сил противника. Недостатком являлось то, что Ставка, имея в своем ведении резервы, неэффективно ими распоряжалась. Впоследствии, когда Верховный правитель решил главным образом использовать опыт грамотных военных старшего возраста, было уже поздно. Красная Армия на Восточном фронте полностью овладела инициативой.

Проявляя мужество и героизм в боях, белые офицеры оказались в числе побежденных. Этим они в первую очередь обязаны высшему военному руководству, которое во многом недооценило своего противника. Неэффективно работали и тыловые структуры, опутанные своими бюрократическими интересами. Большую работу по обеспечению безопасности тыла проводила колчаковская контрразведка, имея широкую сеть своих агентов. Поэтому противникам белого адмирала пришлось отказаться от тактики проведения городских восстаний до подхода частей Красной Армии.

Слабой оказалась идеологическая работа колчаковцев, которая уступала большевикам и по своему содержанию, и по методам. Тем более, что значение ее военное командование осознало достаточно поздно. Кроме того, в глазах большинства населения за белыми офицерами закрепился устойчивый стереотип, как людей, стремившихся к восстановлению старых порядков и самодержавного строя. И это представление активно подпитывалось большевистской пропагандой.

Материальное благосостояние большинства офицеров оставляло желать лучшего. Размеры их жалованья по сравнению с дореволюционным периодом выросли в несколько раз, но это, в условиях Граж-

данской войны, мало что значило. Система денежных надбавок и льгот оказалась выстроена таким образом, что выгоднее было, с точки зрения материального интереса, служить в Омске, в одном из тыловых учреждений, чем сражаться на фронте. Массовым атрибутом военного быта стали различного рода эпидемии, получившие в те годы широкое распространение.

Социально-политический кризис, вызывающий значительное давление на психику человека, не обошел стороной и белых офицеров. В их армейском быту, для снятия определенного психологического напряжения, появляются карты, женщины, спиртное. Некоторые из офицеров решались даже на самоубийство. Если такие явления существовали и в старой императорской армии, то в более ограниченном масштабе.

Таким образом, на развитие офицерского корпуса вооруженных сил А.В.Колчака повлияли факторы различного уровня, которые не позволили ему превзойти красную армию и одержать победу в Гражданской войне. Эти факторы можно подразделить на внутренние и внешние по отношению к офицерству. Наибольшее значение из них, конечно, имели первые. К ним, прежде всего, необходимо отнести те, которые принадлежат к области психологии и самосознания командного состава колчаковских войск. Офицеры внутренне не были готовы к Гражданской войне. Они воспринимали большевиков как несерьезного противника, как «халифов на час». Провести эту, по их мнению небольшую военную кампанию, они планировали, используя свой опыт, вынесенный из мировой войны. Однако борьба с большевиками внутри страны имела совсем другие черты и особенности. Поэтому, когда она приобрела затяжной характер, единство белого офицерства оказалось расколотым, прежде всего, по линии политических взглядов и по вопросам военной стратегии.

К другой группе факторов, действовавших с внешней стороны, относятся устойчивые стереотипы, господствовавшие среди большинства населения, которое видело в офицерстве лишь людей, сражавшихся за идеалы старой имперской России. Возможно, поэтому

многие представители интеллигенции, прекратив саботаж, с весны 1918 года постепенно переходят на позиции конформизма в отношениях с большевистской властью, и не вливаются в ряды белого офицерства. Не стоит сбрасывать со счетов и энергию новых хозяев Кремля, которые умело применяли политику бонапартизма, чтобы привлечь на свою сторону значительные массы населения.

Согласно А.Тойнби, одним из главных критериев наличия цивилизации является творческая элита общества. Причем к элите английский мыслитель относил, главным образом, представителей государства и господствующей идеологии, администраторов, военных, священников. Руководствуясь его идеями, офицерство Русской армии можно также отнести к представителям такой элиты, которая не сумела дать достойный «ответ» на «вызов» истории. Вместо творческой активности она стала слепо копировать прошлое, преувеличивать значение своих прошлых заслуг. В итоге она утрачивает единство и способность к самоопределению. Из «творческого меньшинства» элита превращается в «правлящее меньшинство», пытающееся силой удержать свою власть. Однако это ей сделать уже не удастся, что способствует надлому цивилизации, а в перспективе ее распаду. Подобные процессы, на наш взгляд, и происходили в офицерской среде с 1917 года до окончания Гражданской войны, когда Россия вступила в новый этап своего цивилизационного развития.

И в то же время наступление нового периода в истории нашей страны могло начаться не под коммунистическими лозунгами. Победа большевиков не была строго закономерна. Как показали события нового смутного времени в России начала XX века, общество в большинстве своем продемонстрировало неготовность воспринять либеральные идеи и сразу перейти на путь демократии. Для этого, видимо, требовался определенный переходный период, который диктовался временем в форме авторитарной диктатуры до установления стабильности в обществе и созыва Учредительного Собрания. Именно такой вариант предлагали руководители Белого движения. Но в противостоянии с Красной Армией они оказались побежденными. Поражение

сторонников «белого дела» не прошло бесследно, оно имело далеко идущие последствия и способствовало краху идеи «мировой революции». Понеся большие потери на внутренних фронтах и будучи остановленными польскими войсками под Варшавой, руководители большевиков вынуждены были на долгое время отказаться от экспансии коммунистических идей в другие страны с помощью оружия.

Приложения

Приложение 1

Таблица

Мобилизации в прифронтовой полосе колчаковских армий (районы Южного Урала и Казахстана)

Период	Западная армия		Южная армия	
	Количество мобилизаций	В т. ч. офицерские мобилизации и призывы молодежи для получения офицерского чина	Количество мобилизаций	В т. ч. офицерские мобилизации и призывы молодежи для получения офицерского чина
1919 г.				
Февраль	4			
Март	5	1		
Апрель	2			
Май	8	4	1	1
Июнь	2			
Июль	4	2	2	
Август	3	1	1	
Сентябрь	1	1		
Ноябрь	1			
Всего:	30	9	4	1

(Подсчитано по: РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135, 140, 144;
Ф. 40028. Оп 1. Д. 5)

Таблица

**Количество кадровых офицеров и офицеров
военного времени в отдельных частях колчаковских войск в
1919 г.**

Название части	Численность кадровых офицеров		Численность офицеров военного времени		Всего офицеров в части	
	Кол-во (чел.)	%	Кол-во (чел.)	%	Кол-во (чел.)	%
19-й Оренбург- ский казачий полк	2	8	23	92	25	100
28-й Оренбург- ский казачий полк	3	18,7	13	81,3	16	100
42-й Троицкий стрелковый полк	1	2,7	36	97,3	37	100
*15-й Михайлов- ский стрелковый полк	4	3,7	103	96,3	107	100
*6-й Уральский кадровый горно- стрелковый полк	4	6,3	59	93,7	63	100
В среднем на одну воинскую часть приходилось:	3	6	47	94	50	100

*Сведения о точном количестве кадровых офицеров по этим частям нами не выявлены. О приблизительном числе командиров этой категории можно судить по офицерскому чину. В данном случае прапорщики, подпоручики, поручики и штабс-капитаны отнесены к офице-рам военного времени, остальные лица, более высокого звания — к кадровым офицерам.

(Подсчитано по: РГВА. Ф. 39606. Оп. 1. Д. 25. Л. 86, 83, 84об. — 85;
Ф. 39624. Оп. 1. Д. 187. Л. 29; Ф. 39932. Оп. 1. Д. 3. Л. 8-37об.)

Приложение 3

Сведения о юнкерах Иркутского военного училища (курс обучения с октября 1918 г.)

Возраст	24г	23г	22г	21г	20л	19л	18л	17л	Не указ.	Всего
Кол-во	6	13	15	30	41	40	23	3	8	179
%	3,3	7,2	8,5	16,7	23	22,3	13	1,6	4,4	100

Вероисповедание	Православное	Римско-католическое	Лютеранское	Иудейское	«Языческое»	Не указ.	Всего
Кол-во	157	2	4	13	1	2	179
%	87,9	1,1	2,2	7,2	0,5	1,1	100

Социальное происхождение	Кол-во	%
Дворяне	46	25,8
Духовенство	13	7,4
Чиновники	11	6,1
Почетные граждане	8	4,4
Интеллигенция (врачи, учителя)	4	2,2
Кушцы	3	1,8
Мещане	42	23,4
Казаки	17	9,4
Крестьяне	26	14,5
Не указ.	9	5
Всего:	179	100

Образование	Кол-во	%
С неоконченным средним образованием (не менее 4 классов)	130	72,6
Окончившие средние учебные заведения (гимназии, кадетские корпуса и т.д.)	13	7,2
Бывшие студенты (1-2 курс ВУЗа)	36	20,2
Всего	179	100

Семейное положение	Количество	%
Женаты	11	6,1
Не женаты	168	93,9

(Подсчитано по: РГВА. Ф. 40128. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-167)

Таблица

**План учебных занятий в инструкторских школах
младших офицеров пехоты колчаковских войск**

№	Название учебного предмета	Количество часов
1	Тактика (с практическими занятиями)	128
2	Военная топография (с практическими занятиями)	48
3	Военно-инженерное дело (с практическими занятиями)	40
4	Артиллерия	16
5	Военная администрация (с практическими занятиями)	8
6	Военное законодещение (с практическими занятиями)	16
7	Военная гигиена	8
8	Пулеметное дело и обучение стрельбе из траншейных ору- дий	32
9	Стрелковое дело	24
10	Уставы: внутренней и гарнизонной службы, дисциплинарный, строевой (с практическими занятиями). Изучение винтовок и револьве- ров разных систем	344
11	Строевая подготовка	
12	Выходы в поле: -топографическая съемка -окопные работы -ночные учения	64 16 24
Всего:		768

(Составлено по: РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 146. Л. 6)

Политическая программа генерала Л.Г.Корнилова

Преступное легкомыслие, либо сознательное предательство людей, вознесенных к власти стихийной революционной волной, привело страну в состояние полной дезорганизации и анархии. То, что предсказывал генерал Корнилов в первые дни освободительного движения, с чем он рыцарски боролся, как горячий русский патриот, наконец, совершилось: Россия оказалась в руках политических авантюристов, делающих под флагом социальной революции — великогерманское дело разрушения боевой мощи страны. Играя с одной стороны на низменных инстинктах темных народных масс, с другой — на моральной и физической усталости широких слоев русского общества, вызванной тяжелой четырехлетней войной, так называемый «Совет народных комиссаров» — утвердил у нас деспотическую диктатуру черни, несущую гибель всем культурно-историческим завоеваниям страны.

Печальный опыт революции показал полную несостоятельность власти, созданной представителями различных нынешних политических партий, слишком связанных в своих действиях мертвой буквой программы. Как в рядах партийной демократии, взявшей на себя инициативу управления страной, так и в противоположном лагере, вследствие этого не могло быть достаточной уверенности и твердости в определении своей линии поведения. В результате пожар анархии, вспыхнувший в центрах и перекинувшийся в армию и на окраины, неизбежно сметал все политические комбинации, выдвигаемые сторонами, и привел, наконец, к господству германо-большевизма. Поэтому генерал Корнилов, вступая снова на арену политической борьбы, во имя спасения России и чести нации, ставит своей ближайшей задачей сокрушение большевистского самодержавия и замену его та-

ким образом правления, который обеспечивал бы в стране порядок, восстановил бы погрязшие права гражданства и, закрепив целесообразные завоевания революции, вывел бы Россию на светлый путь свободы и прочного почетного мира, столь необходимого для культурно-экономического прогресса государства.

Такой образ правления генерал Корнилов видит в создании в стране временных сил верховной власти из государственно-мыслящих людей, для коих интересы родины стоят, бесспорно, выше вопросов преуспеяния их партийной политики, и которые в своих действиях руководствовались бы исключительно искренней любовью к родине и горячим самоотверженным стремлением спасти ее от неизбежной гибели. Низвергнув гибельную диктатуру черни и оперевшись на все здоровые национальные и демократические элементы народа, эта власть должна, прежде всего, все свои усилия направить к подавлению анархии и возрождению армии, и урегулированию транспорта, и поднятию производительных сил страны.

Общие основы Корниловской программы таковы:

1. Восстановление прав гражданина: все граждане России равны перед законом, без различия пола и национальности; уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и пр.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление Русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до

победного конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, то есть с правом на самоопределение поработанных народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школ.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе генерала Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, которому оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, как единственный хозяин земли русской, должно выработать основные законы русской Конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, — всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тячайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социали-

союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественную промышленность.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народами, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов.

(Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 годах. - Паоло-Альто, 1937. - Кн.1. Ч.2. — С.100-103.)

Присяга оренбургских казаков, поступающих на службу в Русскую армию А.В.Колчака

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Я, нижеподписавшийся, клянусь Всемогущим Богом перед Святым его Евангелием и Крестом, что должен и буду верой и правдой служить Государству Российскому и войску Оренбургскому, свято чтить и исполнять законы Российские и Войскового Круга, во всем подчиняться и верно исполнять все приказы Верховного Правителя, Войскового Круга, его избранников и своего начальства. Я, как Христолюбивый воин, должен буду защищать святую веру Государства Российского с его Верховным Правительством, Войсковой Круг с его избранниками, знамена и штандарты до последней капли крови от врагов внешних и внутренних, хранить свято ненарушимо порученные мне государственные тайны и оружие, как потомок славных предков. Я должен и буду защищать волю, честь и свободу России и Казачества, могилы своих отцов и дедов, хотя пришлось бы за это и умереть, памятуя о том, что во всем этом я должен буду дать ответ перед Родиной и Казачеством в сей жизни и перед Всемогущим Богом на страшном Его суде в жизни будущей. Во исполнение и верности сей моей клятвы целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

(РГВА. Ф.39606. Оп.1. Д.29. Л.10)

Таблица 1

**Количество офицеров в составе частей действующих армий
А.В.Колчака (июнь 1919 г.)**

Название Армии	Кол-во офицеров	% офицеров по отношению ко всему л/с	Кол-во солдат на одного офицера	Кол-во офицеров, служащих в штабе армии	% штабных офицеров к общему количеству армейских офицеров	Кол-во нижних чинов (строевых и нестроевых)
Сибирская Армия	5042	3,8	25	418	8,3	125 708
Западная Армия	4069	4,4	21	513	12,6	87 503
Южная армия	2232	3	32	397	17,7	72 702
Всего:	11343	3,8	25	1328	11,7	285 913

(Составлено по: РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.12)

Таблица 2

**Личный состав армий А.В.Колчака на Восточном фронте
(июнь 1919 г.)**

Название армии	Общее количество военнослужащих (в т. ч. и в прифронтовых военных округах)	Боевой состав армий (солдаты и офицеры)	% боевого состава военнослужащих по отношению к общему количеству личного состава
Сибирская армия	130 750	60 620	46,3
Западная армия	91 572	30 246	33
Южная армия	74 934	27 262	36,3
Всего:	297 256	118 128	39,7

(Составлено по: РГВА. Ф.39499. Оп.1. Д.64. Л.2-6,12)

Таблица

**Сведения об офицерах
7-го Уральского кадрового горно-стрелкового полка
(начало 1919 г.)**

Чины	Кол-во чел.	Боевой опыт	Кол-во чел.	Ранения и контузии	Кол-во чел.	Аттестации	Кол-во чел.
Полковник	1	Участники Первой мировой войны	7	Полученные в Первой мировой войне	14	Отличные	8
Подполковник	4					Хорошие	15
Капитан	3					Удовлетворительные	3
Штабс-капитан	3	Участники Первой мировой и гражданской войн	34	Полученные в Гражданской войне	10	Неудовлетворительные	2
Поручик	6					Нет сведений	35
Подпоручик	18						
Прапорщик	28						
		Участники Гражданской войны	14				
		Не участвовали в войнах	8				
Всего:	63		63		24		63

(Подсчитано по: РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 187. Л. 32-40)

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Акулинин И.Г. (1883–1944), из оренбургских казаков, образование: Оренбургское юнкерское училище (1903) и Николаевская академия Генерального штаба (1913). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Кавалер ордена Святого Георгия 4 степени, награжден почетным Георгиевским оружием, находясь на фронте в качестве старшего адъютанта штаба 3 Донской казачьей дивизии. В 1916г. полковник, помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. После большевистского переворота выехал из Петрограда в Оренбургский край. В декабре 1917г. вошел в состав Войскового правительства в качестве заместителя атамана А.И.Дутова и начальника штаба Оренбургского военного округа. Произведен в генерал-майоры в октябре 1918г. Назначен в феврале 1919г. командиром 2-го Оренбургского казачьего корпуса. Затем некоторое время в Омске занимал должность начальника штаба при Походном атамане всех казачьих войск А.И.Дутове. С июля 1919г. стал командиром 1-го Оренбургского казачьего корпуса Южной армии. В период отступления ушел со своими формированиями в область Уральского казачьего войска, где продолжал борьбу с Красной Армией. Затем выехал на Кавказ к генералу А.И.Деникину, откуда перебрался в Крым. Эмигрант. Сначала проживал в Югославии, затем перебрался во Францию. С 1923г. являлся войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков. Был представителем Восточного казачьего союза в Западной Европе. Публиковался в эмигрантских изданиях. Автор воспоминаний о Гражданской войне и ряда других сочинений по отечественной истории. Масон. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Акутин В.И. (1867–1920), окончил Оренбургское казачье училище, офицерскую кавалерийскую школу. Участник Первой мировой войны. Генерал-майор. В период Гражданской войны некоторое вре-

мя командовал Уральской казачьей армией, затем Илецким корпусом в ее составе. Взят в плен во время отступления у Гурьева, затем расстрелян.

Альбокринов Н.П., генерал-майор, с января 1919г. начальник Воткинской дивизии. В феврале 1920г. попал в плен под Красноярском.

Авдогский А.И. (1876–1931), окончил Санкт-Петербургский университет и выдержал экзамен на офицерский чин при Павловском военном училище. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1905). Служил в Генеральном штабе. Являлся одним из организаторов Общества ревнителей военных знаний в Санкт-Петербурге. В начале Первой мировой войны служил в штабе 2-й армии генерала А.В.Самсонова. С 1917г. полковник, назначен управляющим делами академии Генерального штаба, затем ее начальник, генерал-майор. Активный участник государственного переворота 18 ноября 1918г. Впоследствии на службе в Ставке А.В.Колчака в качестве генерал-квартирмейстера. Эмигрант. С 1923г. проживал в Харбине. Занимался популяризацией военных знаний. Как военный теоретик был приглашен в Японию для чтения лекций наследному принцу. Был директором 1-го реального училища Харбина. Скончался от грудной жабы (стенокардия).

Анисимов Н.С. (1877-1931), из дворян Оренбургской губернии, образование: Оренбургское юнкерское казачье училище. В 1914г. подъесаул, помощник старшего адъютанта штаба Оренбургского казачьего войска. Полковник с октября 1918г., впоследствии – генерал-майор. Депутат войскового Круга, член войскового правительства, являлся представителем Оренбургского казачьего войска в Ставке А.В.Колчака. Эмигрант. Некоторое время занимал пост атамана оренбургских казаков в Китае. Был обвинен в растрате общественных денег, бежал на судне в СССР. Жил в Сибири. Арестован и в 1931г. расстрелян. Реабилитирован 16 января 1989г.

Анненков Б.В. (1889-1927), из дворян Новгородской губернии, образование: Одесский кадетский корпус, Александровское военное

училище (1908). Участник Первой мировой войны, в 1914г. есаул, за боевые заслуги награжден орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием. В 1918г. сформировал из сибирских казаков отряд, принимал активное участие в свержении советской власти в Западной Сибири и на Урале. Затем начальник «партизанской» дивизии, командующий Отдельной Семиреченской армией. Войсковой атаман семиреченского казачества. Кавалер ордена Святого Георгия 4степени (1919г.). При переходе границы был арестован китайскими властями, находился в заключении. Впоследствии с помощью советской агентуры вывезен в СССР. В 1927г. расстрелян после открытого судебного процесса в Семишаталинске.

Бакяч А.С. (1878–1922), серб, образование: 3-я Белградская имени короля Александра гимназия, Одесское юнкерское училище (1902). Участник русско-японской и Первой мировой войн, награжден орденом Святого Георгия 4 ст. и Георгиевским оружием. Находился на командных постах в Народной армии Комуча (командир войск Сызранского района, начальник 2-й стрелковой Сызранской дивизии), в войсках А.В.Колчака, генерал-майор, затем — генерал-лейтенант. Командир 4-го Оренбургского корпуса. В начале 1920г. с остатками частей Оренбургской армии ушел в Китай. Продолжал боевые действия против Советской России, был захвачен в плен. Расстрелян по приговору Сибирского ревтрибунала.

Бангерский Р. (1884–?), латыш, участник русско-японской войны, образование: Казанское военное училище (1906), Николаевская академия Генерального штаба (по 3 разряду, в 1913г.). В Первой мировой войне командир полка, затем командовал первым латышским батальоном, полковник. В 1918г. возглавлял дивизии в составе 3-го Уральского армейского корпуса белых. С февраля 1919г. генерал-майор, начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии Западной армии. Отличился в боях, награжден орденом Святого Георгия 4 ст. Сражался в Забайкалье. Эмигрант. Проживал в Китае, Латвии, Германии. В период второй мировой войны на службе в германских войсках, один из организаторов эсэсовских латышских дивизий («Летт-

ланд»), группенфюрер СС. Причастен к геноциду евреев в Латвии. После войны проживал в Германии, где провел и последние годы жизни. В 1995г. торжественно перезахоронен в Риге как национальный герой.

Белов (Виттенкопф) Г.А., из курляндских немцев, окончил академию Генерального штаба (1912), в 1917г. подполковник, штаб-офицер для поручений при штабе 35-го армейского корпуса. В период Гражданской войны генерал-майор, начальник штаба Сибирской армии, впоследствии некоторое время возглавлял Ставку А.В.Колчака, затем Южную группу войск Западной армии, Южную армию. С октября 1919г. помощник военного министра по мобилизационно-организационной части. Один из руководителей Западно-Сибирского восстания 1921г.

Беляев В.Т., генерал-майор, в период Первой мировой войны командир 2-й особой артиллерийской бригады контингента русских войск во Франции. В войсках А.В.Колчака занимал посты инспектора артиллерии Уральской группы, затем – 3-й армии, начальника 11-й Уральской стрелковой дивизии.

Богданов Ф.А., из оренбургских казаков, образование: Оренбургское юнкерское казачье училище. Участник Первой мировой войны. В декабре 1918г. есаул, командир 23-го Оренбургского казачьего полка армии А.И.Дутова. Впоследствии командовал 2-й отдельной Оренбургской казачьей бригадой. Осенью 1919г. вместе со своими бойцами перешел на сторону Красной Армии. Принимал участие в боях против войск П.Н.Врангеля в Крыму.

Богословский Б.П., окончил академию Генерального штаба (1912), с октября 1915 г. штаб-офицер для поручений отделения генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии, подполковник. Служил в высшей военной инспекции РККА, в июле 1918 г., получив назначение в 3-ю красную армию, перешел к белым. Занимал посты начальника штаба Екатеринбургской группы войск. С декабря 1918г. генерал-майор, начальник штаба Сибирской армии. В январе 1919г. награжден орденом Святого Георгия 4 степени и французским «Военным кре-

стом с пальмовой ветвью». Пленен частями Красной Армии, расстрелян.

Бородин Г.К. (1860–?), из уральских казаков, образование: Оренбургское казачье юнкерское училище. Участник русско-японской войны, награжден золотым оружием (1906). В 1914г. полковник (с 1908г.), командир 1-го Уральского казачьего полка, затем – Оренбургской казачьей бригады, генерал-майор. Попал в плен у берегов Каспия, отступая с частями Уральской армии, расстрелян.

Будберг А.П. (1869–1945), из дворян, барон, образование: Орловско-Бахтина кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду). Участник русско-японской войны. В конце Первой мировой войны командовал корпусом. С марта 1919г. назначен главным начальником снабжений при Ставке адмирала А.В.Колчака, впоследствии до октября 1919г. возглавлял военное министерство Омского правительства. В годы революции и Гражданской войны вел дневник, который затем был опубликован. Эмигрант, проживал в Японии, Китае, США.

Бурлин П.Г. (1879–1954), из оренбургских казаков, окончил Оренбургское казачье военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1914). Участник русско-японской и Первой мировой войны. В 1916г. полковник, старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. Участник свержения советской власти во Владивостоке. Весной 1919г. временно исполнял должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего, являлся 1-м генерал-квартирмейстером Ставки А.В.Колчака, генерал-майор. Эмигрант. Сначала проживал в Ханькоу (Китай), затем в — Сиднее (Австралия).

Бурсо В.И. (1869–?), образование: Харьковское реальное училище, Московское пехотное юнкерское училище, военно-училищные курсы в офицерской артиллерийской школе. Участник русско-японской войны. В 1913г. подполковник, командир 3-й батареи 46-й артиллерийской бригады. На службе у А.В.Колчака полковник, инспектор артиллерии 2-го Уфимского корпуса с апреля 1919г.

Вагин А.Н. (1884–?), образование: 2-й Оренбургский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (по 1 разряду), Николаевская академия Генерального штаба (1914). В начале 1917г. капитан, помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии. В 1918г. генерал-майор, начальник штаба Оренбургского военного округа, затем — Оренбургской отдельной армии, Иркутского военного округа.

Вельк Н.К. (1863–?), образование: Нижегородская военная гимназия, Павловское военное училище. В 1914г. полковник, командир 12-го стрелкового полка. С августа 1918г. начальник Уральской запасной отдельной бригады и гарнизона г.Челябинска. С февраля 1919г. генерал-майор, начальник 11-й Уральской дивизии Западной армии, в апреле 1919г. вновь назначен начальником челябинского гарнизона и уполномоченным по охране государственного порядка. Затем помощник по военно-административной части штаба Курганского военного округа. Пленен частями 5-й армии красных в начале 1920г., отправлен в распоряжение Сибчека.

Вержицкий Г.А. (1875–1941), из мещан Подольской губернии, окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник с октября 1916 г., награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4 степени В октябре 1917г. командовал на фронте 134 пехотной бригадой. После захвата власти большевиками отказался служить в армии, был приговорен солдатским комитетом к смертной казни. Бежал, скрывался в Усть-Каменогорске, где впоследствии возглавил офицерский отряд. Летом 1918г. стал начальником 1-й Степной Сибирской дивизии, за взятие Тюмени произведен в генерал-майоры. Командовал Западно-Сибирским отрядом антибольшевистских сил. С января 1919г. возглавил 3-й Степной Сибирский армейский корпус. За Пермскую операцию получил чин генерал-лейтенанта. В апреле 1919г. стал командующим Южной группы Сибирской армии. Награжден орденом Святого Георгия 3 степени за Кунгурскую операцию. Весной 1920г. награжден орденом «За великий Сибирский поход». Сражался в За-

байкалье, командуя 2-м Отдельным стрелковым корпусом, затем Дальневосточной армией. Впоследствии возглавлял военное ведомство и войска правительства Меркуловых на Дальнем Востоке. С 1922г. в эмиграции, проживал в Харбине, являлся владельцем шляпной мастерской. Участвовал в деятельности РОВС. Последние годы жизни провел в Тяньцзине.

Вишневский Е.К., полковник, член тайной офицерской организации, один из руководителей восстания против большевиков в Томске в мае 1918г. Начальник 2-й дивизии Средне-Сибирского корпуса, генерал-майор. В начале 1919г. являлся главным начальником Самаро-Уфимского края, затем возглавлял военно-административное управление района Западной армии. В августе 1919г. командирован в распоряжение Главнокомандующего Восточным фронтом. Участник Якутского похода генерала А.Н.Пепеляева в 1921г. Автор книги об этих событиях. Эмигрант. Один из руководителей РОВС в Харбине.

Вихирев А.А. (1869 —?), сын чиновника, уроженец Саратовской губернии, образование: Вольское реальное училище, военно-училищный курс при Московском пехотном юнкерском училище, Николаевская академия Генерального штаба (1899). Участник Первой мировой войны, командовал полками, дивизиями, генерал майор (1915). Являлся начальником штаба 21 армейского корпуса, командовал группой сухопутных войск Балтийского флота. В декабре 1917г. уехал в Добровольческую армию в Новочеркасск. Формировал добровольческие части в Орле. Затем выехал в Москву, где вступил в «Союз защиты Родины и Свободы». По заданию организации выехал в Казань. С августа 1918г. являлся начальником штаба формирования частей Народной армии Комуча в Казанской губернии, затем возглавил штаб отдельного Казанского корпуса. С октября 1918г. занимал пост начальника штаба Тюменского военного округа.

Войцеховский С.Н. (1883—1951), окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1912), в начале 1917г. подполковник, штаб-офицер для поручений при штабе 20-го армейского корпуса. С февраля 1918г. командир 3-го стрелкового полка чехословацкого корпуса,

полковник. Руководил выступлением чехов против советской власти в Челябинске в мае 1918г. Командовал сначала Челябинской, затем Екатеринбургской группой войск, генерал-майор. Награжден орденом Святого Георгия 4 степени. С января 1919г. командир 2-го Уфимского корпуса Западной армии, затем Уфимской группы войск. В июле 1919г. возглавил 2-ю армию. После смерти В.О.Каппеля стал Главнокомандующим колчаковских войск, генерал-лейтенант. В Забайкалье из-за разногласий с Г.М.Семеновым оставил службу и эмигрировал в Китай. До 1930 г. являлся руководителем РОВС в Мукдене. Затем уехал в Чехословакию, где командовал Моравским, а затем Чешским военными округами, бригадой, дивизией. Арестован советской контрразведкой в 1945г. Умер в лагере в районе Тайшета.

Волков В.И., из сибирских казаков, в 1918г. полковник, комендант Омска, руководитель монархической организации «Смерть за Родину». Активный участник государственного переворота 18 ноября 1918г., генерал-майор. Представитель А.В.Колчака по формированию казачьих частей во Владивостоке. Командовал Уральской группой войск 3-й армии, Приамурским корпусом, являлся комендантом Иркутска. Погиб в период отступления у станции Ангара.

Гайда Р. (1892–1948), чех, окончил гимназию, изучал аптекарское дело. В 1910–1913 гг. находился на воинской службе, достиг младшего офицерского чина. Затем ушел в отставку. С началом Первой мировой войны мобилизован в австрийскую армию в качестве прапорщика. Попав в плен, перешел на сторону черногорской армии, где служил фельдшером. Затем попал в чехословацкий корпус, сформированный в России. В 1918г. он, командуя полком, принимает активное участие в ликвидации советской власти в Сибири. Становится командующим Екатеринбургской группы белых, получает чин генерал-майора и орден Святого Георгия 4 ст. В начале 1919 г. он возглавил Сибирскую армию, генерал-лейтенант. В июле 1919 г. был уволен из Русской армии А.В.Колчака, в ноябре стал одним из руководителей восстания во Владивостоке против власти Верховного правителя. Арестован и выслан на родину, где занимал высокие посты в чехосло-

вацкой армии. В 1922 г. окончил высшую военную школу в Париже. За профашистские взгляды, а также из-за обвинения в «шпионаже» в пользу СССР, в 1926 г. его уволили из армии. Занимался политической деятельностью, возглавлял Национальную фашистскую общину, являлся депутатом парламента. Преследовался властями за антигосударственную деятельность, несколько раз подвергался тюремному заключению. В период второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, руководил чехословацким фашистским комитетом Святого Вацлава. Арестован в мае 1945г. по обвинению в коллаборационизме. После двухлетнего следствия Народный суд Чехословакии приговорил Р.Гайду к двум годам лишения свободы. Но по причине надломленного здоровья он был досрочно освобожден. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.

Галкин Н.А., образование: Владимирское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба. В 1917г. полковник, служил в штабе Киевского военного округа, затем – в управлении Поволжского военного округа, подчиненного большевикам. После падения советской власти в Самаре, в июне 1918г., становится военным министром правительства Комуца, руководит формированием Народной армии, генерал-майор. В войсках А.В.Колчака командовал 11-м Яицким корпусом Южной армии. После разгрома основных сил колчаковских войск остался нелегально на территории Советской России и продолжал борьбу с большевиками, погиб.

Георгиевский А.Г. (1868–?), образование: Орловская духовная семинария, Чугуевское пехотное юнкерское училище, Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду в 1904г.). В начале 1917г. полковник (с 1912г.), начальник штаба 1-й пехотной дивизии. На службе в Русской армии А.В.Колчака являлся главным начальником Курганского военного округа, затем тылового округа Восточного фронта.

Глебов Ф.Л. (1887–1945), из сибирских казаков. В 1916г. за боевые отличия произведен в прапорщики, в следующем году получает чин хорунжего. Активный участник ликвидации советской власти в

Сибири, командир сотни 1-го Сибирского казачьего полка. Находился в рядах исполнителей государственного переворота в Омске 18 ноября 1918г. В мае 1919г есаул, помощник командира полка, с августа командир 10-го Сибирского казачьего полка. За боевые заслуги произведен в чин войскового старшины. Впоследствии командир Сибирской казачьей бригады, полковник. Служил в Забайкалье в войсках у атамана Г.М.Семенова, получил чин генерал-лейтенанта. Участник боев в Приморье. Эмигрант. Войсковой атаман Сибирского казачьего войска в зарубежье, член различных общественных эмигрантских организаций. Умер в Шанхае.

Голицын В.В., участник русско-японской войны, в 1914г. командир роты 16-го Сибирского стрелкового полка, капитан, затем командир полка. С марта 1917г. возглавляет 3-ю гвардейскую резервную бригаду в Петроградском военном округе, полковник, впоследствии офицер для поручений при штабе 8-й армии, Юго-Западного фронта, в Ставке Верховного Главнокомандующего. Входил в окружение генерала Л.Г.Корнилова, участник создания Добровольческой армии на Юге. После смерти Л.Г.Корнилова уехал в Москву, а затем в Сибирь. С августа 1918г. в Екатеринбурге формирует 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, генерал-майор. За Пермскую операцию награжден орденом Святого Георгия 4 ст. В январе 1919г. назначен командиром 3-го Уральского корпуса Западной армии, затем – Уральской группы войск, генерал-лейтенант. Впоследствии руководил добровольческими формированиями в колчаковских войсках. Эмигрант. Активный сторонник антисоветского движения, входил в Русскую фашистскую партию (с 1922г.), весной 1945г. состоял в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания.

Головин Н.Н. (1875–1944), образование: пажеский корпус и Николаевская академия Генерального штаба (1900). В 1908–1914гг. профессор Николаевской академии Генерального штаба. За годы Первой мировой войны вырос от командира кавалерийского полка до начальника штаба Румынского фронта. В августе – октябре 1919г. возглавлял штаб Восточного фронта войск А.В.Колчака. Эмигрант,

жил во Франции. Член РОВС. Руководитель высших военно-научных курсов в Париже, затем в Белграде. Автор ряда исследований по военной тематике, военный историк. Представитель Гуверовского института войны, революции и мира в Европе. В годы Второй мировой войны сотрудничал с нацистами. Умер от разрыва сердца, получив сообщение от представителей французского движения Сопротивления о вынесении ему смертного приговора. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Гоппер К.И., офицер латышских национальных частей, созданных царским правительством. В 1918г. член «Союза защиты Родины и Свободы», участник антисоветского Ярославского восстания, после разгрома которого выехал на Урал. Служил главным комендантом штаба войск Директории в Уфе, полковник. Командир дивизии 11-го Яицкого корпуса. Эмигрант.

Джунковский С.С. (1868–?), образование: пажеский корпус. В 1914г. полковник, командир эскадрона лейб-гвардии драгунского полка. На службе у А.В.Колчака являлся начальником 12-й Уфимской кавалерийской дивизии Западной армии, генерал-майор, впоследствии генерал-лейтенант.

Дитерихс М.К. (1874–1937), образование: пажеский корпус и Николаевская академия Генерального штаба (1900). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В начале 1917г. генерал-майор, командир 2-й Особой пехотной бригады на Солоникском фронте в Македонии. Затем служил в Ставке Верховного Главнокомандующего (Могилев), потом начальником штаба чехословацкого корпуса, позже возглавлял штаб Западного фронта (командующий – генерал Я.Сыровы). С января 1919г. в войсках А.В.Колчака. Сначала руководил комиссией по расследованию дела о расстреле царской семьи, впоследствии занимал пост Главнокомандующего Восточным фронтом, начальника штаба Верховного Главнокомандующего, военного министра. С ноября 1919г. в отставке. В июле 1922г. стал во главе промонархической диктатуры в Приморье. Эмигрант. Глава Дальневосточного отдела РОВС в Китае. Умер в Шанхае.

Доможиров А. (1865–?), образование: Оренбургская Неплюевская военная гимназия и 3-е Александровское военное училище. В Первой мировой войне помощник командира казачьего полка, полковник. С сентября 1918г. старший адъютант управления инспектора ремонтов и запаса кавалерии Оренбургского военного округа. В мае 1919г. занимал должность командира 28-го Оренбургского казачьего полка.

Доможиров Л.Н. (1868–?), образование: кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. В 1913г. подполковник, служил в 5-м Оренбургском казачьем полку. Начальник 1-й Оренбургской казачьей дивизии в войсках А.В.Колчака, генерал-майор. С августа 1919г. командир конной партизанской группы 3-й армии. За боевые заслуги в борьбе с Красной Армией награжден Георгиевским оружием.

Дутов А.И. (1879–1921), из семьи казачьего офицера, образование: Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академия Генерального штаба (1908). Участник русско-японской войны. Преподавал в Оренбургском военном казачьем училище. В период Первой мировой войны командир 1-го Оренбургского казачьего полка. Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска в 1917–1921 гг. Занимал посты командующего Юго-Западной (впоследствии Оренбургской) армии, походного атамана казачьих войск на востоке страны. Затем вновь возглавил Оренбургскую армию, реорганизованную из отдельной Южной армии. Ушел с остатками своих частей в Китай, где позднее был убит советскими чекистами при попытке захватить его в плен (Суйдинь около г.Кульджи).

Ефимов А.Г. (1888–1972), образование: Симбирский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1910). Служил в саперных частях в Казани. В период Гражданской войны окончил ускоренные курсы академии Генерального штаба, прикомандирован к штабу 2-го Уфимского корпуса Западной армии. С февраля 1919г. начальник штаба Ижевской бригады, затем Ижевской дивизии. В декабре 1919г. стал командиром Ижевского конного полка. В Приморье с августа

1921г. командовал Ижевско-Воткинской бригадой. С 1923г. эмигрант, сначала проживал в Шанхае (Китай), затем – в США. Председатель Объединения ижевцев и воткинцев за рубежом. Автор книги о Гражданской войне. Умер в Сан-Франциско.

Жуков Г.П. (1861–1940), образование: Оренбургская военная гимназия, 3-е Александровское военное училище, офицерская стрелковая и кавалерийская школы. В 1914г. командир 3-го Уфимско-Самарского полка Оренбургского казачьего войска, полковник. С 1915г. генерал-майор, награжден орденом Святого Георгия 4 ст. В период Гражданской войны занимал пост помощника войскового атамана Оренбургского казачьего войска, возглавлял Ташкентскую, затем Актюбинскую группы войск Юго-Западной армии, являлся командиром 1-го Оренбургского казачьего корпуса. Эмигрировал в Китай. Сначала проживал в Ханькоу, затем – в Шанхае.

Завкевич М.И., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). В начале 1917г. генерал-майор, исполнял должность генерал-квартирмейстера Генерального штаба. В 1919г. служил в Ставке А.В.Колчака.

Захаров В.Н. (1895–1987), из оренбургских казаков, образование: Благовещенская учительская семинария и Оренбургская школа прапорщиков. В чине хорунжего избран атаманом 2-го округа Оренбургского казачьего войска, участвовал в боях с Красной Армией. С остатками дутовских формирований ушел в Китай, есаул. В 1923г. вернулся по амнистии, советским судом был приговорен к расстрелу, но помилован по просьбе казаков. После отбывтия наказания проживал на Украине, затем в Новосибирске.

Зиневич Б. (1874–1920), окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Награжден орденом Святого Георгия 4 степени и Георгиевским оружием. Командир пехотного полка. После освобождения Красноярска от красных командовал Енисейским полком. В августе 1918г. назначен начальником 1-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор. Начальник штаба, а с апреля 1919г. командир 1-го Средне-

Сибирского армейского корпуса, затем командующий Енисейским военным округом, в декабре 1919г. начальник гарнизона Красноярска. Пленен и расстрелян большевиками.

Зуев А.В. (1879–?), из оренбургских казаков, образование: Оренбургское казачье юнкерское училище, офицерская стрелковая школа. Служил в частях Забайкальского и Оренбургского казачьих войск. В 1917г. командир сотни 2-го запасного полка Оренбургского казачьего войска. Активный участник борьбы с советской властью, в 1918г. помощник командира добровольческого казачьего полка, командовал Спасской отдельной сотней, 2-м Кундравинским полком добровольцев, 21-м Оренбургским казачьим полком, войсковой старшина. В июне 1919г. представлен к чину полковника. Впоследствии стал генерал-майором. Эмигрант. В 30-е годы руководил Дальневосточным Союзом казаков.

Иванов-Ринов П.П. (1869–?), из дворян, образование: Сибирский кадетский корпус (1888) и 1-е Павловское военное училище (1890). Служил на русско-китайской границе, затем на военно-административной службе в Туркестане. В 1914г. подполковник, на фронте помощник командира 2-го Кубанского полка. Отличился в боях, произведен в полковники. В мае 1916г. назначен Семиреченским вице-губернатором, руководил подавлением восстания Джизакском уезде, исполнял должность Ферганского военного губернатора. После Февральской революции смещен с должности и назначен командиром Отдельной казачьей бригады на Кавказском фронте. С апреля 1918г. возглавлял нелегальные организации Омска и Петропавловска, активный участник ликвидации советской власти в Сибири. Командир Степного Сибирского стрелкового корпуса, произведен в генерал-майоры, избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска. Впоследствии командующий Сибирской армии. Рассматривался в качестве главного претендента в военные диктаторы. Назначен командующим войсками Приамурского военного округа. С августа 1919г. генерал-лейтенант, командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса. Награжден орденом Святого Георгия 4 степени. Затем помощ-

ник Главнокомандующего Восточным фронтом. Позднее служил у Г.М.Семенова в качестве начальника штаба. В Приморье являлся начальником тыла. Эмигрант. Был завербован советским агентом. После своего разоблачения в 1925г. выехал в СССР.

Иностранцев М.А. (1872–1938), образование: Санкт-Петербургская Ларинская гимназия, 2-е Константиновское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (1901), в которой с 1913г. преподавал военные дисциплины. Участник Первой мировой войны. В начале 1917г. генерал-майор, экстра-ординарный, а затем ординарный профессор академии. В период Гражданской войны преподавал в академии Генерального штаба, эвакуированной на восток страны. В мае 1919г. назначен генералом для поручений при Верховном Главнокомандующем адмирале А.В.Колчаке, с сентября 1919г. являлся генерал-квартирмейстером в Ставке Верховного правителя. Эмигрант, жил в Югославии, Чехословакии. Занимался военно-историческими исследованиями. Читал лекции в военной академии в Праге.

Ипатьевич-Горанский А.И., генерал-лейтенант, профессор военно-инженерной академии. В 1918г. начальник военно-окружного управления Оренбургского военного округа. Впоследствии полевой инженер Ставки Верховного Главнокомандующего. Пленен частями 5-й армии красных зимой 1919/1920г.

Калин Н.Д., (1859–?), образование: Павловское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба (по 2 разряду) и Военно-юридическая академия (по 1 разряду). С 1908г. генерал-майор, в 1914г. военный судья Казанского военно-окружного суда. В войсках А.В.Колчака председатель общего корпусного суда Сибирской армии.

Калмыков И.М., образование: духовная семинария, Чугуевское военное училище (1912). В период Первой мировой войны подпоручик Приморского саперного батальона. В 1918г. со своим отрядом, сформированным на станции Пограничной, освободил Хабаровск от большевиков. Стал атаманом Уссурийского казачьего войска, генерал-майор. Первоначально не признал власть А.В.Колчака. Контроли-

ровал железную дорогу от Николаевска (на Амуре) до Хабаровска. После взятия Хабаровска красными партизанами ушел с остатками своих частей в Китай. Здесь был арестован властями и расстрелян в Гиристине по обвинению в артиллерийском обстреле китайских канонерок на р. Амур.

Каппель В.О., (1883–1920), из обрусевших шведов, выходец из семьи офицера, образование: 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус Петра Великого, Николаевское кавалерийское училище (1906) и Николаевская академия Генерального штаба (1913). С началом Первой мировой войны прикомандирован к Николаевской офицерской школе. Участвовал в боях в составе 5-й Донской казачьей и 14-й кавалерийской дивизий. Отличился, был награжден несколькими орденами. В начале 1917г. подполковник, помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта. В Самаре поступил на службу в управление Поволжского военного округа, подчиненного советским властям. С установлением власти правительства Комуча возглавил часть отрядов Народной армии, полковник. Отличился в боях с частями красной гвардии в Поволжье. В войсках А.В.Колчака командир 1-го Волжского корпуса, генерал-майор. Представлен к ордену Святого Георгия 4-й степени. Затем руководил 3-й армией, занимал пост Главнокомандующего Восточным фронтом, генерал-лейтенант. Умер от воспаления легких в период отступления в январе 1920г. Похоронен в Чите, впоследствии перезахоронен в Харбине. В 1955г. по указанию из Москвы надгробный памятник на могиле В.О.Каппеля был снесен.

Каргин К.Л., (1887–1921), из оренбургских казаков, окончил Московский межевой институт. В 1905–1907гг. находился под негласным надзором полиции. В 1912–1917гг. агроном хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска. В мае 1917гг избран атаманом 1-го округа. За причастность к антидудовскому заговору в декабре 1918г. отстранен от должности атамана. В период отступления взят в плен под Иркутском, расстрелян по приговору военного трибунала 5-й армии.

Карликов В.А. (1871–?), образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (1898), участник русско-японской и Первой мировой войн, генерал-майор, награжден Георгиевским оружием. В 1918г. командовал войсковой группой в армии А.И.Дутова. Затем директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, генерал-лейтенант. В октябре 1919г. назначен помощником военного министра по общей части. Впоследствии, видимо, перешел на службу в Красную Армию.

Ключенко И.И. (1859–?), образование: Орловско-Бахтина военная гимназия, 1-е Павловское военное училище и офицерская артиллерийская школа. В 1913г. полковник, командир 1-го дивизиона 36-й артиллерийской бригады. Служил в войсках А.В.Колчака, занимал пост начальника артиллерийского управления Курганского военного округа, впоследствии тылового округа Восточного фронта, генерал-майор.

Козьменко Д.Н. (1886–1920), в войсках А.В.Колчака помощник командира 5-го Томского полка. За Пермскую операцию награжден орденом Святого Георгия 4 степени. Командовал полком, затем 1-й Сибирской егерской бригадой, являлся помощником начальника 2-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор. Попал в плен, расстрелян в Омске.

Козьмин К.Г. (1867–?), образование кадетский корпус и 1-е Павловское военное училище. В 1913г. подполковник, командир батареи 19-й артиллерийской бригады. На службе в войсках А.В.Колчака исполнял должность инспектора артиллерии 3-го Уральского корпуса Западной армии.

Колчак А.В. (1874–1920), из семьи офицера, образование: 6-я Петербургская классическая гимназия, Морской кадетский корпус (1894). Полярный исследователь, ученый, действительный член Императорского Русского Географического общества (1906). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1915г. награжден орденом Святого Георгия 4 степени за руководство боевыми действиями

на Балтике. С июня 1916г. вице-адмирал, командующий Черноморским флотом, через год уходит в отставку, не согласный с политикой Временного правительства в военной области. Вскоре отбывает в командировку в США. Узнав за границей о событиях октября 1917г., а затем о сепаратном Брестском мире, принимает решение поступить на службу в английский флот. По предложению британского правительства выезжает на Дальний Восток, чтобы возглавить там часть антибольшевистских сил. Сначала он был введен в состав правления КВЖД и попытался создать в этом районе свои вооруженные отряды, но эта деятельность оказалась неудачной. В октябре 1918г. занимает пост военного и морского министра правительства Директории. 18 ноября 1918г. в результате государственного переворота провозглашен Верховным правителем России, которым являлся до 4 января 1920г., когда добровольно сложил с себя полномочия в пользу генерала А.И.Деникина. Вскоре был арестован в Иркутске, находившемся в руках эсеров-меньшевистских сил, а впоследствии предан большевикам. Расстрелян по указанию ЦК РКП(б) в связи с приближением к городу белых войск.

Колюбакин Б.М. (1853–?), образование: 2-й Московский кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду). Участник русско-турецкой войны 1877–1878гг. С 1909г. генерал-лейтенант. Заслуженный ординарный профессор академии Генерального штаба, в которой работал в период Гражданской войны, а также исполнял должность ее начальника.

Корноухов Н.П., из оренбургских казаков, участник Первой мировой войны. В апреле 1917г. войсковой старшина, делегат съезда низовых станиц Оренбургского казачьего войска, избран командиром одного из «партизанских» отрядов. Его отряд одним из первых вошел в Оренбург летом 1918г., освободив город от большевиков. За боевые заслуги произведен в генерал-майоры. Командовал Бузулукской группой войск А.И.Дутова, затем возглавлял казачью бригаду. С де-

кабря 1918г. начальник 4-й Оренбургской казачьей дивизии. В 1919г. командовал гарнизоном Кустаная. Эмигрант, проживал в Китае.

Косьмин В.Д., окончил академию Генерального штаба (1914), в начале 1917г. подполковник, исполнял должность помощника старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба Особой армии. В июле 1918г. полковник, начальник штаба 6-й Уральской дивизии войск Временного Сибирского правительства. На службе у А.В.Колчака возглавил 4-ю Уфимскую дивизию, за боевые заслуги с марта 1919г. произведен в генерал-майоры. Впоследствии командующий Уральской группы войск Московской группы армий. Эмигрант. Проживал в Китае. В Тяньцзине руководил некоторое время особым отделом японской железнодорожной полиции, затем сотрудничал с секретными службами Японии. Возглавлял отделение эмигрантской военной организации Братства русской правды. В начале 30-х годов был избран председателем Русской фашистской партии, но вскоре исключен из ее состава за присвоение общественных денег.

Красильников И.Н. (1888–1920), войсковой старшина, активный участник государственного переворота 18 ноября 1918г. Командовал партизанским отрядом, затем — отдельной егерской бригадой, генерал-майор. Умер от тифа в Иркутске.

Красноярцев Д., в июне 1918г. войсковой старшина, командир «партизанского» отряда оренбургских казаков, который освободил Оренбург от большевиков. Впоследствии генерал-майор, до декабря 1918г. начальник 1-й Оренбургской казачьей дивизии.

Красноярцев Н.Г. (1860–?), образование: военная прогимназия, Оренбургское юнкерское казачье училище, офицерская кавалерийская школа. Участник русско-японской войны. В 1913г. полковник, командир 4-го Исетско-Ставропольского полка Оренбургского казачьего войска. Служил в войсках А.В.Колчака, генерал-майор. В начале 1920г. пленен частями 5-й армии красных, отправлен в распоряжение Сибчека.

Круглевский А., в декабре 1918г. командир 41-го Уральского полка, затем назначен начальником 11-й Уральской стрелковой дивизии.

зии, полковник. В сентябре 1919 г. за боевые заслуги награжден Георгиевским оружием, генерал-майор.

Кручинин В.В. (1876–?), окончил Оренбургское юнкерское казачье училище. Участник Первой мировой войны, войсковой старшина, командир сотни. В 1918г. полковник, возглавлял Султаевский отряд, командир 17-го Оренбургского казачьего полка в войсках А.И.Дутова. Впоследствии командовал 5-й Оренбургской казачьей бригадой, генерал-майор. Эмигрант. Владелец похоронного бюро в Харбине.

Лебедев Д.А. (1883–1921), образование: Сибирский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1903) и Николаевская академия Генерального штаба (1911). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В начале 1917г. подполковник, штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. Являлся членом главного комитета монархического Союза офицеров армии и флота, участвовал в корниловском выступлении. Служил в Добровольческой армии, затем, как ее представитель, выехал в Сибирь. Активный участник колчаковского переворота. Занимал пост начальника штаба Ставки А.В.Колчака и военного министра Омского правительства. С августа 1919г. командовал Степной, а впоследствии Уральской группами войск. Участник Сибирского Ледяного похода. Эмигрант, проживал в Китае. В 1921г. был убит на Дальнем Востоке при невыясненных обстоятельствах.

Лосев П.М. (1873–?), из оренбургских казаков, образование: Орское уездное училище, Оренбургское юнкерское казачье училище (по 1 разряду). Участник Первой мировой войны, командовал сотней, затем 8-м Оренбургским казачьим полком, награжден орденом святого Георгия 4 степени, полковник. Летом 1918г. в войсках А.И.Дутова руководил Верхнеуральским фронтом, командир бригады 2-й Оренбургской казачьей дивизии, затем возглавлял отдельную бригаду. С марта 1919г. начальник 4-й Оренбургской казачьей дивизии, генерал-майор.

Лохвицкий Н.А. (1867–?), образование: 4-й Московский кадетский корпус, 2-е Константиновское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (1900). Участник русско-японской войны. В начале 1914г. полковник, командир 95-го Красноярского полка. С 1916г. командовал 1-й бригадой, а позднее экспедиционным корпусом русских войск во Франции, генерал-майор. В войсках А.В.Колчака являлся командующим 2-й армии, генерал-лейтенант. Затем в Забайкалье возглавлял Дальневосточную армию, в последующем занимал пост начальника штаба у Г.М.Семенова. Эмигрант.

Люпов С.Н. (1870–?), образование: Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В начале 1914г. полковник, командир 182-го пехотного Гроховского полка. Впоследствии генерал-майор, начальник 104-й пехотной дивизии. Служил в Народной армии Комуча, генерал-лейтенант. В войсках А.В.Колчака некоторое время командовал 2-м Уфимским корпусом.

Мамаев Ю.И., (1884–?) образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Участник Первой мировой войны, в 1915г. есаул, командир сотни 1-го Оренбургского казачьего полка, награжден Георгиевским оружием. В 1918г. войсковой старшина, командир Троицкого партизанского отряда, затем полковник. Служил в войсках А.В.Колчака, генерал-майор. Застрелился.

Матковский А.Ф. (1877–?), из потомственных дворян Подольской губернии, образование: 1-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду в 1903г.). С 1912г. полковник, ординарный профессор академии Генерального штаба. В период Первой мировой войны командир 2-го Курляндского лейб-уланского полка имени Александра Второго. Награжден Георгиевским оружием. После прихода к власти большевиков вместе с академией эвакуировался на восток страны. В 1918г. являлся инспектором кавалерии Сибирской армии. В войсках

А.В.Колчака занимал пост командующего Омским военным округом. Эмигрант.

Махин Ф.Е. (1882–1947), из оренбургских казаков, образование: Оренбургское юнкерское казачье училище и Николаевская академия Генерального штаба (1913). В начале 1917г. подполковник, штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба Дунайской армии. Эсер. Затем находился на службе у советского правительства, начальник Уфимского полевого штаба, командующий 2-й Красной Армией. В июне 1918г. перешел на сторону Самарского Комуча, возглавлял соединения Народной армии, впоследствии служил в армии А.И.Дутова, командовал Актюбинским участком фронта. За причастность к заговору против оренбургского атамана уволен из армии и отправлен в Омск, откуда вывезен под охраной за границу. Эмигрант. В годы второй мировой войны в Народно-освободительной Армии Югославии, военный советник в штабе И.Б.Тито. Умер в Белграде.

Медведев А.И. (1853–?), образование: классическая гимназия, Варшавское пехотное юнкерское училище и Николаевская академия Генерального штаба. В 1914г. ординарный профессор академии Генерального штаба, генерал-майор. На службе в войсках А.В.Колчака исполнял должность главного начальника снабжений Западной армии, генерал-лейтенант, затем на преподавательской работе в академии.

Мейбом Ф.Ф. (?–1978), из обрусевших шведов, в октябре 1914г. окончил Владимирское кавалерийское училище в Петрограде. На фронте командовал батальоном, капитан. В 1918г. член тайной офицерской организации в Казани, после ее освобождения от большевиков вступил Народную армию Комуча, командир батальона 10-го Казанского стрелкового полка. В войсках А.В.Колчака сначала возглавлял батальон 49-го Сибирского полка 13-й Сибирской стрелковой дивизии, затем полк. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командовал офицерской ротой при Волжской бригаде имени В.О.Каппеля. Принимал участие в боях в Приморье, командир бронепоезда «Витязь». Эмигрант. После второй мировой войны из Китая

перебрался в США. Автор воспоминаний о Гражданской войне. Умер в Лас-Вегасе.

Милуков Ю.А. (1882–?), из потомственных дворян Тверской губернии, образование: 3 Московский кадетский корпус и Александровское военное училище. Подпоручик с 1902 г., участник русско-японской и Первой мировой войн. С ноября 1918 г. помощник командира 28-го Ирбитского горно-стрелкового полка, затем его командир. В начале 1919 г. назначен командиром 7-го Уральского горно-стрелкового кадрового полка.

Молчанов В.М. (1886–1975), образование: Елабужское реальное училище, Александровское военное училище в Москве (1906). Участник Первой мировой войны, в 1917г. капитан, командир инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Будучи раненым, в 1918г. попал в плен к немцам. После освобождения вернулся на родину в Елабугу Вятской губернии, где принял активное участие в борьбе с советской властью, возглавив отряд крестьянской самообороны. Затем вступил в Народную армию, командир 32-го Прикамского стрелкового полка, полковник. В войсках А.В.Колчака командир Ижевской бригады, впоследствии дивизии, генерал-майор. За боевые заслуги награжден орденом Святого Георгия 4 степени. В Забайкалье командир 3-го стрелкового корпуса, генерал-лейтенант. Командовал крупными соединениями белых в Приморье. Эмигрант. Автор воспоминаний о Гражданской войне. Умер в Сан-Франциско (США).

Москаленко М.И., окончил академию Генерального штаба, полковник. В январе 1919г. исполнял должность начальника штаба 2-го Уфимского корпуса, затем был назначен инспектором офицерской школы и школы подпрапорщиков Западной армии. Впоследствии руководил Челябинской учебно-инструкторской школой. Пленен частями 5-й армии красных.

Муртазин М.Л. (1891–1937), участник Первой мировой войны, в 1917г. член Временного революционного Совета Башкортостана, сторонник автономии, организатор милиции в одном из кантонов. Командовал эскадроном, затем полком в башкирских войсках. В ар-

мии А.В.Колчака возглавлял башкирскую кавалерийскую бригаду. В феврале 1919г. перешел на сторону Красной Армии, но вскоре вместе с полком вернулся назад. Вторично перешел в ряды сторонников советской власти в августе 1919г. Участвовал со своей бригадой в боевых действиях против Польши, а также в подавлении крестьянского повстанческого движения. Впоследствии являлся наркомом по военным делам БАССР, председателем Башкирского ЦИК. В 1928–1937гг. занимал пост начальника отделения по ремонту конного состава РККА. Награжден тремя орденами Боевого Красного знамени, золотыми часами, серебряной пашкой с дарственной надписью. Автор двух книг о Башкирии. Стал жертвой сталинских репрессий, арестован и расстрелян в 1937г., реабилитирован посмертно в 1956г.

Нарбут В.Д. (1873–?), образование: Владимирский Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Михайловская артиллерийская академия. В начале 1913г. полковник, штатный офицер–преподаватель Оренбургского казачьего юнкерского училища. В период Гражданской войны директор 1-го Сибирского кадетского корпуса в Омске, генерал-майор, затем в 1921–1922гг. преподавал артиллерийское дело в военном училище имени Л.Г.Корнилова на о.Русском близ Владивостока. Эмигрант.

Нарышкин А.Н., в 1918г. капитан, обер-квартирмейстер штаба 3-го Уральского армейского корпуса, затем исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба Западной армии, подполковник.

Наумов М.М. (1879–?), сын чиновника, образование: 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус, Оренбургское военное казачье училище. Служил в частях Оренбургского казачьего войска в Средней Азии. Участник Первой мировой войны. С октября 1917г. помощник командира запасного полка, в декабре вступил в борьбу с большевиками. В июне 1918г. назначен старшим адъютантом штаба Оренбургского военного округа, затем помощником командира Сакмарского полка Оренбургского казачьего войска. В августе 1918г. занимал пост помощника командира Исетско-Ставропольского полка по строевой части, вскоре получил чин полковника. С января 1919г. командир 19-

го, а затем 20-го Оренбургского казачьего полка. В Приморье возглавлял Оренбургскую казачью бригаду, генерал-майор.

Нейланд В.М., в июле 1918г. полковник, начальник 1-й Уральской дивизии в составе 3-го Уральского армейского корпуса войск Временного Сибирского правительства. Впоследствии в войсках А.В.Колчака командовал 6-й Уральской дивизией горных стрелков Западной армии, генерал-майор.

Оберюхтин В.И., окончил академию Генерального штаба, в войсках А.В.Колчака исполнял должность начальника организационного отдела Главного штаба, полковник. С мая 1919г. занимал пост генерал-квартирмейстера штаба Западной армии, затем начальника штаба, генерал-майор. Пленен частями 5-й армии красных. Впоследствии служил в РККА.

Одноглазков Г.Ф. (1871–?), окончил Донской кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В начале 1917г. генерал-майор, начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии. Служил в войсках оренбургского атамана, занимал пост генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западной армии. С декабря 1918г. являлся генералом для поручений у А.И.Дутова.

Оячков А.Н. (1866–?), из оренбургских казаков, образование: кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В 1913г. подполковник, командир 1-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона. Участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4 степени. В 1917г. генерал-майор, в войсках А.И.Дутова занимал пост инспектора артиллерии Оренбургского военного округа, затем начальник 3-й Оренбургской казачьей дивизии. С августа 1918г. инспектор артиллерии 3-го отдельного Уральского армейского корпуса, впоследствии – Западной армии.

Пепеляев А.Н. (1891–1938), образование 1-й Сибирский Омский кадетский корпус, Павловское военное училище (1910). Отличился на фронтах Первой мировой войны, командуя батальоном, на-

гражден золотым оружием. В 1918г. подполковник, один из руководителей тайной офицерской организации в Томске в период установления советской власти. Затем служил в войсках Временного Сибирского правительства, командир Средне-Сибирского корпуса, генерал-майор, награжден орденом Святого Георгия 3 степени за освобождение Сибири от большевиков летом 1918г. В войсках А.В.Колчака командовал корпусом в Сибирской армии, один из руководителей Пермской операции. Затем возглавил 1-ю армию. Участник Сибирского Ледяного похода. Эмигрант, проживал в Харбине. В 1921г. руководил неудачным походом белых дружин с целью ликвидации советской власти в Якутии, в ходе которого сдался в плен частям Красной армии. Был приговорен судом к расстрелу, замененному в 1924г. 10-летним заключением. Отбывал наказание в Ярославле, в 1936г. вышел на свободу, но вскоре вновь был арестован. В 1938г. расстрелян в Новосибирске по постановлению тройки УНКВД. Реабилитирован в 1989г.

Перхуров А.П. (?–1922), из дворян, в 1917г. полковник. Вступил в «Союз защиты Родины и Свободы» (руководитель Б.В.Савинков), участник тайной офицерской организации в Москве. Затем в июле 1918г. один из организаторов антисоветского восстания в Ярославле. После его подавления отправляется на восток страны, где поступил на службу в Народную армию Комуча, возглавлял Казанскую стрелковую бригаду. В войсках А.В.Колчака с июля 1919г. командовал особым летучим партизанским отрядом 3-й армии, генерал-майор. Пленен красными партизанами в период Сибирского Ледяного похода. Вскоре был освобожден и служил в Красной Армии в штабе Приуральского военного округа в Екатеринбурге. Но через несколько месяцев вновь арестован и отправлен в Москву, где, находясь в заключении, написал воспоминания. Расстрелян по приговору суда.

Петрановский-Белаш Г.И., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1914), в начале 1917г. капитан, старший адъютант штаба 17-й пехотной дивизии. В 1918г. начальник штаба 1-го Оренбургского казачьего корпуса в войсках А.И.Дутова, полковник.

Впоследствии, с декабря 1918г., назначен генерал-квартирмейстером штаба Юго-Западной армии. В 1919г. занимал пост начальника штаба и генерал-квартирмейстера 2-й армии войск А.В.Колчака.

Петров П.П. (1884–?), окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1913), в начале 1917г. капитан, помощник старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. Служил в управлении Поволжского военного округа до июня 1918г. Когда в Самаре была ликвидирована советская власть, поступил на службу в Народную армию Комуча, находился на штабной работе. В войсках А.В.Колчака занимал пост начальника штаба 6-го Уральского корпуса, полковник, с июня 1919г. исполнял должность дежурного генерала штаба Западной армии. Затем начальник 4-й Уфимской дивизии, генерал-майор. Участник Сибирского Ледяного похода. Впоследствии командовал дивизией 3-го Забайкальского корпуса. Принимал участие в боях за Приморье. Эмигрант, сначала проживал в Китае, затем в Японии.

Печенкин В.И. (1868–?), образование: кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. В 1913г. войсковой старшина, старший адъютант штаба Оренбургского казачьего войска. В 1918г. командир 16-го Оренбургского казачьего полка, исполнял должность начальника канцелярии управления дежурного генерала Юго-Западной армии. Затем занимал пост дежурного генерала Южной группы войск Западной армии, впоследствии Южной армии. В мае 1919г. являлся начальником отделения Главного управления по делам казачьих войск. Эмигрант.

Печенкин В.М. (1863–?), из оренбургских казаков, окончил Оренбургское юнкерское казачье училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. С августа 1914г. полковник, командир 1-го Оренбургского казачьего полка. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Командовал 1-й бригадой 2-й Оренбургской казачьей дивизии, генерал-майор. В августе 1918г. в войсках А.И.Дутова возглавил 3-ю Оренбургскую казачью дивизию. Командовал 5-м Стерлитамакским корпусом. В 1918–

1919гг. являлся атаманом 4-го округа Оренбургского казачьего войска, а также комендантом Челябинского уезда.

Печевкин Ф. (1876–?), из оренбургских казаков, образование: Оренбургское казачье юнкерское училище. Участник Первой мировой войны, имел тяжелое ранение. В войсках А.И.Дутова командовал сотней, являлся начальником штаба частей 2, 3 и 4 округов Оренбургского казачьего войска. Войсковой старшина. Являлся начальником казачьего отдела в управлении 3-го Уральского корпуса, впоследствии этот же пост занимал при штабе Западной армии. Служил дежурным штаб-офицером штаба сводного Стерлитамакского корпуса, исполнял должность дежурного генерала штаба отдельной Южной армии.

Полидоров К.П. (1882–?), из дворян, образование Псковский кадетский корпус (1898), Константиновское артиллерийское училище (1902), Военно-юридическая академия (1910). В период Первой мировой войны подполковник, следователь 1-й армии Западного фронта, с 1916г. полковник, помощник военного прокурора Петроградского военно-окружного суда. В 1918г. приехал в Омск и поступил на службу в войска А.В.Колчака. Организовал и возглавил два военно-окружных суда Западной и Сибирской армий, являлся главным военным прокурором на театре военных действий, получил чин генерал-майора. В сентябре 1919г. ушел в отставку. Эмигрант, проживал в Китае, где был арестован советской контрразведкой в 1945г. и осужден на 20 лет исправительно-трудового лагеря. В 1956г. по амнистии вышел на свободу. Последние годы жизни провел в доме инвалидов. Реабилитирован в апреле 1989г.

Половинков В.Н. (1866–?), из оренбургских казаков, окончил Оренбургское юнкерское казачье училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн, в последней помощник командира полка, полковник, награжден Георгиевским оружием. С мая 1917г. начальник штаба Оренбургского военного округа, генерал-майор.

Поляков Н.Я., участник Первой мировой войны, генерал-майор, в 1918г. начальник штаба войск А.И.Дутова, затем командовал 4-й

Оренбургской казачьей дивизией. С декабря 1918г. назначен начальником 2-й Оренбургской казачьей дивизии.

Попов В.Г. (1880–?), сын чиновника, образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (по 1 разряду). Служил в казачьих частях на Дальнем Востоке. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В начале 1918г. полковник, командир казачьих дружин, сражавшихся с красновардейскими отрядами. Затем исполнял должности генералквартирмейстера, старшего адъютанта строевого отдела штаба Оренбургского военного округа, командовал Ташкентским участком фронта войск А.И.Дутова. С октября 1918г. возглавил бригаду 4-й Оренбургской казачьей дивизии, генерал-майор. Участвовал в повстанческом движении в 1921г., командовал отрядом, пытался соединиться с силами А.Антонова. Погиб в боях с частями Красной Армии.

Пучков Ф.А., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1914), в начале 1917г. капитан, старший адъютант штаба 57-й пехотной дивизии. Служил в Народной армии. Самарского Комуча, занимался формированием частей в Уфимской губернии. В 1919г. начальник штаба 2-го Уфимского корпуса Западной армии, полковник, позднее получил чин генерал-майора, командовал 8-й Камской стрелковой дивизией. Впоследствии занимал посты начальника штаба Дальневосточной армии, войск Приморского района и крепости Владивосток, войскового атамана уссурийского казачества.

Родоман Г.Ф. (1890–1947), из крестьян Минской губернии, образование: Минское реальное училище, Виленское юнкерское училище (1910). В Первой мировой войне прошел путь от командира роты до начальника штаба дивизии, штабс-капитан. В декабре 1917г. демобилизован, поступил в академию Генерального штаба, находившуюся в Екатеринбурге. Позднее вступил в Народную армию Комуча. На штабной работе. В феврале 1919г. начальник штаба 11-й Уральской дивизии, подполковник, затем помощник начальника 2-й учебно-инструкторской школы Западной армии. Служил в Приморье в управлении Дальневосточной белой армии, полковник. С 1922г.

эмигрант. Арестован в Харбине советской контрразведкой (СМЕРШ) в октябре 1945г. Умер в лагере.

Розанов С.Н., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1897), в начале 1917г. генерал-майор, начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса. Был мобилизован на службу в красную армию, в сентябре 1918г. переходит на сторону белых. Некоторое время, до прихода к власти А.В.Колчака, являлся начальником штаба Верховного Главнокомандующего вооруженных сил Директории, генерал-лейтенант. В мае 1919г. назначен уполномоченным по сохранению государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии. С июля 1919г. командующий войсками Приамурского военного округа. Эмигрант.

Рудаков В.Г., из оренбургских казаков, окончил военное училище и академию Генерального штаба. В годы Первой мировой войны на службе в интендантском ведомстве, подполковник. В 1917г. избран депутатом войскового Круга, член правительства Оренбургского казачьего войска. Занимался вопросами снабжения армии А.И.Дутова. В 1919г. выведен из правительства за самовольные действия по установлению контактов с атаманом Г.М.Семеновым.

Рыбаков А.Н. (1861–?), образование: Оренбургская Неплюевская военная гимназия, 3-е Александровское военное училище. В 1914г. полковник, Оренбургский уездный воинский начальник. На службе у А.В.Колчака занимал пост дежурного генерала Западной армии, в мае 1919г. награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

Рычков В.В. (1867–1937), из дворян Саратовской губернии, образование: Тифлисский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище, Николаевская академия Генерального штаба (1899). Участник Первой мировой войны, командовал 202-м пехотным Горьким полком, являлся генерал-квартирмейстером штаба 1-й армии, начальником 45-й пехотной дивизии, командиром 27-го армейского корпуса, генерал-лейтенант. Уволен из армии большевиками. С апреля 1918г. член «Союза защиты Родины и Свободы». Затем в Народной армии Комуча командовал отдельным Казанским корпусом. С

октября 1918г. занимал пост начальника Тюменского военного округа. Впоследствии служил в войсках атамана Г.М.Семенова в Забайкалье. Эмигрант. Занимался политической деятельностью, в 1934-1937гг. возглавлял Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ).

Рябиков П.Ф. (1875–1932), образование: Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба (1901). Участник русско-японской кампании. В 1914г. полковник, штаб-офицер, заведующий обучением в Николаевской академии Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В начале 1917г. командир 199-го пехотного Кронштадтского полка. Преподавал в академии Генерального штаба, эвакуированной на восток страны, профессор, генерал-майор. В войсках А.В.Колчака занимал посты начальника штаба Восточного фронта, генерал-квартирмейстера. В марте 1920г. был командирован в Китай, затем – в Японию в качестве представителя Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины атамана Г.М.Семенова. Эмигрант, с 1927г. жил в Чехословакии. Руководил кружком по истории Первой мировой войны в Русском народном университете в Праге.

Савельев Н.А. (1861–?), окончил пехотное юнкерское училище в Москве. Служил в частях Уральского казачьего войска. Участник Первой мировой войны, генерал-майор (1917). В годы гражданской войны командовал Уральской армией, генерал-лейтенант. Затем возглавлял корпус, Южную группу войск 2-й армии. В 1920г. являлся командиром 1-го Забайкальского корпуса Дальневосточной армии, впоследствии возглавил эту армию. Участник боев в Приморье. С 1922г. в эмиграции.

Савич-Заблоцкий Г.А. (1859–?), образование: Петровско-Полтавская военная гимназия, Николаевское военно-инженерное училище, педагогические курсы при Главном управлении военно-учебных заведений. В 1914г. командир бригады 4-й пехотной дивизии, генерал-майор. С декабря 1918г. начальник 10-й стрелковой баш-

кирской дивизии Юго-Западной армии А.И.Дутова. В 1919г. исполнял должность начальника военно-административного управления района 3-й армии.

Сахаров К.В. (1881–1941), образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское военно-инженерное училище (Петербург), Николаевская академия Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1916г. полковник, начальник штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии. Награжден золотым оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени. Февральскую революцию встретил, находясь на службе в Ставке Верховного Главнокомандующего. Участвовал в работе Московского совещания в августе 1917г. как представитель от Союза георгиевских кавалеров. После выступления генерала Л.Г.Корнилова был арестован властями в Могилеве, но вскоре освобожден. После захвата власти большевиками отправляется из Саратова на Дон к генералу Л.Г.Корнилову, но в Астрахани задержан советскими властями, находился несколько месяцев в заключении. Затем, получив свободу, выехал в Уфу, где поступил на службу в войска Директории, произведен в генерал-майоры. Впоследствии во Владивостоке выполнял поручения военного министра колчаковского правительства. Назначен начальником учебно-инструкторской школы на о.Русском, позднее — генералом для поручений в Ставке А.В.Колчака. Занимал посты начальника штаба Западной армии, ее командующего (переименована в 3-ю армию), а также Главнокомандующего Восточным фронтом. Награжден орденом Святого Георгия 3-й степени, произведен в генерал-лейтенанты. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции находился сначала в Японии, затем — в Германии. Похоронен на кладбище Тегель в Берлине.

Сахаров Н.П. (1893–?), образование: Муромское реальное училище, учился в Московском сельскохозяйственном институте, откуда ушел на фронт Первой мировой войны, являясь прапорщиком запаса. Был награжден орденом Святого Георгия 4 степени. В 1918г. подполковник, один из руководителей антисоветского восстания в Муроме.

После его подавления в Казани вступил в Народную армию Комуча, полковник. В войсках А.В.Колчака занимал пост помощника начальника 1-й Самарской дивизии, затем возглавил ее. Руководил подавлением повстанческого движения в Кустанайском уезде, командуя отдельными частями 1-го Волжского корпуса В.О.Каппеля. С апреля 1919г. генерал-майор. В Приморье командовал Поволжской бригадой, участник Хабаровского похода. Эмигрант. Умер в Сан-Франциско (США).

Семенов Г.М. (1890–1946), из забайкальских казаков, окончил Оренбургское казачье училище (1911). В период Первой мировой войны нес службу в 1-м Нерчинском полку Забайкальского казачьего войска, отличился в боях, был награжден орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием. По заданию военного командования в 1917г. есаул Семенов начал формировать в Забайкалье монголо-бурятские воинские части. Вскоре включился в борьбу против советской власти. В 1918г. стал войсковым атаманом Забайкальского казачьего войска, являлся командиром 5-го Приамурского корпуса, полковник. Первоначально не признал власть А.В.Колчака. Командовал Отдельной Восточно-Сибирской армией. После нормализации отношений с Омским правительством произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен командиром 6-го корпуса, помощником командующего войсками Приамурского военного округа, утвержден в звании походного атамана Дальневосточных казачьих войск. Действовал во многом в интересах Японии. Затем возглавлял все вооруженные силы белых на Дальнем Востоке. С захватом Красной Армией Забайкалья эмигрировал в Маньчжурию. Здесь тесно сотрудничал с японскими властями, вел активную антисоветскую работу, возглавлял Дальневосточный Союз казаков в эмиграции. Автор мемуаров. В 1945г. арестован советской контрразведкой СМЕРШ в Дайрене. После судебного процесса в Москве казнен.

Серов М.Г. (1866–1920), образование: Уфимское землемерное училище, Оренбургское юнкерское казачье училище, Николаевская академия Генерального штаба (по 2 разряду в 1906г.). Участник рус-

ско-японской войны. Накануне Первой мировой войны исполнял должность атамана 2-го отдела Оренбургского казачьего войска, полковник. Участник Первой мировой войны, командовал казачьими полками, генерал-майор (1917). В 1918г. назначен начальником 2-й Оренбургской казачьей дивизии в войсках А.И.Дутова. Затем стал начальником штаба Оренбургского армейского корпуса. Взят в плен частями Красной Армии, расстрелян в Омске.

Смирнов М.И. (1880–?), морской офицер, в период Первой мировой войны участвовал в боевых действиях на Балтике, командир эскадренного миноносца, затем начальник штаба Черноморского флота. Позднее возглавил морской отдел Русского заготовительного комитета в США. В августе 1918г. контр-адмирал, командующий Волжской флотилией. С ноября 1918г. назначен управляющим морским министерством в Омском правительстве. В апреле 1919г. стал командующим Камской флотилией. Эмигрант.

Смирных А.В. (?–1920), из оренбургских казаков, окончил Оренбургское юнкерское казачье училище, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1914–1917гг. командовал сотней 11-го Оренбургского казачьего полка, есаул. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1918г. войсковой старшина, атаман 3-го округа Оренбургского казачьего войска, уполномоченный командира 3-го Отдельного Уральского армейского корпуса по охране государственного порядка в Троицком уезде. В период Сибирского Ледяного похода ранен в конной атаке. Застрелился.

Смолин И.Н. (1881–?), окончил Иркутское военное училище (1901). Участник Первой мировой войны, командовал ротой, батальоном в 4-м Финляндском стрелковом полку, полковник (1917). В боях с большевиками командовал отрядом, действовавшим в районе Туринска. Затем командовал дивизиями в войсках А.В.Колчака, генерал-майор. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье стал начальником дивизии 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии. В Приморье являлся командиром 2-го стрелкового корпуса Белоповстанческой армии. С 1922г. в эмиграции в Китае.

Сорочинский Н.Г., из дворян, в 1908–1910 гг. заведовал переселенческой частью Челябинска, поручик. В период Первой мировой войны служил в управлении челябинского уездного воинского начальника, помощник командира 163-го запасного стрелкового полка. В 1918 г. один из организаторов свержения советской власти в Челябинске, начальник гарнизона и председатель военного совета, полковник. В войсках А.В.Колчака возглавлял военно-полевой суд Западной армии, затем командовал Челябинским партизанским отрядом в составе 3-й армии.

Старк Ю.К. (1879–1950), окончил Морской кадетский корпус (1898), служил на крейсере «Аврора», участник Цусимского сражения (1905). В период Первой мировой войны капитан 1-го ранга, командир эскадренного миноносца «Страшный», воевал на Балтике. За бой в районе о. Моонзунд в 1917 г. произведен в контр-адмиралы. После захвата власти большевиками оставил службу на флоте, прибыл в августе 1918 г. в Казань, где поступил добровольцем в Народную армию Комуча, возглавил Волжскую флотилию. В войсках А.В.Колчака назначен командиром бригады, а затем дивизии морских стрелков, которая сражалась на сухопутном фронте. Участник Сибирского Ледяного похода, переболел тифом. Некоторое время жил и лечился в Харбине. Затем, весной 1921 г. возглавил Сибирскую флотилию в Приморье, являлся начальником тыла у генерала М.К.Дитерихса. Руководил эвакуацией белых на судах из Владивостока в октябре 1922 г. Эмигрант, жил в Париже. В период второй мировой войны и оккупации Франции отказался в любой форме сотрудничать с нацистами. После войны был избран председателем Всезарубежного Объединения морских офицеров. Умер в Русском доме под Парижем.

Степанов Н.А. (1869–1949), образование: кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Николаевская академия Генерального штаба (1900), офицерская кавалерийская школа. Участник русско-японской кампании. Накануне Первой мировой войны полковник, начальник штаба 6-й кавалерийской дивизии. В начале 1917 г. генерал-майор, начальник военно-сухопутного управления

штаба Балтийского флота. С приходом к власти А.В.Колчака назначен военным министром Омского правительства. На этом посту находился до мая 1919г.

Сукин Н.Т., из дворян, образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба (1908). В начале 1917г. полковник, старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии. Затем начальник штаба 3-го Уральского армейского корпуса войск Временного Сибирского правительства, с сентября 1918г. генерал-майор. Впоследствии, до июня 1919г., командовал 3-м Уральским корпусом Западной армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Эмигрант. В 1920г. вместе с братом А.Т.Сукиным (бывший командир казачьего полка) откликнулся на призыв советского руководства поступить на службу в красную армию, выехал в Советскую Россию.

Сумароков Е. Н., окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в 1918г. руководитель тайной офицерской организации в Томске. После освобождения города от большевиков некоторое время являлся начальником гарнизона. Затем назначен инспектором артиллерии Средне-Сибирского корпуса. В войсках А.В.Колчака начальник штаба 3-го Уральского корпуса, подполковник. Пленен частями 5-й армии красных.

Сурин В.И. (1875-1967), окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в 1917г. генерал-майор, являлся начальником канцелярии военного министерства Временного правительства. Затем на преподавательской работе в академии Генерального штаба. Являлся помощником военного и морского министра Временного Всероссийского правительства (Директории) по снабжению и технической части. С приходом к власти А.В.Колчака временно исполнял должность военного министра Омского правительства, затем был назначен помощником начальника Главного штаба по снабжению и технической части, генерал-лейтенант. Эмигрант.

Сурин А.А. (1877–?), из семьи офицера, уроженец Петербургской губернии, образование: Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (1914). Участник русско-японской и Первой мировой войны. В октябре 1917г. являлся начальником контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа, подполковник. Затем служил у большевиков в качестве начальника статистического отдела мобилизационного управления штаба Уральского военного округа. После оставления Екатеринбурга красными служил в академии Генерального штаба. Впоследствии генерал-майор, являлся начальником штаба Северной группы войск Сибирской армии, а затем – Средне-Сибирского армейского корпуса.

Тимашев Л.П. (1864–?), из дворян, образование: Оренбургская военная гимназия, Александровское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду). Участник Первой мировой войны, награжден орденом Святого Георгия 4 степени и Георгиевским оружием, генерал-майор (с 1914г.), командир 1-го Оренбургского казачьего полка. В годы Гражданской войны занимал пост начальника управления учебных заведений военного ведомства Оренбургского военного округа, с августа 1918г. генерал-лейтенант. Затем возглавлял этапно-хозяйственный отдел штаба Юго-Западной армии, являлся помощником атамана Оренбургского казачьего войска.

Тимирев С.Н. (1876–1932), окончил морской кадетский корпус (1895). Морской офицер, участник русско-японской и Первой мировой войн. В последнюю служил в штабе Балтийского флота, затем командовал крейсером «Баян», контр-адмирал. В начале 1918г. уволен большевиками в отставку. С ноября 1918г. командовал морскими силами белых на Дальнем Востоке. Впоследствии назначен помощником Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерала Д.Л.Хорвата. Эмигрант, жил в Шанхае. Работал капитаном на морских судах. Умер от рака горла. Похоронен на русском кладбище Лу-Кавэй.

Толстов В.С. (1884–1956), из уральских казаков, окончил Николаевское кавалерийское училище (1905). Участник Первой мировой войны, награжден орденом Святого Георгия 4 степени, командир 4-го Уральского казачьего полка. В годы Гражданской войны стал войсковым атаманом уральского казачества (1919), генерал-лейтенант. Командовал Отдельной Уральской армией. После ее разгрома совершил с остатками войск и беженцами тяжелый поход вдоль берегов Каспия. Эмигрант, жил в Персии, Франции, Австралии (с 1942г.).

Тонких И.В., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1908), с 1917г. полковник, командир 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска. В мае 1919г. начальник штаба Южной группы войск Западной армии, затем возглавлял штаб Отдельной Южной армии, генерал-майор.

Торейкин С.М. (1880–?), из мещан Симбирской губернии, образование: Пермское реальное училище, Казанское юнкерское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн, в последней награжден Георгиевским оружием. Полковник, с августа 1918г. командир 5-го Екатеринбургского полка горных стрелков. С января 1919г. начальник 7-й Уральской дивизии горных стрелков, генерал-майор.

Тыртов М.А. (1864–?), образование: Полоцкий кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Александровская военнo-юридическая академия (по 1 разряду). Накануне Первой мировой войны генерал-майор, военный судья Приамурского военнo-окружного суда. В 1919г. председатель Курганского военнo-окружного суда, генерал-лейтенант.

Унгерн-Штернберг Р.Ф. (1885–1921), из обрусевших австрийцев, барон, окончил Павловское военное училище (1908), служил в Забайкальском казачьем войске. Участник Первой мировой войны, командир сотни 1-го Нерчинского полка, есаул, награжден орденом Святого Георгия. В 1917г. отчислен из армии за драку. С сентября 1918г. начальник Азиатской дивизии, расположенной на станции Даурия, в войсках атамана Г.М.Семснова, произведен последним в генерал-майоры. В октябре 1920г. самовольно отправился с дивизией

в Монголию, где захватил ее столицу Ургу, установив там режим террора и насилия. Предпринимает военные вылазки на территорию Дальне-Восточной Республики, но, покинутый своими подчиненными, оказался в плену. После показательного судебного процесса в Новоиколаевске расстрелян по приговору чрезвычайного трибунала.

Федичкин Д.И. (1885–1966), образование: Оренбургское реальное училище, Казанское пехотное юнкерское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В последней воевал на Кавказском фронте, командовал ротой. Награжден орденом Святого Георгия 4 степени. В 1918г. состоял в одной из антибольшевистских организаций в Казани, после ее разгрома приехал в Ижевск. Стал одним из руководителей восстания против советской власти в августе 1918г., занимал пост командующего Ижевской Народной армией, затем Прикамской Народной армией, полковник. По причине разногласий сдал командование, и уехал в Уфу, где вступил в Сибирскую армию. Занимал пост коменданта Томска. С мая 1919г. помощник начальника Ижевской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. Эмигрант, проживал в Китае и США.

Федорович М.И. (1872–1936), окончил морской кадетский корпус (1892), Николаевскую морскую академию (1913). В период Первой мировой войны служил на Черноморском флоте, командовал канонерской лодкой «Кубанец», линкорами «Император Александр III», «Евстафий», занимал пост начальника штаба военно-морской базы Севастополя. В апреле 1917г. получил ранение от взбунтовавшихся матросов. Ушел в отставку. В войсках Временного Сибирского правительства исполнял должности начальника гарнизона и коменданта Томска, затем Красноярска. Являлся начальником технического управления морского министерства колчаковского правительства, занимался формированием Камской военной речной флотилии. Контр-адмирал. После ухода адмирала С.Н.Тимирева командовал морскими силами колчаковцев на Дальнем Востоке. В 1920-1922гг. возглавлял морское управление и руководил боевыми флотилиями на Дальнем

Востоке. Эмигрант, жил в Китае. Похоронен на русском кладбище Лу-Кавэй в Шанхае.

Филатьев Д.В. (1866–1932), образование: 2-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду в 1898г.). Участник русско-японской кампании. С 1912г. генерал-майор. Накануне Первой мировой войны являлся делопроизводителем канцелярии военного министерства и экстра-ординарным профессором Николаевской академии Генерального штаба. В 1917г. генерал-лейтенант. С октября 1919г. на службе в Ставке А.В.Колчака. Эмигрант, жил во Франции. Умер в Ницце.

Ханжин М.В. (1871–1961), из семьи казачьего офицера, образование: Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), Михайловская артиллерийская академия (1899), офицерская артиллерийская школа (1903). Участник русско-японской войны, отличился в боях, награжден орденом Святого Георгия 4 степени. С 1914г. генерал-майор. За годы Первой мировой войны прошел путь от командира артиллерийской бригады до полевого генерал-инспектора артиллерии при штабе Верховного Главнокомандующего. Награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 3 степени, чином генерал-лейтенанта (за Луцкий прорыв 1916г.). С приходом к власти большевиков вскоре был уволен из армии. В июле 1918г. поступает на службу в войска Временного Сибирского правительства, командует 3-м Уральским армейским корпусом. После установления власти А.В.Колчака занимал пост командующего Западной армии, за успешное наступление которой пожалован чином генерала от артиллерии (май 1919г.). Но вскоре, после ряда военных поражений и сдачи Уфы, уходит с поста командующего армией. В октябре 1919г. назначен военным министром Омского правительства. С падением власти А.В.Колчака эмигрировал в Китай, где возглавлял некоторое время Дальневосточный отдел РОВС. Арестован советской контрразведкой СМЕРШ в 1945г. в Дайрене. По приговору Особого Сопсования при МГБ СССР, приговорен к 10-летнему

тюремному заключению. В 1954г. по амнистии вышел на свободу. Умер в Джамбуле в декабре 1961г. Реабилитирован в июне 1992г.

Христиани Г.Г. (1863–?), образование: Пажеский корпус, Николаевская академия Генерального штаба (по 1 разряду). С 1903г на преподавательской работе в академии Генерального штаба, в 1913г. получил чин генерал-лейтенанта. В период правления А.В.Колчака служил в академии.

Шемстов А.С. (1882–?), из оренбургских казаков, окончил Оренбургское юнкерское казачье училище. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1917г. войсковой старшина. Возглавил сформированный оренбургскими казаками в 1918г. Петропавловский добровольческий полк. В 1919г. назначен начальником 4-й Оренбургской казачьей дивизии колчаковских войск, генерал-майор.

Шишкин В.Н. (1862–?), из дворян Рязанской губернии, образование 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище, офицерская кавалерийская школа, Николаевская академия Генерального штаба. Служил в конных полках Оренбургского казачьего войска. Участник русско-японской войны. Полковник с 1909г. На фронтах Первой мировой войны командовал казачьей дивизией. В июле 1918г. назначен начальником 2-й Оренбургской казачьей дивизии. После неудачной операции по окружению партизанского соединения В.К.Блюхера, по ходатайству войскового правительства, стал заведовать коневодством Оренбургской губернии и Тургайской области. Впоследствии инспектор «ремонтной комиссии запасов», пленен частями 5-й армии красных в начале 1920г.

Щепихин С.А., окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1908). В начале 1917г. полковник, старший адъютант отделения генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, командовал 2-м Уральским казачьим полком. Начал борьбу с советской властью в частях Уральского казачьего войска, являясь начальником штаба всех его формирований. Затем служил в Народной армии Комуча, начальником штаба Самарской группы войск. В войсках А.В.Колчака начальник штаба Западной армии, генерал-майор, с июля 1919г. руко-

водил снабжением Южной армии. С января 1920г. — начальник штаба Главнокомандующего войсками адмирала А.В.Колчака. В мае 1920г. оставил пост и выехал из Читы. В качестве эмигранта проживал в Турции, затем — в Чехословакии, где занимался литературным трудом.

Юрьев Б.А., окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в начале 1917г. капитан, штаб-офицер для поручений управления генерал-квартирмейстера штаба помощника Главнокомандующего Румынским фронтом. Служил в войсках А.В.Колчака в качестве начальника штаба Волжской дивизии, подполковник, пленен частями 5-й армии красных.

Юрьев Г.Н., из киевских помещиков, окончил Михайловское артиллерийское училище, служил в 5-й Сибирской артиллерийской бригаде. В 1918г. капитан, руководитель Ижевско-Воткинского восстания. Затем возглавил Воткинскую дивизию в войсках А.В.Колчака. В марте 1919г. награжден орденом Святого Георгия 4 степени и чином полковника.

Язвин К.Г. (1885–?), сын генерала, уроженец Петроградской губернии, образование: 2-й кадетский корпус, Павловское военное училище и Николаевская академия Генерального штаба (1912). Подполковник (1915). В 1917г. штаб-офицер для поручений при штабе 31-го армейского корпуса, затем занимал посты начальника штаба дивизий, штаб-офицера для поручений в управлении отдела 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. С августа 1918г. служил в Народной армии Комуча штаб-офицером для поручений при штабе начальника гарнизона Казани, затем — старшим адъютантом штаба отдельного Казанского корпуса. При Директории стал старшим адъютантом строевого отделения штаба Тюменского военного округа. В 1919г. исполнял должность генерал-квартирмейстера штаба Южной группы войск Западной армии, затем был назначен старшим адъютантом штаба Тюменского военного округа.

Язвин Ф.К. (1856–?), образование: Костромская классическая гимназия, 1-е Павловское военное училище. Участник русско-

турецкой (1877–1878), русско-японской войны. В 1914г. начальник 41-й стрелковой дивизии, генерал-лейтенант. В войсках А.В.Колчака исполнял должность главного начальника Курганского военного округа, затем возглавлял гарнизон Кургана, являлся уполномоченным по охране государственного порядка по Курганскому уезду.

Биографические данные составлены по:

ГА РФ Ф.176; 5881

РГВА. Ф.185; 39499; 39466; 39502; 39506; 39512; 39606; 39624; 39625; 39778; 39996; 40028; 40215

ГАОО. Ф.1912.

Красная книга ВЧК.– М.,1990. – Т.1.

Список генералам по старшинству, составлен по 15 апреля 1914 г.– Пг.,1914.

Список Генерального штаба. Исправлен по 3 января 1917 г.– Пг.,1917.

Список подполковникам по старшинству, составлен по 15 мая 1913 г.– СПб.,1913. – Ч.1.

Список полковникам по старшинству, составлен на 1 марта 1913 г.– СПб.,1913. – Ч.1.

Список полковникам по старшинству, составлен на 1 марта 1914 г.– СПб.,1914. – Т.1.

Урал и Прикамье (ноябрь 1917г. – январь 1918г.). Народное сопротивление коммунизму в России. Док. и мат.– Париж,1982.

Русская армия (Омск). – 1919.– 4 мая, 6 июля, 12 сентября.

Сибирский стрелок (изд. штаба Западной армии). – 1919.–16 февраля, 19 марта.

Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск,1999.

Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. – Шанхай,1937.

Апрелков А.В., Попов Л.А. Казачий генерал Зусв: из истории Ледового похода Сибирской белой армии // Вестник Челябинского университета.– Серия1.– История.– 1994.– № 1.

Алтекарь П. «С бабами и детьми не воевал». Воинский путь генерала Каппеля // Родина. –1997.–№ 7.

Баканов В.П. Атаман «любимый и доблестный» // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. – Челябинск,1994.

Башкортостан. Крат. энциклопедия. – Уфа,1996.

Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб.,1993.

- Бушин А.Ю. Во имя России: генерал-лейтенант Г.А.Вержицкий // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург).– 2000.– № 7.
- Бушин А.Ю. Из Западной Европы в Сибирь: пополнение офицерскими кадрами армий адмирала А.В.Колчака // История Белой Сибири. Тез. конф. – Кемерово, 1999.
- Войнов В.М. Генерал Каппель // Волга (Саратов).– 1991.– № 4.
- Войнов В.М. Жизнь и смерть атамана Дутова // Уральский следопыт (Екатеринбург).– 1993.– № 3.
- Волков Е.В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В.Ханжина. – Екатеринбург, 1999.
- Гания А.В. Генерал-майор И.Г.Акулинин // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург).– 2000.– № 8.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия.– М., 1987.
- Дворянов Н.В., Дворянов В.Н. В тылу Колчака.– М., 1966. Денисов С.В. Белая Россия.– СПб., 1991. – Альбом № 1.
- Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории.– 1991.– № 1.
- Еленевский А. Военные училища в Сибири. 1918–1922. // Военная быль (Париж).– 1963.– № 63; 1964. – № 65.
- Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. – Харбин, 1937.
- Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. – М., 1983.
- Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. – М., 1988.
- Какурин Н.Е. Как сражалась революция.– М., 1990. – Т.2.
- Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь (Прага).– 1928. – № 4.
- Клавинг В.В. Белая гвардия. Энциклопедический справочник.– СПб., 1999.
- Клавинг В.В. Кто был кто в белой гвардии и военной контрреволюции.– СПб., 1998.
- Колпакиди А. Белые латышские стрелки // Родина.– 1996.– № 1.
- Конкин П. Дело генерала А.Н.Пепеляева // Напа земля (Иркутск).– 1994.– 26 марта.
- Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны // Дисс ... докт. ист. наук.– Екатеринбург, 1998.
- Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию.– М., 2000. – Кн. 1–2.
- Масянов Л. Гибель Уральского казачьего войска.– Нью-Йорк, 1963.
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае. 1917–1924.– М., 1997.
- Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака.– Белград, 1930. – Ч.1–3. Т.1–2.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. В шести томах. – М., 1999. – Т.1–2.
- Плотников И.Ф. А.В.Колчак. Жизнь и деятельность.– Ростов н/Д., 1998.
- Сахаров К.В. Белая Сибирь.– Мюнхен, 1923.
- Семенов В.Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска.– Оренбург, 1992.
- Смирнов С.В. Две судьбы // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург).– 1999.– № 6.

- Степанов А.П. Симбирская операция // Белое дело.– Берлин, 1926. – Т. 1.
- Трукан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история.–1999.– № 6.
- Уральская историческая энциклопедия.– Екатеринбург, 1998.
- Федорович А. Генерал Капель. – Мельбурн, 1967.
- Федуленко В. Памяти командующего Сибирской флотилией контр-адмирала Старка // Военная быль (Париж).–1960.– № 44.
- Филюмонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака.– М., 1997.
- Шалагинов В. Крах атамана Анненкова // Неотвратимое возмездие.– М., 1984.
- Шудяков В.А. Вожди белоказаков Сибирского войска: краткие биографические справки // Белая армия. Белое дело (Екатеринбург).–1999.– № 6.
- Юзефович Л.А. Самодержец пустыни.– М., 1993.

СОЧИНЕНИЯ ОФИЦЕРОВ, СЛУЖИВШИХ В ВОЙСКАХ А.В.КОЛЧАКА

Акинтьевский К.К.

К истории Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. (рукопись).

Акулинин И.Г.

Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. – Берлин, 1927. – Т.2.

Ермак и Строгановы: историческое исследование по сибирским летописям и царским грамотам. – Париж, 1933.

Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. – Шанхай, 1937.

Андогский А.И.

Военно-географическое исследование Афганистана, как района наступательных операций Русской армии. СПб., 1908.

Служба связи в бою пехотного полка. СПб., 1908.

Учебник элементарной тактики. СПб., 1909.

Военно-исторические примеры к лекциям по «Службе Генерального штаба». СПб., 1914.

Встречный бой. Пг., 1918.

История академии Генерального штаба за 1917–1918 гг. (рукопись) // РГВА. Ф.33892.

Как создавалась Красная армия Советской России: уроки недавнего прошлого. Критико-исторический очерк. Владивосток, 1921.

Антонович А.Т.

Дневник. 1918–1922 гг. (рукопись) // РГВА. Ф.33892.

Будберг А.П.

Дневник // Архив русской революции. – М., 1991. – Кн.6. Т.12–13; Кн.7. Т.14.

Випивевский Е.К.

Аргонавты белой мечты. – Харбин.,1933.

Войцеховский С.Н.

Дневник // ГА РФ. Ф.5881.

Волегов И.К.

Воспоминания о Ледяном походе. – Донденонг, 1988.

Вырыпаев В.О.

Записки // Первопоходник (Лос-Анджелес). –1974. – №19.

Гайда Р.

Ideologie československo fašismu. – Praha,1931.

Moje Paměti. – Brno,1996.

(на чешском языке)

Головин Н.Н.

1812 год. Отечественная война и ее герои. – СПб.,1896.

Исследование боя. Исследование деятельности свойств человека как бойца. – СПб.,1907.

Французская высшая военная школа. – СПб.,1910.

Введение в курс тактики. – Спб.,1911.

Служба Генерального штаба. – СПб.,1912. – Вып.1.

Опыт применения прикладного метода при обучении тактике в Императорской Николаевской военной Академии. – СПб.,1912.

Авиация в минувшую войну и в будущую Прага,1922.

Тихоокеанская проблема в XX столетии. – Прага,1924 (в соавторстве с А.Бубновым).

Лекции генерала Головина, составленные для курсов высшего самообразования. – София,1924 (рукопись).

Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы: общие основания. – София,1924.

К чему идет Великобритания? Стратегическое исследование. – Рига, б.г.

Тактика в задачах: атака укрепленной позиции. – Берлин,1925.

Танки в минувшую войну и в будущую. – Прага,1925.

Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. – Париж, 1926–1936.
– Т.1–3.

Суворов и его «наука побеждать». – Париж, 1931.

Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. –
Белград, 1934.

Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. – Париж, 1937. – Ч.1–5.
Кн.1–12.

Наука о войне: О социологическом изучении войны. – Париж, 1938.

Военные усилия России в мировой войне. – Париж, 1939. – Т.1–2.

Гоппер К.И.

Четыре разгрома (рукопись) // ГА РФ. Ф.5881.

Дитерихс М.К.

Несколько страниц из боевой деятельности 52 Драгунского
Нежинского (ныне 18-го гусарского) полка в кампанию 1904–1905 гг.
– Елец, 1908.

Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. –
Владивосток, 1922.

Енборисов Г.В.

От Урала до Харбина. – Шанхай, 1932.

Ефимов А.Г.

Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками. 1918–1920. –
Конкорд, 1975.

Занкевич М.И.

Молдавский театр. Военно-статистический очерк. – СПб., 1908.

Добруджа. Военно-географический и военно-статистический очерк. –
Пг., 1918.

Зув А.В.

Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. – Харбин, 1937.

Иностранцев М.А.

Очерки быта и обучения французской пехоты. – СПб., 1902.

Отечественная война 1812 г. Операции 2-й Западной армии князя
Багратиона: от начала войны до Смоленска. – СПб., 1914.

Германский империализм и пангерманизм, как причины Всемирной войны 1914–1918 гг. – Б.м., б.г.

Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого (рукопись) // ГА РФ. Ф.5960.

Вооруженные силы, планы сторон и стратегическое развертывание на русском фронте в мировую войну. – Белград, 1931.

История, истина и тенденция: по поводу книги генерал-лейтенанта К.В.Сахарова «Белая Сибирь». – Прага, 1933.

Ипатович-Горанский А.И.

Полевая фортификация. Часть прикладная. –СПб., 1901.

Конно-саперное дело. Порча и разрушение сооружений и орудий. – СПб., 1902.

Краткий курс применения полевой фортификации к местности. – СПб., 1903.

Конно-саперное дело. Курс кавалерийских училищ. –СПб., 1908.

Карликов В.А. (в соавторстве с другими)

Нингутинское футудунство. (Материалы по военно-стратегическому описанию Маньчжурии). – Хабаровск, 1903.

Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей. – СПб., 1903.

Кирилов А.А.

Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь (Прага). – 1928. – №4.

Ледяной поход генерала Каппеля по Сибири. Мемуары участника похода (рукопись) // ГА РФ. Ф.5793.

Колчак А.В.

Последняя экспедиция на о. Беянетта, снаряженная Императорской Академией наук для поисков барона Толля // Известия Императорского Русского географического общества. – СПб., 1906. – Т.13.

Лед Карского и Сибирского морей // Записки Академии наук. Серия 8. Физико-математическое отделение. – Т.26. №1. Научные результаты

полярной экспедиции в 1900–1903 гг. под началом барона Э.В.Толля.
– СПб.,1909.

Колюбакин Б.М.

Эриванский отряд в кампанию 1877–1878гг. – СПб.,1893–1895. –
Ч.1–2.

Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампании 1877–
1878гг. – СПб.,1897.

Конспект лекций курса прикладной тактики по отделам организации
войск и боевых действий пехоты. – СПб.,1899.

Набег Дорохова на Смоленскую дорогу с 9 по 14 сентября 1812 г.
Эпизод из сентябрьских событий кампании 1812 г. – СПб.,1900.

Ведение боя на почве постановки вопроса в германской армии. –
СПб.,1903.

Свойства и боевое употребление скорострельной артиллерии. –
СПб.,1905.

Русско-турецкая война в 1877-1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. –
СПб.,1906-1908. Ч.1-2.

Военная география. Лекции. – СПб.,1908 (в соавторстве с
Г.Г.Гиссером).

Конспект русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – СПб.,1908.

Полтава. – СПб.,1909 (в соавторстве с Н.Юнаковым).

Учение о бое. – СПб.,1910.

Прейсиш-Эйлауская операция (26–27 января 1807 г.). – СПб.,1911.

Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение. –
Б.м.,1912. – Кн.1–3.

Пушкин в Малой Азии. – Пг.,1916.

На Малоазиатском театре всемирной войны 1914–1916 гг. – Пг.,1917.

Организация войск. По лекциям прикладной тактики. – Пг.,1917.

История военного искусства. – Томск,1919. – Вып.1.

Кай Юлий Цезарь. Владивосток,1922.

Коханов Н.И.

Фортификационные постройки пещерного типа на пересеченной
местности. – СПб.,1909.

Полевая фортификация. Часть элементарная. – СПб., 1913.

Полевая фортификация. Укрепление позиций. – СПб., 1914.

Борьба за современную крепость. (Тактико-фортификационное исследование). – СПб., 1914.

Войсковой инженерное дело. Полевая фортификация. – М., 1925–1926. – Ч. 1–3.

Инженерная подготовка государств к обороне. – М.–Л., 1928.

Подземные защитные постройки. – М., 1931.

Лохвицкий Н.А.

Бой при Вафангоу 1 и 2 июня 1904 г. – СПб., 1905.

О посредниках на маневрах. Положение вопроса у нас и в иностранных армиях. – СПб., 1911.

Матковский А.Ф.

Разведывательная деятельность конницы и взгляды на нее в России, Германии и Франции. – СПб., 1910.

Самостоятельные действия крупных сил конницы на крыльях и в тылу неприятельских армий. – СПб., 1911.

Лекции по тактике конницы. – СПб., 1911.

Конница. – СПб., 1913–1914. – Ч. 1–3.

Медведев А.И.

Служба Донского войска в связи с его экономическим положением. – М., 1899.

Бой (сражение) в Наполеоновскую эпоху и кампанию 1870–1871 гг. – СПб., 1904.

Дальний Восток. Краткий военно-стратегический очерк театра русско-японской войны. – СПб., 1904.

Военно-статистическое обозрение пограничных театров. – СПб., 1908. – Вып. 1.

Персия. Военно-статистическое обозрение. – СПб., 1909.

Конспект курса военной статистики России. – СПб., 1910.

География России. Руководство для офицеров, поступающих в Николаевскую военную академию. – СПб., 1910.

Военная статистика России. Курс старшего класса Императорской Николаевской военной академии. – СПб., 1913. – Т.1.

Мейбом Ф.Ф.

Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под Челябинском в 1919 г. // Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №17,18.

Молчанов В.М.

Борьба на востоке России и в Сибири // Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №17,18,19,20.

Муртазин М.Л.

Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. – Л., 1927.

В Красной Башкирии. – М.–Л., 1929.

Оберюхтин В.И.

Операция под Камбрэ в 1917 г. – М., 1937.

Перхуров А.П.

Исповедь приговоренного. – Рыбинск, 1990.

Петров П.П.

От Волги до Тихого океана в рядах белых. – Рига, 1930.

Роковые годы. – Франкфурт, 1965.

Пучков Ф.А.

8-я Камская стрелковая дивизия // Военная быль (Париж). – №51–52.

Рябиков П.Ф.

Разведывательная служба в мирное и военное время. – Б.м., б.г. – Ч.1–2

У адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф.5799.

Ледяной поход армий Восточного фронта зимой 1919–1920 года (рукопись) // ГА РФ. Ф.5793.

Сахаров К.В.

История Японии. – Токио, 1920.

Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923.

Чешские легионы в Сибири: (Чешское предательство). – Берлин, 1930.

Обзор русской истории (рукопись)

Константин Леонтьев (рукопись)

Семенов Г.М.

О себе: Воспоминания, мысли, выводы. – Б.м., 1938.

Смирнов М.И.

Адмирал Александр Васильевич Колчак. – Париж, 1930.

Памяти адмирала А.В.Колчака // Морской журнал (Прага). – 1930. – №1.

Степанов Н.А.

Что необходимо нашей коннице. – СПб., 1910.

Наставление для ведения практических занятий по тактике в поле с юнкерами младшего класса. – М., 1912.

Сборник военно-исторических примеров к курсу тактики военных училищ. – М., 1912.

Сурия В.И.

Горные войска и действия в горах. По опыту французских специальных горных войск. – СПб., 1912.

Федичкин Д.И.

Записки // Первопоходник (Лос-Анджелес). – 1974. – №17.

Филатьев Д.В.

Конспект по тактике для военных и юнкерских училищ. – Вильна, 1901.

Полевое управление войск. Наше «Положение» 1890 г. и применение его в войну 1904–1905 гг. – СПб., 1912.

Катастрофа Белого движения в Сибири. – Париж, 1985.

Хартлинг К.Н.

На страже Родины. События во Владивостоке, конец 1919 г. – начало 1920 г. – Шанхай, 1935.

Христиани Г.Г.

Австро-Венгрия. Военно-статистическое обозрение восточных областей. – СПб., 1899. – Ч.1.

Военный обзор восточных областей Германии и Австро-Венгрии. – СПб., 1905–1906. – Ч.1–2.

Военный обзор Северо-Западной Индии. – СПб., 1906 – 1907.

Вып.1-2.

Военный обзор Румынии. – СПб., 1908.

Военный обзор Австро-Венгрии. – СПб., 1909.

Военный обзор Германии. – СПб., 1909.

Конспект военной статистики иностранных государств. – СПб., 1909.

Военный обзор Галицийского театра. – СПб., 1910.

Всеобщая география. Руководство для офицеров, поступающих в Николаевскую военную академию. – СПб., 1912–1914. – Вып. 1–5.

Главнейшие вопросы международной политики и мирового хозяйства. – Томск, 1919.

Щепихин С.А.

Отчет о поездке в Тарбагатайский округ Западного Китая летом 1912г. – Омск, 1913.

Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. – Омск, 1913.

Тридцать два месяца в штабе 3-й русской армии. На фронте мировой войны (1914–1917) (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Штаб 3-й армии в Великую войну (Галицийский период) (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Сибирь при Колчаке (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Конец Белого движения в Сибири (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Японская интервенция (рукопись) // ГА РФ. Ф. 6605.

Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге. – Прага, 1930. – Вып. 1.

Принятые сокращения

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

РГВА – Российский государственный военный архив

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ОГАЧО – Объединенный архив Челябинской области

Ф. – фонд; Оп. – опись; Д. – дело; Л. – лист.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Офицерский корпус:	
особенности формирования, состав, идеология	
Глава первая. Источники комплектования офицерского корпуса и его состав	31
Глава вторая. Подготовка командных кадров	65
Глава третья. Самосознание и политические взгляды колчаковских офицеров	95
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Колчаковские офицеры	
на фронте и в тылу	
Глава четвертая. Офицеры в действующей армии	133
Глава пятая. Тыл колчаковских войск	197
Глава шестая. Материальное положение и быт офицеров	251
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
ПРИЛОЖЕНИЯ	272

Евгений Владимирович Волков

КОЛЧАКОВСКИЕ ОФИЦЕРЫ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Монография

Техн. редактор А.В. Миших

Издательство Южно-Уральского государственного университета

ИД № 00200 от 28.09.99. Подписано в печать 11.05.2001. Формат 60×84 1/16.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 18,83. Уч.-изд. л. 15,53. Тираж 300 экз. Заказ 134/70.
Цена С.

Группа МЭНП Издательства. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.

